ISSN 2587-9510 (print)
ISSN 2782-4632 (online)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

№ 2 (57) 2025

- Лингвистика
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология
- Журналистика в историко-теоретическом аспекте
- Язык СМИ
- События, обзоры, рецензии

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

№ 2 (57) 2025

- Linguistics
- Literary text: aspects of study
- Language and culture studies
- Intercultural communication
- Concept studies
- Journalism in historical and theoretical aspect
- Language of mass media
- Events and reviews

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-70532 от 25.07.2017.
Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.
Журнал выходит четыре раза в год.
Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» 34121.
Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – С.А. Скуридина, доктор филологических наук
Заместитель главного редактора – Л.В. Ковалева, доктор филологических наук
Н.Б. Бугакова, доктор филологических наук
Ответственный секретарь – О.В. Сулемина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:
Е.А. Акелькина – доктор филологических наук – Омск, Россия; **В.Р. Аминева** – доктор филологических наук – Казань, Россия; **С.М. Белякова** – доктор филологических наук – Тюмень, Россия; **Н.В. Борисова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **Л.Н. Верховых**– доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.А. Воронова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **В. Гладров** – доктор филологических наук – Берлин, Германия; **А.Э. Еремеев** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **О.В. Загоровская** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.Л. Каминская** – доктор филологических наук – Великий Новгород, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **Л.П. Клобукова** – доктор педагогических наук – Москва, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Л.М. Кольцова** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Э.И. Коптева** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **Е.В. Косинцева** – доктор филологических наук – Ханты-Мансийск, Россия; **Е.О. Кузьминых** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Д. Лесневска** – доктор кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики – София, Болгария; **С.М. Махмудова –** доктор филологических наук – Москва, Россия; **Р.О. Муталов –** доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.С. Обухова** – доктор филологии – Скопье, Северная Македония; **А.В. Полонский** – доктор филологических наук – Белгород, Россия; **Ю.С. Попова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **С.С. Распопова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.К. Рева** – доктор филологических наук – Пенза, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Томтогтох Гомбо** – доктор PhD – Улан-Батор, Монголия; **Р.Б. Унарокова –** доктор филологических наук – Майкоп, Россия; **Е.А. Шаронова –** доктор филологических наук – Саранск, Россия; **В.И. Шульженко** – доктор филологических наук – Пятигорск, Россия; **Г.Н. Ягафарова –** доктор филологических наук – Уфа, Россия.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».
Адрес учредителя и издателя: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84

Адрес редакции: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473)271-50-48.

12+

© ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2025

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

The journal is registered by Federal service for supervision in the sphere of connection, information technologies and mass media (Roskomnadzor)
Certificate of registration: PI № FS77-70532 from 25.07.2017.
The journal «Actual Issues of Modern Philology and Journalism» is included into the list of leading scientific publications which publishes the results of thesis for the degree of doctor of science and PhD.

The subscription index in the United catalog "Press of Russia" is 34121.

The journal is published four times a year.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors' point of view.

Editorial committee:

Chief editor – S.A. Skuridina, doctor of philology
Deputy chief editor – L.V. Kovaleva, doctor of philology
N.B. Bugakova, doctor of philology
Executive secretary – O.V. Sulemina, PhD in philology

Members of the editorial committee:
E.A. Akelkina – doctor of philology – Omsk, Russia; **V.R. Amineva** – doctor of philology – Kazan, Russia; **S.M. Belyakova** – doctor of philology – Tyumen, Russia; **N.V. Borisova** – doctor of philology – Elets, Russia; **L.N. Verkhovykh** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **T.A. Voronova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **V. Gladrov** – doctor of philology – Berlin, Germany; **A.E. Eremeev** – doctor of philology – Omsk, Russia; **O.V. Zagorovskaya** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **T.L. Kaminskaya** – doctor of philology – Velikiy Novgorod**,** Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **L.P. Klobukova** – doctor of pedagogy – Moscow, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **L.M. Koltsova** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **E.I. Kopteva** – doctor of philology – Omsk, Russia; **E.V. Kosintseva** – doctor of philology – Hanty-Mansiysk, Russia; **E.O. Kuzminykh** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **D. Lesnevska** – PhD – Sophia, Bulgary; **S.M. Makhmudova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **R.O. Mutalov** – doctor of philology – Moscow, Russia; **E.S. Obukhova** – doctor of philology – Skopie, Northern Makedonia; **A.V. Polonsky** – doctor of philology – Belgorod, Russia; **Yu.S. Popova** - PhD in philology – Voronezh, Russia; **S.S. Raspopova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **E.K. Reva** – doctor of philology – Penza, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **Tomtogtogkh Gombo** – PhD – Ulaanbaatar, Mongol; **R.B. Unarokova** – doctor of philology – Maykop, Russia; **E.A. Sharonova** – doctor of philology – Saransk, Russia; **V.I. Shulzhenko** – doctor of philology – Pyatigorsk, Russia; **G.N. Yagafarova –** doctor of philology – Ufa, Russia.

Cover design - M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».
Address of the founder and publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

12+

© Voronezh State Technical University, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Скуридина С.А. Вступительное слово главного редактора……..... 6

Лингвистика
Малыхина Т.М., Зикеева А.А. Топонимы ВОЕГОЩА, БЕГОЩА, ЗАЛЕГОЩА на водных путях Посемья (историко-географический и этимологический аспекты)……. 7
Заварзина Г.А., Варенова О.С. Динамика плана содержания термина «документ» в русском языке (от Петровской эпохи до современности)…… 15
Замальдинов В.Е. Новообразования на базе антропонимов в интернет-коммуникации……. 22
Кузьминых Е.О., Старцева Е.Д. Эргонимы спортивной сферы г. Воронежа и Воронежской области…. 27
Фоменко Е.А. Межтекстовая эквивалентность при вторичном текстообразовании……. 36
Недоступова Л.В. Особенности диалектной речи жителей села Рубашевка Воронежской области……. 43
Козявина Е.П. Внутренняя форма наименований насекомых в русском языке……. 51

Аспекты изучения художественного текста
Саратова М.В. Мнемоническое повествование в романе М. Байера «Летучие собаки»…… 60
Олейникова О.Н. Иноязычные вкрапления в воспоминаниях К.И. Чуковского о современниках…….. 74
Струкова Т.Г., Крылова С.Г. Особенности нарративных стратегий У. Голдинга…… 82
Попова Ю.С., Сулемина О.В. Гастрономия в прозе Ивана Алексеевича Бунина…….. 88

Писатели-юбиляры: А.П. Чехов и И. Бродский
Бугакова Н.Б. Религиозная лексика как компонент библионимов И. Бродского…….. 94
Белова А.В. «История одной поездки»: четыре версии братьев Чеховых……... 100

Лингвокультурология
Филатова М.И. Топоним «Воронеж» в языковом сознании молодежи……. 111
Чечетка В.И., Рыжков О.И. Феномен ARBEITSWUT (чрезмерное усердие в работе) в немецкой лингвокультуре: стереотип или реальность?..... 121
Молчанова В.А., Алавердян А.Б. Образ ВГПУ: языковой анализ на основе данных ассоциативного эксперимента и нейросетевого анализа…….. 127
Ковалева Л.В. Лингвострановедческий анализ фразеосочетаний, отражающих историческое прошлое России и Германии…….. 134

Межкультурная коммуникация
Гаспарян Л.А. Культурный трансфер в литературе и в переводе…….. 139

Концептология
Ларионова А.Н., Жигулин М.М. Концепт «интеллигенция» в прозе М.А. Булгакова (на материале романа «Белая гвардия»)…… 148

Журналистика в историко- теоретическом аспекте
Скуридина С.А., Маслихова Л.И., Акимов И.Д. Специфика продвижения печатных СМИ в соцсетях….. 161
Диреев И.Д. Медиалингвистика и семиотика: методология анализа мультимодальных медиатекстов… 169
Ба А. Средства массовой информации Республики Мали: типологический аспект……. 183
Скуридина С.А., Канунников Д.В., Толкачева А.А. Всероссийская олимпиада школьников в системе развития интеллектуального потенциала учащихся (на основе методологии журналистики данных)… 192

Язык СМИ
Немич Н.Н. Репрезентация ольфакторной лексики в современном газетном тексте…… 200
Колтакова А.Е., Куранова Т.П. Зооморфные метафоры в современных печатных СМИ…… 211

События, обзоры, рецензии
Паршина О.Д., Баранов А.Н. Отражение социальных и культурных ценностей в языке: региональный методологический семинар научной школы профессора Е.П. Иванян……. 222
Бугакова Н.Б., Скуридина С.А. «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве»: аспекты исследований воронежских ученых……... 232

Правила оформления статей……. 240

CONTENTS

Skuridina S.A. Opening remarks of the chief editor ……..... 6

Linguistics
Malykhina T.M., Zikeeva A.A. Toponyms VOEGOSHCHA, BEGOSCHA, ZALEGOSCHA on the waterways of Posemye (historical-geographical and etymological aspects)……... 7
Zavarzina G.A., Varenova O.S. The dynamics of the content plan of the term "document" in the Russian language (from the Petrine era to the present)…… 15
Zamaldinov V.E. Word-formation neologisms based on anthroponyms in internet communication……. 22
Kuzminykh E.O., Startseva E.D. Ergonyms of the sports sphere of Voronezh and the Voronezh region…… 27
Fomenko E.A. Intertextual equivalence in secondary text formation…… 36
Nedostupova L.V. The features of dialect speech of the residents of Rubashevka village (Voronezh region)…. 44
Kozyavina E.P. Interneal form of insect names in Russian…… 52

Literary text: aspects of study
Saratova M.V. Mnemonic narrative in the novel "Flying Dogs" by M. Beyer…….. 62
Oleynikova O.N. Foreign language inclusions in K.I. Chukovsky's memoirs of his contemporaries…….. 76
Strukova T.G., Krylova S.G. The specificity of W. Golding's narrative strategies…… 84
Popova Ju.S., Sulemina O.V. Gastronomy in the prose of Ivan Alekseevich Bunin……. 90

Jubilee writers: A.P. Chekhov and I. Brodsky
Bugakova N.B. Religious vocabulary as a component of I. Brodsky's biblionyms……. 96
Belova A.V. «The story of one trip»: four versions of the Chekhov brothers……. 102

Language and culture studies
Filatova M.I. Toponym "Voronezh" in the linguistic consciousness of youth…….. 114
Chechetka V.I., Ryzhkov O.I. The phenomenon of ARBEITSWUT (excessive diligence in work) in German linguoculture: stereotype or reality?..... 124
Molchanova V.A., Alaverdyan A.B. The image of VSPU: linguistic analysis based on associative experiment data and neural network analysis…… 130
Kovaleva L.V. Linguistic and foreign studies analysis of phraseological combinations reflecting the historical past of Russia and Germany…….. 137

Intercultural communication
Gasparyan L.A. Cultural transfer in literature and its translation…….. 142

Concept studies
Larionova A.N., Zhigulin M.M. The concept "intelligentsia" in the prose of M.A. Bulgakov (based on the novel "The white guard")……... 151

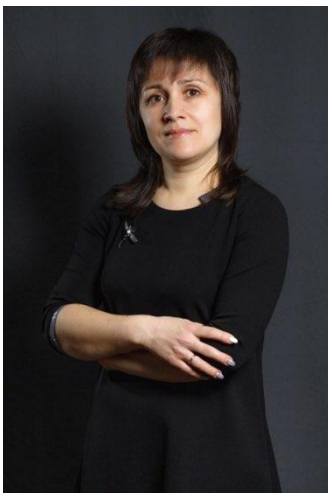
Journalism in historical and theoretical aspect
Skuridina S.A., Maslikhova L.I., Akimov I.D. The specifics of print media promotion in social networks……... 164
Direev I.D. Medialinguistics and semiotics: methodology for analyzing multimodal media texts…….. 172
Ba A. Mass media of the Republic Mali: typological aspect…….. 186
Skuridina S.A., Kanunnikov D.V., Tolkacheva A.A. The All-Russian Olympiad of schoolchildren in the system of developing the intellectual potential of students (based on the methodology of Data journalism)…… 195

Language of mass media
Nemich N.N. Olfactory vocabulary representation in modern newspaper text…… 203
Koltakova A.E., Kuranova T.P. Zoomorphic metaphors in modern print media……. 214

Events and reviews
Parshina O.D., Baranov A.N. Reflection of social and cultural values in language: regional methodological seminar of the scientific school of professor E.P. Ivanyan…… 225
Bugakova N.B., Skuridina S.A. «Linguistic and cultural universals in the global space»: aspects of research by Voronezh scientists…… 235

Layout of the articles……..……...……... 243

Вступительное слово главного редактора



Представляем вниманию читателей пятьдесят седьмой выпуск научного журнала «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» Воронежского государственного технического университета. Выпуск включает работы, посвященные актуальным проблемам различных областей научного знания – лингвистическим, литературоведческим, методическим и др.

Научный журнал состоит из следующих разделов: I – «Лингвистика», II «Аспекты изучения художественного текста», III – «Писатели-юбиляры: А.П. Чехов и И. Бродский», IV – «Лингвокультурология», V – «Межкультурная коммуникация», VI – «Концептология», VII – «Журналистика в историко-теоретическом аспекте», VIII – «Язык СМИ», IX – «События, обзоры, рецензии».

Авторы научных статей – доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов). В выпуске содержится 27 научных работ. Раздел «Лингвистика» включает статьи, описывающие в историко-географическом и этимологическом аспектах некоторые топонимы на водных путях Посемья (Т.М. Малыхина, А.А. Зикеева), представляющие динамику плана содержания термина «документ» в русском языке (от Петровской эпохи до современности) (*Г.А. Заварзина, О.С. Варенова*), анализирующие новообразования на базе антропонимов в интернет-коммуникации (*В.Е. Замальдинов),* рассматривающие эргонимы спортивной сферы г. Воронежа и Воронежской области (*Е.О. Кузьминых, Старцева Е.Д.),* выявляющие *м*ежтекстовую эквивалентность при вторичном текстообразовании (*Е.А. Фоменко),* особенности диалектной речи жителей села Рубашевка Воронежской области (*Л.В. Недоступова*) и внутреннюю форму наименований насекомых в русском языке (*Е.П. Козявина*). Раздел «Аспекты изучения художественного текста» содержит статьи, авторы которых обращаются к описанию мнемонического повествования в романе М. Байера «Летучие собаки» (*М.В. Саратова*), иноязычных вкраплений в воспоминаниях К.И. Чуковского о современниках (*О.Н. Олейникова*), особенностей нарративных стратегий У. Голдинга (*Т.Г. Струкова, С.Г. Крылова*), гастрономии в прозе И.А. Бунина (*Ю.С. Попова, О.В. Сулемина).* Раздел «Лингвокультурология» содержит работы, представляющие топоним «Воронеж» в языковом сознании молодежи (*М.И. Филатова*) и феномен ARBEITSWUT (чрезмерное усилие в работе) в немецкой лингвокультуре (*В.И. Чечетка,* О.И. Рыжков), анализирующие образ ВГПУ на основе данных ассоциативного эксперимента и нейросетевого анализа (*В.А. Молчанова, А.Б. Алавердян*) и фразеосочетания, отражающие историческое прошлое России и Германии (*Л.В. Ковалева*). В разделе «Межкультурная коммуникация» рассматривается культурный трансфер в литературе и в переводе (*Л.А. Гаспарян*). В разделе «Концептология» авторы осуществляют лингвокультурологический анализ концепта «интеллигенция» в прозе М.А. Булгакова (*А.Н. Ларионова, М.М. Жигулин*). В разделе «Журналистика в историко-теоретическом аспекте» выявляется специфика продвижения печатных СМИ в соцсетях (*С.А. Скуридина, Л.И. Маслихова, И.Д. Акимов*), представлена методология анализа мультимодальных медиатекстов (*И.Д. Диреев*), рассматриваются в типологическом аспекте средства массовой информации Республики Мали (*А. Ба*), на основе методологии журналистики данных анализируется Всероссийская олимпиада школьников в системе развития интеллектуального потенциала учащихся (*С.А. Скуридина, А.А. Толкачева, Д.В. Канунников*). В разделе «Язык СМИ» описывается ольфакторная лексика в современном газетном тексте (*Н.Н. Немич*) и зооморфные метафоры в современных печатных СМИ (*А.Е. Колтакова, Т.П. Куранова).* В разделе «События, обзоры, рецензии» подводятся итоги регионального методологического семинара научной школы профессора Е.П. Иванян (*О.Д. Паршина, А.Н. Баранов*) и VI Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве (*С.А. Скуридина, Н.Б. Бугакова*). Отдельную рубрику составили статьи, посвященные творчеству писателей-юбиляров**:** представлены религиозная лексика как компонент библионимов И. Бродского (*Н.Б Бугакова*) и четыре версии одной поездки братьев Чеховых (*А.В. Белова*).

Содержащиеся в выпуске 2 (57) научные работы затрагивают проблемы современной лингвистики, журналистики, концептологии, межкультурной коммуникации, изучения языка художественных текстов и СМИ. Данное издание может быть интересно специалистам-филологам, журналистам, методистам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук С.А. Скуридина

ЛИНГВИСТИКА
LINGUISTICS

УДК 081
DOI 10.36622/2587-9510.2025.57.2.001

Курский государственный университет
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка

Малыхина Т.М.
Россия, г. Курск,
тел. +7-910-315-20-55
E-mail: etnolingv@mail.ru

обучающаяся 3 курса
направления подготовки Филология
направленности (профиля)
Отечественная и зарубежная филология
Зикеева А.А.
Тел. +7-961-167-81-10
E-mail: n.zikeeva2014@yandex.ru

Kursk State University
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian Language Department
Malykhina T.M.
Russia, Kursk,
+7-910-315-20-55
E-mail: etnolingv@mail.ru

3rd year student
in the field of Philology
orientation (profile) Russian and foreign philology
Zikeeva A.A.
+7-961-167-81-10
E-mail: n.zikeeva2014@yandex.ru

Т.М. Малыхина, А.А. Зикеева

ТОПОНИМЫ ВОЕГОЩА, БЕГОЩА, ЗАЛЕГОЩА НА ВОДНЫХ ПУТЯХ ПОСЕМЬЯ (ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)

Изучение региональной топонимии представляет собой интересный и в то же время очень сложный объект исследования, затрагивающий различные области научных знаний, таких как ономастика, история, география, диалектология, этимология и др. Ценность этих исследований чрезвычайно значима, поскольку подавляющее число топонимов не утратило исходных мотивационных связей. Названия гидронимов предоставляют богатую информацию за счет изучения их значения, словообразовательных особенностей и значения апеллятивов, лежащих в их основе. Наше исследование посвящено изучению этимологии гидронимов Курской области с постпозитивным компонентом *-гост-/-гощ-* и является продолжением серии работ курских ученых-филологов по составлению «Этимологического словаря потамонимов Посемья». Главным средством получения лингвистической информации послужил историко-географический и этимологический анализ. При изучении гидронимики мы уделили основное внимание внутренней форме собственных имен Воегоща, Бегоща, Залегоща, семантике исходных апеллятивных основ, а также постарались проследить их связь с характером именуемого географического объекта.

Ключевые слова: этимология, потамонимы, гидронимы, топонимы, формант *-гост-/-гощ-*.

T.M. Malykhina, A.A. Zikeeva

TOPONYMS VOEGOSHCHA, BEGOSCHA, ZALEGOSCHA ON THE WATERWAYS OF POSEMYE (HISTORICAL-GEOGRAPHICAL AND ETYMOLOGICAL ASPECTS)

The study of regional toponymy is an interesting and at the same time very complex object of research, affecting various areas of scientific knowledge, such as onomastics, history, geography, dialectology, etymology, etc. The value of these studies is extremely significant, since the overwhelming majority of toponyms have not lost their original motivational connections. The names of hydronyms provide rich information due to the study of their meaning, word-formation features and appellatives underlying them. Our study is devoted to the study of the etymology of hydronyms

© Малыхина Т.М., Зикеева А.А., 2025

of the Kursk region with the postpositive component -gost-/-goshch- and is a continuation of a series of works by Kursk philologists on the compilation of the "Etymological Dictionary of Potamonyms of Posemya". The main means of obtaining linguistic information was historical-geographical and etymological analysis. In studying hydronymy, we paid primary attention to the internal form of proper names Voegoshcha, Begoshcha, Zalegoshcha, the semantics of the original appellative bases, and also tried to trace their connection with the nature of the named geographical object.

Keywords: etymology, potamonyms, hydronyms, toponyms, formant *-gost-/-gosch-*.

Топонимы, и в частности гидронимы, – это важнейший источник изучения лексики общеславянского периода. В названиях рек могут сохраняться нарицательные слова, давно вышедшие из употребления. Это объясняется тем, что в жизни человека с течением времени исчезают какие-то предметы, явления, а следовательно, исчезают и слова, обозначающие их. Названия рек имеют значительный возраст и практически не подвержены изменениям во времени, они загадочны и неясны. Реки являлись источником жизни, путями сообщения, передачи информации, поэтому наши предки старались селиться недалеко от рек. Информативность наименований гидронимов позволяет использовать их в лингвистических исследованиях, так как данные топонимики восстанавливают историю языка, помогают выявлять процессы, происходившие в лексике и лексической семантике на протяжении веков.

Эмпирической базой для работы послужил «Гидронимический словарь Посемья» под редакцией А.И. Ященко, педагога высшей школы, преподавателя естественно-географического факультета Курского государственного педагогического института в 1950–1960-х годах, ведущего специалиста по курской региональной топонимике. Данный словарь кладет начало систематическому описанию гидронимического материала и является пока единственным региональным словарем подобного типа [1; с. 3].

Для изучения были привлечены исторические, этимологические словари русского языка, а также использована литература по истории языка, этимологии и топонимике.

Курская топонимия включает в свой состав как продуктивные географические названия, т.е. сохраняющие мотивационно-деривационную связь с современными общеязыковыми явлениями, так и непродуктивные (архаическая славянская топонимия), т.е. утратившие продуктивность в новых ономастических условиях. Такими наиболее архаичными славянскими топонимами, которые маркируют самые ранние славянские земли, являются названия с корнем *-гощ-*. Причем это могут быть как топонимы, состоящие из одного корня *-гощ-*, так и композиты, образовавшиеся с помощью соединительного гласного -о- (-е-); реже в качестве связующего элемента выступал гласный -и-, и незначительная группа сложных слов образовывалась без соединительного гласного.

Названия с корнем *-гощ-* имеют широкое распространение. Так, в Карачевском районе Брянской области находится село Гощь (в старину *Гоща*). В Хвастовичском районе Калужской области древнее название деревни *Гоща* заменено на *Докторово*. В *Гощанском* районе Ровенской области расположен поселок городского типа *Гоща,* впервые упоминающийся в памятниках письменности в 1152 г. В Ивацевичском районе Брестской области находится деревня *Гоща* и озеро *Гоща,* представляющее собой водоем старического типа. На Брянщине находим село *Радогощь* и деревню *Любегощь; в* Смоленской области – деревня *Любегощь***;** в Могилёвской области – село *Мирогощь;* в Тульской области – деревня *Любогощи*; в Белгородской области – село *Доброгощь;* в Орловской – поселок *Залегощь* и древнерусское городище *Домогощь*; в Ровенской области – две деревни *Мирогоща*; в Гомельской области – две деревни *Доброгоща*.

В Курской области протекает река *Бегоща* (варианты названия: *Бегоша, Бегошенка*, *Бегошь*) по территории села *Бегоша* Рыльского района; река *Воегоща* (варианты названия: *Воегощенка*, в верхнем течении реки название *Переезд*) по территории деревни *Верхняя Воегоща* Рыльского района; река *Залегоща* по территории деревни Дроняево Курчатовского района (ранее восточная часть Льговского района, ранее Иванинский район).

Рассмотрим постпозитивный компонент, объединяющий эти названия.

В.А. Никонов говорит о том, что топонимы с формантом *-гощь* близки к славянской лексеме *gozd, гоща* «лес» [2; с. 316].

В.Л. Васильев полагает, что топонимы с основами *-гощ-/-гост-* произошли от личных имен-композитов на *-гость*. В работе «Славянские топонимические древности Новгородской земли» проанализированы «географические названия, произошедшие от личных имен, засвидетельствованных в употреблении у славян, и названия, произошедшие от имен, не зафиксированных письменностью, но восстанавливаемых, по его мнению, с достаточной степенью точности» [3; с. 156]. В.Л. Васильев отмечает, что «элемент *-гость* в постпозиции выполняет строевую функцию и является семантически опустошенным, тогда как препозитивный элемент несет основную смысловую нагрузку и отражает характеристику носителя имени. То есть, модель со вторым *-гост-* была в значительной мере окостеневшей структурой, приближаясь по типологии к моделям простых личных имен, а элемент *-гост-* превращался в суффикс, хотя и не стал им окончательно» [4; с. 190]. По мнению В.Л. Васильева, название потамонима *Воегощa* произошло от личного имени *Воегость / Воигость* [3; с. 156].

Н.В. Подольская, проанализировав апеллятивы, антропонимы и топонимы с формантом *-гост-/-гощ-,* «констатирует, что лишь в некоторых случаях можно считать данные топонимы производными от антропомимов» [5; с. 139–141].

Р.А. Агеева также свидетельствует, что «далеко не все названия географических объектов с элементами *-гост-/-гощ-* могут быть объяснены как происходящие из славянских личных имен. Многие топонимы остаются этимологически неясными; некоторые из них, возможно, обязаны своим происхождением субстратным, балтийским или фино-угорским, основам» [6; с. 179-180]. Р.А. Агеева предполагает, что «первоначально эти названия были связаны с постоялыми (заезжими) дворами или с гостиными дворами, т.е. поселениями, где были торги, т. е. *-гощ-* – ‘гостевой’, ‘гостиный’. Этим, по её мнению, снимается противоречие между единичными случаями имен на *-гост(ь)* в восточнославянском антропонимиконе и большим количеством топонимов на *–гощ»* [6; с. 179-180].

В.С. Передольский тоже видел в названиях с формантом *-гощь* лексему *гости* в значении ‘купцы’ и указывал на расположение таких названий на торговых путях: «…начали устанавливаться торговые пути не водою только, но и горою, т. е. сушею, с поселками, хотя и редкими, для отдыха проезжающих гостей, таковы, например, Видогощь, Середгощь, Велегощь, Югощь…» [7; с. 94].

В.Н. Топоров балтийскую параллель **gostь* усматривал в прусском слове *gasto*, имеющем значение ‘угодье, участок (поля)’, с указанием на русское слово *погóст* и латышский славизм *pagasts* [4; с. 324].

М.Л. Томилин в книге «Погосты клинской земли» указывает на то, что княгиня Ольга ещё до принятия христианства установила административно – территориальное деление на *погосты*, положив на них уроки (дань). *Погостами* назывались сельские общины Древнерусского государства, а также центры этих общин, где велась *«гостьба»* – выездная торговля. Главными торговыми артериями были реки, поэтому *погосты* располагались четко по рекам [8; https://proza.ru/2020/01/06/793]. Позднее *погостами* стали называться места *гощения* (обычай, согласно которому жители одного прихода обязаны были навещать друг друга в церковные праздники) [9; с. 119–143].

В «Словаре русских народных говоров» зафиксирована лексема *угóдье* в значени удобство’ и однокоренные слова (*угóда, годá, угóдливый, угóдица, угóдина, гóшно*), имеющие следующие значения:

-угóда – ‘то, что полезно, удобно, приятно для кого-либо; все, что дано природой или приспособлено человеком’, ‘простор, раздолье’, ‘место для рыбной ловли’, ‘место для выпаса скота’;

-годá – ‘удобство’ (болг. диал.);

-угóдливый – ‘просторный, раздольный’;

-угóдица – ‘простор, раздолье’;

-*уго́дина* – ‘простор, раздолье’

-*го́шно* – ‘годно, хорошо’ [10; с. 212–216].

На этих просторных, раздольных, удобных, годных для *гостей* и *гостьбы* участках, *угодливых местах*, вдоль рек и ставились *погосты*.

В книге «Экспедиция по исследованию источников главнейших рек Европейской России. Текст: издания О лесах и о водах Курской губернии. Заметки Р.Л. Маркова и В.И. Рышкова» (1894 год) говорится о том, что первые опыты судоходства по рекам Посемья «сокрыты во мраке отдаленнейших времен» [11; с. 15]. Известно, что реки Курской области имеют равнинный характер, русла рек извилистые, течение преимущественно слабое, мелководье. Плаванье было допустимо во время разлива рек, в половодье. Однако «не всякий год бывает столь сильная вода, чтобы покрыть все плотины на два или три аршина в высоту и оставалась бы в сем положении все время, необходимое для прохода судов от Курска до реки Десны». Но даже и в половодье было опасно, т.к. «берега покрываются тогда на несколько верст водою и русло реки не бывает видно, почему суда, плавая по произволу стихий, беспрестанно должны опасаться сесть на мель или удариться о пни дерев» [11; с. 15]. Чтобы река была проходима для лодок круглый год, на реках строили *плотины* из крупных валунов и камней с *водяными мельницами*, которые поднимали уровень воды в реке. Часто подходы к берегам рек были затруднены зарослями водорослей, камышей, осоки, поэтому через реки также делали многочисленные *переправы*, сооружали *мосты* для прохода через небольшую речку.

В этой связи необходимо обратить внимание на лексемы *гать, га́ма, га́тка, га́ча, гаши́на* и родственные слова с этим же корнем**,** зафиксированные в Русском этимологическом словаре под редакцией А.Е. Аникина и имеющие следующие значения:

-*гать* – ‘насыпь, плотина для прохода через небольшую речку’, ‘настил из бревен для проезда через болото или топкое место’;

-словацкое *hat’* – ‘запруда, плотина’, ‘гать, дорога в болотистой местности’;

-сербохорватское *gât* – ‘плотина, запруда’;

-польское *gać* – ‘гать, запруда из прутьев, хвороста, дерева’;

-праславянское **gatь* – ‘насыпь, кладка для перехода ручья’; ‘гать, дорога через топь, болото’;

-диалектное *gāte* – ‘водный путь в тростниковых зарослях’;

-румынское *gat* – ‘дамба, плотина’;

-*га́ма* – ‘запруда на реке’, ‘гать, небольшая плотина’, ‘насыпь или плетеный запор для регулирования потока воды’, *mlinska gáta* ‘мельничная запруда’ из праславянского **gata* – ‘гать’, ‘насыпь, кладка для перехода ручья’, сравним латышское слово *gàita* в значении ‘проход, путь (через болото, водную преграду)’;

-*га́тка* **–** ‘гать, небольшая плотина’;

-*гача* из **gatja* – ‘проход для ноги’; ‘гать, небольшая плотина’;

-*гашина* – ‘связка хвороста для укрепления плотины’;

-*gātu* – ‘место’ [12; с. 131–132].

Приведенные выше наблюдения указывают на то, что форманты *-гощ-, -гост-, -гаст-, -гат-, -гаш-, -гач-* являются алломорфами одного и того же корня (*о//а*; *т//ст//ш//щ//ч*).

Из вышесказанного можно допустить, что если формант *-гощ(а)* в названиях потамонимов имеет семантическую нагрузку, а не просто выполняет строевую функцию, то может иметь значения: ‘плотина для прохода через небольшую речку, мельничная запруда, насыпь или плетеный запор для регулирования потока воды, дорога на болоте, выложенная ветками, хворостом и землей, водный путь в тростниковых зарослях, проход, путь (через болото, водную преграду), т.е. какое-либо ‘удобное, угодное место’ на водных торговых путях для отдыха *гостей* (купцов) и ведения *гостьбы* (торговли), сопровождающееся общественными пирами (*гощенье, угощенье*).

Рассмотрим препозитивные компоненты в названиях потамонимов *Воегоща, Бегоща* и *Залегоща***.**

Река *Воегóща* начинает свое течение северо-восточнее деревни Верхняя *Воегоща* Рыльского района и в этом же районе впадает в реку Амоньку. Зафиксированы и вариантные названия этой реки: *Воегощенка*, в верхнем течении – *Переезд*. *Перéезд* – раньше – *Воегоща*, ручей на пути между хутором Переезд и поселком Вечерняя Заря, который переезжают вброд [19; с. 89].

В «Гидронимическом словаре Посемья» указано, что название произошло от древнерусского *вои* –‘воин, войско’ (Срезневский, I, 284–285) и *гоща* ’лес’ (Никонов, IV, МСС, 450) [1; с. 23].

Версия, что название потамонима *Воегоща* связано со значением ‘воин, войско’, на наш взгляд, являются интересной, но не имеет связи с гидронимом.

Для того чтобы изучить этимологию потамонима *Воегоща,* следует обратить внимание на однокоренные слова данного названия.

В словаре под редакцией А.Е. Аникина зафиксирована лексема *вóек* ‘низменная болотистая местность’ [13; с. 64].

Здесь же *вóет* – ‘заливной, поемный луг’, собирательное ‘сенокосное угодье, заливной луг, сырое место, болото’ [14; с. 67].

В «Словаре русских народных говоров» лексема *воет* также имеет несколько значений: ‘заливной, поемный луг’, ‘сырое место’ [15; с. 9].

Отсюда можно предположить, что первый компонент *-вое-* в названии гидронима *Воегоща* указывает на то, что река протекает по низменной сырой местности, обильной заливными (поёмными, пóйменныйми) лугами, расположенными в пойме реки, т.е. части речной долины, находящейся выше русла и затопляемой в половодье или во время паводков.

Залегóща – ручей, правый приток Прута; исток – восточная часть Курчатовского района.

В Гидронимическом словаре Посемья указано на то, что «первый компонент в названии ручья *Залегоща* не весьма ясен: предположительно, от древнерусского *заложитися* – ’заслониться’; второй от *гоща* – ’лес’» [1; с. 46].

Эта версия очень поверхностна. Поэтому следует рассмотреть ещё варианты происхождения потамонима *Залегоща*. Рассмотрим первый компонент в данном названии.

В словаре А.Е. Аникина зафиксировано слово «*залев* в значении ‘залив реки или озера’, ‘весенний или летний разлив реки’, *залёва* – ‘место, заливаемое при половодье’, старорусское *залѣвъ* – ‘заливаемое место в лугах или на пашне’, ‘залив реки, озера, моря’» [16; с. 263].

В Словаре народных географических терминов Э.М. Мурзаева лексема *залев* также отмечена в значении ‘залив, разлив реки’. Сравним польское слово *zalew* – **‘**разлив’, **‘**наводнение’, **‘**залив’, **‘**пойма’ [17; с. 180]. Сравним там же лексические значения лексемы лексему *залив*: ‘заливание водой’; ‘половодье, разлив’; ‘низкое, заливаемое водой место в лугах или на пашне*’*; ‘место, заливаемое водой’ [17; с. 204-205].

В Этимологическом словаре М. Фасмера указано, что от лексемы *лить*, происходит слово *лой*, там же находим лексему *залой* в значении‘затопленное водой место’ [18; т. 2; с. 76, 504].

Отсюда можно сделать вывод, что своё название ручей *Залегоща* получил исходя из того, что расположен в низменном месте, затопляемом в половодье.

Река *Бегóща* является притоком реки Клевени; исток находится в урочище Боковой лог юго-восточнее села Бегоща Рыльского района, протекает река по всей территории этого же района. В Гидронимическом словаре Посемья указано, что название произошло от *бегать* и *гощ(ь)* [1; с. 11].

Для определения этимологии первого компонента в названии гидронима *Бегоща* обратимся к географическим терминам где зафиксирован формант *бе-*.

В Словаре народных географических терминов зафиксирована лексема *бек* в значении ‘вершина, главный’; *бека* – ‘гора’ [17; с. 64].

Здесь же *бейик* – дословно ‘высокий’, ‘большой’ (тюрк.). В географической терминологии *беик* – ‘бугор’, ‘холм’. Казахское *биик* – ‘гора’, ‘возвышенность’, ‘высота’ [17; с. 64]. *Бел* – один из метафоричных географических терминов в значениях: ‘грива’, ‘горная гряда’, ‘пологая возвышенность’ (азерб.); ‘склон горы’ (тув.); ‘низкая пологая возвышенность’ (казах.). В географической литературе – наклонные равнины, подгорные шлейфы [17; с. 64].

Также в «Словаре народных географических терминов» зафиксирована лексема *бетер* в значении ‘начало, исток**,** вершина горы’ (авар.) [17; с. 70]. Здесь же *бечева***,** *бичева* – берег реки. Место на берегу реки, где после разлива сеют лен или косят траву на сено; *бечевка* – пересеченная извилистая гряда, возвышенность. *Бечевник* – береговая полоса, обнажающееся вдоль реки после спада половодья; часть речного русла, положение которого точно определяется уровнями максимального (во время половодья) и минимального (меженного) стояния воды в реке [17; с. 70].

Чтобы понять имеет ли название потамонима *Бегоща* отношение к горе, вершине, пологой возвышенности обратимся к «Курской энциклопедии» и топографической карте Курской области. В «Курской энциклопедии» говорится, что в Рыльском районе преобладает неровный рельеф местности, сильно изрезанный оврагами и балками с различными направлениями склонов. Наиболее возвышенная часть района находится на северо-западе, к востоку и югу поверхность постепенно понижается [13].

По карте Курской области определили, что ручей *Бегоща* протекает в северо-западной части Рыльского района. Также, опираясь на карту выясняем, что ручей *Бегоща* берет начало на возвышенном месте.

Таким образом, приходим к выводу, что формант *бе-* в названии *Бегоща*, по всей видимости, указывает на то, что исток ручья находится на пологой возвышенности.

На основе этнолингвистического и этимологического анализа потамонимии Посемья авторами воссозданы элементы языковой картины мира, реконструированы значимые особенности происхождения названий потамонимов.

В процессе исследования этимологии потамонимов *Бегоща***,** *Воегоща* и *Залегоща* было выявлено, что данные названия являются сложными словами. Формант *-гоща,* объединяющий данные названия, может иметь значения: ‘плотина для прохода через небольшую речку, мельничная запруда, насыпь или плетеный запор для регулирования потока воды, дорога на болоте, выложенная ветками, хворостом и землей, водный путь в тростниковых зарослях, проход, путь (через болото, водную преграду), т.е. какое-либо ‘удобное, угодное место’ на водных торговых путях для отдыха *гостей* (купцов) и ведения *гостьбы* (торговли).

Препозитивные элементы данных названий несут основную смысловую нагрузку: *Воегоща* протекает по сырой низменности, болотистой местности; ручей *Бегоща* берет начало на пологой возвышенности; ручей *Залегоща* расположен в низменном месте, затопляемом в половодье.

На основе этимологического анализа потамонимии Посемья авторами воссозданы элементы языковой картины мира, реконструированы значимые особенности происхождения названий потамонимов. Люди давали названия рекам в соответствии с тем видимым ими пространством, которое их окружало и для которого в русской речи имелось подходящее слово.

Библиографический список

1. Ященко А.И. Гидронимический словарь Посемья // Проблемы ономастики: [сб. ст.] / [отв. ред. А.И. Ященко]. Вологда: [Вологодский гос. пед. ин-т], 1974. С. 3–118.

2. Никонов В.А. Введение в топонимику. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2011. 184 с.

3. Васильев В.Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 816 с. (1150 лет российской государственности).

4. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. Вып. 11. 357 с.

5. Подольская Н.В. Типовые восточнославянские топоосновы: Словообразовательный анализ. М.: Наука, 1983. 160 с.

6. Агеева Р.А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

7. Передольский В.С.ьНовгородские древности. Записка для местных изысканий. Новгород, Губернская Типография, 1898. 732 с.

8. Макарова А.А. Названия погостов и истоки термина погост в ойконимии Русского Севера: хронология и эволюция. Вопросы ономастики. 2023. Т. 20. № 2. С. 119–143.

9. Томилин М.Л. Погосты клинской земли https://proza.ru/2020/01/06/793 (дата обращения: 14.02.2025).

10. СРНГ – Словарь русских народных говоров. В 52-х вып. / Гл. ред. Ф.П. Филин, ред. Ф.П. Сороколетов. СПб.: изд-во «Наука», 2002. Вып. 46. 349 с.

11. Марков Р.Л., Рышков В.И. Экспедиция по исследованию источников главнейших рек Европейской России. Текст: издания О лесах и о водах Курской губернии. Заметки Р.Л. Маркова и В.И. Рышкова. С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Типография А. Якобсона, 1894.

12. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. Вып. 10. 368 с.

13. Курская энциклопедия: сайт / сост. Гойзман Ш.Р. Курск, 2004. URL: http://www.mke.su/ (дата обращения: 18.11.2025).

14. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. Вып. 8. 367 с.

15. СРНГ – Словарь русских народных говоров. В 52-х вып. / Гл. ред. Ф.П. Филин, ред. Ф.П. Сороколетов. СПб.: изд-во «Наука», 2002. Вып. 5. 342 с.

16. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН; Ин-т филологии Сибирского отделения РАН. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. Вып. 17. 391 с.

17. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 466 с.

18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 3-е изд., стер. СПб.: Терра-Азбука, 1996. Т. 2. 671 с.

References

1. 1. A. Yashchenko, I.I. The hydronymic dictionary of the Family // problems of onomastics: [COLLECTION of articles] / [ed. by A.I. Yashchenko). Vologda: [Vologda State Pedagogical Institute], 1974. pp. 3-118.

2. Nikonov V.A. Introduction to toponymy. Ed. 2-E. M.: LKI Publishing House, 2011. 184 P.

3. Vasiliev V.L. Slavic toponymic antiquities of the Novgorod land. Moscow: <url>-written monuments of Ancient Russia, 2012. 816 p. (1150 years of Russian statehood).

4. A. Ankin.E. Russian etymological dictionary. In-ta Rus. spring. named after V.V. Vinogradov of the Russian Academy of Sciences; Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Handwritten Monuments of Antiquities of Russia, 2012. Issue 11. 357 p.

5. Podolskaya N.V. Typical East Slavic toponyms: A word-formation analysis. Moscow: Nauka, 1983. 160 p.

6. R. Ageeva.A. The hydronymy of the Russian Northwest as a source of cultural and historical information. Moscow: Ornithological Bulletin of the Ukrainian SSR, 2004. 256 p.

7. V. Peredolsky.S.Novgorod antiquities. Notes for local publications. Novo-Gorodetsky provincial Printing House, 1898. 732 p.

8. Makarova A.A. The names of churchyards and the origins of the term pogost in the oikonymy of the Russian North: chronology and evolution. Questions of onomastics. 2023. Vol. 20. No. 2. pp. 119-143.

9. M. Tomilina.L. Churchyards of the Klin land https://proza.ru/2020/01/06/793 (date of access: 02/14/2025).

10. SRNG-Dictionary of Russian folk dialects. In the 52nd issue / Gl. ed. F.P. Filin, ed. by N. F.P. Sokolov. St. Petersburg,: Nauka Publishing House, 2002. Issue 46. 349 P.

11. R. Markova.L., Ryshkov V.I. An expedition to study the sources of the main rivers of European Russia. Text: publications About forests and waters of Kursk province. Notes by R.L. Markov and V.I. Ryshkov. St. Petersburg. A. Yakobson's printing house, 1894-12.

A. Ankin.E. Russian etymological Dictionary. In-ta Rus. spring. named after V.V. Vinogradov of the Russian Academy of Sciences; Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Handwritten Monuments of Ancient Russia, 2012. Issue 10. 368 p.

13. Kursk Encyclopedia: website / comp. G. Goizman.R. Kursk, 2004. URL: http://www.mke.su / (date of access: 11/18/2025).

14. A. Ankin.E. Russian etymological dictionary. In-ta Rus. spring. named after V.V. Vinogradov of the Russian Academy of Sciences; Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Handwritten Monuments of Ancient Russia, 2012. Issue 8. 367 p.

15. RNG-Dictionary of Russian folk dialects. In the 52nd issue / Gl. ed. by F.P. Filin, ed. by N. F.P. Sokolov. St. Petersburg,: Nauka Publishing House, 2002. Issue 5. 342 p.

16. A. Ankin.E. Russian etymological dictionary. In-ta Rus. spring. V.V. Vinogradov, Russian Academy of Sciences; Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Handwritten Monuments of Ancient Russia, 2012. Issue. 17. 391 P.

17. E. Murzaev.M. Dictionary of national geographical terms. Moscow: Mysl, 1984. 466 p.

18. M. Fasmer. Etymological dictionary of the Russian language. In 4 volumes / Trans. see and add. O.N. Trubachev. 3rd ed., ser. SPb.,: Terra-Abc, 1996. Vol. 2. 671 p.

УДК 81.11
DOI 10.36622/2587-9510.2025.57.2.002

Воронежский государственный педагогический университет
Доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка, современной русской и зарубежной литературы
Заварзина Г.А.
Россия, Воронеж, тел.: +7(473)264-44-17 ,

e-mail: zga1311@mail.ru

аспирант кафедры
русского языка, современной русской
и зарубежной литературы
Варенова О.С.
Россия, г. Воронеж, тел.: +7 952-103-98-96
e-mail: varenovaos11@gmail.com

Voronezh State Pedagogical University
Ph.D., Head of the Department of the Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature
Zavarzina G.A.
Russia, Voronezh, tel.: +7(473)264-44-17
e-mail: zga1311@mail.ru

Postgraduate student of the Department of the Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature
Varenova O.S.
Russia, Voronezh, tel.: +7 952-103-98-96
e-mail: varenovaos11@gmail.com

Г.А. Заварзина, О.С. Варенова

ДИНАМИКА ПЛАНА СОДЕРЖАНИЯ ТЕРМИНА «ДОКУМЕНТ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ОТ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ)

Статья посвящена актуальной проблеме описания основных направлений развития термина «документ», касающихся его семантики. Было установлено, что появившееся в русском языке петровской эпохи слово «документ» прошло долгий путь исторического развития. Основные вехи, свидетельствующие о семантических трансформациях словесного знака, связаны с дореволюционным, советским и новейшим периодами. Выяснилось, что изменения на уровне семантической структуры исследуемого термина идут по пути увеличения количества лексико-семантических вариантов, а изменения на уровне отдельного компонента значения находят отражение прежде всего в денотативных и собственно языковых семантических компонентах. В денотативном компоненте значения слова «документ» сохраняются традиционные ядерные семы «официальная бумага», «составленная в соответствии с законом», «служащая доказательством каких-либо прав» и появляются новые предметно-логические семантические компоненты «материальный носитель информации, предназначенный для ее обработки и передачи во времени и пространстве», обусловленные оформлением новых способов передачи смыслов с помощью искусственных информационных, в том числе компьютерных, языков (знаков). Было установлено, что слово «документ» становится мотивирующей основой для образования новых лексических единиц, номинирующих новые свойства документов, их разновидности, а также направления документных исследований; формируются широкие синтагматические и парадигматические (синонимические и антонимические) связи и отношения. Изменения касаются даже эмпирического компонента лексической семантики анализируемого слова, что проявляется в замене образных сем «бумажный», «подписанный ручкой» на семы «электронный», «с электронной подписью». Сделан вывод о том, что динамика плана содержания слова «документ» обусловлена закреплением новых смыслов, заложенных в инновационных формах современной коммуникации.

Ключевые слова: документ, термин, семантика, семантическая структура, сема, русский язык.

G.A. Zavarzina, O.S. Varenova

THE DYNAMICS OF THE CONTENT PLAN OF THE TERM "DOCUMENT" IN THE RUSSIAN LANGUAGE (FROM THE PETRINE ERA TO THE PRESENT)

The article is devoted to the urgent problem of describing the main directions of the development of the term "document" concerning its semantics. It was found that the word "document", which appeared in the Russian language

© Заварзина Г.А., Варенова О.С., 2025

of the Petrine era, has gone a long way in historical development. The main milestones indicating the semantic transformations of a verbal sign are associated with the pre-revolutionary, Soviet and modern periods. It turned out that changes at the level of the semantic structure of the term under study follow the path of increasing the number of lexico-semantic variants, and changes at the level of a separate component of meaning are reflected primarily in denotative and linguistic semantic components. In the denotative component of the meaning of the word "document", the traditional nuclear semes "official paper", "compiled in accordance with the law", "serving as proof of any rights" remain and new substantive and logical semantic components "material information carrier intended for its processing and transmission in time and space" appear, due to the design new ways of conveying meanings using artificial information, including computer, languages (signs). It was found that the word "document" becomes the motivating basis for the formation of new lexical units nominating new properties of documents, their varieties, as well as areas of documentary research; broad syntagmatic and paradigmatic (synonymous and antonymic) connections and relationships are formed. The changes even concern the empirical component of the lexical semantics of the analyzed word, which is manifested in the replacement of figurative semes "paper", "signed with a pen" with semes "electronic", "with an electronic signature". It is concluded that the dynamics of the content plan of the word "document" is due to the consolidation of new meanings embedded in innovative forms of modern communication.

Key words: document, term, semantics, semantic structure, sema, Russian language.

Как известно, термин «*документ»* появился в русском языке в петровскую эпоху и представлял собой лексическое заимствование из лат. documentum: docēre "доказывать", вошедшее в систему русского языка через нем. Dokument или через польск. dokument язык [1], в семантическом развитии которого можно выделить 4 этапа: 1) петровский период (XVIII в.), 2) дореволюционный период (XIX – нач. XX вв.), 3) советская эпоха (XX век), 4) современный период (XXI в.). На каждом из выделенных этапов семантика слова «*документ*» претерпевала целый ряд изменений, получивших отражение на уровне семантической структуры в целом и структуры отдельного значения, представленного денотативным, эмотивным, собственно языковым и эмпирическим (образным) компонентами.

Исследование показало, что семантическая структура словесного знака в XVIII в. включала два лексико-семантических варианта (ЛСВ): 1) канц.; деловая бумага, удостоверяющая что-л. | об исторических свидетельствах; 2) прост.; довод, доказательство, аргумент [2], закрепивших свое функционирование в составе устойчивых словосочетаний типа *письменный документ, официальный письменный документ, приложенный документ, дипломатический документ, таможенный документ, денежный документ, правовой документ, оправдательный документ, ответный документ, оригинальный документ; ратифицировать документ, подписать документ, скрепить подписью официальный документ, документ о прохождении службы и др.*. Активный процесс заимствования иноязычных лексем – наименований служебной документации был связан «с ориентированностью Российской Империи на европейские политические традиции, формированием отечественной системы государственного управления по западной модели и отражал особенности исторического развития государства, на которое, безусловно, огромное влияние оказала деятельность Петра I, осуществившего целый ряд важнейших административных, политических и военных реформ, способствовавших европеизации России и активному развитию науки и просвещения» [3]. Заимствованный словесный знак «документ» стремительно адаптируется к системе русского языка, о чем свидетельствует развитие его деривационных возможностей (*документ - документально*), синонимических (*документ – деловая бумага, официальная бумага)* и родо-видовых (*документ - грамота – крепость – документ, доказывающий год рождения)* отношений: «Изволите ваша милость во обидах, от того Бема и Шулца жителем Полским учиненных, прислать сюда писмянные документы. Реляцеи с челобитчиковыми прошении, и при том с приложенными документами [документ, то есть доказателные писма]. И есть ли на тѣ деревни и мызы у него жалованныя дядѣ его грамоты и другие какие документы или крѣпости. Переправка документа, доказывающаго год рождения [там же…]. Кроме того, слово «документ» часто использовалось в качестве пояснительного синонима к новым иноязычным терминам, применяемых в приказном языке, деловых письмах, текстах законов, указов и уставов: абшид - *документ* об освобождении от крепостной зависимости; отпускная; акт – судебный *документ*,

декларация; ассигнация – *документ,* содержащий распоряжение о денежном платеже; ассигновать – выдать *документ* на платеж или получение денег; баланс - *документ*, счет с итогами прихода и расхода (денег, товаров); бланкет - оформленный и подписанный *документ* (паспорт, подорожная) без указания имени предъявителя; вексель - *документ,* содержащий какие-либо денежные обязательства; паспорт - *документ*, письмо для проезда, проживания или каких-л. занятий на какое-л. время [3]. Ср.: «…с усложнением процесса делопроизводства в XVIII веке в русском языке начинают активно функционировать иноязычные наименования документов…И это наряду с исконными ведомость, ведение, выписка (выпись), грамота, кабала, крепость, отпись, память, прокормежная, пропуск, роспись, сказка» [4]. Ср. также: владенная выпись - юр.; *документ* на право владения имуществом, землей и т. п.; дача - *документ* на владение земельным участком и др.

В XIX – начале XX вв. термин *документ* получает лексикографическую фиксацию в русских лингвистических (прежде всего словарях иностранных слов) и энциклопедических словарях. В этот период сохраняется два ЛСВ в семантической структуре словесного знака, однако меняется их качественное наполнение. Ср.: документ - служащее для обучения; а) письменное удостоверение в чем-либо; б) письменное доказательство в науке [5]; «1) всякая бумага, составленная законным порядком и могущая служить доказательством прав на что-нибудь (прав имущественных, прав состояния, прав на свободное проживательство) или выполнение каких-либо обязанностей (условие, договоры, контракты, долговые обязательства); 2) вообще всякое письменное доказательство [6]; «1) всякая официальная бумага, которая может считаться доказательством каких-либо прав или обязанностей; 2) исторический документ - грамота, указ, закон, письмо, дело и проч., удостоверяющее какое-либо историческое событие или дающее характеристику исторического деятеля; в широком смысле - всякое письменное удостоверение» [7]. «письменное удостоверение; свидетельство, акт; всякая официальная бумага» [8]. Энциклопедические словари исследуемой эпохи отмечают узкое и широкое понимание термина «документ». Так, в словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона 1890–1907 гг. утверждается, что в широком смысле документом называется «всякий материальный знак, служащий доказательством юридических отношений и событий, напр. межевые столбы, определяющие границы владений; билеты на вход в театр; ярлык, взятый у нанятого извозчика; марка швейцара, принявшего платье на сохранение, и т. п.; в узком смысле - бумаги, способные служить письменными доказательствами юридических отношений и событий, напр., векселя, метрические свидетельства, купеческие книги, заемные письма» [9]. Как видно, в плане содержания слова документ, представленного в словарях разных типов, можно выделить ядерные семы «официальная бумага», «составленная в соответствии с законом», «служащая доказательством каких-либо прав». С открытием новых учреждений появляются новые документы и термины для их обозначения, получают закрепление новые синтагматические связи исследуемого словесного знака *(юридический документ, военный документ, гражданский/ административный документ* и др.), формируются новые синонимические ряды (*документ – важная деловая бумага – диплом – свидетельство* [10]) и реализуются деривационные возможности (*документ - документный*). В отмеченный период рукописные письменные и печатные документы создавались на естественном языке, на бумажном материальном носителе с помощью специальных средств документирования, начиная от простейших (перо, ручка чернильная, карандаш и т. п.) и заканчивая механическими средствами (печатная/ пишущая машинка, гектограф, литографы, хромолитографы) [11, с.149], от которых зависели типы создаваемых документов и их неономинации (*индивидуальный документ, трафаретный документ, типовой документ; черновой документ – беловой документ*; *входящий документ, исходящий документ, внутренний документ*; *графический документ, изобразительный документ, фотодокумент и др.).*

Словари русского языка советского периода демонстрируют расширение семантической структуры слова «*документ*» за счет новых ЛСВ с пометой «официальное» и оттенка значения, сопровождаемого пометой «просторечное», и появление новых синонимических связей

(*документ*[2] *– паспорт*). Ср.: документ – 1) деловая бумага, служащая доказательством чего-нибудь, подтверждающая право на что-нибудь (офиц.); 2) письменное официальное удостоверение, свидетельствующее о личности предъявителя (офиц.) || удостоверение личности, паспорт (прост.); 3) акт, письменное свидетельство о чем-нибудь [12]; «1) деловая бумага, служащая доказательством чего-л., подтверждающая право на что-л.; 2) письменное удостоверение, подтверждающее личность предъявителя; 3) письменный акт, грамота, рисунок, какое-л. произведение и т. п., имеющие значение исторического свидетельства, показания» [13]. В советских энциклопедических словарях сохраняется узкая и широкая трактовка термина документ, идущая от традиций формирования дефиниции исследуемого понятия в XIX веке (ср.: *документ* в широком смысле - материальный объект, содержащий информацию в зафиксированном виде и специально предназначенный для её передачи во времени и пространстве; в узком смысле — деловая бумага, подтверждающая какой-либо факт или право на что-то [14]), и предлагаются разные определения термина в зависимости от сферы, в которой он употребляется. Так, в праве под документом понимают письменный акт, составленный в предусмотренной законом форме и удостоверяющий факты юридического значения (рождение лица, получение образования, трудовой стаж). В исторической науке документом обычно называется письменное свидетельство о чём-либо, чаще всего принадлежащие государственному аппарату или общественным организациям [15]. Термин документ в советскую эпоху демонстрирует широкие деривационные возможности: *документовый и документный, документальный* – основанный на документах, подтвержденный документами [16, с. 922], *документальность, документировать, документированный; документик (разг.)*, участвует в формировании новых устойчивых сочетаний (*партийный документ, программный документ партии, документ первичной партийной организации, протокольный документ, документ парторганизации, документы высших партийный органов, агитационный документ, агитдокумент и др.),* в том числе с аббревиатурами в их составе (*документы ГКО, документы Госкомприроды СССР , документы ГПУ СССР, документы МВД СССР, документы о ратификации и денонсации СССР международных соглашений, документы Президиума ЦИК СССР, документы ЦК ВКП(б), документы ЦК РКП(б), документы гражданина СССР*), которые сразу становятся высокочастотными и широкоупотребительными. Отмеченное явление обусловлено прежде всего важной ролью коммунистической партии в жизни советского государства и советского человека.

В условиях современных социальных взаимодействий, специфика которых заключается в том, что они становятся все более абстрактными и неопределенными, «растянутыми» во времени и пространстве, роль документа резко возрастает. Как показали исследования, семантическая структура слова «*документ*» в настоящее время представлена 4-мя ЛСВ, что получает подтверждение в современных лингвистических (документ - I. 1) деловая бумага, служащая подтверждением какого-либо факта или права на что-либо; 2) удостоверение, подтверждающее личность предъявителя или содержащее определённые сведения о его трудовой, общественной и т.п. деятельности; 3) то, что является свидетельством каких-либо событий, фактов истории и т.п. (обычно о произведениях искусства, литературы). II. Файл, создаваемый текстовым процессором - в информатике [17]) и энциклопедических (документ - 1) различные виды актов, имеющих юридическое значение, напр. учредительные документы акционерных обществ и других товариществ, завещание в установленной законом форме, диплом о высшем образовании; 2) документ, удостоверяющий личность, а также определенные права (напр., пенсионное удостоверение, водительские права); 3) письменное свидетельство о каких-либо исторических событиях, фактах; 4) материальный носитель данных (бумага, кино- и фотопленка, магнитная лента, перфокарта и т. п.) с записанной на нем информацией, предназначенный для ее передачи во времени и пространстве [18]) словарях. Кроме того, обнаруживаются изменения в иерархии ЛСВ: новое значение «материальный носитель информации, предназначенный для ее обработки и передачи во времени и пространстве» закрепляется в качестве ведущего значения и занимает позицию ЛСВ №1. Ср.: «документ – 1)

материальный носитель информации, предназначенный для ее обработки и передачи во времени и пространстве; 2) деловая бумага, юридически подтверждающая какой-либо факт или право на что-то» [18]. Отмеченный факт подтверждается в работах современных документоведов: «Документ – семантическая информация, созданная человеком специально для обеспечения социальной коммуникации и зафиксированная любым способом на любом носителе» [19]. Ранее этот носитель определялся уровнем развития технологий допечатной и печатной коммуникаций, в настоящее время передача смыслов осуществляется с помощью искусственных информационных, в том числе компьютерных, языков (знаков) (ср. новую кальку из англ. языка «*электронный документ*» вместо которой с 1970-х использовался двухкомпонентный термин «*машиночитаемый документ*»). Появление новых направлений исследования документа и его характеристик обусловило создание новых терминологических знаков (*документоведение, документалистика, документированный, документационный, документально-информационный* и др.), а также сочетаний (*делопроизводственные документы, «симуляции» документов* и др.), в том числе метафорического характера (*пакет документов, «человеческий документ»* – из сферы современной отечественной литературной критики [20] и др.).

Языковые и экстралингвистические факторы обусловливают изменения синтагматики слова «документ» *(электронный образ документа; архивирование электронного документа, метаданные электронного документа, доступ к электронному документу, оцифровка электронного документа, контент электронного документа и др.*), его парадигматических (в первую очередь синонимических и антонимических) связей (ср. новые антонимы: *традиционный документ – электронный документ; однородный электронный документ – неоднородный/ смешанный электронный документ; статичный электронный документ – динамичный электронный документ; простой электронный документ – составной электронный документ; линейный электронный документ – гиперссылочный электронный документ; детерминированный электронный документ – интерактивный/ недетерминированный электронный документ; платформозависимый электронный документ - платформонезависимый/ кроссплатформенный электронный документ; электронный документ, воспроизводимый без установки на жесткий диск компьютера)* и даже эмпирического (образного) компонента лексической семантики (ср.: *изобразительный электронный документ, электронный аудиодокумент, мультимедийный электронный документ; электронный документ сетевого распространения),* что проявляется в замене образных сем «бумажный», «подписанный ручкой» на семы «электронный», «с электронной подписью». Новый термин «*электронный документ*» становится доминантой новых синонимических рядов: *электронный документ – документ в электронном виде – электронный образ документа - электронная копия документа, изготовленного на бумажном носителе - документ на бумажном носителе, преобразованный в электронную форму путем сканирования с сохранением их реквизитов.* Ср. также: *электронный документ в машиночитаемом виде - электронный документ, созданный в автоматизированном режиме в информационной системе по установленной форме и в установленном формате, обеспечивающем его автоматическую обработку средствами электронно-вычислительной техники и визуализацию для восприятия человеком.*

Таким образом, терминологический знак *документ* прошел длинный путь исторического развития и в настоящее время имеет сложную семантическую структуру, состоящую из четырех ЛСВ, отражающих как сохранение преемственности в оформлении плана содержания исследуемого слова, так и проявление новых тенденций, связанных с закреплением новых смыслов, заложенных в инновационных формах современной коммуникации. В процессе семантического развития слова меняются его денотативный план и эмпирические семы, а также формируются новые широкие синтагматические и парадигматические связи и отношения.

Библиографический список

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 томах; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 4-е изд., стер. Москва : Астрель : АСТ, 2007. Т.1. 573 с.
2. Словарь русского языка XVIII века. СПб.: ИЛИ РАН, 2023 – 2025// https://xviii.iling.spb.ru
3. Заварзина Г.А. Русская лексика государственного управления: история формирования и современные процессы развития: дис. доктора…филол. наук. Воронеж, 2015. 381 с.
4. Шамшин И.В. Иноязычные наименования документов в русской административной лексике XVIII века. URL: http://germanism.livejournal.com/7693.html (дата обращения – 12.09.2024).
5. Михельсон А.Д. Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. Москва: А.И. Манухин, 1865. 718 с.
6. Павленков Ф. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб, 1907. 716 с.
7. Попов М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. М., 1907. 458 с.
8. Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Санкт-Петербург: В.И. Губинский, 1910. 676 с.
9. Брокгауз Ф.А. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского. Санкт-Петербург: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890-1907.
10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. СПб.: ООО «Диамант», 2002.
11. Угрюмова М. В. Делопроизводственная культура государственных учреждений дореволюционной России и особенности документирования деятельности земского самоуправления // Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения. 2019. Т. 19. Вып. 2. С. 147–151.
12. Толковый словарь русского языка/ под ред. проф. Д.Н. Ушакова в 4-х тт./ Государственный институт. Советская энциклопедия. М.: ОГИЗ, 1935 -1940.
13. Словарь русского языка: в 4-х тт. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981-1984. Т. 1-4.
14. Большая советская энциклопедия: в 30-ти т. М.: Советская энциклопедия, 1969–1978.
15. Жуковская О. Д., Гольцев Б. А. Документация советских государственных учреждений. Москва: Московский рабочий, 1970. 143 с.
16. Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. / под ред. В.И. Чернышева. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.
17. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2008. 1536 с.
18. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия, С. Петербург: Норинт, 1997. 1456 с.
19. Столяров Ю. Н. «Документу – альтернативы нет» // Научные и технические библиотеки. 2000. № 3. С. 41–47.
20. Плешкевич Е.А. Методологические проблемы идентификации документа как объекта познания. Ч. 2. Поиски решения противоречия идентификации документа как объекта познания в отечественной библиотечно-библиографической науке // Библиотековедение. 2014. № 2. С. 20-24.

References

1. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes; translated from German and supplemented by O. N. Trubachev. 4th ed., reprinted. Moscow: Astrel: AST, 2007. Vol. 1. 573 p.
2. Dictionary of the Russian language of the 18th century. St. Petersburg: ILI RAN, 2023–2025 // https://xviii.iling.spb.ru
3. Zavarsina G.A. Russian lexicon of state administration: history of formation and contemporary development processes: dis. Ph.D. Philol. Sci. Voronezh, 2015. 381 p.
4. Shamshin I.V. Foreign names of documents in the Russian administrative lexicon of the 18th century // http://germanism.livejournal.com/7693.html, 2009.
5. Mikhelson A.D. Explanation of 25000 foreign words adopted into the Russian language, with indication of their roots. Moscow: A.I. Manukhin, 1865. 718 p.
6. Pavlenkov F. Dictionary of foreign words that have become part of the Russian language. St. Petersburg, 1907. 716 p.
7. Popov M. Complete dictionary of foreign words adopted into the Russian language. Moscow, 1907. 458 p.
8. Chudinov A.N. Dictionary of foreign words that have become part of the Russian language. St. Petersburg: V.I. Gubinsky, 1910. 676 p.
9. Brockhaus F.A. Encyclopedic dictionary / edited by Prof. I.E. Andreyevsky. St. Petersburg: F.A. Brockhaus, I.A. Yefron, 1890-1907.
10. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes. St. Petersburg: Diamant LLC, 2002.
11. Ugryumova M.V. Documenting satate institution activities in pre-revolutionary Russia and the features of zemstvo self-government documentation // News of Saratov University. Series: History. International Relations. 2019. Vol. 19. Issue 2. Pp. 147–151.
12. Explanatory dictionary of the Russian language / edited by Prof. D.N. Ushakov in 4 volumes. State Institute. Soviet encyclopedia. Moscow: OGIZ, 1935-1940.
13. Dictionary of the Russian language: in 4 volumes / edited by A.P. Evgenyeva. 2nd ed., revised and supplemented. Moscow: Russian language, 1981-1984. Vol. 1-4.
14. Great Soviet Encyclopedia: in 30 volumes. Moscow: Soviet encyclopedia, 1969–1978.
15. Zhukovskaya O.D., Goltsev B.A. Documentation of soviet state institutions. Moscow: Moscow worker, 1970. 143 p.
16. Dictionary of modern Russian literary language: in 17 volumes / edited by V.I. Chernyshov. Moscow, Leningrad: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1948–1965.
17. Big explanatory dictionary of the Russian language / edited by S.A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint, 2008. 1536 p.
18. Big encyclopedic dictionary / Chief editor A.M. Prokhorov. 2nd ed., revised and supplemented. Moscow: Big russian encyclopedia, St. Petersburg: Norint, 1997. 1456 p.
19. Stolyarov Y.N. "There are no alternatives to the document" // Scientific and technical libraries. 2000. No. 3. Pp. 41–47.
20. Pleshkevich E.A. Methodological problems of identifying a document as an object of knowledge. Part 2. Seeking a solution to the contradiction of document identification as an object of knowledge in domestic library and bibliographic science // Library science. 2014. No. 2. Pp. 20-24.

УДК 811.161.1
DOI 10.36622/2587-9510.2025.57.2.003

Нижегородская академия МВД России
Нижегородский государственный педагогический университет
имени Козьмы Минина
Кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранного языка и культуры речи
доцент кафедры русского языка и культуры речи
Замальдинов В.Е.
Россия, г. Нижний Новгород,
тел. 8 (831) 421-72-15
e-mail: zvlad-nn@yandex.ru

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia
Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University)
Candidate of philological Sciences,
Associate Professor of the Department of Foreign Language and Speech Culture
Associate Professor of the Department of Russian Language and Speech Culture
Zamaldinov V.E.
Russia, Nizhny Novgorod,
tel. 8 (831) 421-72-15
e-mail: zvlad-nn@yandex.ru

В.Е. Замальдинов

НОВООБРАЗОВАНИЯ НА БАЗЕ АНТРОПОНИМОВ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются словообразовательные неологизмы на базе антропонимов в интернет-коммуникации. Материал исследования – корпус новых лексических единиц, функционирующих в период 2020-2024 гг. Методы и приемы работы – прием сплошной выборки, описательно-аналитический метод, словообразовательный анализ, структурно-семантический анализ. Анализируется такой узуальный способ, как префиксация. Выделяются новые лексические единицы с приставками *анти-, контр-* с семантикой отрицания, *псевдо-* со значением неистинности и ложности. Префиксальные номинации обладают негативной экспрессивностью, отражают противостояние социальных сил в обществе, обозначают ложные авторитеты. Демонстрируются суффиксальные новации. Отмечаются словообразовательные неологизмы с суффиксами *щин(а)* с оттенком неодобрения, *-изм, -изац(ия)* с семантикой отвлеченного состояния, общественно-политического направления. Подобные словообразовательные неологизмы имеют отрицательную экспрессию, в создании которой активное участие принимают маркированные аффиксы. Кроме того, оценочность новых лексических единиц усиливается контекстуальным окружением. Описываются словообразовательные неологизмы, возникшие в результате аффиксоидации (префиксоидации и суффиксоидации). Обращается внимание на словообразовательные неологизмы с компонентами *лже-* с семантикой ‘ложности’ и *-гейт* со значением ‘скандал’. Новые номинации используются для выражения негативной оценки, участвуют в создании определенного имиджа общественно-политического деятеля. Выявляются словообразовательные неологизмы, образованные с помощью неузуальных способов деривации. Рассматриваются новые лексические единицы как результат междусловного наложения. Делается вывод, что окказиональные слова имеют ироническую окраску, привлекают внимание адресата. Результаты исследования могут представлять интерес для филологов, журналистов, специалистов по рекламе и связям с общественностью, а также всех интересующихся активными процессами в области словообразования.

Ключевые слова: словообразовательные неологизмы, антропоним, интернет-коммуникация, способы словообразования, оценочность.

V.E. Zamaldinov

WORD-FORMATION NEOLOGISMS BASED ON ANTHROPONYMS IN INTERNET COMMUNICATION

The article examines the word-formation neologisms based on anthroponyms in Internet communication. The re-

© Замальдинов В.Е., 2025

search material is a corpus of new lexical units operating in the period 2020-2024. Methods and techniques of work – continuous sampling, descriptive and analytical method, word-formation analysis, structural and semantic analysis. Such a conventional method as prefixing is analyzed. New lexical units with prefixes *анти-, контр-* with the semantics of negation, *псевдо-* with the meaning of untruth and falsity are highlighted. Prefixed nominations have a negative expressiveness, reflect the confrontation of social forces in society, and denote false authorities. Suffixal innovations are demonstrated. There are word-formation neologisms with suffixes *-щин(а)* with a hint of disapproval, *-изм, -изац(ия)* with the semantics of an abstract state, socio-political direction. Such word-formation neologisms have a negative expression, in the creation of which marked affixes take an active part. In addition, the evaluativeness of new lexical units is enhanced by the contextual environment. The article describes the word-formation neologisms that arose as a result of affixoidation (prefixoidation and suffixoidation). Attention is drawn to word-formation neologisms with components of *лже-* with the semantics of 'falsity' and *-гейт* with the meaning of 'scandal'. New nominations are used to express a negative assessment, participate in creating a certain image of a public and political figure. Word-formation neologisms formed using non-conventional methods of derivation are revealed. New lexical units are considered as a result of interword overlap. It is concluded that occasional words have an ironic connotation and attract the attention of the addressee. The results of the study may be of interest to philologists, journalists, advertising and public relations specialists, as well as anyone interested in active processes in the field of word-formation.

Keywords: word-formation neologisms, anthroponym, Internet communication, ways of word formation, evaluativeness.

К новым формам русской речи относится интернет-коммуникация (электронная коммуникация, сетевая коммуникация) – взаимодействие участников общения в электронной среде. Она имеет следующие характеристики: дистантность, гипертекстуальность, мультимедийность и т.д. Интернет-коммуникация участвует в формировании таких жанров, как блог, интернет-комментарий, интернет-магазин, поисковая система, социальная сеть, форум, чат, электронная библиотека и др. (см., например: [1]).

Интернет-коммуникация обладает большими возможностями для создания новообразований – неологизмов узуального и неузуального происхождения. Достаточно часто новые лексические единицы образуются от антропонимов. Новообразования участвуют в создании определенного имиджа, привлекают внимание адресата, придают тексту оценочность (см., например: [2; 3]).

Цель исследования – проанализировать новообразования на базе антропонимов в интернет-коммуникации.

Материалом исследования послужил корпус новых лексических единиц, функционирующих в период 2020-2024 гг. Материал был отобран методом сплошной выборки из текстов интернет-коммуникации.

В основу исследования положены работы, посвященные анализу словообразовательных неологизмов. Так, например, Л.В. Рацибурская описывает новые лексические единицы в социокультурном и лингвокогнитивном аспектах [4]. Н.А. Николина рассматривает типы глаголов-неологизмов, которые функционируют в современной русской речи [5]. Л.И. Плотникова и А.А. Тарутина выявляют отантропонимические дериваты, образованные от прецедентных имен, в современных поэтических текстах [6]. Несмотря на определенную разработанность темы исследования, некоторые вопросы нуждаются в уточнении.

Новообразования на базе антропонимов создаются с помощью узуальных и неузуальных способов словообразования. Узуальные способы – это способы, при которых новые лексические единицы образуются по законам современного русского языка. Среди данных способов словообразования для создания новообразований востребованы префиксация, суффиксация, аффиксоидация. Рассмотрим их более подробно.

Широко распространенным в интернет-коммуникации способом словообразования является префиксация – образование новых лексических единиц с помощью присоединения приставки к производящему слову. Так, активны префиксы *анти-, контр-, псевдо-,* выражающие значение противоположности, отрицания, ложности. Проиллюстрируем сказанное: ***Анти-Харрис*** *граффити в Нью-Йорке* (заголовок). *Есть американцы, которые сохранили здравый смысл и не хотят позволить демократам превратить своих детей в транс-уродов* (https://t.me/NE_MIDa/9497) [здесь и далее орфография и пунктуация источников сохранена.

– В.З.]; *Сирийские повстанцы или про-турецкие террористы или* ***анти-асадовские*** *бандиты, выбирайте на свой вкус, вошли в Алеппо* (https://matsam.livejournal.com/5157398.html?ysclid=m4e1z13mc4724565214); *Будут ли выполнять, будут ли дальше выстраивать «платформу* ***анти-Трамп****» с нашими местными соросятами при поддержке Демпартии? Посмотрим. Думаю, вряд ли – поломают* (https://t.me/Politnavigator/153638); *Эта кампания не про-, а* ***контр-Байден****. Ее цель – создать у людей недовольство и ощущение того, что так. Это вброс, чтобы дискредитировать его, но непрямым путем* (https://t.me/dr_alex_sosnowski/12730); *Фермер выдавал себя за Байдена и гонял мексиканских мигрантов у себя по огороду, угрожая им депортацией, чтобы те работали.* ***Псевдо-Байден*** *арестован* (https://t.me/tipanovosti/9172); ***«Псевдо-Собянин»*** *похитил у заслуженного врача России 4 миллиона рублей под угрозой обвинений в спонсорстве ВСУ* (заголовок). *Звонок 82-летнему заслуженному врачу России, бывшему руководителю «Российской детской клинической больницы» Николаю Ваганову поступил от лже-секретаря мэра Москвы. Неизвестная сообщила, что с ним хочет поговорить глава города Сергей Собянин* (https://t.me/mediamedics/9220). Подобные префиксальные новообразования обладают негативной экспрессивностью, отражают противостояние социальных сил в обществе, обозначают ложные авторитеты.

Продуктивны в интернет-коммуникации суффиксальные номинации. При суффиксации формант присоединяется к основе производящего слова. Так, например, встречаются новые номинации с суффиксом *-щин(а)* с оттенком неодобрения: ***Байденовщина*** *пытается выдать за «демократию» уголовный террор криминальной мафии, узурпировавшей власть в обход всех законов, божьих и человеческих* (https://ss69100.livejournal.com/6296142.html?ysclid=m4e242u225216687955); *Новую эпоху можно назвать так –* ***харрисовщина****. Со всеми привходящими... Будет не до смыслов и вопросов о них... словечки бы более-менее правильно расставить. Бодрым шагом – вперед, к планете обезьян!* (https://foto.ru/forums/topics/pro-raznye-strany-i-tyagoty-bytiya/page/156); *Это верный путь, чтобы за ближайшие четыре года покончить не только с Трампом, но и с* ***трамповщиной****, которой так сильно опасалась демократическая часть Америки, и с которой так упорно боролись вовремя уже прошлой предвыборной кампании* (https://dzen.ru/a/Zyu30jtuqhV8KT60?ysclid=m4e254y28x66337068). Новообразования с суффиксом *-щин(а)* обладают негативно-оценочной окраской, которая создается словообразовательным средством.

Функционируют в интернет-коммуникации новые лексические единицы с суффиксами *-изм, -изац(ия)* с семантикой отвлеченного состояния, общественно-политического направления. Приведем примеры: *Об Израиле. Это государство испытывает определенные трудности, которые пытается преодолеть силовым путем. Есть, однако, более эффективный путь. К сожалению, чтобы воспользоваться им, придется поменять руководство страны.* ***Нетаньяхуизм*** *– это не та политическая философия, которая приведет Государство Израиля к процветанию* (https://bantaputu.livejournal.com/952043.html); *Получится это или нет, вопрос интересный, но главное –* ***макронизм*** *в прежнем виде умер, под грузом внутриполитическим и внешнеполитических поражений Макрона* (https://colonelcassad.livejournal.com/9239223.html); ***КимЧенЫнизация*** *идет полным ходом, мы буквально в одной остановке от риторики «платите мне, чтобы я не бомбил Воронеж». Уже скоро* (https://t.me/leonid_volkov/2513); ***«Эрдоганизация»*** *Северного Кавказа – это реальность, которую не хотят замечать. За беспорядками в Дагестане могут стоять турецкие интересы, сообщают источники ИА «Время Пресс»* (https://dzen.ru/a/ZUAGwus__QEY7b6c). Неодобрительная оценка новообразований с суффиксами *-изм, -изац(ия)* создается за счет контекстуального окружения *(трудности, поменять руководство, умер, под грузом <…> поражений, бомбил, не хотят замечать)*.

Зафиксированы в интернет-коммуникации новообразования, созданные с помощью аффиксоидации. Аффиксоиды – это морфемы переходного типа, занимающие промежуточ-

ное положение между корнями и аффиксами. Они делятся на префиксоиды и суффиксоиды. Так, например, лиц с ложным социальным или профессиональным статусом обозначает префиксоид *лже-*: *Папарацци подловили двойника президента на выезде с парковки в США. «Где настоящий Джо?» – вопрошали журналисты, на что* ***лжеБайден*** *только развел руками* (https://t.me/chestnienovosti/8243); ***Лже-Собянин*** *и «генерал ФСБ» украли 1,5 миллиона рублей у пенсионера* (заголовок). *Мошенники синтезировали голос и внешность мэра с помощью нейросетей и по видеозвонку заявили пенсионеру, что через его счет украли деньги федерального бюджета. Затем жертве позвонил «генерал-полковник ФСБ» и выманил у него накопления* (https://t.me/BasicMoscow/27196). Новые номинации с элементом *лже-* имеют негативную оценочность, которая усиливается под влиянием контекста *(развел руками, украли, мошенники, жертва, выманил)*.

Популярны в интернет-коммуникации новые номинации с суффиксоидом *-гейт* со значением ‘скандал’: ***Рашкин-гейт*** (заголовок). *Против депутата Госдумы от КПРФ Валерия Рашкина возбуждено уголовное дело о незаконной охоте (ч. 2 ст. 258 УК)* (https://irek-murtazin.livejournal.com/3169105.html); *Выясняются интересные подробности парижского* ***Дуров-гейта****. Оказывается, французские власти просто-напросто взяли не того человека. И никаких ключей от Телеграма Павел Дуров, как на этом страшненьком рисунке, выдать не может, даже если очень захочет* (https://maysuryan.livejournal.com/2776874.html); ***Чистюхин-гейт****: Роскошь, заграница и инвестиции – как семья зампреда ЦБ живет в условиях санкций* (заголовок). *Пока Россия борется с международными санкциями, близкие родственники Владимира Чистюхина, первого заместителя председателя Центрального банка Российской Федерации, наслаждаются роскошной жизнью за границей, свободно перемещаясь между странами, которые официально враждебно настроены к России* (https://pavelnevolja.livejournal.com/36530.html). Суффиксоид *-гейт* демонстрирует высокую частоту употреблений, участвует в создании негативного имиджа общественно-политического деятеля.

Представлены в интернет-коммуникации новые номинации, возникшие в результате неузуальных способов. При образовании окказионализмов адресант сознательно нарушает нормы языка. Приведем примеры: ***Тигорь*** (заголовок). *Игорь, который настолько лев, что аж тигр* (https://t.me/slovodna/6134) ← *тиг(р)* + *Игорь*; ***Ираничная*** (заголовок). *Ирина, которая общается с помощью иронии, сарказма и пассивной агрессии* (https://t.me/slovodna/6527) ← *Ира* + *ироничная*; ***НевиДимка*** (заголовок). *Дмитрий, который постоянно куда-то исчезает* (https://t.me/slovodna/6866) ← *невидимка* + *Димка*. Игровые новообразования созданы с помощью междусловного наложения. Новые номинации привлекают носителей языка своей оригинальностью, имеют ироническую окраску.

Таким образом, адресант активно создает новообразования на базе антропонимов в интернет-коммуникации. Новые лексические единицы возникают в результате узуальных и неузуальных способов деривации. Новообразования на базе антропонимов обладают, как правило, негативной экспрессивностью, являются эффективным средством создания определенного имиджа общественно-политического деятеля.

Библиографический список

1. Лингвокреативное пространство интернет-коммуникации: коллективная монография / М. В. Иванова, Н. И. Клушина, С. Ф. Барышева [и др.]. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «ФЛИНТА», 2025. 236 с.

2. Замальдинов В.Е. Ключевые элементы в современном медийном словотворчестве // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 1. С. 199-204.

3. Замальдинов В.Е., Хоригути Д. «Коронавирусные» новообразования в языке СМИ и интернет-коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2021. Т.20. № 5. С. 141-152.

4. Рацибурская Л.В. Медийное словообразование на базе антропонимов // Язык-текст-дискурс в новых условиях коммуникации (к 60-летию профессора Т.Б. Радбиля): сборник статей по материалам Международной научной конференции, Нижний Новгород, 22–24 ноября 2023 года. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2023. С. 382-388.

5. Николина Н.А. Тенденции современного глагольного словопроизводства // Русский язык в школе. 2021. Т. 82. № 5. С. 80-85.

6. Плотникова Л.И., Тарутина А.А. Отантропонимические дериваты, образованные от прецедентных имен, в поэтических текстах современных авторов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 9. С. 3056-3061.

References

1. Linguocreative space of Internet communication: a collective monograph / M. V. Ivanova, N. I. Klushina, S. F. Barysheva [et al.]. Moscow: FLINT Limited Liability Company, 2025. 236 p.

2. Zamaldinov V.E. Key elements in contemporary media word coinage // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2017. No. 1. pp. 199-204.

3. Zamaldinov V.E., Horiguchi D. “Coronavirus” innovations in media language and internet communication // Bulletin of Volgograd State University. Series 2: Linguistics. 2021. Vol.20. No. 5. pp. 141-152.

4. Ratsiburskaya L.V. Media word formation based on anthroponyms // Language-text-discourse in new conditions of communication (to the 60th anniversary of Professor T.B. Radbil): collection of articles based on the materials of the International Scientific Conference, Nizhny Novgorod, November 22-24, 2023. Nizhny Novgorod: National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 2023. pp. 382-388.

5. Nikolina N.A. Tendencies in modern verbal derivation // Russian language at school. 2021. Vol. 82. No. 5. pp. 80-85.

6. Plotnikova L.I., Tarutina A.A. Anthroponym-based derivatives formed from precedent names in the poetic texts of contemporary authors // Philological sciences. Questions of theory and practice. 2024. Vol. 17. No. 9. pp. 3056-3061.

УДК 81’373.2
DOI 10.36622/2587-9510.2025.57.2.004

Воронежский государственный технический университет
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Кузьминых Е.О.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: eleshka-82@yandex.ru,
тел. +7(900) 928-52-23

Voronezh State Technical University
the chair of Russian language and cross-cultural communication,
PhD, associate professor
Kuzminykh E.O.
Russia, Voronezh,
e-mail: eleshka-82@yandex.ru,
тел. +7(900) 928-52-23

магистрант направления «СМИ и Интернет» кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Старцева Е.Д.
Россия, г. Воронеж
e-mail: liz.startzeva@yandex.ru

Master's degree program "Mass Media and the Internet" Department of Russian Language and Intercultural Communication
Startseva E.D.
Russia, Voronezh
e-mail: liz.startzeva@yandex.ru

Е.О. Кузьминых, Е.Д. Старцева

ЭРГОНИМЫ СПОРТИВНОЙ СФЕРЫ Г. ВОРОНЕЖА И ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

В данной статье рассматриваются особенности языкового оформления названий спортивных объектов и организаций города Воронежа и Воронежской области, определяются принципы их номинации. Сделан акцент на значении рассматриваемых эргонимов, их роли в создании образа территории и привлечении внимания потенциальных потребителей. Обозначена разная степень мотивированности названий спортивных объектов. Всего проанализировано 257 наименований спортивных заведений, классифицированных по различным основаниям. Дается характеристика эргонимов спортивной сферы, образованных от антропонимов, топонимов, мифонимов, зоонимов, фитонимов и т.д. Исследуется семантика выделенных групп наименований спортивных объектов. Выявлено, что самую многочисленную группу наименований исследуемой сферы составляют оттопонимные эргонимы. Внутри данной группы выделены эргонимы, указывающие на принадлежность к городу, региону или организации; свидетельствующие об отношении заведения к конкретному району города; на расположение спортивного объекта в конкретной точке городско локуса и т.д. В качестве отдельной группы проанализированы эргонимы, связанные с культурой античности и в большинстве своем отсылающие к Олимпийским играм, культу здорового тела, а также способствующие позиционированию спортивного объекта как значимой части городского ландшафта. Отмечено, что ряд названий спортивных заведений содержит указание на пол или возраст потребителей услуг, что способствует привлечению конкретных групп потребителей. Выявлено, что, в отличие от официальных названий спортивных школ, наименования спортивных комплексов и финтес-центров обладают большей вариативностью и менее строгой семантической нагрузкой. Намечаются перспективы дальнейших исследований спортивных эргонимов г. Воронежа и Воронежской области. Исследование представляет интерес для специалистов в области лингвистики, социологии и регионального управления, поскольку помогает лучше понять механизмы функционирования эргонимов в городской среде и определить перспективы развития спортивного пространства региона.

Ключевые слова: спорт, эргонимы, г. Воронеж, языковой портрет, лингвистический ландшафт, семантика.

© Кузьминых Е.О., Старцева Е.Д., 2025

E.O. Kuzminykh, E.D. Startseva

ERGONYMS OF THE SPORTS SPHERE OF VORONEZH AND THE VORONEZH REGION

This article examines the peculiarities of the linguistic design of the names of sports facilities and organizations in the city of Voronezh and the Voronezh region, and defines the principles of their nomination. The emphasis is placed on the meaning of the ergonyms under consideration, their role in creating an image of the territory and attracting the attention of potential consumers. The different degrees of motivation of the names of sports facilities are indicated. A total of 257 names of sports facilities were analyzed, classified on various grounds. The characteristic of ergonyms of the sports sphere, formed from anthroponyms, toponyms, mythonyms, zoonyms, phytonyms, etc. is given. The semantics of the selected groups of names of sports facilities is investigated. It is revealed that the most numerous group of names of the studied sphere are ottonymous ergonyms. Ergonyms are identified within this group, indicating belonging to a city, region, or organization; indicating the institution's relationship to a specific area of the city; the location of a sports facility at a specific point in the urban locus, etc. Ergonyms associated with the culture of antiquity and mostly referring to the Olympic Games, the cult of a healthy body, as well as contributing to the positioning of a sports facility as an important part of the urban landscape are analyzed as a separate group. It is noted that a number of names of sports facilities contain an indication of the gender or age of consumers of services, which helps to attract specific groups of consumers. It has been revealed that, unlike the official names of sports schools, the names of sports complexes and fitness centers have greater variability and less strict semantic load. Prospects for further research of sports ergonyms of Voronezh and the Voronezh region are outlined. The study is of interest to specialists in the field of linguistics, sociology, and regional management, as it helps to better understand the mechanisms of ergonyms functioning in an urban environment and determine the prospects for the development of the region's sports space.

Keywords: sports, ergonyms, Voronezh, linguistic portrait, linguistic landscape, semantics.

Спортивная сфера, будучи высокодинамичной и социально значимой частью городской жизни, демонстрирует особую систему языковых единиц, отражающих как общие тенденции развития городского лексикона, так и специфические особенности местной языковой культуры. Спортивные эргонимы, выступая маркерами идентичности и конструируя социальное пространство, содержат богатую информацию о ценностных ориентирах, социальных практиках и культурных кодах воронежского общества. Изучение спортивных эргономов города позволяет выявить влияние историко-культурных процессов на локальную языковую картину, определить преобладающие семантические тенденции в языковом оформлении спортивной инфраструктуры. Анализ эргонимов, учитывающий социокультурный контекст, дает возможность выяснить степень влияния идеологических и коммерческих факторов на формирование языковой облика городского пространства, а также рассмотреть вопрос о взаимосвязи между языковой идентификацией и чувством принадлежности к городу со стороны его жителей.

Основной целью данной статьи является выявление особенностей языкового оформления спортивных объектов и организаций города Воронежа и Воронежской области. Раздел языкознания, в рамках которого изучаются имена собственные, специфику их происхождения, развития, характерные особенности, называется ономастика. Единицей анализа в рамках данного раздела является оним – «собственное имя (оним) – слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект» [1; с. 341]. Одним из видов онимов являются эргонимы.

Согласно определению Н.В. Подольской, под эргонимом следует понимать «разряд онима, собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [1; с. 18]. В рамках данной статьи ценным является подход Т.В. Шмелевой, которая в работе «Ономастикон российского города» предлагает рассматривать эргонимы как подтип урбанонимов [2; с.77], поскольку они связаны с пространственной локализованностью и городской средой, играют важную роль в формировании лингвистического ландшафта города, отражают его социальную структуру и функциональную организацию.

Эргонимы представляют специфическую категорию языковых единиц, которые играют значительную роль в современном коммуникационном процессе. Они могут включать как личные имена, так и названия организаций, брендов и даже событий, делая их универсальными инструментами для обозначения уникальных объектов в языке. Их основная функция заключается в идентификации и дифференциации, они позволяют участникам коммуникации точно понимать, о каком объекте или субъекте идет речь, что особенно важно в условиях растущей глобализации и многообразия культур, где однозначность и точность в общении становятся необходимыми.

Эргонимы также выполняют прагматическую функцию и несут определенную семантическую нагрузку. Их коннотации варьируются в зависимости от культурного контекста и социального окружения. Например, имя известного ученого или общественного деятеля, включенное в состав эргонима, может вызывать ассоциации с его достижениями, личными качествами или даже с определенными историческими событиями. Таким образом, эргонимы можно рассматривать как семиотические знаки, передающие многослойные значения и служащие важным инструментом коммуникации. В современных условиях эргонимы находят широкое применение в различных областях, включая маркетинг, рекламу, политику и медиа. Они активно участвуют в формировании социальной реальности, отражая и конструируя культурные и исторические контексты.

Спортивные эргонимы г. Воронежа и Воронежской области представляют интересное поле для лингвистического анализа, поскольку отражают как спортивные достижения города, так и особенности языкового ландшафта.

Согласно исследованиям, проведенным агентством FitnessData, деятельность которого направлена на изучение рынка фитнес-услуг, «в 2024 году объем российского фитнес-рынка составил 262.8 млрд. руб. Рынок показал рекордные темпы прироста за последние 7 лет. Общее число фитнес-объектов перевалило за 14 тыс., а число открытий новых объектов – за 430» [3]. Развитие спортивной индустрии г. Воронежа коррелирует с общероссийской тенденцией: увеличение их количества, появление новых участников и форм спортивных заведений, усиление их значимости внутри городского пространства. Поскольку в спортивной среде существует высокая конкуренция, ключевой задачей становится идентификация спортивного объекта и привлечение новых клиентов. Решению указанной задачи способствует удачно выбранное название спортивного объекта, вызывающее положительные ассоциации. Сегодня имеет смысл говорить о том, что рост количества спортивных объектов в г. Воронеже и Воронежской области, каждый из которых имеет индивидуальное название, приводит к изменениям и корректировке лингвистического ландшафта города.

Материалом исследования в настоящей работе являются эргонимы спортивной среды г. Воронежа и Воронежской области. В работе используются метод компонентного анализа, статистический и лингвопсихологический методы, а также метод лингвистического наблюдения и описания.

В ходе исследования нами было выявлено, классифицировано и проанализировано 257 наименований спортивных заведений г. Воронежа и Воронежской области, поиск которых производился в приложении 2 ГИС способом сплошной выборки. Обозначим некоторые (ключевые) семантические группы, по которым была распределена существенная часть выявленных эргонимов.

Самую многочисленную группу наименований составили оттопонимные эргонимы. В ней представлены наименования, связанные с географическими объектами или местами, указывающие на локальную идентичность и привязку к определённой территории. Данные названия призваны обозначить местоположение спортивного объекта или его соотнесенность с определенным пространственным локусом. В рамках данной группы можно выделить несколько подгрупп.

Названия, обозначающие принадлежность спортивного объекта городу, региону или экономическому району: фитнес-клубы *«Дзюдо Черноземье», «Fitclub_vrn», «Jumpman Voronezh»,*

детский футбольный клуб *«Воронеж»*, спортивный клуб художественной гимнастики *«Черноземье»* и др.

Наименования, свидетельствующие о местонахождении спортивного объекта внутри городского пространства, в соответствии с его членением на районы и жилые микрорайоны: спортивный комплекс *«Придонской»,* спортивный зал *«Тенистый»*, центр развития физической культуры и спорта *«Отрадное»*, спортивный комплекс *«Центральный»*, тренажерный зал *«Юго-Западный»*, ледовый дворец *«Арена Север».* Последнее из указанных названий является мотивированным, поскольку одновременно указывает на функциональный тип спортивного заведения (место, где лед, ледовые виды спорта) и на местоположение объекта – Северный жилой район.

Названия, указывающие на расположение спортивного объекта в конкретной точке городского пространства, в жилом квартале, рядом или внутри известного воронежцам городского локуса: фитнес-центр *«Корона»* (находится на территории жилого комплекса «Северная корона»), клуб единоборств *«Невский»* (название отсылает к местоположению на ул. Вл. Невского) и т.д. Название клуба единоборств *«Невский»* является мотивированным, поскольку представляет собой антропотопоним, отсылающий не только к названию улицы, но и к имени полководца, с которым связано представление о выдающихся победах во время Невской битвы и Ледового побоища.

К указанной подгруппе наименований примыкают эргонимы, дающие преставление о том, как данное пространство вписано в городской ландшафт. Например, название спортивного клуба *«Авеню»* (в переводе «проспект») указывает на расположение заведения рядом с улицей Московский проспект; фитнес-клуб *«Квартал»* расположен внутри городской застройки и позиционируется как небольшой, уютный тренажерный зал, расположенный в густонаселенном спальном районе города; тренажерный клуб «Подвал», находится в соответствующей части здания РАНХиГС и т.д. В эту группу следует включить и фитнес-клуб *«Metrofitness».* Название данного заведения связано с тем, что первый из подобных клубов располагался около метро в г. Екатеринбург. Несмотря на то, что данное название входит в описываемую семантическую группу, оно не соответствует особенностям городского пространства г. Воронежа (в городе нет метро) и воспринимается в рамках лингвистического ландшафта как инородное.

В качестве отдельной подгруппы наименований стоит обозначить такие, как тренажерный зал *«InfizGym»*, спортивный комплекс *«Шинник»*, спортивный комплекс *«Согдиана»* (построен на территории бывшего ск. «Строитель»). Все указанные онимы отсылают к названию организации, частью которой они являются: Институт физкультуры, гостиничный комплекс «Согдиана», Шинный завод.

Большую группу составляют эргонимы, образованные от топонимов, связанных с культурой Древней Греции и Древнего Рима: спортивный клуб *«Акрополюс»,* фитнес-клуб *«Колизей»,* спортивный клуб *«Олимп»* спортивный клуб *«Акрополюс»* (Акрополь – в Древней Греции – находящаяся на возвышенном месте укрепленная часть города, которая служила защитой во время опасности), фитнес-клуб «Колизей» (Колизей – амфитеатр, памятник архитектуры Древнего Рима, наиболее известное и одно из самых грандиозных сооружений Древнего мира, сохранившихся до нашего времени), спортивный клуб *«Олимп»* (Олимп – в древнегреческой мифологии; обиталище, а также собрание, сонм богов). В основе данных наименований лежит ассоциативная связь. Все они отсылают к античной культуре, Олимпийским играм, культу сильного и здорового тела. Помимо этого данные названия ассоциируются с грандиозными, монументальными архитектурными сооружениями, что способствует восприятию указанных спортивных заведений как масштабного объекта, значимой части культурного ландшафта города,

Вторую по численности группу наименований составляют отантропонимные эргонимы, в состав которых входит имя вымышленной или реальной персоны. Внутри данной группы можно выделить несколько подгрупп. Наименования спортивных школ и секций, которые

представляют собой сложные эргонимы, ключевым элементом которых является фамилия спортсмена или тренера, достигшего выдающихся успехов в данном виде деятельности: «*Спортивный клуб им. МС СССР по боксу Жердева В.И.», «Школа единоборств Тараса Бабкина», «Дворец спорта имени Василия Меркулова», «ГБУ ВО «СШОР по прыжкам в воду им. Д. Саутина», ГБУ ВО «СШОР по волейболу имени Владимира Паткина»* и др. *«ГБУ ВО «СШОР по прыжкам в воду им. Д. Саутина»* является примером ономастической номинации, где имя Дмитрия Саутина, легендарного прыгуна в воду, выступает как основной семантический компонент, формирующий образ и престиж учреждения. Использование имени собственного, не просто констатирует факт присвоения имени, но и создаёт позитивный имидж, связанный с достижениями Д. Саутина, способствуя популяризации вида спорта и привлечению спортсменов. С лексической точки зрения, имя служит маркером, вызывающий у реципиента ассоциации с высоким профессионализмом и победами.

Аналогичный приём использования имени собственного наблюдается в названии *«ГБУ ВО «СШОР по волейболу имени Владимира Паткина».* Имя Владимира Паткина, выдающегося советского волейболиста и тренера, служит в данном случае маркером идентификации и выступает как элемент исторической памяти, подчёркивая вклад спортсмена в развитие волейбола в Воронеже и в стране. Антропоним в данном названии создает акцент на значимости исторического наследия и на роли личности в формировании спортивной культуры города. В подобных названиях может содержаться отсылка не только к имени известного воронежца, но и к знаковой для страны спортивной личности, как, например, в названии: *«Стадион имени. Л.И. Яшина».* Данный эргоним также выполняет мемориальную функцию, способствует включению данного спортивного пространства в языковой ландшафт страны.

Следующая подгруппа – это названия, в состав который входит антропоним, отсылающий к фамилии владельцев и основателей данного спортивного заведения или названного по имени владельца: *«Студия балета и растяжки Екатерины Плошкиной», «*Zavelskaya ProFitness*», «Фитнес-студия Елены Гребенниковой», «Alex Fitness», «Святослав», «Надежда», «МелАнна» и т.д.* Возникновение указанных заведений относится к рубежу XX – XXI веков, а их названия являются следствием экономических процессов данного периода, перехода от государственной к частной форме собственности и желания владельца идетнифицировать себя через принадлежащий ему объект, стать частью публичного поля и языкового пространства города.

Эргонимы, образованные на основе прецедентных имен, которые призваны отразить специфику спортивных заведений посредством идентификации с исторической фигурой. В качестве примера можно привести названия клубов единоборств: *«Дмитрий Донской», «Невский», «Спартак»,* которые отсылают к конкретным историческим личностям, имеющими в национальной картине мира связь с победами в значимых для страны и мировой истории сражениях, являющихся символами воинской доблести и мужества.

Эргонимы, образованные от собственного имени «вымышленного объекта любой категории в мифах и сказаниях» [4; с. 109]. Разряд данных онимов в языкознании получил название мифонимы. К эргонимам, образованным от мифонимов, относятся названия следующих спортивных заведений: тренажерный зал *«Аполлон»,* спортивный комплекс *«Прометей»,* стадион *«Атлант»,* фитнес-клубы *«Наяда», «Фетида», «Нимфея»,* стадион *«Атлант», «X-fit studio Kratos»,* спортивные клубы *«Сварог» и «Волот»,* школа плавания *«Нептун»* и т.д. Большинство данных названия являются мотивированными, поскольку, либо отсылают к сфере деятельности, с которой в массовом сознании соотносится данный мифологический персонаж (например, Нептун – это бог морей и потоков, поэтому присвоение его имени школе плавания вполне оправдано), либо способствуют трансляции представлений о внешних и внутренних качествах, свойственных обладателю имени и которыми хотели бы обладать посетители данных заведений. Например, фитнес-клубы *«Наяда», «Фетида», «Нимфея»* ориентированы на потребителей-женщин и носят имена нимф, представляющих собой хрупких, утонченных девушек, олицетворяющих в мифах живительные и плодоносные силы земли, а

тренажерные залы *«Аполлон»* и «*Самсон»* ориентированы на мужчин, и их названия ассоциируется с древнегреческим богом, являющимся олицетворением «мужской красоты» и ветхозаветным героем, обладающим нечеловеческой силой. Указанные названия являются следствием общеязыковой тенденции, о которой говорит Т.А. Кадоло: «Достаточно часто имена богов и героев становятся наименованиями различных заведений на основе ассоциативной связи между характеристиками персонажа и обозначенного объекта» [5; с. 54]. Названия, в которых используются такие имена, как Промтей, Сварог, Кратос и т.д., вызывают ассоциации с богами, возглавляющими пантеоны и символизирующими мощь, основательность, масштабность.

Довольно обширную группу рассмотренных названий спортивных объектов представляют отзоонимные эргонимы. Ее можно разделить на две подгруппы. В первую подгруппу нами были включены наименования, связанные с названиями реально существующих животных и птиц. Приведем примеры спортивных заведений, имеющих подобные названия: стрелковый клуб *«Волк»,* фитнес-клуб *«Lion»,* фитнес-клуб «*Elefant»*, центр художественной гимнастики *«Leo»,* фитнес-студия *«Cross pitbull»,* центр спортивного каратэ *«Ирбис»,* фитнес-студия *«Колибри»,* фитнес-клуб *«Квезаль»,* клуб тайского бокса *«Медведь»,* академия фигурного катания *«Рысь»,* спортивный клуб *«Pantera»,* студия растяжки *«Panthera Stretch»,* школа плавания *«Дельфин*», клуб единоборств *«Белый тигр»,* клуб смешанных единоборств *«Анаконда*», клуб каратэ для детей *«Panda»* и т.д. Выбор названия, ассоциирующегося с диким животным, призвано актуализировать семантику силы, мощи, брутальности, скорости, ловкости, агрессии, надежности, грации. Чаще всего подобные наименования присваиваются спортивным заведениям, деятельность которых связана с единоборствами, боевыми искусствами, военным делом и ориентирована на мужчин. Отметим, что в Воронеже существуют клубы, в названии которых входит наименование одного и того же животного, однако транслируют они разные смыслы: в названии спортивного клуба каратэ «Pantera» актуализированы агрессия и изворотливость животного, а в составном названии «Panthera Stretch» сделан акцент на мягкости и гибкости, о чем свидетельствуют и логотипы данных заведений. Стоит отметить, что при наименовании детских спортивных клубов, частотно использование эргонимов, образованных от зоонимов. Как правило, данные названия апеллируют к миролюбивым животным, таким как слон или панда, или используют наименования детеныша дикого животного, например, *«Leo».* Семантика названий, отсылающих к пернатым, например, *«Колибри»* и *«Квезаль»*, – яркий, активный, о чем свидетельствует и информация, размешенная на страницах данных организаций в ВК: *«Колибри»* – это фитнес-студия для тех, кто хочет жить яркой, насыщенной и динамичной жизнью и становиться ближе к своим целям» [6]. Отметим, что, если понимание значения названия *«Колибри»* не вызывает затруднений, семантика названия *«Квезаль»* (при всей его звучности) не столь прозрачна.

Что касается второй подгруппы, то сюда следует включить эргонимы, образованные от названий вымышленных, мифических животных, например, фитнес-клуб *«Hydra gym»* (гидра – в древнегреческой мифологии змееподобное многоголовое чудовище), фитнес-клуб «Феникс» (Феникс – мифологическая долгоживущая птица, возрождающаяся после гибели), школа олимпийского каратэ *«Амарок»* (Амарок – гигантский волк в эскимосской мифологии, пожирающий неосторожных охотников). В данном случае мы можем говорить о слабой мотивированности наименований (или ее отсутствии). По мнению Т.О. Прокофьевой, «случаи немотивированного использования прецедентных онимов в качестве основ номинаций объясняются личными симпатиями номинаторов, либо культурологическими ошибками в выборе прецедента» [7; с.196].

Небольшая часть Воронежских спортивных эргонимов образована от фитонимов. Это такие названия как: «Эдельвейс», «Орехи», «Малина», «Имбирь», «Мята» «Liana», «Лотос», «Сакура» и т.д.). Большая часть указанных названий имеет знаковую природу, поскольку апеллирует к скрытым смыслам, связанным в сознании потребителей с этими растениями. Так, например, цветок эдельвейс считается символом стойкости, благородства и храбрости,

поэтому подобное название федерации боевых искусств является мотивированным. Одним из качеств, которым должен обладать спортсмен, занимающаяся в центре воздушной гимнастики, является гибкость, и название «Liana» (понятие, обозначающее все вьющиеся и лазящие растения) как нельзя лучше отражает специфику заведения. Удачным является и название школы айкидо «Сакура», поскольку айкидо – это современный комплекс японских упражнений, а наиболее известным символом страны восходящего солнца является сакура.

Спортивные заведения с названиями *«Орехи», «Имбирь»* ориентированы на женскую аудиторию и позиционируются как фитнес-центры, где можно получить сексуальное тело. Название клуба *«Орехи»* связано с употреблением данного слова в молодежном сленге, где «орех/орехи» обозначают ягодицы девушки, что нашло отражение в устойчивом выражении «попа как орех». По всей вероятности, название *«Имбирь»* мотивировано характеристиками растения. Известно, что употребление имбиря способствует жиросжиганию, помимо этого одна из наиболее устойчивых ассоциаций связанная с ним – жаркий, горячий, обжигающий. Согласно словарю под редакцией А.П. Евгеньевой, одно из значений слова «жаркий» – это «пылкий, страстный», а также «интенсивный и напряженный» [8], что в полной мере отражает специфику деятельности студии. Данный клуб ориентирован на женщин, поэтому его название призвано создать ощущение, что здесь женщина сможет избавиться от лишнего, превратившись в страстную красавицу. К свойствам растения отсылает и название сети студий йоги *«Мята»*. Занятие йогой позиционируются как средство, способствующее душевному равновесию, а мята известна как ароматное растение, употребление которого способствует снятию стресса. Мы полагаем, что и название фитнес-клуба «Малина» транслирует значение, имеющееся у данной лексемы в воровском жаргоне: «что-л. хорошее, вольготное, удобное»; «место, где много женщин» [9]. Кроме того, в русском языке существует фразеологизм «не жизнь, а малина», который, согласно словарю А.И. Федорова, имеет значение «одно удовольствие (о беззаботном, радостном существовании)» [10; с. 878]. Таким образом, данное название призвано сформировать представление о данном фитнес-клубе как об удобном, комфортном пространстве, посещение которого должно принести женщинам радость и доставить удовольствие.

Отдельную группу эргонимов составляют нейтральные названия, например, *«Фитнес-клуб», «Спортивный комплекс», «Тренажёрный зал»*. Они не несут ярко выраженной семантической нагрузки, но могут быть привлекательными для широкой аудитории с маркетинговой или рекламной точек зрения.

Необходимо отметить, что в ряде случаев названия содержат указание на пол или возраст, тем самым заранее определяя целевую аудиторию, так, например, *«Lady gym, «Lady stretch», «Only girls», «Женское фитнес общество»* явно ориентированы на женскую аудиторию, а «Good guys» – на мужскую, а названия спортивных организаций: «Football for girls», *«Гимнасточка», «Мини грация», «Юность», «СпортИкидс»,* – свидетельствуют об ориентации деятельности данных организаций на детей и подростков.

В отличие от официальных названий спортивных школ, наименования спортивных комплексов и фитнес-центров обладают большей вариативностью и менее строгой семантической нагрузкой. Так, например, названия спортивных комплексов *«Факел» и «Звёздный»* представляют метафорические наименования, привлекающие внимание за счёт образного характера и ассоциативной связи с понятиями энергии, устремлённости и успеха. С лексической точки зрения данные названия относятся к категории ярких, эмоционально насыщенных, с высокой степенью абстрактности. Они не отсылают к конкретным историческим личностям или событиям, а создают широкий спектр ассоциаций с победой, светом, высотой, Олимпиадой и т.д .

Анализ спортивных эргонимов Воронежа показывает наличие разнообразных языковых стратегий, используемых для наименования спортивных объектов. От официальных и патриотически нагруженных названий спортивных школ, где имена выдающихся спортсменов выступают в качестве ключевого семантического компонента, до более свободных и образ-

ных названий, отражающих современные языковые тенденции, что и подтверждает многогранность и динамичность лингвистического ландшафта города, отражающего спортивную историю и культуру.

Дальнейшие исследования спортивных эргонимов г. Воронежа могут быть направлены на углубленный анализ социолингвистических аспектов, выявление и описание ассоциативных семантических групп. Необходимо провести сравнительное исследование эргонимов с аналогичными наименованиями других российских городов для выявления региональных особенностей и общероссийских тенденций. Особое внимание следует уделить изучению когнитивных аспектов, описанию культурных кодов и стереотипов, заложенных в наименованиях. Кроме того, перспективным направлением является исследование влияния наименований спортивных объектов на формирование языкового сознания горожан. В этом контексте интерес представляют социологические опросы и анкетирование, позволяющие оценить восприятие и использование спортивных эргонимов разными социальными группами.

Библиографический список

1. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. отв. ред. А. В. Суперанская. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.

2. Шмелева Т. В. Ономастикон российского города. Саарбрюккен : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 137 с.

3. Итоги 2024 года на рынке фитнес-услуг России: динамика, регионы, тренды // URL: https://fitness-pro.ru/biblioteka/itogi-2024-goda-na-rynke-fitnes-uslug-rossii-dinamika-regiony-trendy/ (дата обращения: 02.02.2025).

4. Кузнецова Н.Ю. Функционирование мифонимов в немецких и русских сказках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 7(49). Часть 1. С.109-111.

5. Кадоло Т.А. Культурные смыслы в наименованиях торговых объектов города Абакана: способы трансляции и разновидности // Язык и культура.2013. № 3(23). С.46-55.

6. Фитнес-студия «Колибри» | Мкр. Шилово // URL: https://vk.com/colibrifitness_shilovo (дата обращения: 02.02.2025).

7. Прокофьева Т. О. Мифы и сказки как источник эргонимических номинаций (на примере ономастикона Тамбовской области) // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2023. № 1(23). С. 49-61.

8. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL:https://lexicography.online/explanatory/mas/search?s=%D0%B6%D0%B0%D1%80%D0%BA%D0%B8%D0%B9 (дата обращения: 02.02.2025).

9. Елистратов В.С. Словарь русского арго: (Материалы 1980-1990-х гг.): Ок. 9000 слов, 3 000 идиомат. выражений / В. С. Елистратов; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Москва : Рус. слов., 2000. 693 с. // URL: https://rus-russian-argo.slovaronline.com/ (дата обращения: 02.02.2025).

10. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М. Астрель: АСТ, 2008. 878 с.

References

1. Podolskaya N. V. Dictionary of Russian onomastic terminology. ed. by A.V. Superanskaya. 2nd ed., revised and add. M.: Nauka, 1988. 192 p.

2. Shmeleva T. V. Onomasticon of the Russian city. Saarbrucken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. 137 p.

3. Results of 2024 in the Russian fitness services market: dynamics, regions, trends // URL: https://fitness-pro.ru/biblioteka/itogi-2024-goda-na-rynke-fitnes-uslug-rossii-dinamika-regiony-trendy / (date of access: 02.02.2025).

4. Kuznetsova N.Y. The functioning of mythonyms in German and Russian fairy tales // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2015. № 7(49). Part 1. pp.109-111.

5. Kadolo T.A. Cultural meanings in the names of commercial objects of the city of Abakan: methods of translation and varieties // Language and Culture.2013. No. 3(23). pp.46-55.

6. Kolibri Fitness Studio | Mkr. Shilovo // URL: https://vk.com/colibrifitness_shilovo (date of reference: 02.02.2025).

7. Prokofieva T. O. Myths and fairy tales as a source of ergonymic nominations (on the example of the onomasticon of the Tambov region) // Science of Man: Humanitarian Studies. 2023. No. 1(23). pp. 49-61.

8. Dictionary of the Russian language: In 4 volumes / RAS, Institute of Linguistics. research; Edited by A. P. Evgenieva. 4th ed., Moscow: Rus. yaz.; Polygraph Resources, 1999. URL:https://lexicography.online/explanatory/mas/search?s=%D0%B6%D0%B0%D1%80%D0%BA%D0%B8%D0%B9 (date of reference: 02.02.2025).

9. Elistratov V.S. Dictionary of Russian Argot: (Materials from the 1980s and 1990s): Approx. 9,000 words, 3,000 idioms. expressions / V. S. Elistratov; Moscow State University named after M.V. Lomonosov. Moscow : Rus. slovo, 2000. 693 p. // URL: https://rus-russian-argo.slovaronline.com / (date of access: 02.02.2025).

10. Fedorov A.I. Phraseological dictionary of the Russian literary language: approx. 13,000 phraseological units. 3rd ed., ispr. M. Astrel: AST, 2008. 878 p.

УДК 81.42
DOI 10.36622/2587-9510.2025.57.2.005

Нижневартовский государственный университет
старший преподаватель кафедры филологии, лингводидактики и перевода
Фоменко Е.А.
Россия, г. Нижневартовск
тел.: +79825237027
e-mail: fomenko.elen@yandex.ru

Nizhnevartovsk State University
Senior lecturer of the Department of Philology, Language Education and Translation Studies
Fomenko E.A.
Russia, Nizhnevartovsk
tel. +79825237027
e-mail: fomenko.elen@yandex.ru

Е.А. Фоменко

МЕЖТЕКСТОВАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ПРИ ВТОРИЧНОМ ТЕКСТООБРАЗОВАНИИ

В статье рассматривается явление межтекстовой эквивалентности при вторичном текстообразовании. Цель исследования состоит в выявлении и описании разновидностей межтекстовых соответствий, отражающих степень информативной и смысловой равнозначности содержания вторичных текстов по отношению к тексту-источнику. Актуальность работы определяется возрастающим вниманием к проблеме выбора языковых средств при создании производных текстовых источников в информационно-коммуникативной сфере, которая требует решения задачи эффективного взаимодействия с адресатом на основе достоверного информирования. Материалом исследования послужили информационно-новостные статьи 15 электронных версий российских изданий за период с 2018 по 2024 годы, содержащие предтекстовую часть и основной текст. Исследование основано на функциональном и ситуативном подходах, включающих критерии функциональной и семантической общности, а также предметной или ситуативной соотнесенности ключевых языковых единиц. Для оценки информационных и смысловых соответствий предтекста и текста статьи использовались методы интертекстуального, сравнительного, контекстуального и интерпретационного анализа. В результате выполненного исследования установлено, что возникающие в процессе создания производных текстов модификации могут быть связаны с преображением смысловых акцентов или с приращением смыслов, с изменением коммуникативных задач и обусловлены проявлением авторского отношения к анонсируемым событиям. Проведенный анализ позволил выявить наиболее характерные для изученных текстов изменения, отражающие различную степень содержательно-информативной и смысловой эквивалентности вторичных текстов по отношению к базовому тексту. Новизна и теоретическая значимость работы заключаются в привлечении актуального языкового материала, в обосновании роли используемых во вторичных текстах языковых преобразований в проявлении межтекстовой эквивалентности на содержательном уровне. Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов в вузовских курсах теории текста, в практике составления вторичных текстов различных жанров.

Ключевые слова: межтекстовая эквивалентность, степень эквивалентности, вторичные тексты, предтекст, языковые преобразования.

E.A. Fomenko

INTERTEXTUAL EQUIVALENCE IN SECONDARY TEXT FORMATION

This paper deals with intertextual equivalence in secondary text formation. The study purpose is to identify and describe intertextual correspondence varieties reflecting the informative and semantic equivalence degree of the secondary text content towards the source text. The research relevance is highlighted by the language means selection problem when creating derivative texts in the media sphere, which requires effectively relaying reliable information to the recipient. The research material comprises newspaper articles of 15 Russian e-version publications from 2018 to 2024, containing the pre-text part and the main text. The study is based on functional and situational approaches, including functional and semantic correlation, and on key language unit subject or situational intercorrelation. The methods of intertextual, comparative, contextual and interpretative analysis were used to assess the information and semantic corre-

© Фоменко Е.А., 2025

spondences of the article pre-text and text. The research results show that modifications arising in the text derivation process can be associated with semantic accents transformation, increment of meanings or communicative task change and are conditioned by author's attitudes to announced events. The conducted analysis allowed to identify the most characteristic changes for studied texts, reflecting varying degrees of informative and semantic equivalence of secondary texts towards the main text. The research novelty and theoretical significance lie in relevant language material involvement and substantiating secondary text language transformations role in manifesting content level intertextual equivalence. The practical significance lies in the possibility of using the obtained results in text theory university courses, in the practice of compiling secondary texts of various genres.

Keywords: intertextual equivalence, degree of equivalence, secondary texts, preface, language transformations.

В современном медиапространстве актуальной становится проблема истинности предъявляемой информации и адекватного смыслового ее восприятия. Наиболее значимой в решении вопроса достоверного информирования адресата представляется информационно-новостная сфера СМИ, в которой актуализация сообщений во вторичных текстах сопровождается информационно-содержательной редукцией, иногда в пользу аттрактивности. Нарушения в отношениях межтекстовой производности приводят к смысловым несоответствиям и к ложной интерпретации исходного текста. В информационно-новостных статьях источником предварительной информации выступает предшествующий статье предтекст – комплекс, состоящий из заголовка, подзаголовка и анонса (вводного самостоятельного текста), которые рассматриваются как вторичные образования по отношению к основному тексту [1, с. 2]. Рассмотрение информационно-смыслового соответствия сравниваемых первичного и вторичных текстов требует обращения к проблеме эквивалентности при их взаимодействии.

Проблема эквивалентности достаточно глубоко изучена в переводоведении и связана с вопросом межъязыкового соответствия перевода оригинальному тексту на основании ряда параметров. Понятия эквивалентности, а также связанные с ними преобразования рассматриваются и в текстообразовании, в частности, в исследованиях, посвященных проблемам дифференциации первичных и вторичных текстов [2; 3], аппроксимации содержания вторичных текстов [4], преобразований [5; 6] и интердискурсивной адаптации текста [7; 8]. Однако явление межтекстовой эквивалентности с учетом языковых модификаций, а также современных тенденций, наблюдаемых в языке СМИ, является недостаточно изученным. Привлечение актуального языкового материала видится перспективным для расширения существующих представлений о межтекстовой эквивалентности при вторичном текстообразовании.

В работах, посвященных проблеме текстовой вторичности, эквивалентность упоминается в связи с сохранением функциональной, структурной и смысловой доминанты базового текста. Так, Н.М. Нестерова и Ю.К. Попова отмечают, что смысл, в отличие от содержания, субъективен, поэтому производный текст сохраняет лишь смысловое ядро исходного текста [3; с. 57]. Рассматривая вторичные тексты, С.В. Ионова использует понятия точности и аппроксиматичности воспроизведения материала. Аппроксимация рассматривается ученым как область подобия и определяется параметрами, учитывающими приблизительность содержательных структур [4; с. 57]. В работе И.В. Арнольд под эквивалентностью понимается отношение единиц, обладающих общими свойствами, позволяющими выполнять сходные функции и осуществлять взаимозаменяемость [9; с. 40-41].

В настоящем исследовании в качестве обоснования степени эквивалентности применяются функциональный и ситуативный подходы, включающие критерии функциональной или семантической общности и одинаковой предметной или ситуативной соотнесенности языковых единиц, представляющих собой ключевые компоненты текста. Целью исследования является выявление основных разновидностей проявления межтекстовой эквивалентности, отображающих ту или иную степень информативно-смыслового соответствия содержания вторичных текстов по отношению к базовому тексту.

Материалом исследования послужили информационно-новостные статьи 15 электронных версий российских изданий за период с 2018 по 2024 годы. Выборка текстов для анализа, имеющих формат статьи и содержащих предтекстовую часть, составила 180 наименований.

Основными методами исследования послужили наблюдение, описание, классификация, сопоставительный и интертекстуальный анализ (при сравнении исходного текста и его вторичного текста) и метод контекстуального анализа, с помощью которых проводилась оценка содержащейся в текстах информации. Для выявления содержательно-смысловых соответствий проведен интерпретационный анализ на основе изучения параллелей ключевых слов, языковых модификаций и установления смысловых доминант сравниваемых текстов.

Проведенный сопоставительный анализ информационно-новостных статей из российской прессы позволил выделить следующие разновидности межтекстовых соответствий, отражающих различную степень проявления эквивалентности.

Ситуативная соотнесенность в сравниваемых текстах может отражать различную степень равнозначности описываемой ситуации. Равнозначность ситуации передается путем сохранения ключевых слов, которые отражают содержание текста-источника. Используемые в заголовках вопросительные предложения могут выражать неопределенность или неоднозначность ситуации:

Заголовок:

Левбердон в Ростове-на-Дону уйдет в прошлое?

Анонс:

И вновь конфликтная ситуация в Ростове-на-Дону: жители протестуют против продолжающегося уменьшения зеленых зон на левом берегу Дона, <…> («Независимая газета»).

Ответ на поставленный вопрос читатель может найти, обратившись к основному тексту.

Различные способы представления одного и того же объекта в сопряженных текстах является приемом, к которому прибегают авторы, чтобы избежать повторов. Пример из «Российской газеты» свидетельствует о лексико-семантической замене, построенной на использовании несинонимического выражения для отображения сходного объекта действительности: «древний банный комплекс фараонов» называется «спа-комплекс». Такая языковая игра имеет также установку на остроумный эффект и достигается обыгрыванием ситуации употребления слова, в которое вкладывается современное понятие:

Заголовок:

*Российские археологи обнаружили **«спа-комплекс»** фараонов*

Анонс:

*Археологи Центра египтологических исследований Российской академии наук (ЦЕИ РАН) при проведении раскопок на Мемфисе обнаружили **древний банный комплекс** фараонов, датируемый периодом правления династии Птолемеев. Это означает, что возраст комплекса превышает 2000 лет.*

Фрагмент текста:

*Полевые работы проводились на археологическом участке на севере Мемфиса, который был одним из важнейших городов Древнего Египта. В результате был раскопан роскошный **банный комплекс**, который, как считают ученые, был предназначен для царских **«спа-процедур»**. Находки указывают на то, что в эти бани ходили исключительно фараоны, члены их семей и их приближенные* («Российская газета»).

Использование определенных языковых средств во вторичных текстах позволяет авторам решать новые коммуникативные задачи, которые, в отличие от задач построения основного текста, направлены на привлечение внимания читателей. Таким приемом выступают стилистические замены. В нижеследующем примере в предтекстовой части использована разговорная лексика – «домашка» и «контрошка» наряду с «домашняя работа» и «контрольная работа». Разговорные выражения взяты из приведенной цитаты, напоминающей о годах школьной учебы, и выполняют контактоустанавливающую функцию: автор подчеркивает актуальность и значимость для многих рассматриваемой проблемы. Следует добавить, что употребление слова «домашка» оправдано и тем, что в статье приводится мнение мамы ученика, которая тоже использует эту разговорную форму.

Заголовок:

Поручение Путина сократить контрольные и ***«домашки»*** *оценили с пристрастием*

Подзаголовок

Эксперты предлагают уменьшить количество тестов

Анонс:

В школах бурно обсуждают поручение президента РФ о снижении нагрузки на педагогов и учеников. Прежде всего они касаются количества ***домашних заданий*** *и* ***контрольных работ****. После таких новостей так хочется впасть в детство и крикнуть: «****Контрошку*** *отменили!» и «****Домашку*** *не задали!» Но в реальном, взрослом мире станет ли школьникам и педагогам легче от усовершенствования учебных программ? Об этом мы поговорили с экспертами.*

Фрагмент текста:

Домашнее задание *– это камень преткновения для всех трех сторон процесса образования: учителей, учеников и их родителей. Парадоксально, но из этой триады больше всего страдают родители. Для работающих мам после трудового дня начинается вторая смена. Надо срочно достать из памяти свойства равнобедренного треугольника или третий закон Ньютона, хотя голова к вечеру забита совсем не воспоминаниями из прошлого. Однако сознательный родитель знает, что задание на дом учителя дают не из желания измучить детей, а потому что иначе те не сумеют усвоить программу.* («Московский комсомолец»)

Одним из коммуникативных приемов взаимодействия с адресатом служит постановка проблемы в заглавии статьи. Подзаголовок статьи или анонс может сохранять интригу или указывать на решение проблемы в форме краткой формулировки того, что излагается в содержании текста-источника:

Заголовок

Как остановить отток населения из Сибири

Анонс

Целью социальных инвестиций РУСАЛа является развитие небольших городов и поселков региона («Независимая газета»)

Важное место в межтекстовой эквивалентности занимает степень сохранения фактической информации. Изменение ее объема как более концентрированного способа изложения материала является характерной чертой предтекстовой части. Отсутствие конкретной информации создает определенную интригу и побуждает читателя к прочтению статьи. Такой пример обнаруживаем в публикации «Независимой газеты»:

Заголовок:

Собрание Пушкинского музея пополнилось редкой картиной

Подзаголовок

Коллекция как напоминание о принадлежности к западноевропейской цивилизации

Фрагмент текста:

Речь идет о картине «Индюк, курицы, сороки и коза» *одного из ведущих мастеров итальянского натюрморта XVII–XVIII веков Джованни Агостино Кассаны. В России работы этого художника практически отсутствуют.*

«Существование нашей коллекции, существование таких музеев, как Государственный Эрмитаж, и все коллекции западноевропейского искусства в России доказывают одну очень простую вещь: ***Россия – часть западноевропейской цивилизации****. И эта принадлежность для нас – один из важнейших аспектов в нынешней ситуации» <…>.*

Корректирование фактической информации может привести к тому, что читатель будет введен в заблуждение. Так, в следующем случае в предтекстовой части информация подается как утверждение, в то время как в статье высказываются определенные сомнения относительно полученных выводов:

Заголовок

Египтяне лечили рак мозга еще более четырех тысяч лет назад

Подзаголовок

Frontiers Medicine: Рак мозга в Египте лечили 4,6 тыс. лет назад

Фрагменты текста

Вывод, который исследователи сформулировали в журнале Frontiers Medicine: древние медики или оперировали опухоли более 4 тысяч лет назад, или разрабатывали экспериментальные методы лечения, или, как минимум, исследовали раковые ткани – в научных целях. <…>

КОММЕНТАРИЙ ЭКСПЕРТА

<…> В том, что древние египтяне знали секрет лечения рака, я сомневаюсь. Возможно, они его искали («Комсомольская правда»).

Наиболее важное значение для эквивалентности соотносимых текстов имеет трансляция смысла исходного текста. Возникающие модификации могут быть связаны с преображением смысловых акцентов или с приращением смыслов, обусловленными проявлением авторского отношения к анонсируемым событиям. Так, заголовок к статье из газеты «Гудок» подчеркивает ее главную идею – кино объединяет людей. Однако в анонсе и в самом тексте речь идет также об объединении жанров фильмов, а также тематики кинокартин:

Заголовок:

КИНО ОБЪЕДИНЯЕТ ЛЮДЕЙ

Анонс

26 апреля в столице завершился 46-й Московский международный кинофестиваль. Он является вторым в мире по старшинству после Венецианского. Один из самых авторитетных, он удачно сочетает в программах традиционное драматическое кино, жанровые фильмы и творческие эксперименты.

Фрагмент текста:

Для России это площадка для всестороннего культурного диалога на языке кино, что в сегодняшнем мире очень важно. «Гудок» представляет три ***картины*** *из основного конкурса ММКФ,* ***которые объединяют темы прошлого и памяти о нём*** («Гудок»).

Понимание смыслового содержания статьи зависит также от использования в предтекстовой части отдельных понятий, требующих разъяснения. В следующем примере речь идет об экономических принципах шариата, которые вводятся в республиках Северного Кавказа. Необходимые пояснения содержатся в статье, где рассматриваются такие нововведения, как исламский банкинг, харам, халяльный бизнес:

Заголовок:

В регионах Северного Кавказа начали открывать офисы банков по нормам ***шариата***

Анонс:

В республиках Северного Кавказа, где титульные этносы исповедуют ислам, новые способы ведения финансовой деятельности считают долгожданными. Тем не менее многим еще только предстоит понять, что такое экономические принципы ***шариата, халяль*** и ***харам.***

Фрагменты текста

На этой неделе Сбербанк заявил, что откроет исламские офисы в Чечне и Дагестане. А ранее в этих же регионах с первого сентября начался эксперимент по внедрению ***исламского банкинга****. По сути, это ведение банковской деятельности в соответствии с* ***шариатом*** *– комплексом предписаний, определяющих убеждения, а также формирующих религиозную совесть и нравственные ценности мусульман.*

Например, по этим нормам налагается запрет ***(харам)*** *на получение установленного процента или вознаграждения за предоставление займа. Банкам запрещено инвестировать в такие харамные сферы, как, например, производство алкоголя, табака, игорный и порнобизнес, а также переработка некоторых видов мяса.*

Суть ***халяльного бизнеса*** *– равноправие сторон и партнерство. Как прибыль, так и убытки в заранее оговоренных сделках делятся поровну* («Российская газета»).

Интерес представляют также определенные высказывания, выражающие оценочную позицию автора, которая может быть воспринята читателем неоднозначно, как, например, заголовок «*Хватить топором по вишневому саду»* («Независимая газета»). Судя по заголовку, с помощью образной метафоры автор выражает похвалу или критику. Обращение к тексту статьи позволяет сделать вывод, что таким образом подчеркивается смелость в выборе выпускниками репертуара дипломного спектакля, в частности, постановки пьесы «Вишневый сад».

Заголовок

Хватить топором по вишневому саду

Подзаголовок

Дипломные спектакли в ГИТИСе и Щепкинском училище подняли злободневные темы

Анонс

Каждый год студенты выпускных курсов театральных вузов работают свой личный сезон (играют часто и весь июнь). Полноценный репертуар, который появляется на последнем курсе, готовит будущих актеров к «взрослой жизни». И хотя немногие выпускные спектакли, к сожалению, сохраняются, так как курс после выпуска разлетается, но история хранит и случаи рождения театров из учебной мастерской, и продолжение судьбы спектаклей благодаря переходу в афиши профессиональных театров.

Фрагмент текста

В ГИТИСе в этом году выпускается уникальный актерско-режиссерский курс. Его в первый и, видимо, последний раз в Москве набирал Юрий Бутусов, поэтому спектакли его учеников уже по факту своего рождения своеобразный оммаж учителю. Узнаваемые штрихи его сумрачного и буффонного стиля здесь (в отличие от премьер иных начинающих режиссеров) нельзя назвать подражанием, это именно влюбленность в творчество мастера. Был взят и Толстой, и Достоевский, и Белый, и Шекспир. И вдруг «Вишневый сад», пьеса, давно превратившаяся в русский миф, вся в невидимых режиссерских «заплатках» векового прочтения. И вдруг поразительная трактовка (сценическая версия Егора Ковалева). Наверное, в этом и есть непознаваемый секрет режиссерского театра, когда слова известны, а смыслы в резонансе со временем абсолютно новые («Независимая газета»).

Подводя итог, отметим, что в результате преобразований в предтекстовой части информационно-новостных статьей наблюдаются различные модификации, влияющие на содержательно-информативную и смысловую эквивалентность вторичных текстов по отношению к тексту-источнику.

Проведенное исследование позволило выявить следующие показатели межтекстовых соответствий, отражающих уровни эквивалентности содержания вторичных текстов по отношению к тексту-источнику: степень равнозначности описываемой ситуации; степень однозначности предметной соотнесенности; сохранение или изменение коммуникативных задач; степень сохранения фактической информации; степень сохранения смыслового содержания; степень информативной полноты. Анализ языкового материала показал, что возникающие в процессе создания предтекстового комплекса изменения направлены на привлечение внимания читателя. Постановка вопросов, имеющих неоднозначный ответ, лексико-семантические и стилистические замены, языковая игра, использование понятий, требующих разъяснения, проявление авторского отношения к анонсируемым событиям приводят не только к созданию интриги, но и к смещению смысловых акцентов, приращению смыслов. При этом стремление к усилению аттрактивности предтекста могут служить причиной искажения смысловой доминанты публикации, негативно сказаться на степени полноты и достоверности предоставляемой авторами статьи информации. Корректирование фактической информации, замена конкретной информации на общую также приводят к смысловым несоответствиям и к ложной интерпретации исходного текста. Выявленные тенденции могут быть учтены при разработке рекомендаций по составлению вторичных текстов в информационно-

новостных и других изданиях с целью повышения эффективности взаимодействия с адресатом и обеспечения достоверности информации.

Библиографический список

1. Рянская Э.М., Фоменко Е.А. Явление замены во вторичных текстах // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. № 3. Т. 11. URL: https://sfk-mn.ru/PDF/04FLSK320.pdf (дата обращения: 02.10.2024).
2. Вербицкая М.В. Теория вторичных текстов (на материале современного английского языка): дис. … д-ра филол. наук. М., 2000. 219 с.
3. Нестерова Н.М., Попова Ю.К. О проблеме дифференциации первичных и вторичных текстов // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2017. № 4. С. 52-61.
4. Ионова С.В. Аппроксимация содержания вторичных текстов: дис. … д-ра филол. наук. Волгоград, 2006. 459 с.
5. Матвеева А.С. Лексические и грамматические преобразования пресс-релиза в текстах СМИ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2012. № 1 (15). С. 174-179.
6. Шуверова Т.Д. Лингвосемиотические основы вторичного текстообразования // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 2 (28). С. 222-225.
7. Дьякова А.А. Вторичная репрезентация текстового содержания при интердискурсивной адаптации // Lingua mobilis. 2009. №3 (17). С. 79-88.
8. Рябинина А.Г. Вторичность как свойство современного рекламного текста // Русский язык в поликультурном мире: сборник научных статей VII Международного симпозиума. Симферополь, 8–12 июня 2023 г.: в 2-х т. Т. II. Симферополь: Издательский дом КФУ, 2023. С. 293-297.
9. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сборник статей / науч. ред. П.Е. Бухаркин. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 40-41.

Referenses

1. Ryanskaya E.M. The phenomenon of substitution in secondary texts / E.M. Ryanskaya, E.A. Fomenko // World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies. 2020. No. 3. Vol. 11. URL: https://sfk-mn.ru/PDF/04FLSK320.pdf (accessed – 02.10.2024).
2. Verbitskaya M.V. Theory of secondary texts (based on modern English): thesis … Doctor of Philology. Moscow, 2000. 219 p.
3. Nesterova N.M., Popova Yu.K. On the problem of differentiation of primary and secondary texts // Bulletin of PNRPU. Problems of Linguistics and Pedagogy. 2017. No. 4. pp. 52-61.
4. Ionova S.V. Approximation of the content of secondary texts: thesis … Doctor of Philology. Volgograd, 2006. 459 p.
5. Matveeva A.S. Lexical and grammatical transformations of a press release in media texts // Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics, 2012. No. 1 (15). pp. 174-179.
6. Shuverova T.D. Semio-linguistic foundations of secondary text formation // Bulletin of Bryansk State University. 2016. No. 2 (28). pp. 222-225.
7. Dyakova A.A. Secondary representation of text content in interdiscursive adaptation // Lingua mobilis. 2009. No. 3 (17). pp. 79-88.
8. Ryabinina A.G. Secondaryity as a property of a modern advertising text // Russian language in a multicultural world: collection of scientific articles of the VII International Symposium. Simferopol, June 8-12, 2023: in 2 volumes. Vol. II. Simferopol: KFU Publishing House, 2023. pp. 293-297.
9. Arnold I.V. Semantics. Stylistics. Intertextuality: collection of articles / Scientific ed. P.E. Bukharkin. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University, 1999. pp. 40-41.

УДК 81’282.2
DOI 10.36622/2587-9510.2025.57.2.006

Воронежский государственный технический университет
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Недоступова Л.В.
Россия, Воронеж, 89204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru

Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and cross-cultural communication
PhD, associate professor

Nedostupova L.V.
Russia, Voronezh, 89204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru

Л.В. Недоступова

ОСОБЕННОСТИ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ ПОСЕЛКА РУБАШЕВКА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

В настоящей статье приводится развернутое описание речи сельских жителей. Объектом работы выступает один из воронежских диалектов. Целью исследования является определение ярко выраженных фонетических и грамматических особенностей речи жителей посёлка Рубашевка Аннинского района Воронежской области. В ходе исследования выявлены многочисленные диалектные черты: аканье; ассимилятивно-диссимилятивное яканье; утрата гласного в начале слова; диереза; эпентеза; ассимиляция; диссимиляция; метатеза; сохранение этимологического *е, не перешедшего в [’о]; ɣ – фрикативный; употребление [шн] на месте [чн]; использование [х], [хв] вместо [ф]; прогрессивное смягчение заднеязычных; протетический [й] перед гласным [и]; твёрдый долгий звук [ш]; твёрдые согласные на месте мягких; мягкие согласные на месте твёрдых; упрощение отдельных согласных; увеличение основы слова; ударение, отличное от литературного языка и др. Грамматические свойства отражаются посредством использования существительных, оканчивающихся на -у вместо -а в родительном падеже единственного числа, на -у вместо -о в винительном падеже единственного числа, на -а вместо -ы в именительном падеже множественного числа ; на -ими вместо -ами в творительном падеже множественного числа; прилагательных, оканчивающихся на -аи вместо -ые во множественном числе; глаголов 3-го лица единственного и множественного числа, оканчивающихся на -ть; постфикса -ся на месте -сь в возвратных глаголах и др. Заключено, что рубашевский говор – типичный южнорусский диалект с определёнными отличительными характеристиками. В самобытной народной речи местных сельчан присутствуют особенности, сумевших сохраниться в течение длительного времени.

Ключевые слова: народная речь, диалектные черты, фонетические особенности, грамматические характеристики, самобытный говор.

L.V. Nedostupova

THE FEATURES OF DIALECT SPEECH OF THE RESIDENTS OF RUBASHEVKA VILLAGE (VORONEZH REGION)

The present article defines the speech characteristics of rural residents. The object of the work is one of the Voronezh dialects. The subject of the scientific essay is the speech qualities of villagers. The purpose of the study is to determine the pronounced phonetic and grammatical features of the speech of the inhabitants of the Rubashevka settlement, Anninsky district, Voronezh region. In the course of writing the article, numerous dialectal features were identified: akanye; assimilative-dissimilative yakanye; loss of a vowel at the beginning of a word; dieresis; epenthesis; assimilation; dissimilation; metathesis; preservation of the etymological *e, which has not turned into [’o]; ɣ - fricative; the use of [shn] in place of [chn]; the use of [x], [xv] instead of [f]; progressive softening of the velars; prosthetic [y] before the vowel [i]; hard long sound [sh]; hard consonants in place of soft ones; soft consonants instead of hard ones; simplification of individual consonants; enlargement of the word stem; stress different from the literary language, etc. Grammatical properties are reflected through the use of nouns ending in -y instead of -a in the genitive case singular, in -y instead of -o in the accusative case singular, in -a instead of -ы in the nominative case plural; in -ами instead of -ами in the instrumental case plural; adjectives ending in -аи instead of -ые in the plural; 3rd person singular and plural verbs

© Недоступова Л.В., 2025

ending in -ть; the postfix -ся instead of -сь in reflexive verbs, etc. It is concluded that the Rubashevtsy dialect is a typical southern Russian dialect with certain distinctive characteristics. The original folk speech of local villagers is an interweaving of features that have managed to survive through the long period of time.

Key words: folk speech, dialectal features, phonetic characteristics, grammatical characteristics, original dialect.

Ученые-лингвисты и писатели нередко обращали внимание на то, что «народная речевая культура является нравственно-эстетической основой русской культурной традиции, источником народной мудрости и жизненной силы» [1; с. 4]. Так, А.С. Пушкин писал: «Разговорный язык простого народа (не читающего иностранных книг и, слава Богу, не выражающего… своих мыслей на французском языке) достоин … глубочайших исследований» [2; с. 341]. Особое отношение классика к названной проблематике прокомментировал академик В.В. Виноградов: «Прежде всего Пушкин опирается, как на семантическую основу простонародного языка, на простоту, первобытность его обозначений, на непосредственность связи между простонародным словом и предметом и, вследствие этого, на краткость, лаконичность простонародных выражений» [3]. В свою очередь, Л.Н. Толстой восторгался речью крестьян: «Что за прелесть народная речь. И картинно, и трогательно, и серьёзно» [4; с. 324].

В XXI веке интерес к изучению отдельных аспектов и особенностей речи сельских жителей не ослабевает. Так, подобные исследования проводятся участниками проекта РАН «Лексический атлас русских народных говоров», а также отдельными коллективами и учёными. Среди них следует назвать И.А. Букринскую, О.Е. Кармакову [5-6]; С.А. Кошарную [7]; Ю.Н. Драчёву, Л.Ю. Зорину, Н.Н. Зубову, Е.Н. Ильину и др. [1]; Т.И. Вендину [8-9]; Н.А. Тупикову, Н.А. Стародубцеву [10]; А.Д. Черенкову [11]; Л.Я. Костючук [12] и мн.др.

Добавим, что мы в рамках деятельности отечественных диалектологов представили описание особенностей речи жителей хутора Синие Липяги Воронежской области, села Прогорелое Петропавловского района Воронежской области, села Терновка Терновского района Воронежской области, села Берёзово Рамонского района Воронежской области [13-16] и др. Однако ещё сотни сохранившихся воронежских говоров ждут своих исследователей.

Языковым материалом настоящей статьи выступают беседы с коренными жителями Рубашевки, записанные в полевых условиях. Целью исследования является выявление ярко выраженных фонетических и грамматических особенностей речи жителей посёлка Рубашевка Аннинского района Воронежской области.

Обратимся к историческим сведениям: «Поселок Рубашевка расположен в северной части Воронежской области, в лесостепной зоне, в пределах Окско-Донской равнины. Балкой Лог Борщевка поселок разделен на три части. По дну балки протекает ручей, который, в результате перекрытия плотинами, превращен в пруды. На Военно-топографической карте Российской Империи 1846-1863 годов ручей обозначен как речка Борщевка, в которую рядом с поселком впадает ручей Спорный. Поселок является административным центром Рубашевского сельского поселения. Согласно данным, представленным в паспорте сельского поселения (по состоянию на 01.01.2019 года), в поселке Рубашевке численность постоянного населения составляла 389 человек. <…>

Как и ряд поселений, возникших в Прибитюжье, <…> поселок Рубашевка сформировался в начале XIX из хуторов, упоминания о трех из которых датируются 1797 годом. Свое наименование поселок получил в 1830-1840 годы по фамилии помещика из соседнего большого села Большие Ясырки Ивана Ивановича Рубашевского, действительного статского советника, который в период с 1825 года по 1831 год занимал должность вице-губернатора в Воронеже. Рубашевский переселил часть своих крепостных крестьян на земли при Борщевском Логу.

Сельцо Рубашевка несколько раз переходило от одного помещика к другому, так как владельцам не очень нравились окрестные земли. <…>. Перед отменой крепостного права, в 1859 году, во владельческом сельце Рубашевка <…> постоянно проживало 377 человек. К началу XX века население сельца, ставшего деревней, выросло до 455 человек при 65 дворах. Здесь действовал овчарный заводик, винная лавка А.И. Баженова.

Первая школа в Рубашевке появилась в 1905 году. В 1937 году начальная школа была преобразована в семилетнюю. В настоящее время на территории поселка расположены следующие социально значимые объекты: фельдшерско-акушерский пункт, дом культуры, библиотека с книжным фондом почти 7,5 тысяч экземпляров, отделение почты, два магазина товаров повседневного спроса. К 2020 году в поселке газифицировано 60 домовладений» [17].

В ходе бесед с жителями Рубашевки мы выявили специфические характеристики речи её жителей. Рассмотрим наиболее выразительные из них.

Фонетические особенности

В области гласных выделяются следующие черты:

1. Аканье, характерное для южнорусских диалектов и литературного языка*: [**а**бу́фка, **а**ве́чаи, **а**дёжа, **а**дёшка, **а**дна́, **а**кра́шна, **а**на́, **а**па́ски, **а**пшива́ли, б**а**ɣа́тый, б**а**лшинство́, б**а**сико́м, б**а**ти́нки, бедн**а**та́, в**а**да́, в**а**кру́х, в**а**р**а**тни́к, в**а**ро́та, ɣ**а**ршки́, д**а**ма́шний, д**а**ло́й, зав**а**ди́ли, з**а**ву́ть, к**а**ко́шник, к**а**ло́цы, к**а**лхо́с, к**а**р**а**мы́сла, к**а**ро́ва, к**а**рсе́т, к**а**ры́т**ы**, кр**а**ва́ть, м**а**ла́ка, м**а**хна́тыи, м**а**хну́шки, на дв**а**ре́, на н**а**ɣа́х, н**а**си́ли, н**а**ски́, п**а**дёфка, п**а**дмы́шки, п**а**ка́, п**а**ко́йница, п**а**кры́та, п**а**л**а**тно́, п**а**лива́ли, п**а**ло́ски, п**а**т**а**ло́к, п**а**ткла́тка, п**а**шли́, пр**а**ре́ха, пр**а**сти́, р**а**ди́тили, сам**а**ва́р, ст**а**р**а**на́, ста́ять, т**а**ва́р, т**а**ɣда́, х**а**ди́ла, х**а**лсти́ный]*.

2. Ассимилятивно-диссимилятивное яканье – качество воронежских говоров: *[бя**а**жа́ли, вя**а**дро́, дир**а**вя́нных, л**а**тя́ть, мат**а**рья́л, м**а**си́ли, над**а**ва́ли, на м**а**ху́, н**а**по́лная, н**а**сли́, п**а**рча́тки, ут**а**кла́]* и др.

3. Иканье – черта акающих диалектов и литературного языка: *[бр**и**зе́нт, в**и**дра́, д**и**ржа́л, над**и**ва́ли, пл**и**тёнки, пр**и**мы́и, с**и**ло́м, сп**и**ши́ла, ст**и**кля́нная, фс**и**да́, ч**и**пе́ц]* и др. Это свойство обнаруживается в предударном слоге.

4. Утрата гласного в начале слова: [за ɣаро́дам] – за **о**городом и др.

5. Диереза (выпадение гласного звука в слове): *[акра́шна, бризе́нтвыи, ɣли́н**ь**ный, зав**я**́звали, иль, испо́льзвали, мавó, мате́рчтаи, матярья́л, на ɣлаве́, патпая́свалися, по́льзвалися, пу́ɣвица, раска́твали, сархваны́, си́цваи, шёлкваи, эт]* – окраш**е**на, брезент**о**вые, глин**я**ный, завя**з**ывали, ил**и**, использ**о**вали, мо**е**го, матерч**а**тые, матер**и**ал, на г**о**лове, подпоя**с**ывались, польз**о**вались, пуг**о**вица, раскат**ы**вали, сар**а**фаны, ситц**е**вые, шёлк**о**вые, это и др.

6. Эпентеза (появление гласного звука там, где не нужно): *[аве́ч**а**и, ше́р**и**сти, шир**и**стины́и]* – овечьи, шерсти, шерстяные и др.

7. Ассимиляция гласных: *[никуд**ы́**, ва́л**я**нки, лиц**а**ва́я, мужɣ**у**ки́, ста́ры**я**, туд**ы́**, ч**а**рда́к]* – никуда, валенки, лицевая, мужики, старые, туда, чердак и др.

*8. Диссимиляция гласных: [ч**и**ɣуны́]* – чугуны.

*9. Метатеза: [туб**а**ре́тка]* – табуретка.

*10. Сохранение этимологического *е,* не перешедшего в *[’о]*: *[**й**ие́, за ни**е́**]* – её, за неё и др.

В области согласных обнаруживаются нижеприводимые характеристики:

1. Звук ɣ фрикативного образования: *[баɣа́тый, ɣаро́д, ɣаршки́, ɣлава́, ɣли́на, ɣли́ньный, ɣо́рла, ɣрязь, ɣруди́на, ɣуля́ния, ɣу́си, друɣо́й, застиɣа́ли, каɣо́, наɣа́, по́ɣрип, пу́ɣвица, растёɣнутая, с ниɣо́, таɣда́]* и др.

2. Диссимиляция согласного: *[ни**х**то́, фа́ртух**и**]* – никто, фартуки и др.

3. Употребление *[шн]* на месте *[чн]: [изна́на**шн**ая, мало́**шн**ай, пра́зни**шн**аи]* и др.

4. Использование *[х]* или *[хв]* вместо *[ф]: [ко́**х**ты, ку**хв**а́йка, сара**хв**аны́]* и др. Известно, что «до сих пор в некоторых южнорусских говорах на месте фонемы /ф/ произносится звук [х]. В любом говоре фонема *ф* является функционально слабой, не входящей в систему на равных правах с остальными согласными фонемами; фактически она отсутствует в большинстве южнорусских говоров» [18]. Это и подтверждают данные нашей работы.

5. Прогрессивное смягчение заднеязычных согласных*: [ви́л**к**ими, капе́й**к**ю, кружо́ч**к**ими]* – вилками, копейку, кружочками; эти случаи единичны в речи респондентов.

6. Появление протетического *[й]* перед гласным переднего ряда [и] – *йотация: [**й**их, па**й**исо́ф, по́**й**им, сара́**й**и, ста**й**и́ть]* – их, поясов, поим, сараи, стоит и др.

7. Диереза (выпадение согласного звука): *[калóцы, сычáс, тадá, фсидá]* – колодцы, се**й**час, то**г**да, все**г**да и др.

8. Явление *метатезы*: *[падó**д**ам, сл**а**бóда]* – подолом, свобода и др.

9. Отвердение мягкого долгого звука: *[вé**шш**и, и**шш**ó, óва**шш**и]* – вещи, ещё, овощи и др.

10. Функционирование *твёрдых* согласных *на месте мягких: [бал**ш**инствó, свú**т**ыры]* – большинство, свитеры и др.

11. И, наоборот, *на месте твёрдых* согласных замечены *мягкие*: *[с вá**т**и, чо**б**ёты]* – из ваты, чóботы и др.

12. Упрощение отдельных согласных или выпадение слогов: *[бóли, завéска, заткáли, о такúе, какúм-ньть, падёфка, рáни]* – бо**л**ьше, за**н**а**в**еска, заткн**у**ли, **в**о**т** такие, каким-ни**б**удь, поддёвка, ран**ьш**е и др.

13. Увеличение основы слова по причине появления гласных и / или согласных: *[вóн**ы**, палýчши**й**, тý**т а**]* – вон, получше, тут и др.

Вместе с тем, зарегистрировано *ударение,* нехарактерное для литературного языка*: [былú]* – бы́ли, *[ɣрязú]* – гря́зи, *[карманы́]* – карма́ны, *[кухшины́]* – кувши́ны, *[не бы́ла]* – не́ было, *[платья́]* – пла́тья, *[пирёт]* – пе́ред, *[пóд нис]* – под ни́з, *[палóжили]* – положи́ли, *[сар**хв**аны́]* – сарафа́ны, *[чобёты]* – чóботы и др.

Грамматические особенности

Обозначим наиболее яркие черты рубашевского диалекта:

1. Существительные в родительном падеже в форме *единственного числа* имеют *окончание -у* на месте *-а: [Шúли с плю́ш**у**. Бяжáли з дóм**у**]* и др.

2. Существительное в винительном падеже в форме *единственного числа* отмечено с окончанием *-у* на месте *-о: [Мя́с**у** ядúм]*.

3. Существительное в именительном падеже в форме *множественного числа* имеет *окончание -а* на месте *-ы: [Манжéт**а** былú крáснаи на рубáхи]*.

И, наоборот, окончание *-ы* на месте *-а: [Карú**ты** былú]*.

4. Существительные в форме *множественного числа в творительном падеже* на месте *-ами* содержат окончание *-ими: [Ани с рю́шк**ими**. С вéшалк**ими** былá. Лéнты с тря́пк**ими**. Юпку с палóск**ими**. С пáльц**ими** былú]* и др.

5. Прилагательные во множественном числе отмечены *с окончанием -аи* на месте *-ые*: *[Тулýпы тёпл**аи**. Кóхты шёлкв**аи** и сúцв**аи**. Рубáхи халстúн**аи**, матéрчт**аи**, ткáн**аи**. С пýɣвицами стикля́нн**ами**. Манжéта крáсн**аи**. Вáтн**аи** с вáти дéлали]* и др.

6. Глаголы в форме *3-го лица единственного и множественного числа* имеют *на конце -ть: [Зáмуш вы́йди**ть**. Павя́ску наде́ни**ть**. Лéсница стайú**ть**. Он тудú влáзи**ть**. Нис завý**ть**. В куря́тники живý**ть**. Бáнки стая́**ть**. Лятя́**ть** струшки. К прáзнику нóвыя ɣатóвя**ть**. Дом стáвю**ть**. Палýчший мóжи**ть**. Бáнку разабью́**ть**]* и др.

7. В возвратных глаголах на месте *-сь* отмечен *постфикс -ся: [Бáбы патпаясвали**ся**. На застёшки застиɣáли**ся**. Платья́ называ́ли**ся**. Завя́звали**ся** ззади. Чобёты тýта называ́ли**ся**. Вúлкими не пóльзвали**ся**. Ишшó и малахáи называ́ли**ся**. За йиé диржáли**ся**]* и др.

Помимо этого, следует указать на *свободный порядок слов* в предложениях: *[Спишúла ф калхóс анá фсидá. Былá с дéрива пасудёнка. Йих ни знáли радúтили. Юпку нúжнию надивáли. Насúли тýта рубáхи халстúнаи]* и др.

Данный языковой материал позволяет сделать следующие выводы.

Выявленные **фонетические характеристики** речи рубашевцев в области *гласных* включают нижеследующее:

1) аканье,
2) ассимилятивно-диссимилятивное яканье,
3) утрату гласного в начале слова,
4) диерезу,
5) эпентезу,

6) ассимиляцию,
7) диссимиляцию,
8) метатезу,
9) сохранение этимологического **е,* не перешедшего в *[’о]*.

В области *согласных* зарегистрированы следующие особенности:

1) звук ɣ – фрикативный,
2) диссимиляция,
3) употребление [шн] на месте [чн],
4) использование [х], [хв] вместо [ф],
5) прогрессивное смягчение заднеязычных,
6) протетический [й] перед гласным [и],
7) диереза,
8) метатеза,
9) твёрдый долгий звук [ш],
10) твёрдые согласные на месте мягких,
11) мягкие согласные на месте твёрдых,

Кроме того, зафиксировано:

1) упрощение отдельных согласных или выпадение слогов,
2) увеличение основы слова за счёт появления гласных или согласных,
3) ударение, отличное от литературного языка и др.

Грамматические особенности говора сельчан имеют отличия:

у существительных:

1) окончание *-у* на месте *-а* в родительном падеже в форме единственного числа,
2) окончание *-у* на месте *-о* в винительном падеже в форме единственного числа,
3) окончание -а на месте -ы в именительном падеже в форме множественного числа и, наоборот, окончание *-ы* на месте *-а,*
4) окончание -ими на месте -ами в форме множественного числа в творительном падеже;

у прилагательных:

5) окончание -аи на месте -ые во множественном числе;

у глаголов:

6) -ть на конце глаголов 3-го лица единственного и множественного числа,
7) постфикс -ся на месте -сь в возвратных глаголах.

Кроме того, имеет место свободный порядок слов в предложениях.

Таким образом, рубашевский говор – типичный южнорусский диалект, имеющий определённые отличительные характеристики, позволяющие считать его самобытным говором. В речи сельчан отмечается ряд характеристик, сохраняющихся на протяжении длительного времени.

Важным оказывается то, что «даже в современных неблагоприятных условиях угасания говоров как живых диалектных систем происходит сохранение традиционной народной речевой культуры в семейном индивидуально-личностном общении, что говорит о наличии будущего у диалектной речи и о том, что это будущее предложит свои способы культивирования русской народной речи» [19; с. 255]. Такие надежды есть у многих российских диалектологов, поскольку «народная речь – это не только настоящая литература, но и хранительница самобытности русского языка» [20; с. 251].

В заключение приведем слова Ю.Н. Драчёвой: «В современном мире <…> возможный путь сохранения русских народных говоров – всестороннее изучение и тщательная реставрация. Это единственная возможность сохранить не только материально-предметную и речевую форму народной культуры, но и её духовное, нравственное, смысловое содержание» [19; с. 255].

Примечание: в работе используется русская упрощённая транскрипция.

Библиографический список

1. Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим. Монография. Вологда: Легия, 2015. 256 с. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/narodrech2/index.htm (дата обращения: 01.10.2024).

2. Русские писатели XVIII-XIX вв. о языке. Хрестоматия. Т. 1. М: Русское слово, 2000. 430 с.

3. Виноградов В.В. Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. IX. Стили национально-бытового просторечия, простонародные диалекты и язык Пушкина. URL: http://pushkin-lit.ru/pushkin/articles/vinogradov-yazyk-pushkina/stili-prostorechiya-2.htm (дата обращения: 01.10.2024).

4. Русские писатели XVIII-XIX вв. о языке. Хрестоматия. Т. 2. М: Русское слово, 2000. 469 с.

5. Букринская И.А., Кармакова О.Е. Из опыта исследования монологической диалектной речи: фольклорные и бытовые тексты Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014 / отв. ред. А.С. Герд. ИЛИ РАН. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 155-164.

6. Букринская И.А., Кармакова О.Е. Коммуникант в пространстве диалектного монолога // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2015 / отв. ред. А.С. Герд. ИЛИ РАН. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 110-121.

7. Кошарная С.А. «Шибко белгородский». Как говорят белгородцы? URL: https://b1.cooksy.ru/articles/leksicheskie-dialektizmy-belgorodskoy-oblasti/ (дата обращения: 01.10.2024).

8. Вендина Т.И. Ареальный аспект изучения лексики русских народных говоров (традиции и новации) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2017. ИЛИ РАН. СПб.: Нестор-История, 2017. С.178-205.

9. Вендина Т.И. Диалектное слово в культурно-языковом контексте // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2022 / отв. ред. С.А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С. 72-94.

10. Тупикова Н.А., Стародубцева Н.А. Обозначение процессов, направленных на деструктивное изменение объектов материального мира, в речи носителей донских говоров // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2017 / Ин-т лингв. исслед. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 504-515.

11. Черенкова А.Д. Диалектное многообразие Воронежской области // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Материалы X Международной научной конференции. 26-27 октября 2019 г. Воронеж: ВГПУ, 2019. С. 176-184.

12. Костючук Л.Я. К выходу второго тома ЛАРНГ «Животный мир» (содружество свершенного и познание нового в народной речи // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2023 / отв. ред. С.А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2023. С. 245-253.

13. Недоступова Л.В. Особенности речи жителей хутора Синие Липяги Воронежской области // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2017 / Ин-т лингв. исслед. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 436-443.

14. Недоступова Л.В. Некоторые морфологические черты речи воронежской терновчанки // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Материалы X Международной научной конференции. 26-27 октября 2019 г. Воронеж: ВГПУ, 2019. С. 141-144.

15. Недоступова Л.В. Речевой портрет носителя народного языка Воронежской области // Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. Воронеж, 2020. Вып. 1 (45). С. 26-34.

16. Недоступова Л.В. Особенности портрета речи жительницы Рамонского района Воронежской области //Теория и практика коммуникации: материалы II Международной научно-практической конференции, Тирасполь, 21-22 февраля 2024 г.: в 2 т. [Электронный ресурс]. Т. 1. Тирасполь: Изд-во Приднестр. ун-та, 2024 . С. 99-107.

17. Посёлок Рубашевка Аннинского района. URL: http://online-anna.ru/anna10/poselok-rubashevka.php (дата обращения: 01.10.2024).

18. Диалектные явления в области согласных звуков. URL: https://megalektsii.ru/s149544t5.html (дата обращения: 01.10.2024).

19. Драчёва Ю.Н. Заключение // Народная речь Вологодского края. Между прошлым и будущим. Монография. Вологда: Легия, 2015. С. 254-256 с.

20. Черенкова А.Д. Воронежские диалектные тексты как источник для изучения русского национального языка, истории и культуры народа. Опыт презентации // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: Материалы V Международной научно-практической конференции. Воронеж: ВГПУ, 2009. С. 250-254.

References

1. Folk speech of the Vologda region: between the past and the future. A monograph. Vologda, 2015. 256 p. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/narodrech2/index.htm (date of application: 01.10.2024).

2. Russian writers of the 18th-19th centuries about language. Reader. T. 1. Moscow, 2000. 430 p.

3. Vinogradov V.V. The language of Pushkin. Pushkin and the history of the Russian literary language. IX. Styles of national and everyday vernacular, common dialects and the language of Pushkin. URL: http://pushkin-lit.ru/pushkin/articles/vinogradov-yazyk-pushkina/stili-prostorechiya-2.htm (date of application: 01.10.2024).

4. Russian writers of the 18th-19th centuries about language. Reader. Vol. 2. Moscow, 2000. 469 p.

5. Bukrinskaya I.A., Karmakova O.E. From the experience of studying monologue dialectal speech: folklore and everyday texts Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2014. St.-Petersburg, 2014. P. 155-164.

6. Bukrinskaya I.A., Karmakova O.E. Communicator in the space of dialect monologue // Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2015. St.-Petersburg, 2015. P. 110-121.

7. Kosharnaya S.A. "Too Belgorodish". How do Belgorod residents speak?" URL: https://b1.cooksy.ru/articles/leksicheskie-dialektizmy-belgorodskoy-oblasti/ (date of application: 01.10.2024).

8. Vendina T.I. Areal aspect of the study of the vocabulary of Russian folk dialects (traditions and innovations) // Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2017. St.-Petersburg, 2017. P.178-205.

9. Vendina T.I. Dialect word in the cultural and linguistic context // Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2022. St.-Petersburg, 2022. P. 72-94.

10. Tupikova N.A., Starodubtseva N.A. Designation of processes aimed at destructive change of objects of the material world, in the speech of speakers of Don dialects // Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2017. St.-Petersburg, 2017. P. 504-515.

11. Cherenkova A.D. Dialectal diversity of the Voronezh region // Problems of studying the living Russian word at the turn of the millennium: Proceedings of the X International Scientific Conference. October 26-27, 2019. Voronezh, 2019. P. 176-184.

12. Kostyuchuk L.Y. On the release of the second volume of the LARNG "Animal World" (commonwealth of the accomplished and knowledge of the new in folk speech // Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2023. St.-Petersburg, 2023. P. 245-253.

13. Nedostupova L.V. Features of the speech of residents of the Sinie Lipyagi farm, Voronezh region // Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2017. St.-Petersburg, 2017. P. 436-443.

14. Nedostupova L.V. Some morphological features of the speech of Voronezh Ternovchanka // Problems of studying the living Russian word at the turn of the millennium: Proceedings of the X International Scientific Conference. October 26-27, 2019. Voronezh, 2019. P. 141-144.

15. Nedostupova L.V. Speech portrait of a native speaker of the vernacular language of Voronezh region // Modern linguistic and methodological-didactic studies. Voronezh, 2020. Iss. 1 (45). P. 26-34.

16. Nedostupova L.V. Features of the speech portrait of a resident of the Ramonsky district of the Voronezh region // Theory and practice of communication: materials of the II International ientific and practical conference, Feb. 21-22, 2024: in 2 vol. [Electronic resource]. Vol. 1. Tiraspol, 2024. P. 99-107.

17. Rubashevka settlement, Anna district. URL: http://online-anna.ru/anna10/poselok-rubashevka.php (date of application: 01.10.2024).

18. Dialectal phenomena in the field of consonant sounds. URL: https://megalektsii.ru/s149544t5.html (date of application: 01.10.2024).

19. Dracheva Y.N. Conclusion // Folk speech of the Vologda region. Between the past and the future. A monograph. Vologda, 2015. P. 254-256.

20. Cherenkova A.D. Voronezh dialect texts as a source for studying the Russian national language, history and culture of the people. Presentation experience // Problems of studying the living Russian word at the turn of the millennium: Materials of the V International scientific-practical conference. Voronezh, 2009. P. 250-254.

УДК 811.16'371
DOI 10.36622/2587-9510.2025.57.2.007

Воронежский государственный университет
аспирант кафедры общего языкознания и стилистики
Козявина Е.П.
Россия, г. Воронеж
e-mail: elena.kozyavina.96@mail.ru

Voronezh State University
Postgraduate student of the Department of General Linguistics and Stylistics
Kozyavina E.P.
Russia, Voronezh
e-mail: elena.kozyavina.96@mail.ru

Е.П. Козявина

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА НАИМЕНОВАНИЙ НАСЕКОМЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается внутренняя форма наименований насекомых в русском языке. Целью работы является выявление мотивированных и немотивированных наименований насекомых. Мотивированные наименования отличаются прозрачной внутренней формой слова, то есть внешняя и внутренняя составляющая таких слов неразрывно связаны. В ходе работы выявлено, что большинство наименований насекомых, выбранных для анализа, имеют прозрачную внутреннюю форму. Для таких наименований предложена номенклатура признаков, которые легли в основу данных наименований. В классификации отмечены такие признаки, как особенности внешнего вида, особенности поведения, хронотопические характеристики, издаваемые звуки, символизация. Наиболее многочисленной является группа, в которой собраны наименования, связанные с особенностями внешнего вида насекомого. Самая высокая степень мотивированности характеризует названия отрядов насекомых. Самой немногочисленной является группа с таким признаком, как символизация. Для выявления особенностей внутренней формы слова немотивированных наименований насекомых было необходимо обратиться к этимологическим словарям. Выявлено, что большинство немотивированных наименований являются заимствованными словами из других языков. Таким образом, в представленной выборке наименований насекомых выявлены мотивированные и немотивированные наименования. Для мотивированных представлена классификация, включающая пять параметров, по которым даны наименования насекомых. Для немотивированных составлена этимологическая справка, которая дает представление о том, какой признак заложен в наименовании насекомого, а также обозначены причины немотивированности: заимствованный характер, стертая внутренняя форма в результате развития семантики слова и изменения его системных связей.

Ключевые слова: наименования насекомых, русский язык, лексика, внутренняя форма слова, мотивированность.

E.P. Kozyavina

INTERNAL FORM OF INSECT NAMES IN RUSSIAN

This article examines the internal form of insect names in Russian, the purpose of the work is to identify motivated and unmotivated insect names. Motivated names are distinguished by a transparent internal form of the word, that is, the external and internal components of such words are inextricably linked, where the word form is a reflection of the semantic meaning. In the course of the work, it was revealed that most of the insect names selected for analysis have a transparent internal form. For such names, a classification of features that formed the basis of these names is proposed. The classification notes such features as features of appearance, behavioral features, chronotopic characteristics, sounds emitted, symbolization. The most numerous is the group that contains names associated with the features of the insect's appearance. The smallest is the group with such a feature as symbolization. To identify the features of the internal form of the word of unmotivated insect names, it was necessary to turn to etymological dictionaries. It was found that most unmotivated names are borrowed words from other languages. Thus, in the presented sample of insect names, motivated and unmotivated names were identified. For motivated names, a classification is presented, including five parameters by which insect names are given. For unmotivated names, an etymological reference is presented, which gives an idea of what feature is embedded in the insect name.

Keywords: insect names, Russian language, vocabulary, internal form of a word, motivation.

© Козявина Е.П., 2025

Изучению групп лексики посвящено немало работ, например, хорошо описаны названия домашних животных [1], наименования рыб [2], [3], фитонимы [4], зоонимы [5], соматическая лексика [6]. В данной работе для анализа выбраны номинации насекомых. Этот древнейший пласт лексики является важной частью культуры народа и, как следствие, языковой картины мира.

Слово как единица языка характеризуется неразрывной связью внешней и внутренней формы, то есть внешней оболочки и тем смысловым образом, который оно в себе заключает. «Каждое слово является обозначением какой-то реалии, вот эта способность слов обозначать те или иные предметы, признаки, явления действительности и характеризует слова как единицы лексики» [7; с. 8].

Впервые о внутренней форме слова говорит А.А. Потебня в работе «Слово и миф» 1898 г. «Внутренняя форма слова – это отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [8; с. 98]. Соотнесенность внешней формы слова и его семантической структуры называют мотивированностью. Мотивированность тесно связана с процессами номинации и может быть обусловлена восприятием тех или иных реалий действительности, то есть признаками, связанными с цветом, звуком, способом существования в пространстве и особенностями поведения. Позже В.В. Виноградов, продолжая мысль А.А. Потебни, говорит о мотивированности: «Грамматические формы и отношения между элементами языковой системы определяют грань, отделяющую слова, которые представляются произвольными, немотивированными языковыми знаками, от слов, значения которых более или менее мотивированы. Мотивированность значений слов связана с пониманием их строя, с живым сознанием семантических отношений между словесными элементами языковой системы» [9; с. 24]. Г.О. Винокур называет производные слова «мотивированными обозначениями действительности» [10; с. 420]. Е.С. Кубрякова указывает на то, что «область значения мотивированных слов может быть описана через область значения исходных для них единиц. Это значит, что семантическая дефиниция производного слова не только сложна по составу, но и то, что она предопределена хотя бы частично мотивирующей единицей, ибо обязательно ее включает, ср. сеялка – это «то, чем сеют», обезвоживать - это «лишать воды» и т.п.» [11; с. 9].

В данной работе рассматривается и анализируется внутренняя форма наименований насекомых в русском языке, выявляется наличие или отсутствие мотивировки названий. Нами собран корпус наименований насекомых, насчитывающий 127 номинаций, который включает 1 наименование класса «Насекомые», 12 наименований отрядов и 114 наименований видов (табл. 1). Объектом исследования послужили данные «Большого толкового словаря русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова [12] и энтомологического справочника «Насекомые СССР» Горностаева Г.Н. [13]. Таким образом, данная выборка наименований представляет собой симбиоз научного и наивного взгляда на энтомонимы.

В ходе исследования все отобранные номинации насекомых можно разделить на две группы: номинации с прозрачной внутренней формой, то есть мотивированные, и номинации с непрозрачной внутренней формой, или немотивированные.

Таблица 1

Корпус энтомонимов

Класс	Отряд	Вид
НАСЕКОМЫЕ	1. ЧЕШУЕКРЫЛЫЕ (БАБОЧКИ)	Белянка, бражник, голубянка, желтушка, капустница, краеглазка, крапивница, лимонница, мертвая голова, павлиний глаз, парусник, переливница, перламутровка, пестрокрыльница, пеструшка, пяденица, стеклянница, толстоголовка, траурница, хвостатка, хохлатка, чернушка, шашечница, шелкопряд
	2. ПЕРЕПОНЧАТОКРЫЛЫЕ	Муравей, оса, пчела, шершень, шмель
	3. БЛОХИ	Блоха
	4. ДВУКРЫЛЫЕ	Большеголовка, долгоножка, жигалка, жужжало, журчалка, звонец, зеленушка, ильница, комар, луговик, москит, мошка, муха, овод, падальница, слепень, червеедка
	5. СТРЕКОЗЫ	Бабка, дозорщик, коромысло, красотка, стрелка
	6. ТАРАКАНЫ	Таракан
	7. БОГОМОЛОВЫЕ	Богомол
	8. ПРЯМОКРЫЛЫЕ	Кобылка, кузнечик, медведка, саранча, сверчок, трещотка
	9. ВШИ	Вошь
	10. РАВНОКРЫЛЫЕ	Бодушка, пенница, тля, цикада
	11. ПОЛУЖЕСТКОКРЫЛЫЕ	Водомерка, гребляк, клоп, кружевница, подкорник, слепняк, хищнец, щитник
	12. ЖЕСТКОКРЫЛЫЕ (ЖУКИ)	Блестянка, божья коровка, болотник, бронзовка, вертячка, водолюб, гребец, грибоед, жужелица, жук олень, жук-носорог, землерой, златка, кожеед, листоед, колорадский жук, майский жук, малинник, мертвоед, могильщик, навозник, олененок, пестряк, песчаник, плавунец, плавунчик, плеснеед, поводень, полоскун, прудовик, рогач, светляк, скакун, скарабей, тенелюб, точильщик, трупоед, усач, цветоед, чернотелка, щелкун

Слово *насекомое* происходит от лат. insectum, что значит «насеченное, с насечками (животное)» [14; т. 3, с. 47]. Способом образования данной лексемы является калькирование, то есть дословный перевод с латинского языка: in – «на» + sectum – «сечь». В «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П.Я. Черных отмечается, что слово *насекомое* стало известно в русском языке с XVIII века. Изначально оно использовалось как отглагольное прилагательное со словом *гадина*: *насекомая гадина*, позже стало употребляться во множественном числе: *насекомые гады* [15; т. 1, с. 560]. В «Этимологическом словаре славянских языков» под редакцией академика О.Н. Трубачева отмечен праславянский корень nasěkti – «насечь, нарубить» [16; вып. 23, с. 40]. Таким образом, слово *насекомое* происходит от «сечь, насечь» и означает «нечто насеченное». Очевидно, имеется в виду внешняя характеристика – суставчатость тела насекомых, создающая впечатление насечек.

Языковой материал показывает, что наиболее мотивированная часть энтомонимов – это наименования отрядов насекомых. Из 12 выбранных нами наименований отрядов 9 являются мотивированными, в большинстве номинаций заложен признак, который характеризует осо-

бенности строения насекомых каждого отряда *(чешуекрылые, перепончатокрылые, двукрылые, прямокрылые, равнокрылые, полужесткокрылые, жесткокрылые)*, за исключением таких наименований отрядов, как *стрекозы, богомоловые,* их внутренняя форма будет рассмотрена далее. Три наименования немотивированные: *блохи, тараканы, вши.*

Наибольший интерес вызывают конкретные виды насекомых, 96 наименований из которых определены нами как мотивированные. Рассмотрим основные признаки, определяющие номинацию энтомонима.

1. Особенности внешнего вида

Наиболее крупной группой является группа, в которой собраны названия насекомых, происхождение которых обусловлено особенностями их внешнего вида: *бодушка* (имеет длинные выросты, похожие на рога, поскольку только рогатые животные могут бодаться), *большеголовка* (насекомое с большой шаровидной головой), *долгоножка* (насекомое имеет очень длинные ноги, которые легко обламываются), *жук-носорог* (подобно носорогу имеет рог на голове), *жук-олень* (имеет наросты на голове, напоминающие рога оленя), *коромысло* (имеет изогнутое наподобие коромысла брюшко), *краеглазка* (по краям крыльев расположены пятна, напоминающие глаза), *красотка* (имеет красивые синие крылья), *кружевница* (имеет ячеистые, напоминающие кружевно надкрылья и переднеспинку), *медведка* (насекомое имеет покров, напоминающий шерсть медведя), *мертвая голова* (на груди имеет рисунок, напоминающий человеческий череп), *олененок* (имеет наросты на голове, напоминающие рога оленя), *павлиний глаз* (имеет яркую окраску и изображение на крыльях, напоминающее глаз павлина), *парусник* (имеет треугольную форму крыльев, напоминающую парус), *рогач* (имеет нарост на голове, напоминающий рог), *слепняк* (отсутствуют простые глазки), *стрелка* (имеет длинное тонкое тельце, напоминающее стрелу), *толстоголовка* (имеет объёмную по отношению к телу голову), *усач* (имеет длинные усы), *хвостатка* (имеют выросты на крыльях, напоминающие хвост), *хохлатка* (на заднем крае крыльев имеет хохолок из чешуек), *щитник* (имеют щиток, покрывающий брюшко).

В данной группе присутствуют номинации, в которых отражена особенность цвета или оттенка: *белянка* (имеет крылья белого цвета), *блестянка* (имеет блестящую верхнюю поверхность тела), *бронзовка* (отличается металлическим блеском тела), *голубянка* (крылья имеют голубую окраску), *желтушка* (имеет желтые крылья), *зеленушка* (отличается зеленоватой окраской), *златка* (отличается металлическим блеском тела с золотистым оттенком), *лимонница* (крылья имеют желтую окраску), *переливница* (верхняя поверхность крыльев с фиолетовым или синеватым отливом), *перламутровка* (крылья отливают перламутром), *пестрокрыльница* (имеет яркий окрас крыльев, оранжевый с черными пятнами), *пеструшка* (имеет темный окрас крыльям с белыми пятнышками), *пестряк* (имеет яркий пестрый окрас), *стеклянница* (имеет стекловидные чешуйки крыльев), *траурница* (имеет темный «траурный» окрас крыльев), *чернушка* (имеет темный окрас крыльев), *чернотелка* (имеет черный окрас), *шашечница* (имеет характерный окрас крыльев, напоминающий доску для шашек).

Стоит отметить, что номинации, в основе которых заложена особенность внешнего вида, наиболее характерна для отряда Чешуекрылых, или Бабочек и отряда Жесткокрылых, или Жуков.

2. Особенности поведения

В рамках группы, в которой собраны номинации по признаку особенностей поведения, можно выделить наименования, где смысловой доминантой является определенное поведение насекомого: *богомол* (насекомое покачивается, как молящийся человек), *дозорщик* (самцы данного вида устанавливают наблюдение на своей территории), *жигалка* (обжигает укусом, боль от укуса насекомого сравнивают с ожогом), *землерой* (прокладывает подземные галереи), *могильщик* (подобно могильщику закапывает трупы мелких насекомых), *пенница* (развивающаяся в растениях личинка насекомого окружает себя выделяемой пеной), *полоскун* (обитает в водоемах), *светляк* (в названии заложена способность насекомого светиться),

точильщик (точит дерево), *хищнец* (насекомое является хищником). *шелкопряд* (прядет шелк).

Существуют наименования, в основе которых заложена особенность, связанная с характером питания, поэтому в их номинации обычно присутствует корень –ед-. Например, *грибоед* (обитает в грибах и питается ими), *кожеед* (питается изделиями из шерсти и кожи), *листоед* (питается листьями подорожника, полыни), *мертвоед* (питается мертвыми насекомыми), *плеснеед* (питается плесневыми грибами), ***слепень*** **(во время еды становится будто слепым)**, *трупоед* (питается мертвыми насекомыми), *цветоед* (питается цветами плодовых деревьев), *червеедка* (питается падалью), а также *бражник* (питается забродившим соком фруктов), *падальница* (питается падалью).

Способ передвижения в пространстве также послужил отличительным признаком для наименований следующих насекомых: *вертячка* (очень быстро передвигается и описывает круги вокруг себя, вертится), *водомерка* (передвигается большими шагами, будто отмеряя расстояние), *гребец, гребляк* (обитает в воде и хорошо плавает), *кобылка* (передвигается прыжками, скачет), *плавунец* (обитает в воде и хорошо плавает), *плавунчик* (обитает в воде и хорошо плавает), *пяденица* – (образовано от «пядь» – старинной русской меры длины, насекомое передвигается, отмеряя свой путь), *скакун* (передвигается прыжками).

3. Хронотопические характеристики

В данную группу включены наименования, связанные с особенностями места обитания насекомого и времени его появления. По месту обитания получили свое название наименования: *болотник* (обитает в водоемах с илистым дном), *водолюб* (обитает в воде), *ильница* (личинка развивается в загрязненных водоёмах, в иле), *капустница* (гусеницы питаются листьями капусты), *крапивница* (гусеницы питаются крапивой), *луговик* (обитает в траве), *малинник* (личинки развиваются в плодах и цветах малины), *навозник* (живет в навозе), *песчаник* (обитают в сухих песчаных местах), *поводень* (обитают в стоячих водоемах), *подкорник* (обитает под корой деревьев), *прудовик* (обитают в стоячих водоемах), *тенелюб* (обитает в гниющей коре деревьев).

Интересным в этой группе представляется энтомоним *муравей*. Его форма в древнерусском языке моровей. Будучи изолированным от других слов, оно установило мотивационную связь со словом мурава «трава» (муравей, т.е. ползающий по траве-мураве). Некоторые ученые называют подобный процесс ремотивацией.

С местом происхождения насекомого (штат Колорадо) связана составная номинация *колорадский жук,* а наименование *майский жук* отражает время его появления в середине весны.

Наибольшее количество насекомых, названных в соответствии с их местом или временем обитания, являются представителями отряда Жесткокрылых, или Жуков.

4. Издаваемый звук

В данной группе собраны номинации насекомых, в названиях которых характерным признаком является звук, который издает насекомое. В одном случае можно выделить наименования, в основе которых заложено соответствие со звуком, которое производит само насекомое: *жужелица, жужжало, жук* (образованы от звукоподражательной основы «жужжать» - издавать ровный, сравнительно низкий, негромкий и немелодичный звук), *журчалка* (от журчать – производить монотонный булькающий звук), *сверчок* **(**праслав. *svьrčь от сверчать - сверчит, свиристит, цирюкает, потирая жесткие накрыльники свои о зубчатые ножки [17; т. 4, с. 150]*), стрекоза* (в обыденном сознании наименование выводится от стрекотать, т е издавать стрекот, звук, но этимологически связано со словом колоть), *щелкун* (от щёлкать – производить короткие, отрывистые звуки). Такие номинации являются звукоподражательными.

Наименования, в которых лежит сравнение со звуком, производящим человеком или предметом: *звонец* (издает крыльями звуки, похожие на звон), *кузнечик* **(**предположительно сравнение основано на сходстве звуков, которые издает кузнец во время работы, и звуках

стрекота насекомого)**,** *трещотка* (издает характерный треск, схожий с музыкальным инструментом)**.**

В собранном нами корпусе 20 наименований (включая наименования отрядов и видов насекомых) являются немотивированными, следовательно, для определения внутренней формы слова необходимо обратиться к этимологии наименований. Для этого мы пользовались следующими словарями: «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд» под редакцией О.Н. Трубачева, «Историко-этимологический словарь современного русского языка» П. Я. Черных, «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера. Хотя этимологические словари не всегда определяют точное происхождение энтомонимов, можно найти лишь указание на праславянский или индоевропейский корень, к которому восходят данные лексические единицы.

Бабочка и бабка – в наименованиях выделяют праславянский корень *babъka. О.Н. Трубачев в числе наименований со значением «старушка, бабушка» сюда же относит значение «насекомое из отряда полевых». А.В. Гура отмечает, что у славян с бабочкой связано представление о душе. «Согласно русским народным представлениям, душа, вылетающая из тела покойника, может иметь облик бабочки» [18; с. 487]. Кроме того, поскольку бабочка считается душой умершего, то ей придают значение предвестницы смерти, а иногда и самой смерти. Таким образом, номинации *бабочка и бабка* этимологически связаны с мифом о душе умершего человека.

Блоха – является праславянским образованием, от др.-рус. блъха, в др.-инд. plusi-h означает «вид насекомого». В «Этимологическом словаре славянских языков» отмечено, что славянское bloska сближают заимствованием из лит. и лтш. в значении «клоп», при это выделяют семантический признак «плоский».

Божья коровка – в «Этимологическом словаре славянских языков» отмечено, что у праславянского корня *babъkъ есть значение «насекомое божья коровка», что является производным от *baba с суф. –ъkъ и по значению родственно *babъka. Следовательно, семантически номинации *бабочка, бабка и божья коровка* могут быть родственными. А.В. Гура, говорит, что мифологическая семантика *божьей коровки* представлена в основном в славянских диалектах. Зачастую образ божьей коровки используется в детских закличках, в других же формах культуры образ практически не представлен. Косвенно *божью коровку* связывают с миром мертвых (например, представление о загробном мире как о пастбище, где пасутся души мертвых). Н.И. Толстой в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» отмечает, что наименование *божья коровка* связано с мифом «свадьба Солнца», где божья коровка – это невеста, прорицательница. С этим связывают распространение у славян образа божьей коровки в гаданиях о замужестве [19; с. 222]. Таким образом, семантика номинации *божья коровка* связана с такими категориями, как смерть, бог и брак.

Вошь – от др.-инд. vas- «есть», Черных отмечает, что в др.-рус. въшь имело значение «насекомое-паразит». В номинации отмечена особенность насекомого поедать что-либо.

Клоп – *kloръ — именное производное от гл. *klepati «бить, колоть». В праславянском лексическом фонде зафиксирован корень *klopati – «ударять, хлопать». Можно предположить, что номинация клоп является звукоподражанием либо связана с особенностью насекомого кусать, колоть.

Комар – связывают праславянский корень *komarъ с *komъ в значении «ком, рой, множество». Также предположительно связано с корнем *kem – «жужжать, гудеть, таким образом, отмечена особенность насекомого издавать характерное жужжание

Москит – заимствовано из исп. яз., где mosquito —производное от mosca «муха». Буквально москит означает «маленькая мушка».

Мошка – от праслав. *mъskolъ «мелкие насекомые», «мошкара». В семантике отмечен маленький размер насекомого.

Муха – от праслав. *muxa. Семантика слова не однозначна. Связывают со значениями: 1. жужжащее насекомое; 2. жалящее насекомое; 3. сероватое насекомое.

Овод – от праслав. *ovad. Номинация имеет значение «большая зеленая муха», «большая муха, которая нападает на скотину». Следовательно, отмечена особенность насекомого жалить животных.

Оса – от праслав. *osa. Семантически связывают со значением «колоть, острие, игла», таким образом, отмечается особенность насекомого больно жалить.

Пчела – от праслав. *bucati – «шуметь, жужжать». Данная номинация является звукоподражательной.

Саранча – наименование заимствовано из тюркских языков со значением «желтое насекомое».

Скарабей - наименование заимствовано из греческого языка, в переводе означает «жук».

Таракан – наименование заимствовано из тюркских языков от глаг. тара – «расползаться». Таким образом, в наименовании заложена особенность насекомого быстро бегать.

Тля – предположительно от лат. tinea «моль», то есть отмечается маленький размер насекомого. Также сближают со значением «тина, болото». Возможно, отмечается особенность поведения насекомых, которые образуют большие колонии и внешне напоминают темную кашицу.

Цикада – заимствовано из лат. яз., где cicada — «цикада, кузнечик».

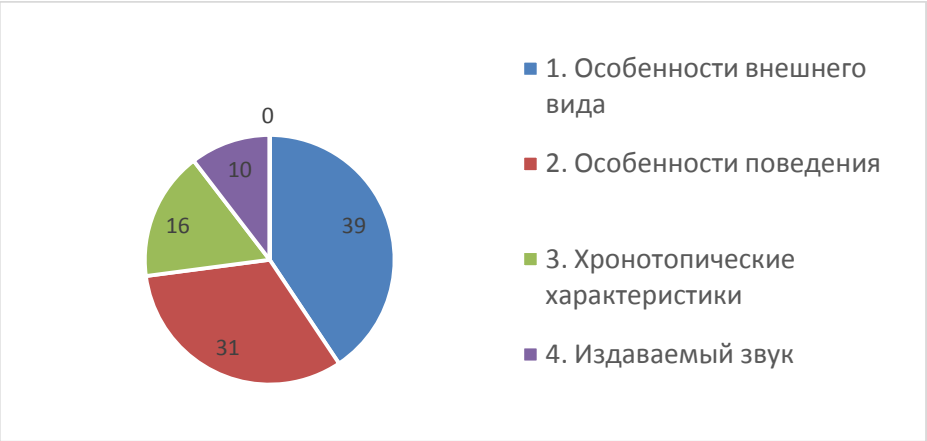
Шершень – от праслав. *sьršenь – «большая оса». Также отмечают значение «злой, строптивый человек». Скорее всего, в основе номинации лежит метафорический перенос, связанный с тем, что насекомое больно кусает.

Шмель – от праслав. *čьmel'ь. Семантически связывают со значением «хрипнуть, делать голос глухим». Следовательно, в номинации отмечена особенность насекомого издавать характерные звуки.

Таким образом, группа наименований насекомых является представительной в лексике русского языка. Внутренняя форма слова позволяет сделать выводы о семантических особенностях слова. Анализ показывает, в собранном нами корпусе наименований насекомых из 127 номинаций 96 номинаций имеют прозрачную внутреннюю форму. Самая высокая степень мотивированности характеризует названия отрядов насекомых. Это объясняется принадлежностью данных слов к терминологической лексике, которая характеризуется однозначностью. Определены четыре параметра характеристик: особенности внешнего вида, особенности поведения, издаваемый звук, хронотопические особенности. Количественные данные для каждого признака представлены в таблице 2.

Таблица 2

Мотивирующие признаки наименований насекомых в русском языке



Наиболее многочисленной является группа, где в качестве признака отмечены особенности внешнего вида насекомого (39 номинаций). Второй по численности номинаций явля-

ется группа с признаком особенностей поведения насекомых (31 номинаций). Далее отмечена группа с хронотопическим признаком (16 номинация). Самой немногочисленной является группа наименований, в основе которых лежит признак, связанный с издаваемым звуком (10 номинаций).

Генетическое начало не может бесконечно сохраняться в слове, и в процессе своей эволюции в силу различных причин тенденция к произвольности языкового знака стирает былую мотивированность лексической единицы. Из 127 наименований насекомых 20 имеют непрозрачную внутреннюю форму, то есть являются немотивированными. Следовательно, для выявления признаков, с которые легли в основу названия таких насекомых, необходимо обратиться к этимологическим данным. Можно говорить об основных причинах отсутствия мотивированности. Это может быть заимствованный характер номинации. Немотивированные наименования насекомых в основном являются заимствованиями из греческого, латинского, тюркских языков. Кроме того, внутренняя форма стирается в результате развития семантики слова и изменения его системных связей. И наконец, в некоторых случаях в номинации насекомого отражаются древние представления об устройстве мира, мифологическое сознание древних людей.

Принцип мотивированности обычно считается в лингвистике ведущим принципом языкового развития, потому как лексическая единица стремится обрести своё место в языковой системе, установить различного рода связи с другими единицами данной системы, и как только эти связи начинают меняться, преобразовываться, рушиться, утрачивается и мотивация.

Библиографический список

1. Трубачев О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 116 с.
2. Усачева В.В. Славянская ихтиологическая терминология. Принципы и способы номинации. Обратный словарь. М.: Индрик, 2003. 352 с.
3. Коломиец В.Т. Происхождение общеславянских названий рыб. Киев: Наукова думка, 1983. 160 с.
4. Колосова В.Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М.: «Индрик», 2009. 352 с.
5. Балалыкина Э.А. Внутренняя форма слова и наименования животных в русском языке. Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Том 155, кн. 2013. С. 196-205.
6. Саенко М.Н. Очерки по славянской соматической лексике. М.: Индрик, 2022. 270 с.
7. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977. 335 с.
8. Потебня А.А. Слово и миф, 1898. М.: Правда. 624 с.
9. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов / Отв. ред. Г. А. Золотова. 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1986. 640 с.
10. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. 492 с.
11. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова М.: Наука, 1981. 200 с.
12. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. «Норинт», 2000. 1536 с.
13. Горностаев Г.Н. Насекомые СССР, 1970. М. «Мысль». 372 с.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М. : Прогресс, 1964 – 1973.
15. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М. : Русский язык, 1994.

16. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. М. : Наука, 1974 – 2003. Вып. 1–30.

17. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : [в 4 ч.] / [соч.] В. И. Даля. Москва : Изд. общ-ва любителей Российской словесности, 1863.

18. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Издательство «Индрик», 1997.

19. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти тт. Т. 1: А-Г. М., 1995.

References

1. Trubachev O. N. Origin of the names of domestic animals in Slavic languages. M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960. 116 p.

2. Usacheva V.V. Slavic ichthyological terminology. Principles and methods of nomination. Reverse dictionary. M.: Indrik, 2003. 352 p.

3. Kolomiets V.T. Origin of common Slavic fish names. Kyiv: Naukova Dumka, 1983. 160 p.

4. Kolosova V.B. Vocabulary and symbolism of Slavic folk botany. Ethnolinguistic aspect. M.: “Indrik”, 2009. 352 p.

5. Balalykina E.A. Internal form of the word and names of animals in Russian. Scientific notes of Kazan University. Humanities. Vol. 155, book. 2013. P. 196-205.

6. Saenko M.N. Essays on Slavic somatic vocabulary. M.: Indrik, 2022. 270 p.

7. Shmelev D.N. Modern Russian language. Lexicology. M.: Education, 1977. 335 p.

8. Potebnya A.A. Word and myth, 1898. M.: Pravda. 624 p.

9. Vinogradov V.V. Russian language (Grammatical doctrine of the word): Textbook for universities / Ed. G.A. Zolotov. 3rd ed., corrected. M.: Higher. shk., 1986. 640 p.

10. Vinokur G.O. Selected works on the Russian language. Moscow: Uchpedgiz, 1959. 492 p.

11. Kubryakova E.S. Types of language meanings. Semantics of a derivative word. Moscow: Nauka, 1981. 200 p.

12. The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language / Comp. and ed.-in-chief S.A. Kuznetsov. St. Petersburg. “Norint”, 2000. 1536 p.

13. Gornostaev G.N. Insects of the USSR, 1970. Moscow “Mysl”. 372 p.

14. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Moscow: Progress, 1964–1973.

15. Chernykh P. Ya. Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: in 2 volumes. Moscow: Russian language, 1994.

16. Etymological dictionary of the Slavic languages: Proto-Slavic lexical fund / edited by O.N. Trubachev. Moscow: Nauka, 1974–2003. Issues 1–30.

17. Dal V. I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: [in 4 parts] / [composed by] V. I. Dal. Moscow: Publishing house of the society of lovers of Russian literature, 1863.

18. Gura A. V. Animal symbolism in the Slavic folk tradition. M.: Indrik Publishing House, 1997.

19. Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary in 5 Volumes. Vol. 1: A-G. M., 1995.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
LITERARY TEXT: ASPECTS OF STUDY

УДК821.112.2
DOI10.36622/2587-9510.2025.57.2.008

Воронежский государственный университет
Аспирант 2 курса филологического факультета
Саратова М.В.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(920)418-39-51
e-mail: hae.haeh@yandex.ru

Voronezh State University
2st year postgraduate student of the faculty of philology
Saratova M.V.
Russia, Voronezh, tel. +7(920)418-39-51
e-mail: hae.haeh@yandex.ru

М.В. Саратова

МНЕМОНИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ В РОМАНЕ М. БАЙЕРА «ЛЕТУЧИЕ СОБАКИ»

В статье рассматриваются особенности мнемонического повествования в романе М. Байера «Летучие собаки», в котором память выступает в качестве поэтологического принципа и способа организации текста на сюжетно-композиционном уровне. Центром исследовательского внимания становится речь вспоминающих субъектов – рассказчиков, реконструирующих прошлое сквозь призму личной оптики и интенций. Индивидуальная память героев-рассказчиков отражает коллективное восприятие немецкого непреодоленного прошлого, воплощая его амбивалентное содержание и выявляя симптоматичное состояние современного общества Германии, продолжающего осмыслять нацистские преступления предков. В ходе исследования установлено, что байеровский роман имеет особую жанровую специфику, заключающуюся в сочетании фикционального и документального изображения действительности посредством эпизодически точного воспроизведения исторических событий с элементами репортажной техники. Данные приемы способствуют размыванию границ между реальностью и вымыслом, между «тогда» и «сейчас», активизируя поиски исторической правды. Кроме того, анализируется роль медианосителей в процессе передачи памяти и их влияние на восприятие исторического опыта. Обращение героев к акустическим материалам рейха актуализирует опасность искажения мемориальной культуры, обнаруживая хрупкость природы воспоминаний и ненадежность отдельных историографических источников, передающих прошлое. Особо рассматривается репрезентация мнемонических процессов в романе М. Байера «Летучие собаки» в свете нарратологической теории В. Шмида и изысканий Е.В. Малышкина, А. Ассман и П. Норы, посвященных образной и метафорической сущности мнемоники.

Ключевые слова: метод мнемонического повествования, мнемоника, нарратив, память, медианосители, непреодоленное прошлое, фашизм.

M.V. Saratova

MNEMONIC NARRATIVE IN THE NOVEL ‘FLYING DOGS’ BY M. BEYER

The article deals with the peculiarities of mnemonic narration in the novel ‘Flying Dogs’ by M. Bayer, where memory acts as a poetological principle and a way of organising the text at the compositional and narrative level. The centre of research attention is the speech of the remembering subjects – narrators, reconstructing the past through the prism of personal optics and intents. The individual memory of the narrators reflects the collective perception of the German unconquered past, conveying its ambivalent content and thus revealing the symptomatic state of contemporary German society, which continues to make sense of theNazi crimes of its ancestors. The study also establishes that the novel by Bayer has a special genre specificity, which consists in the combination of fictional and documentary depic

© Саратова М.В., 2025

tion of reality through episodically accurate reproduction of historical events with elements of reportage technique. These techniques contribute to blurring the boundaries between reality and fiction, between ‘then’ and ‘now’, activating the search for historical truth. In addition, the role of media carriers in the process of memory transmission and their influence on the perception of historical experience is analysed. Turning to the acoustic materials of the Reich actualises the danger of distorting memorial culture, revealing the fragile nature of memories and the unreliability of certain historiographical sources that transmit the past. The representation of mnemonic processes in the novel ‘Flying Dogs’ by M. Bayerin the light of W. Schmid's narratological theory and the research of E.V. Malyshkin, A. Assmann and P. Nora on the figurative and metaphorical essence of mnemonics.

Keywords: mnemonic narrative method, mnemonics, narrative, memory, modes of memory, unconquered past, fascism.

Прозаическое творчество немецкого писателя Марселя Байера (род. в 1965 г.) отличается особыми нарративными стратегиями, в основе которых лежит метод мнемонического повествования.

В отечественных исследованиях термин «мнемоническое повествование» появился относительно недавно. В 2000-м году концепция, проясняющая его наполнение, была представлена в диссертации Л.М. Нюбиной «Поэтика и прагматика мнемонического повествования (на материале немецкой литературы воспоминаний XX века)» [1]. Дальнейшее теоретическое обоснование «метод мнемонического повествования» получил в трудах К.А. Сундуковой «Память как поэтологический принцип в искусстве романа» (2018) и «Мнемонический повествовательный метод в трилогии Аготы Кристоф («Толстая тетрадь», «Доказательство», «Третья ложь»)» (2023) [2].

Существование и функционирование мнемонического повествования (МП) в мнемоническом тексте (МТ) определяет «обширный пласт литературы, основанной на воспоминании» [1; с. 15], а также «художественные ... и нехудожественные словесные произведения, связанные с самораскрытием личности на фоне определенного социального, исторического и культурного контекстов» [1; с. 4].

Изучение процессов воспоминания как специфических нарративов встречается и в работах других российских филологов, обращающихся к теме исторической памяти [3; 4]. Объектом их пристального внимания является речь субъекта: свидетеля времени, автора-творца, рассказчика, соприкоснувшегося с феноменом мнемоники и обращающегося к нему как к средству представления действительности, проникновения в суть происходящего и самопознания. Интерпретация мнемонических текстов, воплощенных в форме художественной литературы, актуализирует проблемы поэтизации мнемонических процессов, связанных с поиском исторической правды и заблуждений, указывает на подвижный характер воспоминаний [3], идентичности и самоидентификации вспоминающих субъектов [4], что, в свою очередь, приводит писателей к выводу о релятивизме любого вида памяти и неисчерпаемости типов мнемонических текстов.

Разработка метода мнемонического повествования, определение и расширение его теоретических основ позволяет по-новому осмыслить прошлое: как с эстетической точки зрения, поскольку отражение памяти в художественном тексте обладает своей спецификой, так и с морально-этической стороны. Мнемонический метод повествования выявляет многослойный и внутренне конфликтный характер процесса воспоминания, лишая однозначности и прозрачности трактовки памяти.

В Германии, поставленной перед необходимостью преодоления нацистского прошлого, проблемы культурно-исторической памяти приобретают чрезвычайную остроту: «Люди конструируют для себя удобное прошлое, поскольку их тяготят темные эпизоды собственной истории, к тому же прошлое способно оказывать различные виды давления» [5; с. 21]. Неудивительно, что феномен памяти включает в себя больше модусов, чем один – воспоминание как таковое. Есть три ключевых модуса памяти, которые А. Ассман выделяет в национал-социалистическом прошлом Германии: воспоминание, умолчание, забвение. Все три тематизируются в романе М. Байера «Летучие собаки» (1995) через «голоса» рассказчиков, что

предполагает рассмотрение особенностей мнемонического повествования на композиционно-сюжетном уровне произведения.

Мнемоническому повествованию свойственны следующие конститутивные черты: внутренняя речь субъекта как средство выражения расщепленного рефлектирующего сознания, фрагментарность повествования, многообразие средств выражения документальности в тексте, жанровая гетерогенность произведения, интертекстуальность, предикация в языковой картине мира и др. [1]. Повествовательные формы в мнемонических текстах соответствуют следующим параметрам: «ретроспективный характер повествования, структурно-семантическая неоднородность текстов, языковое выражение подлинности событийного ряда, <…> темпоральная отсроченность воспоминаний, отражающаяся в оценочных суждениях, самоанализе произошедших событий» [3; с. 398]. Как обоснованно считает К.А. Сундукова, в мнемоническом повествовании «память и рефлексия о памяти являются ведущим принципом организации художественного целого» [2; с. 2]. Таким образом, целесообразно говорить о существовании единого метода мнемонического повествования, в основе которого лежат многообразные принципы, способствующие воплощению воспоминаний в художественной форме, определяемой особенностями авторского видения проблематики прошлого и настоящего.

Цель нашего исследования – установить особенности реализации метода мнемонического повествования в романе М. Байера «Летучие собаки», выявить принципы, способствующие воплощению авторской интерпретации темы памяти в вышеуказанном произведении о нацистском прошлом. Методологию исследования составляют герменевтический и нарративный способы анализа текста, позволяющие определить повествовательные характеристики мнемонического дискурса о Третьем рейхе и раскрыть идейно-содержательную трансформацию образов персонажей романа «Летучие собаки» сквозь призму воспоминания.

Актуальность исследования обусловлена тем, что тема памяти заряжена внутренней конфликтностью, порождающей многослойный и часто противоречивый образ прошлого в немецкой литературе в целом и в романе «Летучие собаки» М. Байера в частности. Детального рассмотрения требуют типы репрезентации памяти, задающие специфику мнемонического повествования, определяющие речевые особенности дискурса байеровских героев, которые служат зеркалом личности последних, а в некоторых случаях кривым зеркалом истории, несут свидетельство о преступлениях или невиновности. Также необходимо установить функции памяти в романе «Летучие собаки», поскольку данный текст выступает примером МТ, в котором память о трагическом прошлом воспроизводят ненадежные рассказчики. Тема памяти в рассматриваемом нами произведении нечасто попадала в фокус внимания зарубежных литературоведов [6; 7; 8]. Еще реже встречаются исследования о романе «Летучие собаки» в отечественной филологической науке, где в основном байеровская поэтика памяти анализируется обобщенно и в комплексе с другими темами: постмодернистской идейностью [9; 10; 8], коммуникативной проблематикой [11] и др. В единственной на сегодняшний день в российской германистике монографии, полностью посвященной роману, представлено многоаспектное исследование поэтики и проблематики байеровского произведения, однако тема памяти здесь также не является специальным объектом изучения [12]. Применение метода мнемонического повествования к роману «Летучие собаки» М. Байера представляется обоснованным и плодотворным – способствующим более полному нарративному анализу романного текста и более глубокому проникновению в авторский замысел.

Память и процессы ее воспроизведения традиционно рассматриваются сквозь две оптики: индивида (личная память) и общества (коллективная память). Особенности социальной жизни, закрепленные в коллективной памяти, накладывают отпечаток на индивидуальную память, которая наполнена личными переживаниями и отмечена высоким уровнем субъектности. Индивидуальная и коллективная память, по мнению М. Хальбвакса, взаимообусловлены: «...существует коллективная память и социальные рамки памяти, и наше индивидуальное мышление способно к воспоминанию постольку, поскольку оно заключено в этих рамках

и участвует в этой памяти», «...то, что мы называем коллективными рамками памяти, оказывается всего результатом, суммой, сочетанием индивидуальных воспоминаний множества членов ... общества» [13; с. 29].

Концептуально значим факт обращенности исследования памяти Хальбвакса только к внутренней речи человека, в то время как внешняя речь, будучи формой социального взаимодействия людей, исключается из рассмотрения в его социологии памяти: именно «беззвучное и полуосознаваемое слово служит непременно опорой памяти» [13; с. 16], тогда как нечто произнесенное, написанное или напечатанное дезориентирует память [13; с. 16]. Вывод исследователя диктует необходимость более пристального внимания к воплощению воспоминаний в пространстве мнемонического текста. Именно там вспоминающий субъект оказывается всевластным реконструктором прошлого: то откровенным, то уязвимым, то утаивающим что-то, то перекраивающим образ ушедшего, что ставит под сомнение содержательную правдивость выставленных на суд общественности историй. Мыслительный процесс, в свою очередь, остается свободным от искажений, «всегда… неповрежденным» [13; с. 100].

В романе М. Байера «Летучие собаки» индивидуальная память героев-рассказчиков отражает симптоматичное состояние немецкого общества, современников писателя, продолжающих находиться в сложных и неоднозначных отношениях с памятью, актуализирует антифашистскую проблематику.

Память в байеровском романе представлена как процесс, заданный ментально-психологическими особенностями протагонистов. Дочь министра пропаганды Третьего рейха Хельга Геббельс и ученый-акустик Герман Карнау, рассказчики романной истории, обращаются к прошлому спорадически – в основном вспоминая эпизоды из детства. В большинстве сцен в «Летучих собаках» повествование ведется преимущественно от первого лица и в настоящем времени, о событиях нацистского прошлого Карнау вспоминает только в финальных главах. Процесс рефлексии героев отмечен сознательным умолчанием многих значимых фактов и эпизодов, что указывает на явление ненадежного повествования в романе. Образ современной Германии в Главе VII не фокализован в повествовательных перспективах героев-рассказчиков, но дан как протокольное наблюдение обезличенного нарратора за послевоенной судьбой акустика. Катализатором его мнемонического процесса становятся проигрыватель и загадочная пластинка с последними вздохами детей Геббельсов, содержащие намек на соучастие Карнау в их убийстве. Проверка данной гипотезы отдается на откуп читателю, от которого автор требует интеллектуальной активности, способности к критическому мышлению и повышенной морально-этической взыскательности. При этом в романе очевидно объективное присутствие индиций, позволяющих установить причастность ученого к преступлению, в частности это неуверенный тон рассказа Германа Карнау и наличие таинственной звукозаписи в его личном аудиоархиве.

Медианосители, которые использовали в прошлом и до сей поры, а также всеобщая доступность электронных средств массовой коммуникации, особенно в XXI веке, актуализируют опасность искажения этического измерения мемориальной культуры. Сегодня ощущается беспокойство по поводу того, что «воспоминания о Второй мировой войне и Холокосте приобретут вскоре исключительно медиатизированный характер» [5; с. 10]. Данная проблема притягивает внимание и Марселя Байера. Отношение автора романа к медиа двойственное: они как были, так и остаются сомнительным – подвергающимся манипуляциям человека, но в то же время единственным источником исторической правды.

Писатель, откликающийся на злободневные вопросы современности, связанные с процессом вспоминания непреодоленного прошлого, реагирует на них не только как автор художественных произведений, но и как педагог-литературовед и активный деятель культуры. Байер выступает в университетах с лекциями, касающимися интерпретации и поэтики воспоминаний [14], становится соведущим в подкастах литературно-исторической тематики, где обсуждает свойства медианосителей [15], и принимает участие в музыкальных вечеринках,

примеряя на себя роль диджея [16]. Так, внелитературная деятельность М. Байера, более заметная в пространстве медиа, демонстрирует его заинтересованность не только в герменевтике памяти, но и в типах и измерениях человеческого сознания, извлекающего наружу паттерны воспоминаний, или забывания, или выдумывания, нового конструирования истории.

В творческий и исследовательский фокус внимания Байера попадают как сами мнемонические процессы, воспроизводящие ушедшее в сознании вспоминающего субъекта, так и неживая проекция памяти – медианосители прошлого: аудио, фото- и видеозаписи, то искажающие или приукрашивающие биографию преступников гитлеровского режима, то освещающие во всей полноте их попытки самоустраниться из ландшафта истории. Как можно заметить, М. Байер, подобно А. Ассман, обращается к изучению проблемы воссоздания прошлого в медиаформате.

Байеровская концепция способов реконструкции правды и передачи воспоминаний на тему национал-социалистического прошлого впервые обретает идейно-эстетическую полноту именно в романе «Летучие собаки», где автор принимает «сознательную творческую установку на изображение вспоминающего сознания и установку на рефлексию над процессом и способами этого изображения» [2; с. 4], то есть, использует мнемонический повествовательный метод. При этом однозначная рецепция байеровского произведения с его сложной архитектоникой ушедших событий представляется едва ли возможной. Немецкий писатель, позиционирующий себя как автор-постмодернист, оставляет за читателем право на самостоятельную дешифровку повествовательного мнемонического кода.

Полотно романного текста сплетается из сцен прошлого и настоящего, недатированные скачки во времени создают специфическое хронотипическое пространство [12; с. 44]. Своеобразие мнемонического повествования в «Летучих собаках» во многом обусловлено особенностями вербального воспроизведения воспоминаний и их фиксацией на медианосителях – они исполняют метафорическую роль «следа».

Использовать понятие «след» мы будем в том смысле, который придает ему Е.В. Малышкин в монографии «Две метафоры памяти», где основательно анализируется метафорическая сущность воспоминаний. След означает «нечто определенное, материально и формально», приобретающее «способность рассматривать разные порядки памяти и даже отслеживать нарушение правильного порядка» [17; с. 47]. Соответственно, след как источник памяти в своей овеществленной форме оказывается медиумом между прошлым и современной реальностью, до которой доносит индивидуальное «вспоминательное» послание.

О передаче памяти при посредничестве предметов и символов говорит и П. Нора: «Память укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте. История не прикреплена ни к чему, кроме временных протяженностей, эволюций и отношений вещей» [18; с. 20]. Нельзя не обратиться вновь к крупному немецкому антропологу А. Ассман, которая в своих исследовательских изысканиях выделяет особую модель вспоминания – «модель следа», то есть эмоциональное «переживание, запечатленное как память тела», что «непередаваемо в его уникальности, абсолютности, силе восприятия» [5; с. 136].

Нацист Герман Карнау, искусный знаток акустического мира, вводящий читателя в заблуждение относительно своей роли в рейхе и достоверности вспоминаемого прошлого, использует лексическую единицу «след» в ее прямом и переносно-образномзначениях. Прошлое в его представлении накладывает свою печать как на физиологию человека, так и на сознание: «Рубцы на голосовых связках есть у всех. Они образуются в течение жизни, каждый произнесенный человеком звук, начиная с первого крика младенца, оставляет на них *след*… По большому счету лучше вообще молчать» [19; с. 20]; «На исходе третьего десятка моя восковая матрица по-прежнему гладкая, без каких-либо знаков, в то время как на других давным-давно оставлено бесчисленное множество *следов* и совсем скоро от частого проигрывания на них появятся царапины или трещинки» [19; с. 17]; «Людям требуются неимоверные усилия и уйма времени, чтобы хотя бы мало-мальски овладеть своим голосом; но как

легко они теряют приобретенное с таким трудом, как легко все бесследно стирается, не оставив ни малейшего *следа*» [19; с. 175].

Так, мы понимаем, что для Германа Карнау голос – главный источник памяти, самый заметный «след» в биографии человека. Голос не предаст хозяина, если он может им управлять: например, стирая с голоса «следы» нелицеприятного прошлого или сохраняя безучастное молчание в переломные моменты истории. Исследователя-педанта Карнау, составителя акустической карты Третьего рейха, волнуют мельчайшие «следы» ушедшего времени, которые, как он считает, яснее всего запечатлеваются в человеческой речи. Одержимость протагониста этической чистотой голоса проявляется в его пристальном внимании к манере речи других людей и акустическим упущениям, совершаемым ими в стремлении предать забвению собственные неблаговидные, антигуманные поступки в эпоху двенадцатилетнего правления Гитлера. После войны Карнау учится избегать ошибок соотечественников, что позволяет ему долгое время уходить от наказания за нацистские преступления. Однако когда на него выходит инспекция, ученый не сдерживается и с чувством превосходства знатока над дилетантами рассказывает следователям в деталях об устройстве лаборатории под Музеем гигиены в Дрездене. Свое участие в экспериментах над людьми, о которых узнает инспекция, он не признает и исчезает после проявленного к нему, Карнау, интереса. Заявив о непричастности к странной лаборатории в музее, акустик, тем не менее, «на следующее утро … покинул город в неизвестном направлении» [19; с. 229]. Члены инспекционной комиссии, которые, казалось бы, вот-вот должны воздать Карнау по заслугам за его садистские опыты над людьми, оказываются не более чем безразличными фиксаторами рассказа изворотливого лжеученого и не доводят начатое ими детективное расследование до поимки преступника. Весь эпизод остается наполненным релятивистским настроением.

Мнемоническое повествование в нарративе Карнау проявляется через своеобразную акустическую игру, похожую на деконструкцию «следов» истории. Так, хотя Карнау удается при помощи мастерского владения голосом в беседе с полицией доказать свою добропорядочность и обеспечить себе подобие алиби – его голос лишен «следов» темного прошлого, – герой все-таки оставляет после себя «следы» другого вида – целый архив звуков. Они могут быть истолкованы и применительно к конкретному случаю – как свидетельства злодеяний одного пособника гитлеризма – и более широко – как типичное нацистское преступление против человечности и, соответственно, как обобщенно-символическое воплощение непреходящей памяти о фашизме, так до конца и не искорененном в современном обществе.

Отличия в восприятии фашистского мира героями-рассказчиками обусловлены в значительной степени их возрастными особенностями: когнитивные навыки взрослого человека Карнау превосходят Хельгины. Кроме того, акустик оценивает прошлое в более широком временном диапазоне, поскольку продолжает свое существование и после краха гитлеровского режима, тогда как жизнь дочери министра пропаганды трагически обрывается в последние дни войны, причем в ее отравлении цианидом, как это следует из туманных намеков в романе, непосредственное участие принимает Герман Карнау.

Особенность мнемонического повествования, акцентируемая Л.М. Нюбиной, связана с жанровой спецификой художественной литературы о памяти, которая «занимает промежуточное положение между документальным и художественным способами изображения действительности», «включает его разносторонние диалогические отношения с давно прошедшим и современным миром» [1]. Мнемоническое повествование в романе М. Байера удовлетворяет данным характеристикам.

Во-первых, документальное начало в художественном тексте создается за счет введения в роман реальных исторических фигур и мест, точного воспроизведения хронологии военных событий и соблюдения фактологической достоверности. Факты, пропущенные сквозь призму видения автора – создателя романа, обретают новое бытие в пространстве художественной образности. Например, Герман Карнау, реально существующее историческое лицо, в оптике Байера становится вероятным убийцей детей Геббельсов. Исследовательских данных,

подтверждающих это, нет, но нахождение Германа Карнау на месте преступления, в бункере Гитлера, бесспорно по заключениям из исторических источников [20]. Так, уже на этапе выбора протагонистов наблюдается сплетение художественной реальности и историографии.

Связь фикционального и документального изображения обнаруживается и на стилевом уровне, где изменяется характер повествования, приобретающего дополнительные хронотопические подробности и протокольную описательность: «После этих слов она (жена Геббельса. – М. С.) покидает затемненную комнату, и Кунц сразу приступает к инъекции. Сначала усыпляется Хельга, затем Хильде, Хельмут, Хольде, Хедда и Хайде, по старшинству... Из реконструкции событий явствует следующее: около 17 часов 30 минут мать уложила шестерых детей в кровать и дала им снотворное... Девочка совсем голая. Тут нет никаких сомнений, хотя видны только обнаженные узкие плечи... Темные волосы от самых корней неестественно натянуты, тело, можно сказать, висит на них; рука в перчатке принадлежит работающему в морге солдату, который крепко держит за шевелюру голову мертвой двенадцатилетней девочки» [19; с. 299-300]. Фактологическую точность в обозначенном фрагменте подтверждает аутентичная фотография, сделанная во время проведения посмертной экспертизы тела Хельги Геббельс.

Писатель детально воссоздаёт снимок вскрытия трупа девочки в 1945 году [21], сообщая, помимо указанных выше, следующие достоверные подробности: «Тело до подмышек накрыто светлой парусиной. Голову приподнимают... подбородок слегка заострен, полные неплотно сомкнутые губы, маленький нос, под широкими надбровными дугами – закрытые глаза, длинные ресницы, вздернутые брови и гладкий, без морщин лоб...» [Байер, 2004: 299–300]. В цитате выше упоминается также запечатленный на фото советский врач, держащий тело Хельги.

В рассматриваемом эпизоде происходит саморазоблачение субъекта речи, отказывающегося от обезличенно-бесстрастного стиля медицинского протокола и заявляющего о своем присутствии через недоуменные вопросы: «В акте указаны косички, но на посмертной фотографии волосы у Хельги распущены. Чьи руки их распустили? Руки патологоанатома в резиновых перчатках?» [19; с. 302]. Эту цитату предваряет длинное патологоанатомическое заключение о физиологических подробностях тела ребенка, лишенное эмоциональных комментариев, которое, на первый взгляд, представляет собой не более чем документ. Однако симптоматичное разоблачение своего присутствия субъектом речи, спокойно ознакомившегося с деталями вскрытия, говорит о рассказчике как о холодном и жестоком человеке, проявившем живой интерес только во время обнаружения несходства двух документов друг с другом – протокола с фотографией. Учитывая тот факт, что в финальной IX главе присутствует только Карнау, анализирующий содержание спрятанной под кроватью Хельги звукозаписи и пластинок с допросами, а также памятуя о педантичном и мизантропическом характере ученого, можно сделать вывод о том, что именно ему принадлежит голос, задающий вопрос о загадке расплетенных косичек и выдающий причастность акустика к убийству детей.

Писатель придерживается документальных свидетельств и в случае воспроизведения речи Йозефа Геббельса о «Тотальной войне», произнесенной в «Спортпаласте» 18 февраля 1943 г.: «Папа говорит, что в тотальной войне настал самый тотальный момент» –несколько шаржированная передача романной героиней Хельгой прозвучавших в действительности слов Йозефа Геббельса о том, что тотальная «война будет выиграна в тот момент, когда Германия сможет обрушиться на оставшихся противников, которые уже больше не будут представлять собой никакой проблемы» [22].

Во-вторых, произведение М. Байера о прошлом связано с реальностью при помощи повествования в настоящем времени, которое намечает сходство романного нарратива с репортажной техникой. Данный прием актуализирует проблемы современности, способствует более беспристрастной оценке преступлений старшего поколения посредством упразднения временных границ «тогда» и «сейчас». Концептуально значим композиционный прием – перемещение из Третьего рейха 1945 года в Германию 1992 года (Глава VII), которое позволяет

зафиксировать не только неиссякающее число преступлений фашистов, продолжающихся и после распада гитлеровской державы, но и невозможность разрыва временного континуума прошлого и настоящего, находящихся в специфической этической и культурно-исторической коммуникации.

В романе «Летучие собаки» память функционирует как поэтологический принцип, служащий созданию самобытной авторской образной системы художественного мира и демонстрирующий «взаимоотношения творящего и исторически-бытового … Я» [23; с. 97].

Рассматривая роман в тематически-содержательном плане, логично обратиться к иерархии герой-автор-читатель и установить отношение повествователей к проблеме памяти. Согласно В. Шмиду, автору книги «Нарратологии», любое повествовательное произведение имеет сложную коммуникативную структуру, состоящую из авторской и нарраторской коммуникаций, а также повествуемых персонажей, если они являются повествовательной инстанцией [24; с. 39]. В «Летучих собаках» их, как мы выяснили, две – это Хельга Геббельс и Герман Карнау. Оба героя оперируют деталями современной им действительности, интересной им прежде всего в ее соотнесенности с их личным бытием, и не оставляют много места рефлексии над прошлым. Кажется, что задача проработки истории и ответственность за ее выполнение в дальнейшем переходят к автору. Марсель Байер как автор романа предстает перед реципиентом в двух ипостасях: как существующий в затекстовой реальности создатель произведения и как абстрактный автор, чей образ воплощен в его творческих актах. Как было установлено в начале статьи, в реальной жизни М. Байер проявляет себя как активист в различных культурных мероприятиях, посвященных дискурсу памяти. Абстрактный автор занят семантическим построением произведения, выявляющим интерес Байера-писателя к следующим проблемным аспектам: многосложность мнемонических процессов и их поэтика, сомнение в истинности исторических итогов, хроникерская отчетность не как финальная точка в трактовке прошлого, а как повод к размышлению о том, что осталось незамеченным свидетелями времени, и т. д.

Абстрактный читатель, отвечающий представлениям конкретного автора о своем читателе, в контексте романа «Летучие собаки» – это современный человек, которому предоставляется право принимать самостоятельные решения и формулировать собственный ответ на вопросы об исторической правде и справедливости. Фиктивный читатель романа М. Байера, инстанция, к которой нарратор обращает свой рассказ, в оптике рассказчика Германа Карнау предстает подобием очередной инспекции, от которой акустик стремится утаить неприглядные стороны своей биографии. В отличие от акустика, Хельга-рассказчица не скрывает от фиктивного читателя факты из частной жизни своей семьи, которые могли бы опорочить ее или родителей и вызвать стыд, например, измену отца матери. Безусловно, от того, кем видится нарратору его фиктивный адресат, зависит и течение повествования, и наличие правды и лжи, и форма информации, представляемой на этический суд читателя. Текст Байера подталкивает к поискам ответа на вопросы о роли исторической памяти, об опасности ее искажения, о сохранении ее при помощи медиа.

В романе возникают своего рода слои памяти, соотносимые с повествовательными уровнями. Хельга, представительница поколения детей, выросших при фашизме, вносит в свой мнемонический этос измерение домашнего быта Геббельсов, детских игр, скучных для нее политических собраний отца-пропагандиста, переживаний о привычных, но оказавшихся прерванными налетами бомбардировщиков прогулках и т. д. Сознание девочки фиксирует на первый взгляд обыденную, порой расфокусированную картину мира. Когда отец перед сном собирается прочесть сказку детям, которым остается жить считанные часы, Хельга думает: «Но я не слежу за повествованием – в голове слишком много мыслей» [19; с. 283], которые она в силу детских лет не может воплотить в артикулированную форму. Обнаруживается неспособность детского сознания выразить себя в слове – несовершенном средстве коммуникации. Тем самым язык и сознание разъединяются, в духе постмодернистской идейности заставляя существовать язык, как и текст, в отдельном от человека локусе.

Для ситуации повествования Хельги, как и Карнау, характерно обращение к прошлому в прошлом, что превращает данные эпизоды из-за удвоенной ретроспективы в многослойный процесс воспоминания, где герои, находящиеся в определенном историческом временном отрезке, прибегают к реконструкции недавних событий повседневной жизни.

В повествование Хельги, разворачивающееся в настоящем и посвященное непосредственно наблюдаемым событиям, иногда проникают эпизоды из прошлого, наиболее глубоко врезавшиеся в память героини. Например, поездка с отцом на дорогом автомобиле, где он пытается при помощи увеличения скорости смахнуть паучка со стекла, демонстрируя тем самым эксцессивные проявления своего поведения и характера. В эпизоде, когда отец с детьми попадает в дорожную аварию, действие снова разворачивается во время автомобильной прогулки, одного из популярных развлечений в период динамичного технического развития гитлеровской Германии и роста материального благосостояния ее граждан. Воспоминание о травме матери, полученной в результате автомобильной катастрофы, предстает в обрывочном виде:психологически точно в романе воссоздан механизм вытеснения негативного опыта пережитого в подсознание героини, испытывающей страх за жизнь и здоровье своей родительницы. Сходным образом старшей дочерью Геббельса воспринимается и такой непостижимый для нее, лишенный смысла феномен, как война. В силу своего возраста юная героиня не способна к анализу военной ситуации, которая видится ей скорее источником идей для детских развлечений: подражая взрослым, Хельга, ее сестры и брат играют в надзирателя и заключенных, воронки от снарядов используются ребятами как песочницы, а подвальные комнаты гитлеровского бункера – как пространство для пряток от «злых» русских («Русские идут… Мы прячемся в клетке с собаками… Все хорошо пригнулись, русские не увидят? Они уже рядом. Теперь не дышать. Неужели расстреляют? Значит, сейчас умрем? И никто не поможет» [19; с. 274]).

По-настоящему Хельга ничего не забывает. В памяти девочки отчетливо живут измены отца и его отвратительный неразборчивый рев на трибуне Берлинского стадиона, аморальные пожелания умереть всем врагам, написанные самими детьми для радиопрограммы папы-министра «Вервольф» и лицемерно осужденные им за крайнюю жестокость. Однако Хельга интуитивно усваивает стратегию коммуникации с миром взрослых – умолчание. Все, что скрывается взрослыми и осуждается, никогда не должно быть озвучено, но при этом совсем не обязательно предано забвению. Хельга не стирает, но прячет правду о фашизме, как и подавляющее большинство немцев независимо от их возраста. Прячет прежде всего от своих младших сестер и брата, не понимающих в полной мере извращенных морально-этических правил жизни в нацистском сообществе в силу наивности и незамутненной чистоты детской души.

Мнемоническое повествование через умолчание получает продолжение в нарративе Карнау. В пространстве индивидуального сознания происходит обращение акустика к эпизодам из прошлого, преимущественно из детства: появление летучей мыши на уроке, образ раннего утра и недоеденного пирога, которые накладывают отпечаток на картину мира взрослого героя и его восприятие настоящего. «Я безраздельно принадлежу кристально-чистой ночи, где каждый шаг, каждое произнесенное шепотом слово отзывается эхом, а потом бесследно исчезает во тьме…Задержать ночь и убаюкать чужие голоса было не в моей власти… Среди дневных призраков не было летучих собак из моего альбома. Они никогда не показывались на свету… Таким был в моем детстве мир на утренней заре, особый мир, отграниченный от дневного. Именно поэтому мой яблочный пирог в светлое время суток всегда оставался недоеденным. Уже вечером, после наступления темноты, я принимался за него вновь» [19; с. 42]. Становится очевидной проявившаяся уже в детском возрасте тяга Карнау к ночи, уединению, отстраненности от жизни, которую символизирует свет. Героя отличают окрашенный в романтические тона эскапизм, неприязненное отношение к людям, симпатия к летучим собакам и их образу жизни, а также подспудное отождествление себя с уникальным зверьками, погруженными, как ошибочно считает акустик, в особый мир ультразвука.

Образы детства позволяют не только понять некоторые свойства характера акустика, сформированные в ранние годы, заглянуть в темное закулисье его подсознания, но и нащупать его комплексы, способствующие становлению его мировоззрения и выбору его жизненного пути. Кроме того, эпизод с летучей мышью в школьном спортзале принимает символическую лейтмотивную нагрузку, становясь ключом к романной концепции и устанавливая связь между разными временными пластами.

Ночную тварь пугает «ватага горластых мальчишек», затем «поток света», и маленький Карнау проникается сочувствием к испуганному созданию и решает, что лучшей для нее помощью будет молчание: «…молчание одного могло стать более значимым, чем шум всех остальных» [19; с. 18]. Коллекционирование вкладышей из сигаретных пачек с изображением летучих собак («эти картинки я собирал и хранил в специальном альбоме» [19; с. 18]) позволяло мальчику соприкоснуться с миром таинственных африканских животных, погрузиться в воображаемую «увертюру мира», самую темную ночь, полную молчания, недосказанности, одиночества, тишины. В романе прослеживается поэтапное становление личности мизантропа, мрачные фантазии которого воплощаются в конце концов в безжалостные эксперименты над людьми. Смерть последних летучих собак в Берлинском зоопарке в финале романа метафорически воплощает крах принципов Карнау, произошедший под влиянием внешних событий – военного поражения Германии, но не вследствие внутренней трансформации героя.

После разгрома фашизма, поставившего точку в научной карьере Карнау, бывший нацистский приспешник, уже постаревший, надевает на себя маску благонадежного немецкого гражданина, неприметного охранника в Музее гигиены, выбирая стратегию тотального умолчания совершенных преступлений. Молчание Карнау не снижает мнемонический пафос его нарратива. Нацистское прошлое акустика находит продолжение в настоящем в медицинских экспериментах, предположительно, над детьми из сиротского приюта, и в бегстве от инспекции, образ которой воплощает идею невозможности забвения нацистского прошлого. Инспекционная группа, явившаяся в 1992 году в дрезденский Музей гигиены с целью его проверки, осматривает спрятанные от глаз обычных посетителей помещения, прежде всего подвалы, хранящие тайны прошлого. Повествование в этом эпизоде меняется на объективно-отстраненное, напоминающее протокол допроса выжившего после войны Германа Карнау, ныне охранника музея, и свидетельские показания о его поведении, а также о необычной лаборатории – хранилище звукозаписей. В данном случае речи не идет о воскресении прошлого как коммеморативном акте, осуществляемом романными героями во имя высшей гуманистической цели. Обезличенный голос безымянного представителя власти подводит итоги так и незавершенного расследования в музее (глава VII): «Для следственной комиссии, правда, остается загадкой, как набирали людей для проведения экспериментов, в некоторых случаях весьма болезненных» [19; с. 226]. Поиски исторической правды оказываются в большей степени формальностью, нежели внутренней потребностью немцев – байеровских современников, не способных отрефлексировать прошлое.

Состарившийся Карнау не может оторваться от прослушивания пластинки с голосами умирающих детей Геббельсов, общение с которыми много значило для него. Однако ретроспекция акустики не приводит его ни к индивидуальному покаянию, ни к осознанию своей вины как части преступного прошлого всей нации. Неопределенное будущее, воспоминания о прошлом, вызывающие муки совести, и неутихающие поиски гитлеровских преступников – сложное временное сплетение, довлеющее над Карнау в конце жизни. «…Я отключаюсь окончательно, и соскальзывание в иной мир длится мучительно долго: голоса настоящего, прошлого и будущего наполняют мой внутренний слух и ни за что не желают смолкать» [19; с. 205]. Роль прошлого в нарративе героя становится определяющей, поскольку оно задает обстоятельства настоящего и намечает туманные перспективы дальнейшей судьбы героя. В данном случае феномен времени получает толкование, характерное для философии постмодернистов, которые считают историю и культуру текстуальным полем, существующим в «парадоксальной одновременности неодновременного и совмещающее в одном тексте про-

шлое, настоящее, будущее» и похожим на «разветвленное, дифференцированное, многоуровневое образование» [25; с. 57].

Не последнее место в непрерывном взаимодействии прошлого с настоящим и будущим занимают медиасредства, о которых шла речь в начале статьи. Так, голоса невинно убитых детей как одних из жертв фашизма звучат благодаря их записям вне времени и пространства, оживляя прошлое.

Саморефлексия обладает динамической природой, носит деятельностный характер, ее результатом становится обретение самоидентичности [4]. Карнау – герой, погруженный в мир мыслей, много размышляющий над мотивами своих поступков и пытающийся убедить в их правомерности читателя. Так, протагонист, заявляющий об отвращении к фашистской муштре, но оказывающийся в окопах Франции на стороне нацистов ради записи голосов умирающих, старается оправдать свое непоследовательное поведение благородной целью служения науке, ради достижения которой якобы вынужденно закрывает глаза на происходящее, а по сути, идет на сделку с совестью. После войны акустик намеревается замести свой преступный «след», оставленный в германской истории, раствориться в толпе безымянных попутчиков режима. Расхождение деятельностного и дискурсивного аспектов личности Карнау делает его повествование заведомо более ненадежным, чем рассказ четырнадцатилетней Хельги.

Принципы поведения, в том числе и языкового, и мнемонической деятельности, взятые на вооружение Карнау, соответствуют установке большинства немцев на обезличенность звучания их речи, а в послевоенное время – на замалчивание нацистских преступлений. Германский народ не случайно представлен в романе как аморфная масса, в которой невозможно выделить индивидуализированные характеры. В голосах случайных прохожих Карнау отмечает самые неприятные черты, а Хельга нередко обнаруживает двусмысленность в высказываниях окружающих. «В надежде бесследно вытравить из голоса старые оттенки люди с готовностью соглашались подвергать свой новый лексикон регулярным проверкам… Радостно население участвовало в целенаправленных опросах, помогавших избавить от любого рода изъянов, нарушавших картину группового звучания» [19; с. 236–237], что придает монолитность заученному и фальшивому мнемоническому нарративу. И если в период гитлеровского правления голос толпы, артикулирующей бездумно затверженные пропагандистские лозунги, звучит в унисон, то после краха режима немецкий народ столь же единодушно безмолвствует, отказываясь от своего постыдного прошлого. Как следствие, сохранение и проработка непреодоленного прошлого оказывается в зоне ответственности читателя, его рефлексии.

Таким образом, используя различные аспекты мнемонического повествования, акцентируя те или иные особенности процессов вспоминания, умалчивания и забывания, Марсель Байер в романе «Летучие собаки» актуализирует дискурс непреодоленного прошлого в пространстве художественного произведения и за его пределами – в современном немецком обществе, перед которым по-прежнему остро стоит непреходящая проблема исторической памяти.

Библиографический список

1. Нюбина Л.М. Поэтика и прагматика мнемонического повествования: На материале немецкой литературы воспоминаний XX века: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. СПб., 2000. 519 с.

2. Сундукова К. А. Память как поэтологический принцип в искусстве романа (на материале творчества Г.И. Газданова, В.В. Набокова, Ю.В. Трифонова): автореф. дис. … к. филол. н.: 10.01.08. Самара, 2018. 24 с.

3. Колышева О. Н. Нарратив как мнемонический текст (на материале нарративов «Детей войны») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. №11(2). С. 398-411.

4. Остроумова А. В. Проблематика динамики идентичности в мнемоническом повествовании // Российский лингвистический вестник. 2024. №2(50). С. 1-6.

5. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой; пер. с нем. Б. Хлебникова. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 232 с.

6. Georgopoulou E. Die Medien in den Romanen Flughunde und Spione von Marcel Beyer : MA.-Arbeit im Postgraduiertenstudiengang «Literatur- und Kulturwissenschaften». Thessaloniki, 2012. 76 p.

7. Burke Silvana Judith Maria. Zum Zusammenhang von Erinnern und Erzählenim Romanwerk Marcel Beyers. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der PhilologischenFakultät der Albert-Ludwigs-Universität Freiburg i. Br. 2017. 226 p. (Datum der Disputation: 15.05.2018).

8. Ghiţă Roxana-Andreea. Marcel Beyers Roman Flughunde. Über die postmoderne Inszenierung von Erinnerung und ihre Ambivalenzen. Braşov Year book of German Studies. Aldus Verlag. 2020 (20). P. 111-132.

9. Кучумова Г.В. Немецкий роман конца XX века: Детективные модели построения текста. Дата публикации: 21.12.2012. URL: https://detectivemethod.ru/laboratory/german-novel-twentieth-century/ (дата обращения – 14.04.2025).

10. Кучумова Г.В. Немецкоязычных роман рубежа XX-XXI вв.: проблема Другого : монография. Самара, 2019. 216 с.

11. Соколова Е.В. «Диалог невозможен…»: коммуникативная проблематика в современной литературе Германии: (Б. Шлинк, М. Байер, К. Хакер, В. Генацино, К. Крахт) / Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук»: Аналитический обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. литературоведения. Москва, 2008. 128 с.

12. Воротникова А. Э., Саратова М. В. Особенности хронотопа в романе М. Байера «Летучие собаки» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2023. №2(49). С. 43-48.

13. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. Москва: Новое издательство, 2007. 348 с.

14. Zehnpfennig S. Schatten und Schattierung. Poetikovorlesung 2014. 6. April 2015. Göttinger Poetikdozentur, Lichtenberg-Poetikvorlesung, Marcel Beyer, Vorlesung. URL: http://litlog.uni-goettingen.de/schatten-und-schattierung/ (дата обращения: 28.11.2024).

15. Michaela Fridrich, Marcel Beyer. Marcel Beyer über öffentliche Reden, über Sprache als Werkzeug und über eine Kohlmeise auf seinem Balkon / Podcast: Kocheler Zwischen Ton. July 4, 2024. URL: https://podcasts.apple.com/us/podcast/marcel-beyer-%C3%BCber-%C3%B6ffentliche-reden-%C3%BCber-sprache-als/id1585805994?i=1000661113995 (дата обращения – 29.11.2024).

16. A Night with Marcel Beyer. Mi. 25.09.2024. URL: https://literatur-jetzt.de/shows/a-night-with-marcel-beyer/ (дата обращения: 18.04.2025)

17. Малышкин Е. В. Две метафоры памяти. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2011. 246 с.

18. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17-50.

19. Байер М. Летучие собаки. Пер. с нем. А. Кацура. СПб.: Амфора, 2004. 303 с.

20. Daly-Groves L. The Death of Adolf Hitler: British Intelligence, Soviet Accusations and Rumours of Survival : a dissertation submitted in partial fulfilment of the degree of BA (Hons) History. University of Central Lancashire, 2015. 56 p.

21. Corpse / Helga Goebbels / May 1945. Photo, 1945. Helga Goebbels' corpse, after the autopsy carried out by official Soviet doctors, in May 1945. – URL: https://www.akg-

images.com/archive/-2UMDHUHVYA3.html#/SearchResult&ITEMID=2UMDHUHVYA3&POPUPPN=1&POPUPIID=2UMDHUHVYA3 (дата обращения – 29.11.2024).

22. Майоров С. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны : Документы и материалы : [Т. 1-3] / [ред.-сост. С. Майоров]. Москва, 1946-1947. Т. 3. 1-е января – 3 сентября 1945 г. 1947. С. 339-345. URL: https://militera.lib.ru/h/jacobsen/04.html (дата обращения – 29.11.2024)

23. Бочкарева Н.С. Поэтика и поэтология: «Томас Бернхард и модернистский метароман» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2018. Т.10. №4. С.97-102.

24. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

25. Шуб М. Л. Постмодернистская цитата как механизм темпоральной коммуникации // Международный научный журнал «Мир науки, культуры, образования». Сер. Экология. Культура. Культурология. Педагогика. Народное образование. 2007. № 2 (5). С. 56-58.

References

1. Nyubina L.M. Poetics and pragmatics of mnemonic narration: Based on the German literature of memoirs of the 20th century: dis. ... Doctor of Philological Sciences: 10.02.04. SPb., 2000. 519 p.

2. Sundukova K.A. Memory as a poetological principle in the art of the novel (based on the works of G.I. Gazdanov, V.V. Nabokov, Yu.V. Trifonov): author's abstract. dis. ... candidate of philological sciences: 10.01.08. Samara, 2018. 24 p.

3. Kolysheva O.N. Narrative as a mnemonic text (based on the narratives of «Children of War») // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics. 2020. No. 11 (2). P. 398-411.

4. Ostroumova A. V. Problematics of the Dynamics of Identity in Mnemonic Narrative // Russian Linguistic Bulletin. 2024. No. 2 (50). P. 1-6.

5. Assman A. New Discontent with Memorial Culture; trans. from Germ. by B. Khlebnikov. 2nd ed. Moscow: Novoye Literaturnoye Obozrenie, 2023. 232 p.

6. Georgopoulou E. The Middle Ages in Roman Flughunde and Spione von Marcel Beyer : MA.-Work in the Postgraduate Studies of Literature and Culture. Thessaloniki, 2012. 76 p.

7. Burke Silvana Judith Maria. Towards the Development of Creative and Eradicated Romance Works Marcel Beyers. Inaugural Dissertation for the Candidacy of the Faculty of Philosophy of the Albert-Ludwigs-University of Freiburg i. Br. 2017. 226 p. (Date of Dispute: 15.05.2018).

8. Ghiţă Roxana-Andreea. Marcel Beyers Roman Flughunde. About the Postmodern Invention of Creative and Eradicated Romance. Braşov Year Book of German Studies. Aldus Verlag. 2020 (20). P. 111-132.

9. Kuchumova G.V. The German Novel of the Late Twentieth Century: Detective Models of Text Construction. Publication date: 21.12.2012. URL: https://detectivemethod.ru/laboratory/german-novel-twentieth-century/ (date of access - 14.04.2025).

10. Kuchumova G.V. German-language novel at the turn of the 20th-21st centuries: the problem of the Other: monograph. Samara, 2019. 216 p.

11. Sokolova E.V. «Dialogue is impossible...»: communicative issues in modern German literature: (B. Schlink, M. Bayer, K. Hacker, V. Genacino, K. Kracht) / Federal State Budgetary Institution of Science «Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences»: Analytical review / RAS. INION. Center for Humanitarian. Scientific-Information. Research. Dept. of Literary Studies. Moscow, 2008. 128 p.

12. Vorotnikova A. E., Saratova M. V. Features of the chronotope in M. Bayer's novel «Flying Dogs» // Actual issues of modern philology and journalism. 2023. No. 2 (49). P. 43-48.

13. Halbwachs M. Social framework of memory / trans. from French and introductory article by S. N. Zenkin. Moscow: New Publishing House, 2007. 348 p.

14. Zehnpfennig S. Schatten und Schattierung. Poetikovorlesung 2014. 6. April 2015. Göttinger Poetikdozentur, Lichtenberg-Poetikvorlesung, Marcel Beyer, Vorlesung. URL: http://litlog.uni-goettingen.de/schatten-und-schattierung/ (access date: 28.11.2024).

15. Michaela Fridrich, Marcel Beyer. Marcel Beyer über öffentliche Reden, über Sprache als Werkzeug und über eine Kohlmeise auf seinem Balkon / Podcast: Kocheler Zwischen Ton. July 4, 2024. URL: https://podcasts.apple.com/us/podcast/marcel-beyer-%C3%BCber-%C3%B6ffentliche-reden-%C3%BCber-sprache-als/id1585805994?i=1000661113995 (accessed November 29, 2024).

16. A Night with Marcel Beyer. Mi. 25.09.2024. URL: https://literatur-jetzt.de/shows/a-night-with-marcel-beyer/ (date of access: 18.04.2025)

17. Malyshkin E. V. Two Metaphors of Memory. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2011. 246 p.

18. Nora P. Problematics of Places of Memory // France-memory. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 1999. Pp. 17-50.

19. Bayer M. Flying Dogs. Translated from German by A. Katsura. St. Petersburg: Amphora, 2004. 303 p.

20. Daly-Groves L. The Death of Adolf Hitler: British Intelligence, Soviet Accusations and Rumors of Survival: a dissertation submitted in partial fulfilment of the degree of BA (Hons) History. University of Central Lancashire, 2015. 56 p.

21. Corpse / Helga Goebbels / May 1945. Photo, 1945. Helga Goebbels' corpse, after the autopsy carried out by official Soviet doctors, in May 1945. URL: https://www.akg-images.com/archive/-2UMDHUHVYA3.html#/SearchResult&ITEMID=2UMDHUHVYA3&P

OPUPPN=1&POPUPIID=2UMDHUHVYA3 (accessed November 29, 2024).

22. Mayorov S. Foreign Policy of the Soviet Union during the Patriotic War: Documents and Materials: [Vol. 1-3] / [ed. and compiled by S. Mayorov]. Moscow, 1946-1947. Vol. 3. January 1 – September 3, 1945. 1947. Pp. 339-345. URL: https://militera.lib.ru/h/jacobsen/04.html (date of access – November 29, 2024)

23. Bochkareva N.S. Poetics and Poetology: «Thomas Bernhard and the Modernist Metanovel» // Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology. 2018. Vol. 10. No. 4. Pp. 97-102.

24. Schmid B. Narratology. M.: Languages of Slavic Culture, 2003. 312 p.

25. Shub M. L. Postmodernist quotation as a mechanism of temporal communication // International scientific journal «World of Science, Culture, Education». Series: Ecology. Culture. Cultural Studies. Pedagogy. Public Education.

УДК 81´33
DOI 10.36622/2587-9510.2025.57.2.009

Воронежский институт МВД Российской Федерации
Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков
Олейникова О.Н.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(915)584-61-57
e-mail: oon_2004@mail.ru

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation
The chair of Russian and foreign languages
PhD, associate professor
Oleinikova O.N.
Russia, Voronezh, tel. +7(915)584-61-57
e-mail: oon_2004@mail.ru

О.Н. Олейникова

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В ВОСПОМИНАНИЯХ К.И. ЧУКОВСКОГО О СОВРЕМЕННИКАХ

В предлагаемой публикации представлены результаты исследования иноязычных вкраплений в текстах воспоминаний выдающегося учёного и общественного деятеля нашей страны К.И. Чуковского. Актуальность статьи определяется новизной исследования иноязычных вкраплений в указанных текстах этого автора. Пока нет исследований функционирования иноязычных вкраплений в текстах воспоминаний К.И. Чуковского. Материал исследования получен методом сплошной выборки, что отвечает принципу объективности исследования. Обращено внимание на современные подходы к трактованию функций иноязычных вкраплений в русских текстах. Проанализированы вкрапления из украинского, английского, французского, латинского, немецкого и греческого языков, введённые К.И. Чуковским в тексты с различными целями. Доказано, что ввод иноязычных вкраплений является средством косвенной речевой характеристики персонажей текстов К.И. Чуковского. Иноязычные вкрапления автор ввёл в тексты для передачи двуязычия и полилингвизма героев своих произведений. Даны сведения о полилингвизме самого К.И. Чуковского, с чем также связан ввод им иноязычных вкраплений в исследованные тексты. Обращено внимание на то, что функционирование в текстах К.И. Чуковского меньшей части иноязычных вкраплений связано с национально-культурной спецификой его текстов, а большей – с функцией иноязычного вкрапления быть «украшением текста», что было характерно и для европейских авторов. Дан анализ способов ввода в тексты иноязычных вкраплений (использование исконной графики или кириллицы, степень грамматической ассимилированности вкрапления и др.). Отмечено редкое для текстов на русском языке греческое вкрапление, данное в исконной графике. Доказана связь ввода в исследованные тексты иноязычных вкраплений с культурной традицией, а также учёт К.И. Чуковским возможности восприятия иноязычных вкраплений текстов их потенциальных читателей.

Ключевые слова: К.И. Чуковский, воспоминания, иноязычные вкрапления, двуязычие, полилингвизм, частотность иноязычных вкраплений, ввод иноязычных вкраплений в текст.

O.N. Oleynikova

FOREIGN LANGUAGE INCLUSIONS IN K.I. CHUKOVSKY'S MEMOIRS OF HIS CONTEMPORARIES

The proposed publication presents the results of a study of foreign language inclusions in the texts of the memoirs of an outstanding scientist and public figure of our country, K.I. Chukovsky. The relevance of the article is determined by the novelty of the study of foreign language inclusions in these texts by this author. So far, there are no studies on the functioning of foreign language inclusions in the texts of K.I. Chukovsky's memoirs. The research material was obtained by continuous sampling, which corresponds to the principle of research objectivity. Attention is drawn to modern approaches to the interpretation of the functions of foreign language inclusions in Russian texts. The inclusions from Ukrainian, English, French, Latin, German and Greek languages introduced by K.I. Chukovsky into texts for various purposes are analyzed. It is proved that the introduction of foreign language inclusions is a means of indirect speech characterization of the characters of K.I. Chukovsky's texts. The author introduced foreign language inclusions into the texts to convey the bilingualism and multilingualism of the characters in his works. Information about the polylingualism of K.I.

© Олейникова О.Н., 2025

himself is given. Chukovsky, which is also connected with the introduction of foreign language inclusions into the studied texts. Attention is drawn to the fact that the functioning of a smaller part of foreign language inclusions in K.I. Chukovsky's texts is related to the national and cultural specifics of his texts, and a larger part is related to the function of foreign language inclusions to be an "ornament of the text", which was typical for European authors. The analysis of the ways of introducing foreign language inclusions into texts (the use of native graphics or Cyrillic alphabet, the degree of grammatical assimilation of the inclusions, etc.) is given. The Greek inclusion, rare for texts in Russian, given in the original graphics, is noted. The connection between the introduction of foreign-language inclusions into the studied texts and cultural tradition is proved, as well as K.I. Chukovsky's consideration of the possibility of perception of foreign-language inclusions of texts by their potential readers.

Keywords: foreign language inclusions, graphic foreign language inclusions, usual foreign language inclusions, K. I. Chukovsky, journalistic style texts.

В 2024 году исполнилось 55 лет со дня ухода из жизни выдающегося деятеля отечественной литературы и культуры К.И. Чуковского. С одной стороны, вряд ли найдётся в стране человек, которому было бы не знакомо его имя. Ведь это известный детский поэт, чьи стихи помнит каждый с детства. Его имя стало практически мемом, в том числе благодаря известному советскому мультипликационному фильму. В российских городах и на просторах бывшего Советского Союза есть улицы, названные в честь К.И. Чуковского. Открытый недавно биообъект получил название Mucha tzokotucha, а астероид - Chukokkala. Кто-то помнит, что в последние десятилетия жизни Чуковский был щедро одарён властями (Ленинская премия, орден Ленина, четыре ордена Трудового Красного Знамени, почётная степень honoris causa и т.д. и т.п.). Есть музеи, в том числе мемориальный и виртуальный, памятник, учреждалась премия имени К.И. Чуковского. С другой стороны, не оставляет ощущение недооценённости вклада К.И. Чуковского в отечественную науку, а также недооценённости самой личности выдающегося учёного-филолога, причём разностороннего. Возможно, так кажется потому, что огромное наследие этого автора, составляющее 15 томов, исследовано недостаточно [1].

На сегодняшний день тексты художественных произведений К.И. Чуковского, некоторые стороны его творчества исследованы литературоведами [см., напр., 2, 3 и др.]. Есть отдельные работы о различных языковых и речевых особенностях текстов Чуковского, о специфике языковой личности этого автора и т.п. [см., напр., 4, 5 и др.]. В серии ЖЗЛ есть том, посвящённый его жизни и деятельности [6]. Иноязычные же вкрапления в текстах этого автора-полилингва, их функции, способы ввода в текст почти не исследованы. Исключением являются указанные статьи [7, 8]. Всё это определяет актуальность темы данной публикации.

Интерес филологов к такому речевому явлению, как иноязычные вкрапления, возник в шестидесятые годы прошлого века. Огромную роль в их изучении сыграл словарь А.М. Бабкина и В.В. Шендецова [9]. Изучением иноязычных вкраплений занимались многие исследователи: В.С. Гимпелевич, А.А. Леонтьев («автор» термина «иноязычное вкрапление»), Л.П. Крысин, Е.М. Верещагин, Е.А. Земская, И.Е. Гальченко и др. В Воронеже в течение нескольких десятилетий существовала фактически школа изучения иноязычных вкраплений под руководством профессора Ю.Т. Листровой-Правды, чьи многочисленные ученики проанализировали тексты разных стилей и исторических периодов как оригинальные, так и переводные с целью определить функции иноязычных вкраплений.

В последние годы опять возник интерес к этому речевому явлению, возможно, из-за усиления языковых контактов. Иноязычные вкрапления стали рассматриваться как инструмент создания эффекта остранения в полилингвальном тексте [10]. Иноязычные вкрапления также изучаются и как инструмент гибридизации текста [11]. Это новые подходы к этому речевому явлению.

Появились работы, в которых от вкраплений отличают иноязычные «вставки», то есть большие по объёму отрезки текста на иностранных языках; но объём, с которого вкрапление считается вставкой, не определён [10]. Поэтому при анализе иноязычных вкраплений, выявленных методом сплошной выборки, мы опираемся на теоретическую базу, созданную отечественными исследователями, а именно на определение А.М. Бабкина: «Иноязычными вкраплениями являются слова и выражения на чужом для подлинника языке, в иноязычном

их написании или транскрибированные без морфологических или синтаксических изменений» [12, с. 221]. Учёный также подчеркивал, что написанное русскими буквами иностранное слово, не вошедшее в лексический запас русского языка, не становится более понятным для носителя русского языка благодаря кириллице, то есть тоже представляет собой иноязычное вкрапление. С пониманием иноязычных вкраплений А.М. Бабкина перекликается авторитетное мнение Ю.Т. Листровой-Правды, под руководством которой они исследовались в течение многих лет: «Иноязычными вкраплениями могут стать не только отдельные слова и выражения, части предложений, предложения и значительные отрывки текста из чужого языка, но и более или менее самостоятельные речевые произведения (стихотворения, рассказы, юридические документы и т.д.), находящиеся в иноязычном окружении» [13, с. 23].

К.И. Чуковский был полилингвом, вводил иноязычные вкрапления в тексты не только по культурной традиции 19 – начала 20 века, но и потому, что в раннем детстве жил в Одессе, где сложилась уникальная языковая ситуация: половина населения говорила на русском, треть на идиш, около 5% – на украинском. В бытовом общении земляки Коли Корнейчукова переходили с одного языка на другой, то есть отличались массовым полилингвизмом, что отмечал и Чуковский в дневниках. Образованные люди знали французский, латинский, немецкий. Чуковский в разной степени владел английским, украинским, латинским, греческим, молдавским, немецким и французским языками [1, т. 9].

В дневниках К.И. Чуковский неоднократно писал о мучившей его проблеме: он не мог решить, какой же язык его родной [1, т. 9]. По-украински он говорил великолепно, и этот факт широко известен. Косвенным подтверждением полного русско-украинского двуязычия Чуковского было то, что он часто вводил в свою устную речь украинские слова и выражения, любимые из которых «треба знати, как моргати, щоб карбованців дістати», «вареники з вышней» [1, т. 9; 6 и др.]. В молодости одессит Чуковский считал этот язык вариантом русского, но в зрелые годы признал его самостоятельным языком.

Степень владения иностранным языком автором оказывает большое влияние на ввод им в тексты иноязычных вкраплений. Сложно вводить в текст то, чем не владеешь или владеешь слабо. Так, латынь Чуковский изредка даже преподавал. Гимназическое образование (гимназию Чуковский окончил экстерном) предполагало изучение латыни, французского, немецкого, в меньшей степени английского языков. Английский Чуковский знал в совершенстве, хотя изучил его самостоятельно после отчисления из гимназии [6]. Более того, К.И. Чуковский был переводчиком с английского и создателем собственной теории перевода. Он обратил внимание на необходимость для переводчиков внимательно относиться к малейшим оттенкам смысла слова, в том числе связанных с существованием двух вариантов английского языка [1, т. 3]. Переводческий аспект деятельности Чуковского также повлиял на наличие в его текстах иноязычных вкраплений.

Практически всю жизнь К.И. Чуковский вёл дневники, представляющие собой бесценный документ эпохи [1], причем не только в силу традиции своего времени. Он доверял бумаге тайны своей жизни и судеб современников. Чуковский писал, что не хочет ничего забыть и мечтает, что когда-нибудь на основе своих дневников напишет воспоминания о тех людях, которые встретились ему на жизненном пути. На основе сохранившихся дневников (часть дневников автор уничтожил сам после ареста зятя, часть была утрачена по другим причинам), а также писем, записных книжек и т.п. создавалась книга «Современники», которая не была закончена. Чуковский оставил после себя много воспоминаний, не включённых в эту книгу, о выдающихся учёных, художниках, писателях, общественных деятелях нашей страны, со многими из которых дружил всю жизнь. Именно тексты воспоминаний Чуковского о современниках исследуются на предмет наличия в них иноязычных вкраплений.

Дневники представляют собой жанр разговорно-бытового стиля речи, тексты которых пишутся автором для себя, спонтанно. Но воспоминания Чуковский уже обдумывал, подго-

тавливая для публикации. И литературоведы, и языковеды найдут весьма интересный материал для исследования в этих текстов. Мы же остановимся на иноязычных вкраплениях.

Исследованный материал отобран методом сплошной выборки, что определяет объективность результатов его изучения. Частотность иноязычных вкраплений в исследованном материале достаточно высока.

Объём вкраплений различен: от одного слова до текста значительного размера. В исследованном материале много украинских вкраплений, что естественно для автора-билингва. Воспоминания о Т. Шевченко буквально «пересыпаны» ими. К.И. Чуковский вводит их в речь, например, И.Е. Репина, прекрасно знавшего этот язык, который считается многими родным для Чуковского. В книге «Репин» Чуковский, доказывая свободное владение художником украинским языком, цитирует его речь. Например: «У його в носі не пусто: у його волосся не таке: він щось зна»; «Та й дурень кашу зварить, як пшено та сало», «Та як чухоня гарна, та хліб мягкий, так геть таки хунтова» [1, т. 4, с. 482]. Полные украинские вкрапления, то есть никак не ассимилированные, подчёркивают свободное владение Репиным этим языком. В воспоминаниях «Собинов» также есть полные украинские вкрапления в письменной речи владеющего свободно украинским языком знаменитого певца: «И тут же пример, написанный каллиграфическим почерком: «Бачили очі що купували, іжте хоч повилазьте» [1, т. 5, с. 323]. Ещё один пример: «Помню его школьные тетради, куда он старательно вписывал столбиками спряжения украинских глаголов: «я бачу, ты бачешь, він бачить, мы бачимо, вони бачать» [1, т. 5, с. 323]. Чуковский в исследованных текстах передаёт и «суржик», то есть разговорный язык, включающий слова русского и украинского языков, например: «Сторож возразил ей с украинской иронией: – Ото таки паничи?» [«Борис Житков», 1, т. 5, с. 338]. В некоторых случаях Чуковский включает в свой русский текст небольшие по объёму украинские вкрапления с той же целью – дать речевую характеристику персонажа: «Я зашёл к деду Прокопычу в сад, и в разговоре Прокопыч сообщил мне, что к нему за фруктами нередко приходит – вон «с того білесінького дома – писатель» [«Макаренко», 1, т. 5, с. 359]. Кроме того, украинскими вкраплениями создаётся особая одесская атмосфера: и Б.С. Житков, и Л.В. Собинов были тоже одесситами.

Чуковский цитирует стихи по-украински, библионимы оформляет в виде вкраплений. В воспоминаниях о В.Г. Короленко, например, есть фраза с тремя украинскими вкраплениями: «Среди них замечательную балладу Шевченко: У тіі Катерини / Хата на помості, - после неё куски из «Неофітов», из гениальной «Маріи», потом перешёл на Некрасова» [«Короленко в кругу друзей», 1, т. 5, с. 32].

Казалось бы, К.И. Чуковский должен был бы ввести в тексты большое число английских вкраплений. Но их немного. Полное английское вкрапление Чуковский ввёл в текст работы «Валерий Брюсов» для аргументации своей позиции: «… все книги Брюсова, страшные, неживые, как души, не принятые ни адом, ни раем и скитающиеся между небом и землёй, жаждущие жить, – like the souls belated, in Hell and Heaven unmated…» [1, т. 6, с. 163]. Небольшое число английских вкраплений связано, на наш взгляд, с тем, что английский язык в годы активной деятельности Чуковского по написанию воспоминаний не был так популярен в стране, как сейчас. И это понимал Чуковский. Он, как и любой автор, ориентировался на потенциального читателя, а свои воспоминания он писал именно для читателей, не желая, чтобы забылись имена дорогих для него людей. Получившие классическое гимназическое, тем более университетское образование, прекрасно, как правило, знали французский, немецкий, латынь; английский изучался меньше. Обращает на себя внимание использование русской графики английского вкрапления, например в работе «Куприн»: «Даже псевдоним у него был спиртуозный: Сэр Пич Брэнди (брэнди – по-английски коньяк)» [1, т. 5, с. 93]. Частичное вкрапление в русской графике не характерно для свободно владеющих иностранным языком авторов. Возможно, название напитка уже входило в русский язык как заимствование. Любое заимствование проходит этап иноязычного вкрапления, прежде чем войти в словарный запас русского языка [12, 13, 14]. Чуковский даёт однородные члены предложения в русской графике. Почти

все они стали заимствованиями, но одно так и не вошло в лексический запас русского языка и стало английским вкраплением в кириллице: «Его стих, кокетливо-пикантный, жеманный, жантильный, весь пропитан воздухом бара, журфикса, кабарэ, скетинг-ринка» [«Игорь Северянин и другие», 1, т. 8, с. 31].

Французские вкрапления занимают значительное место на страницах воспоминаний К.И. Чуковского. Как правило, это полные французские вкрапления. Интереснейшую информацию об Александре Блоке читатель получает от Чуковского в воспоминаниях о поэте с помощью иноязычных вкраплений разных видов (полных и частичных разной степени ассимилированности в принимающем языке). Например: «Слова, которые обрусели недавно, он произносил на иностранный манер: не мебель, но мэбль (meuble), не тротуар, но trottoir (последние две гласные сливал он в одну)» [«Александр Блок»,1, т. 5, с. 162]. Здесь приведены полное французское вкрапление и два частичных, в исконной графике и кириллице. С помощью полного французского вкрапления Чуковский характеризует деда А. Блока: «Его дед был до такой степени старосветским барином, что при встрече с мужиком говорил: «Eh bien, mon petit!» [Там же]. Это не только косвенная характеристика человека, но и отражение языковой ситуации в России XIX в., когда французский язык был корпоративным для определённой части общества [13, 14]. В начале XXв. традиция использовать французский язык в этом качестве уходила в прошлое, в том числе под влиянием определённой демократизации жизни общества, примером чего является активная деятельность в стране так называемых разночинцев, как правило, не общавшихся на французском языке. Дед А.А. Блока в силу возраста и характера всеми силами пытался сохранить уклад жизни людей своего круга, в том числе и традицию полного русско-французского двуязычия дворянства.

Представленные выше примеры французских вкраплений непосредственно связаны с национально-культурной спецификой созданного Чуковским текста воспоминаний о Блоке. Но интересной особенностью отбора их автором французских вкраплений является то, что большая их часть относится к вкраплениям, не связанным с этой спецификой.

Полученный методом сплошной выборки материал был тщательно проверен по словарю А.М. Бабкина и В.В. Шендецова [9]. Контент этого уникального словаря составляют иноязычные вкрапления в виде слов, словосочетаний и фраз, которые имеют интернациональный характер и могут употребиться в текстах на многих языках, в основном европейских. Без перевода употреблялись иноязычные вкрапления из живых и мёртвых языков, так как они были понятны образованной части общества России, причём людям, получившим классическое гимназическое образования, то есть билингвов и полилингвов [13, 14]. Например: «Но вот Куприн становится к нам en face – и куда деваются все лошади и собаки …» [«А.И. Куприн», 1, т. 6, с. 82]; «Это была одна из обычных судебных ошибок истории, – одна из обычных дрейфусад, – и давно пора, чтобы кто-нибудь крикнул своё j´accuse» [«О Г. Минском», 1. т.6, с. 329]. Во втором примере частичное французское вкрапление, не связанное с национальной спецификой текста, согласовано с русским местоимением в среднем роде. В работе «Кони», датированной 1957 годом, Чуковский объясняет читателям французское вкрапление из международного фразеологического фонда, что не удивительно, так как во второй половине XX века французский язык отошёл на второй план в системе образования. В советских школах в этот период в основном изучался немецкий язык. «В своих любимых героях он больше всего возвеличивает их воинственность, их, как он выражался, esprit de combativité. По-русски это означает: боевой задор, готовность к бою» [«Кони», 1, т. 5, с. 148].

Французских вкраплений из международного фразеологического фонда, как называют филологи контент словаря А.М. Бабкина и В.В. Шендецова, в исследованном материале много, но латинских вкраплений, включённых в воспоминания Чуковского, отражённых в этом словаре, ещё больше. К.И. Чуковский придерживается международной традиции «украшать» текст на русском языке, в том числе латинскими словами и выражениями [13, 14]. К.И. Чуковский вводит в свои тексты как вкрапления без перевода, так и с переводом. Например, автор никак не объясняет значение латинского вкрапления, предполагая, что оно понятно без

пояснений: «Не могу избежать искушения проверить своё положение a posteriori» [«О Г. Евг. Соловьёве», 1, т. 6, с. 342]. Но к латинскому вкраплению, не зафиксированному в словаре А.М. Бабкина и В.В. Шендецова, Чуковский даёт перевод, включая его в текст: «У каждого из них один и тот же – для него драгоценный – девиз: «Vivere et militare («Жить – это значит воевать»), и он восхищается ими потому, что они воители» [«Кони», 1, т. 5, с. 148]. Вероятно, Чуковский интуитивно чувствовал, что это латинское выражение нуждается в переводе. Латинские вкрапления почти всегда частичные, разных типов. Как в текстах Чуковского других стилей [7, 8], в исследованном материале есть вкрапления, введённые автором путём присоединения русского падежного окончания к иностранному слову, например: «У Куприна, как у всякого некультурного русского таланта, это расстояние между maximum´ом и minimum´ом художественных возможностей очень велико» [«А.И. Куприн», 1, т. 6, с. 71]. Оба латинских вкрапления заимствованы русским языком, но Чуковский предпочёл латинскую графику. Это характерно для этого автора [7, 8].

К.И. Чуковский ввёл в тексты и немецкие вкрапления. Их примерно столько же, сколько и латинских. Как правило, это вкрапления международного фразеологического фонда. Как правило, это частичные вкрапления в исконной графике, небольшие по объёму. К.И. Чуковский иногда играет словами, например в работе «О Валерии Брюсове»: «Многие Dinge für uns осуществимы только при условии их кажущегося für sich» [1,т. 6, с. 404]. Подобная игра словами характерна для текстов К.И. Чуковского и других жанров и стилей [7, 8].

Немецкое существительное женского рода Чуковский согласует с русским определением в женском роде: «… её неутешенный возлюбленный создал себе вечную святыню, воплощение мирового блаженства, ту самую Weltseele …» [«Александр Грин как человек и поэт», 1, т. 8, с. 131]. Ещё одно немецкое вкрапление автор согласует с притяжательным русским местоимением и добавляет к вкраплению русское падежное окончание: «Только вряд ли это подействует на закоренелую душу нашего Übermensch´а» [«М.О. Меньшиков», 1, т. 6, с. 263]. Без перевода Чуковский ввёл вкрапление-библионим, что вполне в рамках культурной традиции их ввода в русский текст: «В Мюнхене вышла тогда при участии русских художников специальная книга «Der Blaue Reiter» [«Игорь Северянин и другие», 1, т. 8, с. 34]. Это одно из редких немецких вкраплений в исследованном материале, которое не относится к международному фразеологическому фонду.

Из некоторых других европейских языков в текстах Чуковского есть единичные иноязычные вкрапления. Например, есть вкрапление из греческого: «Ещё до того, как он стал знаменитым писателем, он печатал свои стихи на отдельных листках, где было оттиснуто Εγω , заключённое в треугольную рамку» [«Игорь Северянин и другие», 1, т. 8, с. 39].

Вкраплений из восточных языков, которые было принято писать кириллицей, в исследованном материале нет. Нет также нулевых вкраплений, представляющих собой переведённый на русский язык текст с иностранного языка, вставленный в русский текст с указанием на этот факт [13].

Из изложенного выше можно сделать вывод, что ввод К.И. Чуковским в тексты воспоминаний иноязычных вкраплений связан с целом рядом причин: во-первых, с культурной традицией использовать иноязычные вкрапления разной степени ассимилированности в русских текстах разных стилей и жанров для «украшения» письменной речи;. во-вторых, с полилингвизмом К.И. Чуковского; в-третьих, с тем, что иноязычные вкрапления являются средством речевой характеристики персонажей и затекста. При этом автор исследованных текстов в некоторых случаях включает иноязычные вкрапления в «игру слов», что можно считать индивидуальной особенностью К.И. Чуковского.

Библиографический список

1. Чуковский К. И. Собрание сочинений: В 15 т. 2-е изд., электронное, исправ. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2013. 592 с.

2. Федотова С.В. Литературно-критическое своеобразие «Книги об Александре Блоке» К. Чуковского // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 32. С.26-44.

3. Моисеев П.А. «Чушь страшная, но нельзя оторваться» Чуковский и детектив // Вопросы литературы. 2020. № 3. С. 169-186.

4. Петренко Д.И. Дискурсивная данность лингвистического витализма метапоэтики К.И. Чуковского // Вестник Ставропольского государственного университета. 2010. № 3. С. 113-121.

5. Агаджанян А.А. Русскоязычные аспекты переводческой деятельности К.И. Чуковского: дис. … канд. филол. наук. Ставрополь. 2018 г. 30 с.

6. Лукьянова И.В. Корней Чуковский. М. Молодая гвардия. 3-е изд. 2019. 990 с.

7. Олейникова О.Н. Иноязычные вкрапления в лондонской корреспонденции К.И. Чуковского // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2024. № 4 (55). С. 98-103.

8. Олейникова О.Н. Иноязычные вкрапления в текстах разговорного стиля К.И. Чуковского // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2024. № 1. С. 36-40.

9. Бабкин А.М., Шендецов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода: В 3-х т. СПб. 1994.

10. Разумовская В.А. Полилингвальный художественный текст: остранение и перевод // Теория и практика перевода. 2023. Т. 20. № 1. С. 17-29.

11. Вежбински Ярослав. Иллюзия иностранной речи в структуре текстов Михаила Зощенко // STUDIA ROSSICA POSNANIENSIA. 2018. Vol. XLIII. P. 315-326. Adam Mickiewicz University Press, Poznan.

12. Бабкин А.М. Русская фразеология, её развитие и источники. Л.: Наука, 1970

13. Листрова-Правда Ю.Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи Х1Х века. Воронеж, Издательство Воронежского государственного университета, 1986. 144с.

14. Листрова Ю.Т. Иносистемные языковые явления в русской художественной литературе XIX века. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1979. 156с.

References

1. Chukovsky K. I. Collected works: In 15 vol. 2nd ed., electronic, corrected. Moscow, 2013. 592 p.

2. Fedotova S.V. Literary and critical originality of the "Book about Alexander Blok" by K. Chukovsky // Text. Book. Book publishing. 2023. Vol. 32. P. 26-44.

3. Moiseev P.A. "Terrible nonsense, but you can't break away". Chukovsky and the detective stories// Questions of literature. 2020. Vol. 3. P. 169-186.

4. Petrenko D.I. The discursive reality of linguistic vitalism of K.I. Chukovsky's metapoetics // Journal of Stavropol State University. 2010. Vol. 3. P. 113-121.

5. Aghajanyan A.A. Russian-language aspects of K.I. Chukovsky's translation activity: thesis ... PhD in Philology. Stavropol, 2018 . 30 p .

6. Lukyanova I.V. Korney Chukovsky. 3d ed. Moscow, 2019. 990 p.

7. Oleinikova O. N. Foreign language inclusions in K. I. Chukovsky's London correspondence // Actual issues of modern philology and journalism. 2024. Vol. 4 (55). P. 98-103.

8. Oleinikova O.N. Foreign language inclusions in the texts of K.I. Chukovsky's conversational style // Journal of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism. 2024. Iss. 1. P. 36-40.

9. Babkin A.M., Shendetsov V.V. Dictionary of foreign expressions and words used in Russian without translation: In 3 volumes, St.-Petersburg, 1994.

10. Razumovskaya V.A. Multilingual literary text: estrangement and translation // Theory and practice of translation. 2023. Vol. 20. Iss. 1. P. 17-29.

11. Wierzbinski Yaroslav. The Illusion of foreign speech in the structure of Mikhail Zoshchenko's texts // STUDIA ROSSICA POSNANIENSIA, 2018. Vol. XLIII. P. 315-326. Adam Mickiewicz University Press, Poznan.

12. Babkin A.M. Russian phraseology, its development and sources. Leningrad, 1970

13. Listrova-Pravda Y.T. Selection and use of foreign language inclusions in Russian literary speech of the x1th century. Voronezh, Voronezh State University Publishing House, 1986. 144 p.

14. Listrova Y.T. Foreign language phenomena in Russian fiction of the 19th century. Voronezh, Voronezh State University Publishing House, 1979. 156 p.

УДК 821.111-31
DOI 10.36622/2587-9510.2025.57.2.010

Воронежский государственный педагогический университет
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы
Струкова Т.Г.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: tstrukova@vmail.ru

аспирант направления «Литература народов стран зарубежья»

Крылова С.Г.
Россия, г. Воронеж
e-mail: sk1996.96@mail.ru

Voronezh State Pedagogical University
The chair of Russian language, modern Russian and foreign literature
Doctor of Philology, full professor

Strukova T.G.
Russia, Voronezh,
e-mail: tstrukova@vmail.ru

Postgraduate student
Direction «Literature of the peoples of foreign countries»
Krylova S.G.
Russia, Voronezh
e-mail: sk1996.96@mail.ru

Т.Г. Струкова, С.Г. Крылова

ОСОБЕННОСТИ НАРРАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ У. ГОЛДИНГА

Настоящая статья посвящена изучению нарративной стратегии нобелевского лауреата в области литературы У. Голдинга. В работе применен метод сопоставительного анализа ранних и более поздних произведений писателя: «Повелитель мух» (1954), «Наследники» (1955), «Воришка Мартин» (1956) и «Зримая тьма» (1979). В ходе изучения были выявлены основные авторские приемы, позволяющие читателям полноценно исследовать внутренний мир героев, понять мотивацию их поступков и сделать определенные выводы о практически применимой морально-этической составляющей произведений. Проведено сопоставление реалистического метода работы над художественным произведением и более инновационного подхода XX века, базирующегося на «вненаходимости» автора (по М.М. Бахтину), несобственно-прямой речи, использовании бинарных оппозиций, полифоничности, потока сознания и жанровой гибридизации. В работе проведены параллели между мировосприятием различных героев, отдельно отмечен прием контраста. Авторская «вненаходимость», вчувствование, способность увидеть жизнь с точки зрения героя, а затем вернуться в себя распространяется на читателя, что производит колоссальный эффект присутствия во внутритекстовом пространстве. Отмеченные нарративные приемы позволили писателю создать особенные произведения, которые не являются пародией на психологический роман (как считают некоторые издатели). Романы Голдинга – это максимально детализированная и интересная по форме попытка проникнуть в подсознание человека XX века, разрывающегося между добром и злом.

Ключевые слова: У. Голдинг, «Повелитель мух», «Наследники», «Воришка Мартин», «Зримая тьма», бинарные оппозиции, нарративная стратегия.

T.G. Strukova, S.G. Krylova

THE SPECIFICITY OF W. GOLDING'S NARRATIVE STRATEGIES

This article is devoted to the study of the narrative strategy of Nobel laureate in literature William Golding. The material for the research was articles and monographs previously published by literary scholars, as well as materials created in the process of writing a master's thesis on the metaphysical foundations of the author's early novels. The work used the method of comparative analysis of the writer’s early and later works: «Lord of the Flies» (1954), «The Inheritors» (1955), «Pincher Martin» (1956), «Darkness Visible» (1979). In the course of the work, the main author's techniques were identified that allow readers to fully explore the inner world of the characters, understand the motivation of

© Струкова Т.Г., Крылова С.Г., 2025

their actions and draw certain conclusions about the practically applicable moral and ethical component of the works. A comparison has been made of the realistic method of working on a work of art and the more innovative approach of the twentieth century, based on the «out-of-placeness» of the author (according to M.M. Bakhtin), improperly direct speech, the use of binary oppositions, polyphony, stream of consciousness and genre hybridization. The work draws parallels between the worldviews of various heroes, and specifically notes the technique of contrast. The author's «outside-ness», empathy, the ability to see life from the point of view of the hero, and then return to himself, extends to the reader, which produces a stunning effect of presence in the intra-textual space. The noted narrative techniques allowed the writer to create special works that are not a parody of a psychological novel (as some publishers believe). Golding's novels are the most detailed and interesting in form an attempt to penetrate the subconscious of a 20th century man, torn between good and evil.

Keywords: W. Golding, «Lord of the Flies», «The Inheritors», «Pincher Martin», «Darkness Visible», binary oppositions, narrative strategy

Как ранние, так и более поздние романы У. Голдинга базируются на отображении отрицательно окрашенных фундаментальных свойств человеческой натуры. Классик XX века, ставший свидетелем множества социальных катаклизмов общемирового масштаба, писатель вкладывает в свои произведения предостережения, способные уберечь человечество от необдуманных поступков и опрометчивых шагов, ценой которых могут стать многочисленные жизни людей.

С помощью определенных механизмов, заложенных в ядро нарративной стратегии, автор достигает максимального уровня воздействия на читательское сознание. В романах английского писателя, не один год занимавшегося педагогической деятельностью, нет открытой дидактической составляющей. Голдинг не делает прямых выводов о натуре и поступках своих героев, не прописывает заповеди «праведной жизни»: его творческая концепция направлена на активизацию мыслительной активности и морально-нравственной составляющей сознания читателя, которому приелись прямые нравоучения некоторых представителей предшествующего поколения писателей. Подобная форма взаимодействия автора и реципиента требовала инновационных подходов к написанию произведений, и Голдинг её создаёт.

Простая на первый взгляд форма скрывает под собой синтез мощнейших авторских приёмов, таких, как плавный переход от «лёгкого», «стандартного», в высшей степени реалистичного повествования к грандиозному изображению области бессознательного – сюрреалистичным формам восприятия реальности героями. Читатель при этом помещается в самый центр потока сознания персонажей и вместе с ними испытывает всё пережитое. Таким образом, авторская «вненаходимость», вчувствование, способность увидеть жизнь с точки зрения героя, а затем вернуться в себя, о которой говорил М.М. Бахтин, распространяется и на читателя, что производит ошеломляющий эффект присутствия во внутритекстовом пространстве. «Вненаходимость» позволяет «собрать всего героя, который изнутри себя самого рассеян и разбросан в заданном мире познания <…>, собрать его и его жизнь и восполнить до целого теми моментами, которые ему самому в нем самом недоступны» [1; с. 18].

Реализация подобной стратегии возможна за счет включения в текст несобственно-прямой речи, которая строится «по принципу свободных ассоциаций, произвольной последовательности, часто логической бессвязности фрагментов речи и создающая эффект непосредственной передачи реального функционирования психической жизни человека» [2; с. 179]. Этот прием можно увидеть как в самых ранних, так и в более поздних романах Голдинга: достаточно вспомнить образ мыслей Саймона в романе «Повелитель мух», всеобщую ментальную связь неандертальцев в «Наследниках», агонизирующее состояние Кристофера в «Воришке Мартине» и, конечно, слияние потоков сознания Мэтти, мистера Педигри и Софи в «Зримой тьме». В последнем читатель вообще превращается в своеобразный радиоприемник, который улавливает мысли любого попадающего в поле зрения человека (военные, спасшие Мэтти из огня, няня, директор школы и проч.). Реципиент улавливает как мимолетные эмоциональные отклики на происходящие события, так и абстрактные категории, глобально характеризующие мировосприятие человека.

«Вненаходимость» и несобственно-прямая речь помогают читателю обнаружить ещё одну интересную особенность текстов Голдинга. Очевидно, что со времен «Повелителя мух» автор будто бы разрабатывает теорию некой внутренней темноты внутри человеческой сущности. Все герои, избравшие сомнительный путь, «наделяются» центром тьмы, регулирующим их поступки.

Личность Мартина, так высоко определяющего свое значение в этом мире, – не более, чем «скорчившееся», запертое сознание в «глубинах черепа» [3; с. 379], во внутренней пещере. Кристофер наблюдает за миром сквозь провалы в костяной сфере: «Оконный просвет был ограничен сверху надбровными дугами и разделен на три проема двумя прозрачными очертаниями носа» [3; с. 424].

Герой, находящийся в полном одиночестве, теряет чувство реальности, не может себя идентифицировать. Если раньше он самоутверждался за счет угнетения тех, кто был рядом, то теперь, вдали ото всех, он растворяется как личность. Голдинг сам говорит об особенности построения мыслей Мартина, сравнивая их с калейдоскопом, через который практически невозможно пробиться. Попытки Мартина вернуть «самость» основываются на неполноценных речевых актах и обустройстве «владений», которое так ничем и не заканчивается. В данном случае полноценной робинзонады не состоялось: герой, постоянно работающий челюстями и захватывающий всё на своём пути в обычной жизни, в таких условиях не способен упорядочить и присвоить окружающее пространство. Несобственно-прямая речь делает потерянность персонажа наглядной, ощутимой даже на уровне языка.

Бессознательное приводит героя к сопоставлению своей жизни с историей о червях, пожирающих более слабых особей. Мнящий себя вершителем судеб, Кристофер Мартин внезапно сам оказывается «сожран» этим миром. Изначально читатель не знает о совершенных Кристофером актах насилия над другими людьми, но по мере погружения в текстовую канву и в сознание этой личности, перед ним открывается совершенно пугающая картина – алчность, ненависть к миру, стремление победить законы мироздания во что бы то ни стало. Убогий внутренний мир в бессмысленной попытке неприятия уже свершившегося факта смерти порождает такие же убогие «персональные небеса»: «Я выживу, даже если придется сожрать все, что найдется в этой проклятой коробке» [3; с. 478].

Отдельно стоит отметить периодическое расширение Голдингом читательского обзора. Сознание героя, сравнивающего себя с титаном, сужается до незначительной песчинки, не идущей ни в какое сравнение с космическим пространством. Солнце, Юпитер, земные недра, вечное движение течений, омывающих скалу явно контрастируют с человеком – «капризом природы, исторгнутым эмбрионом, лишенным нормального развития» [3; с. 498-499]. Более того, У. Голдинг показывает, как с помощью войны равновесие Вселенной нарушают подобные Мартину люди. Чайки, обычно становящиеся в литературе положительно окрашенным символом, трансформируются у автора в грифов, вскормленных войной и привыкших к обесчещенным телам людей, одним из которых был на самом деле давно погибший Кристофер Хэдли Мартин.

Мотивы пожирания и внутренней тьмы, та же нарративная стратегия, только более усовершенствованная, становятся смыслообразующими в романе с характерным названием «Зримая тьма». Самым семантически насыщенным и максимально отсылающим нас к предшествующим текстам образом здесь становится «недоступное пространство за затылком, черное пятно» [4; с. 157], из которого выглядывает жестокая героиня Софи. Чистый и непорочный (в глазах других людей) ребенок, лишенный любви и внимания отца, однажды просто решает убить камнем утёнка, а впоследствии решается на полноценный террористический акт. Для неё «путь к простоте лежит через преступление» [4; с. 217], она считает себя «частью общего упадка» [4; с. 244], который очевиден даже продавцу книг: «Мы все безумны, вся наша проклятая раса!» [4; с. 343] По мнению Ю.А. Шаниной, на примере этой девушки Голдинг констатирует, что основная проблема современного ему британского общества – это культ своеволия и свободы, признание единственным божеством собственное «Я», что ведет к разрушению нравственного основания человеческого существования [5; с. 435].

Противоположностью Софи является Мэтти – изувеченный войной человек. Создавая этот образ, автор уже напрямую говорит читателю о том, что порой для понимания чего-то или кого-то нужно отказаться от рассудочного метода, от слов: герой с трудом воспринимает слова и плохо говорит сам. Образ Мэтти – лакмусовая бумажка для выявления морального обнищания и духовного уродства общества. Как и в случае с Саймоном («Повелитель мух»), герой остается непонятым, а его положительные качества воспринимаются окружающими сугубо как негативные черты, что приводит к насилию по отношению к нему (инициация «распятия», мученичество).

Нарративные стратегии автора сильно трансформируют форму традиционных дневниковых записей, через которую читатель воспринимает жизнь молодого человека. Голдинг показывает не столько реальность, окружающую Мэтти, сколько абстрактные образы, формирующиеся у него в сознании. Эти сложные, расплывчатые образы призваны с доказать его собственную «нормальность».

Герой уходит от пугающей реальности с помощью религии. Чтение текстов Священного Писания перерастает в видения и сны настолько, что Мэтти будто бы окончательно теряет связь с действительностью. «И ночью они пришли в четвертый раз подряд. И я спросил их: Вы истинные слуги господа нашего?» [4; с. 116] Традиционные повествовательные модели в данном случае были бы бессильны. Голдинг считал, что познание Бога возможно только с помощью второго зрения, экстрасенсорного, если угодно, восприятия мира, а изобразить подобный взгляд на вещи можно только с использованием особенных нарративных техник.

Бывший безымянный «Номер Семь» [4; с. 15] всю жизнь задается вопросами: «Кто я такой?», «Что я такое?», «Для чего я существую?». От желания прожить обычную жизнь он приходит к своеобразному мессианству, исходом которого становится спасение ребенка. Пришедший из «жерла вулкана» человек в него же и возвращается, практически ничего не изменив в этом порочном мире, но дав мальчику жизнь. Перед читателем инициируется мученичество, порожденное Второй мировой войной, которое могло бы отсылать читателя к агиографической литературе, но мир, увязший в грязи и насилии, просто не дает возвести происходящее в категорию святости.

Очевидно, что Мэтти и Софи – антиподы. В подтверждение можно привести слова самого У. Голдинга: «Насколько глубоко мы можем постигнуть историю, мы обнаруживаем, что у человека два предназначения: способность убивать и вера в бога» [6; с. 431].

Изображение двойственности человеческой природы – это многовековой культурный пласт, базирующийся на религиозных догмах морали и представлениях о смысле бытия. Универсум всех произведений Голдинга формируется вокруг его размышлений о столкновении в самости индивида антагонистических начал. Автор организует структуру своих текстов, опираясь на архетипические (исконные) бинарные оппозиции – свой и чужой, свет и тьма, добро и зло, жизнь и смерть.

Обилие бинарных оппозиций и потоков сознания героев позволяет говорить о полифоничности романов нобелевского лауреата. Изначально структурированное повествование сливается в безобразную какофонию, сбивающую читателя звуковой волной с ног и приводящую его к катарсическому переживанию происходящего. Резкое слияние оппозиций воедино – это авторский прием, позволяющий изобразить реальность такой, какой она является на самом деле, и показать читателю все ужасы этого контраста.

Полифоничность романа дополняется и за счет потока сознания мистера Педигри, по его мнению, как бы находящегося в пограничном состоянии между добродетелью и той самой зримой тьмой. Свои пугающие пристрастия он объясняет следующим образом: «Человек не властен над своей жаждой, а потому и не повинен в ней» [4; с. 36]. Тюрьма не исправляет героя – уже, будучи стариком, он снова и снова возвращается на детскую площадку в поисках новой жертвы.

Пограничность, о которой сказано выше, проистекает из мнения самого героя, ищущего себе оправдание и увязшего в самообмане: «Я не такой, как они, – плохой, но не настолько плохой, я никогда никому не делал больно… Они думали, что я причиняю вред детям, но это

неправда, я делал больно себе» [4: с. 348]. Подобное оправдание можно трактовать как авторскую пародию на ницшеанского человека, который, пытаясь сохранить статус сверхчеловека, виртуозно лжет самому себе и другим людям.

Именно самообман огромного количества представителей человеческой цивилизации, ведущий к ложному осознанию личной праведности и сочетающийся с претензиями на господство, привел к тому, что во время второй мировой войны «из огня, который плавит свинец и корежит железо, выходили маленькие дети» [4; с. 11].

Фоном всего происходящего становится военное и агонизирующее послевоенное время, где переплелись «старинное и современное», смешались расы, где доминирует искусственность и отказ от всего настоящего. Техника коллажа протоколирует самые яркие черты того времени и показывает, что человечество движется не в том направлении. Равнодушие людей друг к другу, расовая неприязнь, разгульный образ жизни, невосприимчивость людей к красоте («Я совсем забыл, что на свете есть цветы» [4; с. 299]) террористические настроения, несостоятельный институт семьи, обесценивание внутреннего мира ребенка, вновь и вновь приводящее к катастрофическим последствиям. Очевидно соотнесение всего происходящего с мотивами Откровения Иоанна Богослова, «Апокалипсисом». Стоит вспомнить, что Иоанн Кронштадтский сравнивал с Вавилоном Лондон, центр британской цивилизации.

Нарративная стратегия «вненаходимости» У. Голдинга привела роман и к гибридизации жанровой составляющей. Отчасти агиография переплелась с романом воспитания, романом-монтажом, а также с социально-криминальным романом.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что несобственно-прямая речь, использование бинарных оппозиций, поток сознания, полифоничность и жанровая гибридизация – это основополагающие приемы нарративной стратегии У. Голдинга. Именно они позволили писателю создать особенные произведения, которые не являются пародией на психологический роман (как считают некоторые издатели), а являют собой максимально детализированную и интересную по форме попытку проникнуть в подсознание человека XX века, разрывающегося между добром и злом.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Сост. С.Г. Бочаров. М.: Искусство, 1986. 445 с.

2. Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий. Гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с

3. Голдинг У. Повелитель мух. Наследники. Воришка Мартин. М.: АСТ, 2023. 512 с.

4. Голдинг У. Зримая тьма. М.: АСТ, 2020. 352 с

5. Шанина Ю.А. Мифопоэтика романов У. Голдинга: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2017. 252 с

4. Шанина Ю.А. Категория божественного в произведениях У. Голдинга // Российский гуманитарный журнал. № 6. 2015. С. 431 – 439

5. Струкова Т.Г. «Морская трилогия» У. Голдинга: традиция и новаторство: монография. Воронеж: ВГУ, 2000. 136 с

6. Крылова С.Г. «Вненаходимость» автора как сюжетообразующий прием в романе У. Голдинга «Зримая тьма» // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. № 3. 2024. С. 277-282.

References

1. Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity. Moscow, 1986. 445 p.
2. Poetics: Dictionary of current terms and concepts. Moscow, 2008. 358 p.
3. Golding W. Lord of the Flies. The Inheritors. Pincher Martin. Moscow, 2023. 512 p.
4. Golding W. Darkness Visible. Moscow, 2020. 352 p.
5. Shanina Y.A. Mythopoetics of W. Golding's novels: thesis… PhD in Philology. Ufa, 2017. 252 p.
6. Shanina Y.A. The category of the divine in the works of W. Golding // Russian Humanitarian Journal. Iss. 6. 2015. P. 431 – 439
8. Strukova T.G. "The Sea Trilogy" by W. Golding: tradition and innovation: monograph. Voronezh State University, 2000. 136 p.
7. Krylova S.G. "Outsideness" of the author as a plot-forming device in W. Golding's novel "Darkness Visible" // Bulletin of Tver State University. Series: Philology. Iss. 3. 2024. P. 277-282.

УДК 821.161.1
DOI 10.36622/2587-9510.2025.57.2.011

Воронежский государственный технический университет
кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Попова Ю.С.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7-920-226-23-68
e-mail: buka1621@rambler.ru

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Сулемина О.В.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7-920-214-62-19
e-mail: may2005@yandex.ru

Voronezh State Technical University
PhD, associate professor
Associate professor of the chair of Russian language
and cross-cultural communication
Popova Ju.S.
Russia, Voronezh,
tel. +7-920-226-23-68
e-mail: buka1621@rambler.ru

Associate professor of the chair of Russian language
and cross-cultural communication
Sulemina O.V.
Russia, Voronezh,
tel. +7-920-214-62-19
e-mail: may2005@yandex.ru

Ю.С. Попова, О.В. Сулемина

ГАСТРОНОМИЯ В ПРОЗЕ ИВАНА АЛЕКСЕЕВИЧА БУНИНА

Бытовая сторона жизни людей разных эпох всегда являлась сферой интересов писателей, отражаясь в их творческом наследии. Пища и связанные с ее употреблением и приготовлением ритуалы становятся частью литературного контекста языка, культуры, традиций. Русские писатели-классики уделяли много внимания этой части повествования. Лексика данной тематической направленности встречается на страницах произведений А.С. Пушкина, А.П. Чехова, Ф.М. Достоевского, Н. В. Гоголя, Л.Н. Толстого и многих других. Признанные мастера слова сами славились своими гурманскими пристрастиями. Они скрупулезно описывали не только кулинарные традиции, званые обеды, роскошные пиры, но и повседневную трапезу представителей разных социальных классов, что помогает читателю погрузиться во временной контекст, понять экономические условия жизни персонажа и даже увидеть влияние географического фактора на отбор автором лексики данной тематики. Данная статья посвящена анализу функционирования гастрономического компонента в прозаических произведениях Ивана Алексеевича Бунина на материале рассказов «Красный генерал» и «На даче». Наделяясь оценочным элементом значения, пища и сопутствующие ритуалы ее приема становятся не только описательным, бытийным моментом, но и содержит в себе другие пласты смыслов. Она становится яркой деталью, характеризующей персонажа, его статус; отражает пространственно-временные характеристики текста; акцентирует сюжетные повороты, реализуясь в лейтмотивном поле; и наконец, из бытовой плоскости переходит в бытийную, выражая авторскую концепцию понимания мира, основных человеческих ценностей (добро и зло, естественное и искусственное, цивилизация и природная жизнь, душевные и низменные человеческие качества).

Ключевые слова: И.А. Бунин, метафизика, сюжет, мотив, деталь, напитки, пища.

Yu.S. Popova, O.V. Sulemina

GASTRONOMY IN THE PROSE OF IVAN ALEKSEEVICH BUNIN

The everyday side of people's lives from different eras has always been the sphere of interest of writers, reflected in their creative heritage. Food and the rituals associated with its use and preparation become part of the literary context of language, culture, and traditions. Russian classical writers paid a lot of attention to this part of the story. The vocabu

© Попова Ю.С., Сулемина О.В., 2025

lary of this thematic orientation can be found on the pages of the works of A.S. Pushkin, A.P. Chekhov, F.M. Dostoevsky, N. V. Gogol, L.N. Tolstoy and many others. Recognized masters of the word themselves were famous for their gourmet tastes. They scrupulously described not only culinary traditions, dinner parties, and sumptuous feasts, but also the daily meals of representatives of different social classes, which helps the reader immerse himself in the temporal context, understand the economic conditions of the character's life, and even see the influence of geographical factors on the author's selection of vocabulary on this topic. This article is devoted to the analysis of the functioning of the gastronomic component in the prose works of Ivan Alekseevich Bunin based on the stories "The Red General" and "At the cottage". Being endowed with an evaluative element of meaning, food and the accompanying rituals of its reception become not only a descriptive, existential moment, but also contains other layers of meanings. It becomes a vivid detail characterizing the character, his status; reflects the spatial and temporal characteristics of the text; accentuates plot twists, being realized in the leitmotif field.; and finally, it moves from the everyday plane to the existential one, expressing the author's concept of understanding the world, basic human values (good and evil, natural and artificial, civilization and natural life, spiritual and base human qualities).

Keywords: I.A. Bunin, metaphysics, plot, motive, detail, drinks, food.

Иван Алексеевич Бунин – известный мастер деталей и ярких образов. Образным компонентом обрастают различные, порой неприметные, обыденные жизненные реалии. Среди бытовых деталей можно выделить предметы повседневной жизни человека, связанные с приемом пищи. Это может быть атрибут, присущий данному действию, где уже в названии обозначается тема дальнейшего повествования, как в рассказе «Второй кофейник», или же в заглавии содержится образ пищи, как рассказе «Антоновские яблоки».

Исследователи творчества И.А. Бунина обращали внимание на большую образность слов данной тематики и пытались их классифицировать. Так, Р. А. Саркисян в основе своей классификации выделяет функции, которые в цикле «Темные аллеи» реализуют вкусы и предпочтения героев: «определяют или раскрывают образы; кулинарные блюда, их вкус, вид, цвет, запах, их количество, обстоятельства, при которых они появляются в произведении, посуда, в которой она подается, участвуют в моделировании сюжетов рассказов и новелл, а иногда могут выражать авторскую позицию» [1; с. 181]. О.А. Осадчая [2] рассматривает упоминания продуктов питания в творческом материале И.А. Бунина как отражение бытовых реалий времени. Она разграничивает их функционирование как части мира крестьян и дворянского мира, то есть классифицирует пищу по предпочтениям в зависимости от сословия. Е.Н. Малова выделяет мотивы, связанные с внешними характеристиками персонажа, которые даются с помощью сравнения или описания продуктов питания [3]. Сам Иван Алексеевич обращал пристальное внимание на пищу не только на страницах своих произведений, но и в реальной жизни. Писатель Александр Бахрах отмечал гурманские пристрастия Бунина: «Выругавшись по поводу скудости пищи и вспомнив, каких рябчиков и с каким соусом подавали в «Праге», он забирал свою бутылку красного вина и снова взбирался к себе наверх, снова запирался и писал уже до самого вечера» [4; с. 174].

В прозаических произведениях автора частотны упоминания напитков, например, чай, уделяется внимание и алкогольным напиткам. В рассказе «Красный генерал» статус героя определяется напитком, который он употребляет. Герою-военному прислуживает мужик Митька – любитель выпить вина, и просит его у своего хозяина. Вместо этого Митька получает водки, которая является ему более по статусу, по мнению генерала. Даже такая деталь, как предпочитаемый напиток, отражает конфликт произведения: генерал вынужден жить бок о бок с пьяницей Митькой и терпеть его выходки, так как время такое и «демократическое» [5; с. 145]. Герой не может продолжать службу при смене власти и занимать самый низший чин, как говорит: «быть парием» [5; с. 145]. Хотя мать его была «беглая дворовая девка» [5; с. 145], но всякую общность с «милыми поселянами» [5; с. 145] генерал отвергает.

Описание продуктов питания может являться отражением состояния окружающей среды. Комната, в которой живет служанка генерала, представляет собой нагромождение разномастных предметов, служащих отражением времени. Здесь и огромная кровать из красного дерева, «покрытая мещанским одеялом из разноцветных лоскутков, на одеяле валяется балалайка. В салоне стопудовый кожаный диван, из которого торчат клоки мочалы и горба-

ми выпирают пружины… грузный письменный стол, на зеленом сукне которого стоит недопитый стакан молока, и лежат огрызки серых лепешек, счеты, махорка в надорванном пакетике…» [5; с. 146]. Служанка занимает комнату, которая не может принадлежать ей по праву, поэтому в ней находятся вещи, диссонирующие друг с другом. И наличие стакана молока и огрызка лепешек усиливают ощущение неправильности и неестественности происходящего.

Чай является в произведениях И.А. Бунина не только напитком, но и временной категорией. В рассказе «На даче» неторопливость летнего времени прослеживается на протяжении всего текста. Чай же здесь становится постоянным ритуалом, который усиливает монотонность будний.

Вкусовые пристрастия служат характеристикой героя в данном тексте.. Например, любовь к чернослив и шутливый тон показывают ироничное отношение главы семейства к описываемому лицу: «Петр Алексеич, которому было достаточно рассказать в шутливом тоне, что такая-то знаменитость затыкает уши вагой, любит чернослив и, как огня, боится жены» [6; с. 110]. Три меткие фразы могли низвергнуть авторитет любого уважаемого господина в глазах окружающих.

Для аскетичного и загадочного Каменского пищей служат лук и хлеб, запах которого ощущает в избе Гриша. Несмотря на крайне бедную обстановку жилища-мельницы природные ароматы наполняют его. Это запах дерева, хлеба.

Важным является мотив воды. Каменский сравнивает свою прошлую жизнь с нынешней. В прошлом он испытывал жажду, подходил к ручью (природный источник), но сначала мутил воду, хотя понимал, что так делать не нужно. Здесь прослеживается параллель: жизнь – вода. Она отражает то, что было в прошлом и то, что есть сейчас.

Обед тоже служит показателем отношения героев к жизни. Для Каменского еда не является важной. Автор подчеркивает его простое и естественное отношение к жизни. Герой варит картофель и лук в обычном чугунке, ложка и чашка из глины. Это органичная часть его бытия. Гриша же боится обидеть Каменского своим отказом отобедать вместе, при этом он понимает, что притвориться и обмануть не получится.

Еда в семье Григория отражает, с одной стороны, происхождение и статус рода, а с другой, искусственность происходящего. Автор отмечает глянцевитость огурцов и кофейник, который подогревается «синими огнями бензиновой лампы» [6; с. 105]. Не вызывает аппетит и мясо холодного цыпленка. И только залпом выпитое вино может разбудить желание есть и получать наслаждение от приема пищи. То есть еда вызывает у героя физическое наслаждение, которое перебивает изначально негативный настрой. Прием пищи в богатом семействе за долгие годы становится временной точкой отсчета со своими семейными традициями, например, пить кофе. Временной точкой становится и торговля мороженым в жаркий летний вечер, отождествляющийся с теплым временем года и вечерним временем суток. Чайная церемония тоже становится хронотопической. Она перемещает героев в пространстве, указывая на временную необходимость завершить дела, что заставляет героев нехотя подчиниться ритуалу («и когда Наталья Борисовна сказала, что хочется чаю, поднялись очень живо, словно исполнили обязанность» [6; с. 115]). Ритуальность вечернего чаепития строго подчинена правилам и становится «смотринами» для Каменского. Автор отмечает, что присутствующие примеряют роли, которые они для себя давно выбрали. Так, отец семейства – балагур и любитель выпить отпускает шутки про коньяк и бодро подливает его себе в чай. Также поступает и его вновь приобретенный друг, внешность которого ярко отражает неумеренную тягу к алкоголю. Контрастом выступают внешние характеристики друга, впечатление, которое он производит на окружающих, и его профессия. Он – отставной профессор консерватории. Контрастным является и образ Игната (другого сына почтенного семейства). Он описан как неуклюжий, плотный человек, который чувствует себя все время некомфортно. Его манеры служат маркером характера (он руками собирает хлебные крошки во время чаепития). Напускная манерность проявляется и у секретаря, который «держал ста-

кан чаю в руках и, когда пил, далеко отставлял мизинец, украшенный перстнем с большим куском бирюзы» [6; с. 120]. Несоответствие статуса и образа проявляется на всем протяжении чаепития, когда внешность героя, его положение в обществе, манеры, высказывания расходятся друг с другом, усиливая ощущение наигранность происодящего.

Хлеб также становится атрибутом «живой жизни». Эта простая пища всегда имела особое значение в русской традиции. Многочисленные пословицы и поговорки отражают отношение к хлебу. Например: хлеб – всему голова; там и рай, где хлеба край; без хлеба куска везде тоска; хлеб да вода – крестьянская еда [7]. Данное отношение прослеживается в рассказе И.А. Бунина «На даче». Автор обращает внимание на то, что хлеб является обязательной пищей Каменского. Продукт из мира вещественного переходит в мир бытийный, наделяясь способностью не только утолять голод, но и служить ценностной доминантой, отражающий жизненные приоритеты героя. Каменский стремится к простоте и естественности жизни, ему чужды сложные кушанья. Хотя раньше, как сам он отмечает, стремился к иллюзорному богатству, где человек заменяется функцией, внешним обликом. Эта душевная раздвоенность порождает в нем пропасть («как растет пропасть между моими поступками и намерениями, как жизнь моя обращается в служение крахмальным рубашкам» [6; с. 125]), выбраться из которой можно лишь поняв необходимость естественной жизни и воплощая ее. Хлеб как пища физическая наделяется обонятельными характеристиками, которые сопутствуют не только продукту, но окружающему пространству. Он становится лейтмотивным ароматом дома-мельницы Каменского, а также всего окружающего его дом пространства. Этот аромат вызывает приятные, радостные ассоциации у Григория, который находится на распутье двух ценностных моделей.

Противопоставление реальной жизни и жизни мнимой, иллюзорной является ключевым мотивом произведения, который проявляется на разных уровнях. Сюжет отражает это противопоставление: желание заниматься столярным ремеслом у Григория возникает не от душевной потребности, а от стремления показать, что он может работать руками, при этом являясь образованным человеком. Он знаком с идеями «толстовцев», важным для него становится возможность похвастаться перед другими этим знакомством, что скорее является данью моде, чем реальной потребностью. На образном уровне оппозиция мнимое-истинное проявляется в характеристиках людей, которые приходили в дом отца Гриши. В тексте они фигурируют как тузы, то есть люди, занимающие должности и имеющие положение в обществе. Несмотря на разные профессии (доктор, адвокат, профессор), объединяющими описательными характеристиками становится несоответствие образа и портретных характеристик. Данные люди описаны как типажи, которые только что плотно пообедали и передвигались по-гусиному. В таком обществе царит иерархия, при которой человека уважают не за реальные заслуги. В результате этого карьера может рухнуть из-за любого слуха, вплоть до предпочтений в еде. Например, если человек из высшего общества «любит чернослив». Негативное отношение к этому вкусовому пристрастию можно объяснить тем, чернослив являлся пищей моряков и людей, которым нужно было долго находиться в дороге, то есть сухофрукт не соответствовал статусу «туза».

Несоответствие ожидания и реальности присутствует в образе дома Каменского. Он живет на заброшенной мельнице, близок к природе, его окружает естественная стихия: заросли травы, стрекочущие кузнечики, простирающийся горизонт. В воображении Гриши дом предстает как келья. Герой нафантазировал образ поучающего старца, ожидая чего-то возвышенного, и даже сам вошел в образ «холодной враждебности» [6; с. 108]. Но его представления разбились о реальность и вызвали чувство обиды.

Метафизический пласт рассказа также связан с гастрономическими доминантами. Во время спора Каменского и других гостей вечера происходит проецирование и обнажение основного конфликта: душевная жизнь – физическая жизнь, цивилизация – естественное существование. В данном противостоянии, по мнению Каменского, физическое подчиняется духовному, находится с ним во взаимосвязи, так как разделение ведет к опасным и безнравст-

венным вещам (рабовладельчество и проституция). То есть физическое обнажает низменные качества человека (похоть, жажда наживы, подчинение). В мире, где преобладают данные качества, будущее может и не наступить. Когда спор достигает апогея, накал страсти прекращается «победой» физического над духовным. Как говорит хозяин дома: «Вы меня все равно не приучите к духовной жизни, я не обедал сегодня!» [6; с. 128]. Отношение к еде является важной характеристикой Игнатия, которого «мало интересовала закуска, и он думал, что, пожалуй, вышло неловко это всеобщее нападение на Каменского» [6; с. 129]. Борьба двух начал в герое еще не закончена, и есть надежда на победу духовного.

Совместный ужин не приводит к сближению героев. Они ощущают свою разрозненность, пытаются показать превосходство над Каменским, общаясь на английском языке. Но получают лишь обратный результат. Автор обращает внимание на то, что можно быть образованным человеком и при этом обладать богатым душевным потенциалом. Контрастом служат и эпизоды, где описываются блюда, которые подавали на вечере (бифштекс, вина...), и далее представлен образ доктора, похожего на цыгана, который «старался казаться трезвым и поэтому расшаркивался, подымал плечи» [6; с. 118].

Мотив опьянения прослеживается на протяжении всего текста. Приезжает пьяный отец семейства, гости дома, уважаемые люди тоже находятся в состоянии алкогольного опьянения, в процессе трапезы происходит употребления алкоголя. Герои, подверженные этой пагубной привычке, выглядят нелепо. Их образы являются воплощением жизни плоти, которая забыла о жизни духа. Результатом такого смещения становится стыд, они - люди уважаемые в обществе, считающие себя образованными, знающими, находящимися выше других на социальной лестнице. Но автор подчеркивает, что голова героев постоянно «затуманена» («но Подгаевский был уже пьян. Пьян был и Вася, который все наклонялся и что-то бормотал на ухо Петру Алексеевичу, воображая, что говорит шепотом. А Петр Алексеевич сидел с раскрасневшимся лицом и мутным взглядом)» [6; с. 129]. Они не живут настоящей жизнью, поэтому их окружает фальшь, расхождение реального и воображаемого, постоянная погоня за удовольствиями.

Когда страсти накалились до предела, сюжетной разрядкой конфликта становится упоминание о звуках посуды, которую убирали со стола. Эта акустическая точка усиливается противопоставлением упоминания пустого дома, где только что кипели страсти. В заключительной части текста этот акустический контраст тоже присутствует. С одной стороны, природа транслирует приближение грозы: «смутный рокот. Он приближался тяжкими раскатами, так что дрожали стекла, и вдруг разражался треском и резкими ударами над самой крышей дома...» [6; с. 130]. С другой стороны, в доме все замирает в предвкушении развязки: «в столовой послышались тяжелые шаги Петра Алексеевича. Он что-то невнятно приказывал лакею, который звенел ключами, отворяя шкап» [6; с. 130].

Гастрономическое пространство текста представлено разными уровнями: мотивным (например, мотив воды), характерологическим (вкусовые пристрастия раскрывают героя, показывая авторское отношение), хронотопным (указывает на пространственно-временные доминанты), сюжетным (упоминание определенного гастрономического кодового элемента связано с развертыванием сюжета) и даже метафизическим (отражающим конфликт, переходящий в плоскость неизменных человеческих ценностей).

Библиографический список

1. Саркисян, Р. А. Функции мотива еды в цикле Ивана Бунина «Темные аллеи // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. 2022. № 2(41). С. 179 – 198.

2. Осадчая О. А. Лексико-семантическая группа «продукты питания» в текстах произведений И.А.Бунина // Вестник Брянский государственный аграрный университет. 2015. № 1. С. 6-9.

3. Малова Е.Н. Гастрономические мотивы в рассказах И. А. Бунина // Мир культуры глазами молодых исследователей - Сборник тезисов XLVIII научно-практической конференции студентов. Пермь, 2023. С. 708-711.

4. Бахрах А.В. Бунин в халате и другие портреты. По памяти, по записям. М.: Вагриус, 2005. 640 с.

5. Бунин И.А. Под серпом и молотом: сборник рассказов и воспоминаний: художественная литература. Москва, Берлин: Директ-Медиа, 2016. 276 с.

6. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Художественная литература, 1988. Т. II. 512 с.

7. Русские пословицы и поговорки: сборник / под редакцией В.П. Аникина. М.: Художественная литература, 1988. 431 с.

8. Скуридина С.А. Гастрономическая деталь в повести «Дядюшкин сон» Ф.М. Достоевского // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2024. № 3(54). С. 117-122.

9. Бугакова Н.Б. Гастрономический код ранних рассказов А. Платонова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2024. № 4(55). С. 60-66.

References

1. Sargsyan R.A. The functions of the motif of food in Ivan Bunin's cycle "Dark Alleys" / R.A. Sargsyan // Bulletin of the Russian-Armenian (Slavic) University: Humanities and Social Sciences. 2022. № 2(41). Pp. 179-198.

2. Osadchaya O.A. Lexico-semantic group “food products” in the texts of I.A.Bunin's works // Bulletin of the Bryansk State Agrarian University. 2015, No. 1, Pp. 6-9.

3. Malova E.N. Gastronomic motifs in the stories of I. A. Bunin // The world of culture through the eyes of young researchers is a collection of abstracts of the XLVIII scientific and practical conference of students. Perm, 2023. Pp. 708-711.

4. Bakhrah A.V. Bunin in a dressing gown and other portraits. From memory, from notes. Moscow: Vagrius, 2005. 640 p

5. Bunin I.A. Under the hammer and sickle: a collection of short stories and memoirs: fiction. Moscow, Berlin: Direct-Media, 2016. 276 p

6. Bunin I.A. Collected works: in 6 volumes. Moscow: Fiction, 1988. Vol. II. 512 p.

7. Russian proverbs and sayings: a collection / edited by V.P. Anikin. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1988. 431 p.

8. Skuridina S.A. A gastronomic detail in the story "Uncle's Dream" by F.M. Dostoevsky // Actual issues of modern philology and journalism. 2024. No. 3(54). Pp. 117-122.

9. Bugakova N.B. The gastronomic code of A. Platonov's early stories // Current issues of modern philology and journalism. 2024. No. 4(55). Pp. 60-66.

ПИСАТЕЛИ-ЮБИЛЯРЫ: А.П. ЧЕХОВ И И. БРОДСКИЙ
JUBILEE WRITERS: A.P. CHEKHOV AND I. BRODSKY

УДК 821.161.1
DOI 10.36622/2587-9510.2025.57.2.012

Воронежский государственный технический университет
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Бугакова Н.Б.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru

Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
Doctor of Philology, professor
Bugakova N.B.
Russia, Voronezh,
tel. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru

Н.Б. Бугакова

РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА КАК КОМПОНЕНТ БИБЛИОНИМОВ И. БРОДСКОГО

Предлагаемое исследование посвящено рассмотрению использования религиозной лексики И. Бродским в процессе формирования библионимов – уникальных образований, предваряющих текст и несущих о нем основную информацию. Цель исследования заключается в выявлении значимости религиозных мотивов в художественном мире поэта, определении функций и семантической нагрузки библейских цитат и аллюзий, присутствующих в стихотворениях и поэмах, обозначении роли религиозных мотивов в творчестве поэта, анализе закономерностей использования библейских цитат и аллюзий, установлении взаимосвязей между религиозными понятиями и основными темами поэзии И. Бродского. Объектом исследования стали произведения писателя, в которых религиозная лексика занимает центральное положение. Выдвигается гипотеза о ключевой роли религии в становлении литературного метода И. Бродского, демонстрируется, каким образом обращение к библейским образам углубляет смысл произведений и подчеркивает экзистенциальность переживаний лирического героя, сообщается о важности религиозной составляющей в формировании мировоззрения и эстетики И. Бродского. Исследование показывает органичность и значимость религиозного начала в структуре и содержании поэзии И. Бродского, раскрывая многогранность его художественного мира. Отмечается, что библионимы И. Бродского содержат отсылки к Библии и христианскому наследию. Показано, как религиозная лексика влияет на глубину смысла его произведений и усиливает экзистенциальные переживания лирического героя, которые предваряют тексты его произведений и несут основную смысловую нагрузку. Рассматриваются конкретные примеры поэтических работ автора, где доминирует религиозная тематика, подчеркивая влияние библейской символики и традиций православия на творчество поэта.

Ключевые слова: И. Бродский, библионим, религиозная лексика, Библия.

N.B. Bugakova

RELIGIOUS VOCABULARY AS A COMPONENT OF I. BRODSKY'S BIBLIONYMS

The proposed study is devoted to the consideration of the use of religious vocabulary by I. Brodsky in the process of forming biblionyms - unique formations preceding the text and carrying basic information about it. The purpose of the study is to identify the significance of religious motifs in the artistic world of the poet, to determine the functions and semantic load of biblical quotations and allusions present in poems and verses, to designate the role of religious motifs in the poet's work, to analyze the patterns of using biblical quotations and allusions, to establish the relationship

© Бугакова Н.Б., 2025

between religious concepts and the main themes of I. Brodsky's poetry. The object of the study was the writer's works, in which religious vocabulary occupies a central position. A hypothesis is put forward about the key role of religion in the development of I. Brodsky's literary method, it is demonstrated how the appeal to biblical images deepens the meaning of the works and emphasizes the existential experiences of the lyrical hero, it is reported on the importance of the religious component in the formation of I. Brodsky's worldview and aesthetics. The study shows the organic nature and significance of the religious principle in the structure and content of I. Brodsky's poetry, revealing the versatility of his artistic world. It is noted that I. Brodsky's biblionyms contain references to the Bible and Christian heritage. It is shown how religious vocabulary influences the depth of the meaning of his works and enhances the existential experiences of the lyrical hero, which precede the texts of his works and carry the main semantic load. Specific examples of the author's poetic works, where religious themes dominate, are considered, emphasizing the influence of biblical symbolism and Orthodox traditions on the poet's work.

Key words: I. Brodsky, biblionim, religious vocabulary, Bible.

Творчество И. Бродского, будучи глубинным и многослойным, привлекает внимание исследователей. Одной из важных составляющих его поэзии является активное использование религиозной лексики и соответствующих ассоциаций. Многие произведения содержат отсылки к Священному Писанию, что позволяет увидеть влияние религии на творческое мышление поэта. Актуальность выбранной темы обусловлена возросшим интересом исследователей к духовно-философским вопросам в искусстве, а также необходимостью комплексного изучения влияния религиозного опыта на становление и развитие творческой личности. Материалом для исследования послужили библионимы избранных стихотворений И. Бродского, содержащие религиозную лексику.

Вопрос о взаимодействии религиозной лексики и поэзии И. Бродского имеет важное теоретическое и практическое значение, поскольку открывает новые грани в понимании духовной сущности его произведений. В центре нашего внимания находится проблема определения специфики использования религиозной лексики в качестве библионимов. Подобный интерес обусловлен, во-первых, предваряющей позицией библионима (читатель первоначально воспринимает заглавие произведения, например, просматривая содержание книги), во-вторых, своеобразной посреднической функцией, которая представлена цепочкой «читатель – заглавие – текст – читатель – заглавие» [1, с. 19], в-третьих, чрезмерной емкостью, определяемой сильной позицией: «его собственная сильная позиция – первый знак текста, причем подчеркнуто сильная, на нее наслаивается сильная позиция имени собственного (библионим – имя собственное), усиленная включением в свой состав другого онима (если таковой есть в заглавии), а также сильная позиция ключевого слова текста – особенно при наличии, а тем более при повторении в самом тексте слова, давшего жизнь библиониму» [Там же].

Отметим, что в настоящее время работа по системному рассмотрению библионимов (термин введен Н.В. Подольской; под ним понимается наименование любого письменного произведения [2, с. 42]) в творчестве отдельных писателей и поэтов практически не ведется, если не считать исследований Л.А. Климковой и отдельных статей Н.Б. Бугаковой, Н.Н. Устиновой и К.И. Суховой [1; 3; 4; 5; 6; 7]. В этой связи представляется целесообразным провести анализ некоторых библионимов И. Бродского, включающих религиозную лексику.

Отношение поэта к религии отличалось сложностью, внутренним поиском и сомнениями, порой переходящими в открытую критику институционализированной религии. Однако невозможно игнорировать глубокое воздействие религиозных традиций и мотивов на его творчество. Хотя И. Бродский вырос в православной среде, он испытывал значительное недоверие к официальной церкви и её институтам. В интервью и письмах он неоднократно заявлял, что церковь часто подавляла свободу духа и ограничивала творческие возможности человека. Для него истинная вера должна находиться вне жестких рамок ортодоксальной религиозной доктрины. Несмотря на критику официальных институтов, поэт осознавал собственную внутреннюю потребность в поиске высшего смысла. Во многих своих произведениях он поднимает темы, близкие религиозным учениям: свобода, грех, искупление, смерть и бес-

смертие. Некоторые исследователи видят в нём агностические настроения, другие отмечают сильные нити еврейской и христианской этики. Полагаем, это обусловлено тем обстоятельством, что поэт внимательно изучал разные конфессии и направления. Он читал переводы Корана, Каббалы, античных мифов и индуистских текстов. Всё это расширяло его взгляды на религию, давая возможность оценить её многообразие и многоуровневость. Однако основой его отношения к религии была собственная философия, сформированная под влиянием европейских мыслителей XVIII-XIX веков (И. Кант, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой). Взгляд на Бога как на нечто большее, чем антропоморфное существо, означал отход от строгих канонов и создание индивидуальной модели веры.

К рассмотрению темы религии в творчестве И. Бродского обращается О.А. Гассельблат, работы которой посвящены анализу религиозной лексики в творчестве И. Бродского [8], а в диссертационном исследовании анализируется концепт *религия* в творчестве поэта, рассматриваются лексические средства вербализации этого концепта; ученый приходит к заключению, что используемые поэтом языковые средства «отражают глубоко антиномичное и трансформированное лингвоментальное пространство», а содержание рассматриваемого концепта «включает представления о пустоте, небытии, которые по сути противоречат самому понятию религии» [9, с. 17].

Произведения автора полны библейских аллюзий и ссылок на священные тексты. Религия здесь представлена скорее как источник вдохновения, чем объект поклонения. Часто религиозные символы использовались поэтом для игры с самим читателем. В некоторых случаях это создавало иронический эффект, а иногда демонстрировало внутренние конфликты и колебания, вызванные религиозными вопросами. Таким образом, И. Бродский занимал позицию наблюдателя и аналитика, испытывавшего личный интерес к различным сторонам религии, но не принимающего однозначно какой-либо конкретный взгляд. Его творчество сочетает глубокое знание и интерес к религиозной сфере с чувством неудовлетворенности существующими религиозными нормами и порядком.

Анализ ряда произведений показал наличие чётких аллюзий между творчеством И. Бродского и Библией. Обращаясь к рассмотрению библионимов, содержащих религиозную лексику, отметим, что некоторые из них представляют собой названия религиозных праздников. К таким отнесем, например, библионимы *Сретенье, Рождество.*

Известно, что Сретение – один из главных христианских праздников, отмечаемый Православной церковью ежегодно 15 февраля. Лексема *сретение* обозначает встречу, а именуемый рассматриваемой лексемой праздник, являющийся важным событием в жизни Церкви, посвящен встрече младенца Иисуса Христа в Иерусалимском храме пророком Симеоном Богоприимцем и праведницей Анной Пророчицей спустя сорок дней после Его Рождества. С описания этого эпизода начинается стихотворение «Сретенье»:

«Когда Она в церковь впервые внесла
Дитя, находились внутри из числа
людей, находившихся там постоянно,
Святой Симеон и пророчица Анна» [10, с. 23], что демонстрирует глубокие погружение поэта в религию в попытке изучить ее.

Лексема *Рождество* включается поэтом в состав библионимов следующим образом: обозначение непосредственно религиозного праздника, проходящего в определенном месте или в определенное время («Второе Рождество на берегу», «Рождество 1963 года»); обозначение чего-либо, относящегося к этому празднику. В таком случае автором используется прилагательное *рождественский* («Рождественская звезда», «Рождественский романс»).

Отметим, что под лексемой *Рождество* понимается один из важнейших христианских праздников, посвященный рождению Иисуса Христа, сына Божьего, от Девы Марии и празднуемый верующими во многих странах мира. Согласно Евангелиям, Иисус родился в городе Вифлееме, и это событие сопровождалось появлением звезды над местом рождения Христа, которая получила название Вифлеемской. Упоминание Вифлеемской звезды встре-

чается в стихотворении Иосифа Бродского *«Новый год»*, написанном в 1964 году. В этом произведении поэт обращается к библейским мотивам и символике, связанной с Рождеством, используя образ звезды как метафору надежды и духовного света, обыгрывая традиционные рождественские образы, придавая им новые философско-лирические оттенки. Примечательно, что в качестве библионима поэт использует синонимичную конструкцию *Рождественская звезда*. В стихотворении с таким названием автор описывает ощущения только что родившегося Спасителя, который видел, что «из глубины Вселенной // с другого ее конца // звезда смотрела в пещеру. И это был взгляд Отца» [10, с. 28].

Кроме лексем, обозначающих религиозные праздники, И. Бродский употребляет в качестве библионимов лексемы, обращающие читателя к ключевым религиозным фигурам. Так, например, одна из поэм имеет название «Исаак и Авраам» [10, с. 31]. Известно, что Исаак и Авраам являются ключевыми фигурами в священных книгах трёх монотеистических религий: иудаизма, христианства и ислама. Их истории подробно изложены в книге Бытия, первой книге Пятикнижия (Торы). Авраам считается праотцом еврейского народа и родоначальником всех последующих поколений израильтян. Согласно повествованиям, Бог заключил с ним завет (завещание), обещая сделать его потомков многочисленным народом и даровать землю Ханаанскую (Израиль). Именно благодаря этому завету Авраам стал основоположником веры евреев в единого Бога Яхве. Кроме того, Авраам известен своим послушанием Богу, примером которого служит знаменитое испытание, когда Господь повелел принести в жертву своего единственного законного сына Исаака. Несмотря на тяжесть испытания, Авраам готовился исполнить волю Божию, однако в последний момент Ангел Господень остановил его руку, показывая свою веру и доверие Богу.

Исаак – сын Авраама и Сарры, единственный наследник от законного брака. Имя «Исаак» буквально означает «смех», потому что рождение мальчика было воспринято родителями как радостное чудо, несмотря на преклонный возраст родителей. Когда Исааку исполнилось около сорока лет, отец женился его на Ревекке, которая стала матерью Исава и Иакова, ставших продолжателями избранного народа. История Исаака важна в первую очередь как иллюстрация абсолютного доверия и подчинения воле Бога, проявленного его отцом Авраамом, а также как связующее звено между поколениями патриархов. Обе фигуры занимают центральное место в духовной культуре трех мировых религий, олицетворяя собой добродетельность, покорность и исполнение воли Творца. Рассмотренные аспекты находят отражение в творчестве поэта: поэма «Исаак и Авраам» написана в форме размышления над одной из центральных историй Ветхого Завета. Здесь также присутствует идея жертвы и испытания веры, характерные для многих библейских сказаний. Использование религиозной лексики создаёт атмосферу напряжённости и ожидания решения судьбы персонажа.

Примечательно включение в структуру библионима лексемы *Бог* («В деревне Бог живет не по углам»). Известно, что Бог – одно из центральных понятий религии и философии, обозначающее высшую силу, создателя и управителя Вселенной, обладающего совершенством, мудростью и бесконечной властью. Понятие Бога варьируется в разных религиозных и культурных традициях, но общие черты остаются схожими. В философии Бог понимается как высшее благо, идеальное существо или первопричина бытия. Некоторые направления мысли отвергают идею личного бога, утверждая существование лишь универсального принципа порядка или гармонии. Понятие Бога играет ключевую роль в формировании мировоззрения, морали и культуры различных народов. Оно определяет отношение человека к себе, обществу и окружающему миру, влияя на искусство, литературу, архитектуру и повседневную жизнь. Представление о Боге отражает стремление человека осмыслить своё существование, понять происхождение мира и найти смысл своей жизни. И. Бродский, обращая внимание читателя на то, что «в деревне Бог живет не по углам», а всюду: «Он освящает кровлю и посуду», «в чугуне он варит по субботам чечевицу», «Он изгороди ставит», отсылает к известным словам Иисуса Христа: «Дух дышит, где хочет» (Иоанн 3:8), подчеркивающим свободу и независимость Духа Божьего. Здесь также очевидны аллюзии к христианскому догма-

ту о троичности Бога (Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой – Единый и единственный Бог, познаваемый в трех равнославных, равновеликих, не сливающихся между Собою, но и нераздельных в едином Существе, Лицах, или Ипостасях).

Присутствие религиозной лексики придает поэзии Бродского большую эмоциональную силу и моральную глубину. Подобные компоненты создают эффект соприкосновения с высшими ценностями, такими как вера, надежда и любовь, придавая текстам дополнительные измерения, выходящие далеко за пределы чисто литературных категорий. Эта техника сочетания личных переживаний с библейскими мотивами формирует уникальный стиль поэта, углубляет понимание его творческих намерений и демонстрирует широту его кругозора и глубину гуманистической мысли. Полагаем, что активное употребление поэтом религиозной лексики в названиях своих стихотворений вызвано следующими причинами: русская культура традиционно глубоко связана с православием и христианством. Используя библейские и религиозные термины, поэт погружался в культурный код, доступный каждому образованному русскому читателю. Такой подход позволял активизировать глубокие слои национальной ментальности и вызывать ассоциации с ключевыми событиями и идеями западной цивилизации. Кроме того, многие стихотворения И. Бродского обращаются к фундаментальным проблемам человечества: смыслу жизни, свободе, выбору, греху и покаянию. Для описания этих вопросов идеально подходят символы и образы, восходящие к религиозной традиции, что делает высказывания поэта более ёмкими и универсальными.

Используя в качестве библионимов своих произведений религиозные термины, поэт стремится придать своим текстам дополнительное измерение глубины и величия. Даже если содержание самого стихотворения кажется сугубо личным или мелким, название выводит его на уровень общезначимого разговора о высших категориях бытия. Сама природа религиозного языка предполагает определенную систему координат, определяющую порядок, добро и зло, судьбу и ответственность. Такая символика использовалась автором для самовыражения, закрепления собственного места в ряду великих предшественников и утверждения права говорить от лица целого поколения. Кроме того, отметим, что включение религиозной лексики часто соответствует внутреннему состоянию героя, его отчаянию, одиночеству, поиску абсолютной истины. Это создаёт особую атмосферу созерцательности и отрешенности, которую трудно передать иными словами.

Таким образом, проведенное исследование показало, что И. Бродский сознательно и целенаправленно применял религиозную лексику, включая ее в состав заглавий своих произведений, стремясь обогатить собственные тексты глубокими культурными слоями, раскрыть тонкие оттенки мыслей и эмоций, подчеркнуть масштаб происходящих процессов и расширить границы возможного прочтения своих произведений широко использовал религиозную лексику в своем творчестве. Благодаря такому подходу формируется особая атмосфера размышлений о смысле бытия, предназначении человека и его месте в мире. Кроме того, обращаясь к употреблению религиозной лексики, И. Бродский вводит в свою поэзию библейские архетипы и ценности, обогащая её культурно-историческим подтекстом. Подобный прием сближает литературу и религию, делая искусство мощнее и универсальнее. Поэзия И. Бродского органично соединяет высокую духовность и глубокий психологизм, отражая важнейшие вопросы человеческого существования.

Библиографический список

1. Климкова Л.А. Библионимы в лирике С.А. Есенина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. №3 (38). С. 17-27.

2. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / ответственный редактор А.В. Суперанская; АН СССР, Институт языкознания. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Наука, 1988. 187 с.

3. Костина К.В., Климкова Л.А. Библионимы в творчестве В.П. Крапивина: семантика, типология // Молодой ученый. 2015. № 22 (1). С. 187-191.

4. Бугакова Н.Б. Семантический потенциал библионима повести А. Платонова «Джан» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2024. № 1 (52). С. 65-68.

5. Бугакова Н.Б., Устинова Н.Н. Структурно-семантическое своеобразие библионимов Н. Сладкова // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2024. № 2 (53). С. 1-10.

6. Сухова К.И. Семантический потенциал библионимов в творчестве В.А. Солоухина // Имя в пространстве культуры: коллективная монография к 80-летию профессора Г.Ф. Ковалева; Воронеж: АО «Воронежская областная типография», 2023. С. 306-311.

7. Устинова Н.Н. Аспекты изучения библионимов // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. №4. С. 60-63.

8. Гассельблат О.А. Религиозная лексика в поэзии Иосифа Бродского // Русская речь. 2016. №3. С. 28-34.

9. Гассельблат О.А. Языковые средства репрезентации концепта «религия» в творчестве Иосифа Бродского. Автореф. дисс. … канд. наук по специальности 10.02.01. Санкт-Петербург, 2019. 19 с.

10. Бродский И.А. Собрание сочинений. Т. 1. СПб.: Пушкинский Дом, 2001.

References

1. Klimkova L.A. Biblionyms in the lyrics of S.A. Yesenin // Actual issues of modern philology and journalism. 2020. No. 3 (38). P. 17-27.

2. Podolskaya N.V. Dictionary of Russian onomastic terminology / editor-in-chief A.V. Superanskaya; USSR Academy of Sciences, Institute of Linguistics. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Nauka, 1988. 187 p.

3. Kostina K.V., Klimkova L.A. Biblionyms in the works of V.P. Krapivin: semantics, typology // Young scientist. 2015. No. 22 (1). P. 187-191.

4. Bugakova N.B. Semantic potential of the biblionim of A. Platonov's story "Dzhan" // Actual issues of modern philology and journalism. 2024. No. 1 (52). P. 65-68.

5. Bugakova N.B., Ustinova N.N. Structural and semantic originality of N. Sladkova's biblionims // Theory of language and intercultural communication. 2024. No. 2 (53). P. 1-10.

6. Sukhova K.I. Semantic potential of biblionims in the works of V.A. Soloukhin // Name in the space of culture: collective monograph for the 80th anniversary of Professor G.F. Kovalev; Voronezh: JSC "Voronezh Regional Printing House", 2023. P. 306-311.

7. Ustinova N.N. Aspects of the study of biblonyms // Actual issues of modern philology and journalism. 2022. No. 4. P. 60-63.

8. Gasselblat O.A. Religious vocabulary in the poetry of Joseph Brodsky // Russkaya rech. 2016. No. 3. P. 28-34.

9. Gasselblat O.A. Linguistic means of representing the concept of "religion" in the works of Joseph Brodsky. Abstract of Cand. Sci. (specialty 10.02.01). St. Petersburg, 2019. 19 p.

10. Brodsky I.A. Collected Works. T. 1. SPb .: Pushkin House, 2001.

УДК: 82
DOI 10.36622/2587-9510.2025.57.2.013

Санкт-Петербургский государственный Медицинский университет им. И.И. Мечникова
канд.филол.наук, доцент кафедры русского языка как иностранного
Белова А.В.
Россия, Санкт-Петербург,
+79119447714,
e-mail: ioanna.ventina@gmail.com

St. Petersburg State Medical University named after I.I. Mechnikov
PhD in Philology, assistant Professor, Department of Russian as a Foreign Language
BelovaA.V.
Russia, Saint-Petersburg,
+79119447714,
e-mail: ioanna.ventina@gmail.com

А.В. Белова

«ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПОЕЗДКИ»: ЧЕТЫРЕ ВЕРСИИ БРАТЬЕВ ЧЕХОВЫХ

В данной статье предпринята попытка проанализировать четыре текста братьев Чеховых, в которых описывается путешествие в деревню к родным. Поездка маленьких братьев Чеховых в усадьбу Княжую к дедушке и бабушке, совершенная в разное время и с разным количеством участников, описана, по крайней мере, тремя братьями: Александром, Антоном и Михаилом Чеховыми. Впечатления от путешествия врезались в память мальчикам и вылились, в итоге, в биографические воспоминания и художественные произведения: повесть Антона Павловича Чехова «Степь» (1887), повесть А. Богемского «Полтораста верст» (1889), повесть Александра Павловича Чехова «В гостях у дедушки и бабушки» (1912), книга воспоминаний Михаила Павловича Чехова «Вокруг Чехова. Встречи и впечатления» (1929). В текстах повести А. П. Чехова «Степь» и в тексте воспоминаний Александра Чехова «В гостях у дедушки и бабушки» встречаются удивительные совпадения образов, похожее строение фраз, общий тон, что и неудивительно, ведь именно они впервые, вдвоем, будучи детьми, отправились в путешествие по степи в слободу, где жил их дед. Все четыре текста, приведенные в данной статье, объединены одним центральным событием - поездкой к дедушке и бабушке. Образы реки, ловли рыбы, дождя, старинного барского дома, графини, прекрасной музыки (песни), недолгой болезни во время поездки — все это находит отражение и в повести «Степь», и в биографическом описании «В гостях у дедушки и бабушки», и отчасти в повести «Полтораста верст». Безусловно, что их объединяет и схожесть упомянутых событий, и похожие образы, поскольку братья Чеховы росли в одной семье и являлись носителями единого речевого и культурного кода.

Ключевые слова: братья Чеховы, воспоминания, биография.

A.V. Belova

«THE STORY OF ONE TRIP»: FOUR VERSIONS OF THE CHEKHOV BROTHERS

This article makes an attempt to consider the text of the four Chekhov brothers, which describe a journey to the village to visit their relatives. The trip of the younger Chekhov brothers to the Knyazhaya estate to visit their grandfather and grandmother, made at different times and with different numbers of participants, was described, at least by the brothers: Alexander, Anton and Mikhail. Impressions of the travels were etched in the boys' memories and eventually resulted in biographical memories and works of art:Anton Pavlovich Chekhov's story "The Steppe" (1887), A. Bogemsky's story "One and a Half Miles" (1889), Alexander Pavlovich Chekhov's story "Visiting Grandfather and Grandmother" (1912), Mikhail Pavlovich Chekhov's book of memoirs "Around Chekhov. Meetings and impressions" (1929). in the texts of A.P. Chekhov's story "The Steppe" and in the text of Alexander Chekhov's memoirs "Visiting Grandfather and Grandmother" there are amazing coincidences of images, a similar structure of phrases, a general tone, which is not surprising, because they were the first together, as children, they set off on a journey across the steppe to visit our family. All four texts given in this article are united by one central event - a trip to visit grandparents. Images of a river, fishing, rain, an old manor house, pigeons, a countess, beautiful music (songs), a short illness during a trip - all

© Белова А.В., 2025

this is reflected in the story “The Steppe” and in the biographical descriptions “Visiting Grandfathers and Grandmothers” " “And partly in the story “One and a Half Hundred Miles.” It is undeniable that their participation and equivalence of the mentioned events and images, since the Chekhov brothers grew up in the same family and were carriers of a heavy speech and cultural code.

Key words: Chekhov brothers, memories, biography.

Поездка маленьких братьев Чеховых в усадьбу Княжую к дедушке и бабушке, совершенная в разное время и с разным количеством участников, описана, по крайней мере, тремя братьями: Александром, Антоном и Михаилом. Впечатления от путешествия врезались в память мальчикам и вылились, в итоге, в биографические воспоминания и художественные произведения.

В письме от 20 октября (2 ноября) 1888 г. Е. А. Сысоева (Е.А. Сысоева - российская писательница, переводчица, детский прозаик, издатель детского журнала «Родник» - А.Б.) писала Антону Павловичу: «Милостивый государь Антон Павлович. Весенний очерк, обещанный Вами для «Родника», увы! для нас остался золотой мечтой. Неужели в награду за это лишение Вы не подарите «Роднику» хоть зимнюю картинку, достойную соперницу Вашей очаровательной «Степи», которой я просто бредила? Читая описания мальчика, ехавшего на возу, я с завистью думала: «О! если бы со временем у нас в «Роднике» появилось нечто такое же очаровательное, как эта картина!..» [1; с. 51].

А.П. Чехов так и не отправит в этот журнал свой рассказ, однако в 1889 году там появится рассказ А. Богемского «Полтораста верст». Долгие споры вокруг авторства этого текста (М. Богемский – псевдоним Михаила Павловича Чехова, возможно, что в журнале просто опечатка) не мешают признать, что подобную историю мог написать только один из братьев Чеховых, у которых сохранились одинаковые впечатления от дальней поездки, был, несомненно, общий речевой код, позволявший создавать похожие художественные образы в рассказе. Действительно, в текстах повести А. П. Чехова «Степь» и в тексте воспоминаний Александра Чехова «В гостях у дедушки и бабушки» встречаются удивительные совпадения образов, похожее строение фраз, общий тон. Но это, скорее всего, не подражание, а воспроизведение детских воспоминаний Антоши и Саши Чеховых. Два текста о путешествии маленького мальчика по степи имеют практически один подзаголовок. Ср.: «Степь. История одной поездки» и «Полтораста верст (История одного путешествия)». Вполне вероятно, что Антон Павлович, не написав для журнала «Родник» обещанного рассказа, посоветовал сделать это одному из своих братьев.

Не углубляясь в рассуждения об авторской принадлежности этой повести (см. статьи А.В. Беловой «Кто скрывался под псевдонимом А. Богемский?» и «Природа псевдонимов Александра Павловича Чехова»), мы позволим себе выстроить параллель из четырех текстов, в которых упоминается о поездках братьев Чеховых, состоявшихся в разное, хотя и близкое время, в гости к дедушке и бабушке в усадьбу Княжую:

- повесть Антона Павловича Чехова «Степь» (1887) [1],
- повесть А. Богемского «Полтораста верст» (1889) [2],
- повесть Александра Павловича Чехова «В гостях у дедушки и бабушки» (1912) [3],
- книга воспоминаний Михаила Павловича Чехова «Вокруг Чехова. Встречи и впечатления» (1929) [4]:

Антон Чехов	**А. Богемский**	**Александр Чехов**	**Михаил Чехов**
«Широкая, бесконечная равнина» [4-7; с. 16-17]	«Степь, ровная, как стол» [2; с. 135] «степь, гладкая как доска»[2; с. 142]	«Дорога была гладкая [3; с. 107], «ровная и безграничная степь» [3; с.123] и вновь: «По ровной, как ладонь	

		местности побежали во все стороны беленькие хатки…» [3; с. 128].	
«В траве перекликались суслики», «Кузнечики, сверчки, скрипачи и медведки затянули в траве свою скрипучую, монотонную музыку», «летит коршун над самой землей, плавно взмахивая крыльями, и вдруг останавливается в воздухе» [4-7; с. 16-17]	«Высоко под небесами раздавалось пение жаворонков, так высоко, что самих жаворонков даже не было видно» [2, 136] «Заговорило насекомое царство: загудели майские жуки, затрещали кузнечики; где-то запищал суслик, и запоздавший ястреб, широко расставив крылья, повис в вышине [2; с. 148]	«Сверху, с голубого горячего неба льется трель невидимого жаворонка. Сколько не ищи его глазами - ни за что не увидишь. Виден только плавно парящий коршун. Крылья его почти неподвижны и он каким-то чудом держится в воздухе… Низко над травой и бурьяном летают разноцветные бабочки, а в самойтраве, сидя на задних лапках, свистят суслики» [3; с. 107].	
«Далеко впереди белели колокольни и избы какой-то деревни» [4-7; с. 48]	«У самой подошвы обрыва тянулась вереница беленьких хат, обросших вишнями и тополями…» [2; с. 140]	«Часа через полтора мы въехали в веселенькую слободку, состоявшую из беленьких, чистеньких и ослепительно блестевших на солнце хаток, крытых соломою» [3; с. 107] и далее: «На белые хатки больно было смотреть. Пирамидальные тополи и зеленые садики не то нежились на солнце, не то страдали от зноя» [3; с. 109]	
«Он подошел к бричке и стал	«Паша вбежал в комнату тетушки и	«Когда мы с братом проснулись,	

глядеть на спящих» [4-7; с. 23], «Егорушка смотрел на сонные лица» [4-7; с. 24]	остановился в недоумении: у ее глаз и губ копошились мухи, а она не чувствовала и храпела» [2; с. 135]	машинист и Ефим еще спали. Лица у обоих от жары, от водки и от сытости были красны. На губах у каждого из них сидели кучами мухи» [3, 124].	
«- Егорий, возьми! - крикнул Пантелей, подавая снизу что-то большое и темное. – Что это? - спросил Егорушка. – Рогожка! Будет дождик, так вот покроешься» [1-7; с. 84], - Эй, возьми свою пальтишку! - крикнул где-то далеко внизу Дениска. Пальто и узелок, подброшенные снизу, упали возле Егорушки» [1-7; с. 47]	«Пашенька, надень, детка, пальтишку, а то простудишься» [2; с. 140]	«- У вас, дети, есть что-нибудь? Пальтишки какие-нибудь?» [3; с. 115].	
«- И паничек с нами едет! – сказал он и прикрыл нос рукавом, точно застыдившись. - Какой извозчик важный» [1-7; с.54],	«Юхим… склонил голову на грудь и задремал. Паша оглянулся назад и, увидев, что Аграфена Ивановна последовала его примеру, сразу почувствовал себя большим. Он гордо дернул вожжами…»[2; с. 146]	«- Ефим заснул! воскликнул Антоша…Тут для нас с братом наступило настоящее раздолье… Каждому из нас захотелось овладеть вожжами и править лошадью…» [3; с. 110].	
«Большая холодная капля упала на колено Егорушки» [4-7; с. 86]	«А между тем тяжелые тучи нависли над землей и каждую минуту готовы были пролиться дождем… Две крупные капли дождя упали ему на затылок» [2; с. 154]	«Грузно ударила об мою рогожу первая крупная капля дождя. И не успел я опомниться, как вдруг с неба обрушился жестокий ливень» [3; с. 117].	
«Послышался собачий лай. Штук	«Раздавшийся вдруг лай собак,	«Навстречу нам выбежали на дорогу	

шесть громадных степных овчарок вдруг, выскочив точно из засады, с свирепым воющим лаем бросились навстречу бричке. Все они, необыкновенно злые, с мохнатыми паучьими мордами и с красными от злобы глазами, окружили бричку и, ревниво толкая друг друга, подняли хриплый рев» [4-7; с. 18]	бросившихся на бричку, заглушил собою звуки фортепиано» [2; с.151]	две громадные овчарки и стали на нас лаять… Некоторые из собак в озлоблении хватались зубами за спицы колес» [3; с 127]	
«В промежутках между изб и за церковью синела река» «Скоро вернулся Степка с бреднем. Дымов и Кирюха от долгого пребывания в воде стали лиловыми и охрипли, но за рыбную ловлю принялись с охотой» [1-7; с. 58], «Раз над бреднем блеснула крупная рыбешка» [1-7; с. 59]		«Как называется эта речка? - Крепкая. <...> - А рыба в ней есть? -Есть, только мелкая. Наши парубки бреднем ловят. Уха бывает добрая <...> - А можно бредень достать? - В слободе можно. У кривого Захара целых два бредня есть. Он даст» [3; с.137]	Александр и Антон уже достали откуда-то бредень и пошли на реку ловить рыбу [4; с. 169]
«На одном месте камыш вздрагивал, кланялся своими цветами и издавал треск - то Степка и Кирюха «драли» раков. - Рак! Гляди, братцы: рак! - закричал торжествующе Кирюха и показал действительно рака» [1-7; с. 57], «Перед ними лежал покрытый илом и		«Местами и раки есть» [3; с. 137]	«Поймали пять щучек и с полсотни раков. На следующий день мать сварила нам превосходный раковый суп» [4; с. 169]

водорослями бредень, на котором блестела рыба и ползали раки» [1-7; с. 63], «Каша все-таки показалась Егорушке очень вкусной и напоминала ему раковый суп, который дома в постные дни варила его мамаша» [1-7; с. 64]			
«Неожиданно послышалось тихое пение. Где-то не близко пела женщина, а где именно и в какой стороне, трудно было понять. Песня тихая, тягучая и заунывная, похожая на плач и едва уловимая слухом, слышалась то справа, то слева, то сверху, то из-под земли, точно над степью носился невидимый дух и пел» [1-7; с. 24]; «Неподвижно стоял маленький мальчик в одной сорочке и без шапки. Точно очарованный песнею, он не шевелился и глядел куда-то вниз» [1-7; с. 25]	«Они пели такие песни, такие задушевные мотивы тогда Паша, каких он уже давно не слыхал» [2; с.149] «Звуки полились из окна на дорогу и закружились около брички <...> - Остановись,- прошептал Паша. - Ради Бога, остановись...» [2; с. 150]	«Из-за реки вдруг донеслась нежная, грустная песня. Пели два голоса - женский контральто и мужской баритон. Что они пели - Бог его знает, но выходило что-то дивное. То женский голос страстно молил о чем-то, то баритон пел что-то нежное, то оба голоса сливались вместе, и в песне слышалось безмятежное счастье» [3, с. 143-144]	
«Много слышал у себя дома Егорушка и о графине Драницкой. Она <...> жила у себя в богатой усадьбе» [1-7; с. 44]	«Большая барская усадьба с длинной тополевой аллеей, спускающейся прямо к реке»[2; с. 150]; «Темный сад с тонущим в нем старинным барским домом» [2; с. 150]	«Когда дедушку из Крепкой перевели в Княжую, то ему и бабушке пришлось поселиться в пустом барском доме. Но их обоих угнетал простор больших комнат, и приличная,	«Княжая представляла собою заброшенную барскую усадьбу с большим фруктовым садом при реке» [4; с. 169]

		мягкая заграничная мебель пришлась им не по вкусу. - А ну их к бесу! - говаривал дедушка, глядя на венское кресло-качалку. - Стул не стул, санки не санки, а так, черт знает что. Или вот, - сердился он на вольтеровское кресло, - плюхнул в него и пропал в нем: совсем человека не видно...Господа с жиру бесятся… Делать им нечего. Больших комнат старики не любили потому, что анфилады их вселяли в них суеверный страх. - Тут слово скажешь или крикнешь, а оно из пятой комнаты тебе отзывается… - Кто это «оно», дедушка? - Известно кто: домовой, либо нечистая сила<...> Ввиду этого Егор Михайлович выпросил у графини позволение построить для себя жилище по своему вкусу и выстроил тут же, рядом с барскими хоромами, маленькую хатку с двумя крохотными низенькими комнатками. Очутившись в привычной тесноте и духоте, оба старика	«Дедушка и бабушка жили в простой хатке, выстроенной ими специально для себя рядом с большим барским домом, так как дедушка не пожелал жить в «хоромах» [4; с. 169]

		почувствовали себя привольно и хорошо, как рыба в воде» с. [3; с. 133-134]	
		«Решили, что нас, гостей, надо положить в большом доме, потому что в их маленькой хатке четверым будет душно, да и блох много» [3; с. 143]	«Нас, мальчиков поместили в этом большом доме, где мы никак не могли уснуть от необыкновенного множества блох» [4; с. 169]
	«Под бричкой был рассыпан овес, и штук шесть голубей, вертясь и воркуя, клевали его» [2; с. 147]	«Голуби сами прилетели Бог знает откуда и расплодились видимо-невидимо» [3; с. 144]	«Масса голубей» [4; с. 169]
«Мельница, машущая крыльями, приближается. Она становилась всё больше и больше, совсем выросла, и уж можно было отчетливо разглядеть ее два крыла. Одно крыло было старое, заплатанное, другое только недавно сделано из нового дерева и лоснилось на солнце» [1-7; с.19]	«Водяная мельница, стоящая на Хороле» [2; с. 150]	«Серая меланхолическая мельница с огромным деревянным колесом и вся заросшая вербами гляделась в спокойную воду запруженной речки» [3; с. 152]	
«Дениска ходил около них и, стараясь показать, что он совершенно равнодушен к огурцам, пирогам и яйцам, которые ели хозяева, весь погрузился в избиение слепней и мух, облеплявших лошадиные животы и спины» [1-7; с.22]		«Вышла и мать<...>: Вы еще не уехали? <...> Передала вам няня Аксинья Степановна узелки: один с едою, а другой с бельем?» [3; с. 104]	«Мать, Евгения Яковлевна, конечно, напекла и наварила всякой снеди на дорогу» [4; с. 168]
«Посреди комнаты стояло, действительно,	«Паша нагнулся вперед, чтобы разглядеть усадьбу, - и	«Из боковой двери вышла ко мне благообразная	

сиятельство в образе молодой, очень красивой и полной женщины в черном платье и в соломенной шляпе», «Он открыл наполовину глаза и еще раз увидел красивую женщину в черном платье, которая целовала его. Она стояла посреди комнаты и, глядя, как он уходил, улыбалась и дружелюбно кивала ему головой» [1-7; с. 42], «-Графиня Драницкая, - прошептал о. Христофор, полезая в бричку» [1-7; с. 43]	замер: кто-то заиграл на фортепиано» [2; с. 150]	старушка в черном платье и чепце <...> Я понял, что передо мною сама графиня» [3; с. 163]	
«Тут армяшки живут. Народ ничего... армяшки-то» [1-7; с.79]		«К чаю армяшки придут два. Те самые, что через графскую землю овец прогоняют» [3; с. 141] и т. п.	

Самыми близкими по образности, как нам кажется, оказываются тексты Антона Павловича и Александра Павловича, что и неудивительно, ведь именно они впервые, вдвоем, будучи детьми, отправились в путешествие по степи в гости к родным. Повесть «Полтораста верст» демонстрирует не такую, но все же определенную схожесть с этими двумя текстами, что в очередной раз наводит на размышления об авторе с псевдонимом А. Богемский. Разве мог так подробно и глубоко запечатлеть в памяти поездку четырехлетний ребенок? Образы реки, ловли рыбы, дождя, старинного барского дома, графини, прекрасной музыки (песни), недолгой болезни во время поездки - все это находит отражение и в повести «Степь», и в биографическом описании «В гостях у дедушки и бабушки», и отчасти в повести «Полтораста верст». Например, образ графини в трех этих текстах создан братьями Чеховыми в трех ипостасях: молодой женщины, пожилой дамы и невидимой графини, игравшей на фортепиано в ярко освещенной усадьбе).

Только однажды, как можно заметить по таблице, встречается образ, который упоминается в каждом из четырех сравниваемых текстов: образ барского дома.

Если у Антона Павловича написано законченное художественное произведение, то у Александра Павловича мы видим довольно подробный текст воспоминаний. Повествование Александра Чехова наполнено живым разговорным языком, подробными диалогами и эмоциональными переживаниями героев, собственными, часто очень самокритичными оценками своего поведения, членов семьи Чеховых и других людей и событий.

Другое дело - воспоминания Михаила Павловича Чехова. Вообще о поездке в Княжую Михаил Чехов вспоминает мельком, не вдаваясь в подробности поездки и уж тем более не описывая долгий путь в 70 км до слободы Крепкой и далее 20 км до Княжей: «Поездка в слободу Криничку и Княжую к дедушке и бабушке летом 1872-го года: «Я помню об одной далекой поездке, которую сорганизовали для нас родители, – это путешествие в слободу Криничку, за 70 верст от Таганрога» [4; с. 25]. Мы не встретим в этих мемуарах ни описания степи, ни характеристик возницы, ни встретившихся на пути людей, ни диалогов отца и матери. От всего описания поездки в памяти остается только одна фраза: «Простор и полная безответственность делали наше пребывание в Княжей счастливым». Записи Михаила Чехова - это фиксация фактов, немногословность, сухое перечисление событий. Это скорее дневниковые заметки, которые напоминают стиль «мелиховского летописца» Павла Егоровича - лаконичный, безэмоциональный, порою благолепный («Павел Чехов уехал в С. Петербург», «Жасмин расцвел. Благоухание!» и т. п.). Но, возможно, именно в беллетристической форме повести «Полтораста верст» именно Михаил Павлович довольно подробно и эмоционально опишет поездку мальчика Паши, вспоминая ту самую семейную поездку.

Любопытная деталь: на протяжении всей повести «Степь» мы не встретим ни одного упоминания о голубях. Антон Павлович описывает разных птиц (перепелов, ястребов, кобчиков, воронов, коростелей, соловьев, чибисов, сов, грачей, коршунов, стрепетов, дрохв, сорок, даже клетку со скворцом, но нет голубей, и только в самом конце повести упоминается жареный цыпленок (ср. воспоминания Александра Чехова про свернутые шеи птиц и жареных голубей, поданных к обеду), словно, реальные переживания маленького Антоши при виде невинно загубленных птиц в доме дедушки выливаются только в возгласы главного героя его повести: «- Дед, ну за что он убил ужика?» [1-7; с. 52], «Он вспомнил убийство ужа, прислушался к смеху Дымова и почувствовал к этому человеку что-то вроде ненависти» [1-7; с. 54], .

Сравнивая концовки, можно заметить, что у Антона Павловича и М. Богемского они по построению и общей тональности (тяжелого душевного состояния маленького героя повести от перемены жизни (но в обоих случаях - это разлука с матерью и привычной жизнью) довольно похожи:

У Антона Павловича: «Егорушка почувствовал, что с этими людьми для него исчезло навсегда, как дым, всё то, что до сих пор было пережито; он опустился в изнеможении на лавочку и горькими слезами приветствовал новую, неведомую жизнь, которая теперь начиналась для него...Какова-то будет эта жизнь?» [1-7; 104];

У А. Богемского: «Паша приник лицом к траве и заплакал <...> Увидев ласковую тетку, точно мать, обрадовавшуюся ему, он бросился к ней на шею и почувствовал, что ближе ее для него уже нет никого на свете и что она заменит ему родную мать. И что-то тяжелое стало постепенно отходить у него от сердца» [4; с. 20].

У Александра Павловича не может быть подобного конца, поскольку он описывал свои воспоминания, придерживаясь формы биографической прозы: «Еще через сутки мы были уже дома в Таганроге и рассказывали всем и всякому о своей поездке. Потом в течение всей жизни мы вспоминали о том, как мы гостили у дедушки и бабушки и как в те времена я был смешон и глуп» [3; с. 162-163].

У Михаила Павловича в конце воспоминаний об этой поездке подводится итог и упоминается почему-то (видимо, этот эпизод наиболее сильно врезался в его память) о судьбе складного цилиндра брата Николая, который утонул в реке во время игр братьев, что вполне объяснимо и извинительно, ведь на момент этой поездки Михаилу Чехову исполнилось только 4 года: «Брат Николай, будучи пятнадцатилетним мальчуганом, добыл себе откуда-то складной цилиндр (шапокляк) и задумал ехать в нем» [4; с. 168]; «Кузница, клуня, масса голубей, сад, а главное - простор и полная безответственность делали наше пребывание в Княжей счастливым. Здесь же, в этой Княжей, несчастный цилиндр Николая нашел свою

судьбу...» [4; с. 170]. Он же описывает и еще одну шляпу - брата Александра: «Старший брат, Александр, клеил себе из сахарной бумаги шляпу с широкими полями» [4; с. 168].

Цилиндр и шляпы еще двух фасонов встречаются и в повести «Степь»: «Отец Христофор Сирийский, настоятель N-ской Николаевской церкви, маленький длинноволосый старичок в сером парусиновом кафтане, в широкополом цилиндре»; «Улыбался так широко, что, казалось, улыбка захватывала даже поля цилиндра» [1; с.13]; «N-ский купец Иван Иваныч Кузьмичов, бритый, в очках и в соломенной шляпе» [1; с.13]; «Он увидел какого-то красивого и плотного брюнета в шляпе котелком» [1; с.43]; «Около заднего воза, где был Егорушка, шел старик с седой бородой, такой же тощий и малорослый, как о. Христофор, но с лицом, бурым от загара, строгим и задумчивым. <...> Как и на о. Христофоре, на нем был широкополый цилиндр, но не барский, а войлочный и бурый, похожий скорее на усеченный конус, чем на цилиндр» [1-7, с. 49]. По всей видимости, эти образы использованы из воспоминаний о последней совместной с братьями поездке, поскольку у Александра Павловича (так же как и в тексте повести А. Богемского) о шляпах не упоминается. Самыми юными в этом совместном путешествии были именно Антон (7 лет) и Михаил (4 года).

Все четыре текста, приведенные в данной статье, объединены одним центральным событием - поездкой к дедушке и бабушке. Безусловно, что их объединяет и схожесть событий, упоминаемых предметов, людей, и схожесть образов, поскольку братья Чеховы росли в одной семье и являлись носителями единого речевого и культурного кода, и им была свойственна похожая манера выражать эмоции и впечатления. И все же разница между четырьмя описаниями одной поездки определенно прослеживается.

Библиографический список

1. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти тт. Письма в 12-ти тт. М.: Наука, 1974-83 гг. Т. 3. Письма, Октябрь 1888 - декабрь 1889. М.: Наука, 1976. С. 51.

2. Богемский А. Полтораста верст. Родник. 1889. № 7-8. С.133-154.

3. Александр и Антон Чеховы. Воспоминания. Переписка. Под ред И. Н. Сухих. Сост., подг. текста и коммент. М. Гушанской,И. С. Кузьмичева. М.: «Захаров», 2012. 960 с.

4. Вокруг Чехова. Сост. М. Сахарова. М.: Правда, 1990. 671 с.

References

1. Chekhov A.P. Complete works and letters in 30 volumes. Letters in 12 volumes. M.: Nauka, 1974-83. T. 3. Letters, October 1888 - December 1889. M.: Nauka, 1976. P. 51.

2. Bogemsky A. One and a half hundred versts. Spring. 1889. No. 7-8. P.133-154.

3. Alexander and Anton Chekhov. Memories. Correspondence. Edited by I. N. Sukhikh. Comp., prep. text and comment. M. Gushanskaya, I. S. Kuzmicheva. M.: “Zakharov”, 2012. 960 p.

4. Around Chekhov. Comp. M. Sakharov. M.: Pravda, 1990. 671 p.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ
LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

УДК 81.11
DOI 10.36622/2587-9510.2025.57.2.014

Воронежский государственный педагогический университет
Аспирант кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы
Филатова М.И.
Россия, г. Воронеж, тел.: +7 910-349-93-59
e-mail: mar.fil.11@yandex.ru

Voronezh State Pedagogical University
Postgraduate student of the Department of the Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature
Filatova M.I.
Russia, Voronezh, tel.: +7 910-349-93-59
e-mail: mar.fil.11@yandex.ru

М.И. Филатова

ТОПОНИМ «ВОРОНЕЖ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ

Одним из актуальных вопросов современной филологии является вопрос изучения художественных и публицистических текстов, которые нередко объединяются вокруг того или иного топонима и, следовательно, определяют значимость его положения в русской языковой картине мира. Высокая частотность употребления слова «Воронеж» в бытовой речи носителей русского языка обусловливает необходимость определения его места в сознании молодых жителей города и области. Было установлено, что в ответах респондентов особое место занимают ассоциации, связанные с историческими или модными локациями города, которые занимают важное место в сознании молодежи (образовательные учреждения, парки, театры, музеи, памятники и пр.). Большая часть анкетируемых, являющихся жителями современного Воронежа, олицетворяет город и/или характеризует его как носителя лучших человеческих качеств. Выделенные в ходе проведенного диагностического исследования базовые конструкты художественного образа Воронежа: исторический, ландшафтно-географический, духовно-нравственный, культурно-эстетический, получившие отражение в текстах российских поэтов и писателей, – дополняются в современном узусе размерно-демографической составляющей, формирующейся в сознании молодых носителей русского языка, в настоящее время проживающих в городе Воронеже. Выяснилось, что отмеченные компоненты образа города Воронежа не входят в противоречие, а, напротив, дополняют друг друга, создавая целостный конструкт, отличающийся особой значимостью для русского человека.

Ключевые слова: топоним, Воронеж, художественный текст, публицистический текст, языковое сознание, языковая картина мира.

M.I. Filatova

TOPONYM "VORONEZH" IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF YOUTH

One of the urgent issues of modern philology is the study of artistic and journalistic texts, which often unite around a particular toponym and, consequently, determine the significance of its position in the Russian linguistic picture of the world. The high frequency of the word "Voronezh" in the everyday speech of Russian speakers makes it necessary to determine its place in the minds of young residents of the city and the region. It was found that a special place in the respondents' responses is occupied by associations related to historical or fashionable locations of the city, which occupy an important place in the minds of young people (educational institutions, parks, theaters, museums, monuments, etc.). Most of the respondents, who are residents of modern Voronezh, personify the city and/or characterize it as a carrier the best human qualities. The basic constructs of the artistic image of Voronezh, identified in the course of the diagnostic study: historical, landscape-geographical, spiritual-moral, cultural-aesthetic, reflected in the texts of Russian poets and writers, are complemented in modern usage by the dimensional and demographic component that is forming in the minds of young native speakers of the Russian language currently living in the city of Voronezh.. It turned out

© Филатова М.И., 2025

that the mentioned components of the image of the city of Voronezh do not contradict, but, on the contrary, complement each other, creating an integral construct that is particularly significant for the Russian people.

Key words: toponym, Voronezh, artistic text, journalistic text, linguistic consciousness, linguistic worldview.

В настоящее время весьма востребованными являются исследования художественных и публицистических текстов, связанных с городами, которым удалось сыграть важную роль в отечественной культуре: петербургского, московского, провинциального и др. [1; 2]. В художественном тексте учёными предпринимаются попытки осмыслить «город как синтез материально-духовных ценностей» [3, с. 16], как «единства всех сторон его жизни (сил природы, быта населения, роста и характера, архитектурного пейзажа, участия в общей жизни страны, духовного бытия граждан)» [там же, с. 48]. Изучение медиатекстов также расширяет представление о городах, дополняет их историю. Действительно, в процессе длительного исторического развития общества «на определенной территории формируются устойчивые концепты, свидетельствующие о фрагментации мира, специфике его видения, характере отношения людей к выделяемой части пространства» [4, с. 126; 5].

Как известно, ключевые для национальной культуры топонимы занимают важное место в русской языковой картине мира [5; 6], поскольку являются «вместилищем знаний о стране, хранителем и трансформатором историко-культурной информации об этносе», функционируя «на двух уровнях коммуникативного пространства языковой личности – на уровне языка и на уровне культуры» [8].

С целью выявления особенностей современного восприятия Воронежа молодыми носителями русского языка и определения в их сознании важных характеристик образа города было проведено диагностическое исследование, в ходе которого проживающие на территории города Воронежа и Воронежской области респонденты имели возможность выразить своё отношение к городу и продемонстрировать специфику использования слова «Воронеж» в своей повседневной речи. Для анализа предлагалось письменно заполнить 5 позиций анкеты: 1. Указать свой пол и возраст. 2. Записать 3 слова-реакции, которые вызывает название «Воронеж». 3. Подобрать к слову «Воронеж» 3 определения. 4. Составить 3 словосочетания со словом «Воронеж». 5. Составить 3 предложения со словом «Воронеж».

В анкетировании, проводившемся в течение трех месяцев (январь – март 2025 года), приняли участие 300 человек от 18 до 35 лет. В качестве респондентов выступили студенты, преподаватели и сотрудники высших учебных заведений г. Воронежа и Воронежской области.

В ходе анализа ответов на вопросы анкеты было выявлено, что, как правило, реакцией на слово «Воронеж» стала эмотивная лексика, чаще всего представленная именами существительными и междометиями, реже – прилагательными или наречиями. Слово «Воронеж» вызывает у молодых людей разноплановые, нередко контрастные эмоции: от *восклицаний «Ух ты, Воронеж!»* до популярного в молодёжном сленге слова *«тильт»* (состояние сильного эмоционального напряжения, когда человек перестаёт контролировать свои действия и совершает импульсивные, необдуманные поступки).

Самыми популярными эмоциональными реакциями на исследуемую лексему в проанализированных анкетах стали слова «радость» (53 респондента), «счастье» (22 опрошенных), «веселье» (7 раз), междометия «вау» (8 респондентов), «ого» (4 респондента). У 2 респондентов название «Воронеж» напрямую связано с улыбкой (лексема *«улыбка»*), 4 респондента употребили «вирусную» для современной молодёжи эмотивную лексему *«вайб»,* 6 – более нейтральную синонимичную лексему *«атмосфера»/ «атмосферно»*, 4 респондента соотнесли с Воронежем лексему *«кураж»,* 1 респондент – эмотивную лексему *«кайф».* У 9 опрошенных название «Воронеж» вызывает в качестве ответной реакции удивление (лексема *«удивление»* встретилась 8 раз, лексема *«удивительно»* – 1 раз). У 10 респондентов название «Воронеж» ассоциируется со спокойствием: 8 из них употребили лексему *«спокойствие»*, а 2 респондента лексему – *«спокойный»*. По одному разу в ответах были употреблены такие лек-

семы, как *«умиротворение», «покой», «привязанность», «безопасный», «чувство безопасности», «смущение».*

Стоит отметить, и ряд негативных эмоций, вызываемых названием «Воронеж». Среди них эмоции, обозначаемые в русском языке эмотивными лексемами: *«грусть»* (10 раз), *«грустно»* (1 раз); *«печаль»* (6 раз), *«скука»* (1 раз), *«скучно»* (1 раз), *«скучный»* (3 раза); *«унылый»* (1 раз), *«тревога»* (1 раз), *«опасность»* (6 раз), *«БПЛА»* (4 раза), *«раздражение»* (1 раз), *«разочарование»* (1 раз), *«ненависть»* (1 раз), *«злоба»* (1 раз), *«страх»* (1 раз), *«ужас»* (1 раз), *«боль»* (2 раза).

Результаты анализа собранных данных показывают, что в эмоциональном плане Воронеж воспринимается большим количеством респондентов скорее в положительном ключе, нежели в отрицательном, хотя и разные оттенки негативного эмоционального отношения также присутствуют в ассоциативном портрете города.

Отношение к городу выражено в ответах респондентов следующими лексемами: *«гордость»* (15 раз), *«любовь» (10 раз), «любимый»* (5 раз), *«люблю его»* (2 раза), *«любование»* (1 раз); *«уважение»* (1 раз); *«лучший»* (1 раз); *«незабываемый»* (1 раз), *«лайк»* (1 раз).

Для многих респондентов город Воронеж является малой родиной и потому соотносится в сознании с понятием дома: лексема *«дом»* упоминается 15 раз, *«домашний»* – 1 раз. Лексема *«родной»* используется респондентами 8 раз, лексема *«Родина»* – 14 раз, *«малая родина»* – 1 раз, *«родное место»* – 1 раз, *«родственники»* – 1 раз, *«встреча с родственниками»* – 1 раз, *«встреча с близкими»* – 1 раз, *«семья»* – 5 раз. Один респондент отмечает *«гостеприимность»* Воронежа. Шестеро опрошенных ассоциируют Воронеж с *«комфортом» («комфортный»),* для 15 респондентов Воронеж связан с лексемой *«уют» («уютный»).*

Название «Воронеж» погружает часть респондентов в состояния, выражаемые лексемами *«восхищение»* (17 раз), *«восторг»* (13 раз), *«вдохновение»* (1 раз), *«воодушевление»* (1 раз), *«дружелюбность»* (1 раз), *«душевность»* (1 раз), *«душевный»* (1 раз), *«ностальгия»* (1 раз), *«воспоминания»* (1 раз), *«заинтересованность»* (1 раз), *«любопытство»* (2 раза), *«активность»* (1 раз), *«движ»* (2 раза), *«мотивация»* (1 раз), *«одиночество»* (1 раз), *«нервозность»* (1 раз), *«депрессия»* (2 раза),

Респонденты отмечают, что Воронеж – это город возможностей. Лексема *«возможность»* в качестве ответа на 2 вопрос анкеты упоминается 8 раз.

При ответе респондентов на второй вопрос анкеты 5 раз встретилась колоративная лексика (ср. лексемы-реакции на Воронеж: *«серость», «серый», «тусклый», «зелёный», «голубой»).*

Как известно, визитной карточкой любого крупного города является его архитектура. Пласт архитектурной лексики ярко представлен в ответах респондентов на 2 вопрос анкеты. Это лексемы: *«древний город»* (1 раз), *«исторический город»* (2 раза), *«история»* (12 раз), *«достопримечательный»* (1 раз), *«красота»* (31 раз), *«красивый»* (19 раз), *«красивые здания»* (1 раз), *«красиво»* (4 раза), *«лабиринт»* (1 раз), *«небоскрёбы»* (1 раз), *«высокие здания»* (1 раз), *«большие дома»* (1 раз), *«развивающийся»* (1 раз), *«постройки»* (1 раз), *«новостройки»* (1 раз).

Многие респонденты отмечают масштабность и населённость города Воронежа посредством лексем: *«мегаполис»* (2 раза), *«большой»* (18 раз), *«огромный»* (1 раз), *«миллионник»* (12 раз), *«многолюдно»* (1 раз), *«многолюдный»* (3 раза).

Респондентами выделяются отдельные памятные и знаковые места города Воронежа:

•образовательные учреждения (*«университет»* (2 раза), *«город университетов и студентов»* (1 раз), *«ВГПУ»* (2 раза), *«пед»* (2 раза), *«общага»* (1 раз), *«ВГУ»* (1 раз), *вуз* (2 раза), *«институты»* (1 раз), *«училища»* (1 раз), *«Художественное училище»* (1 раз), *«ВХУ (хореографическое)»* (1 раз), *«колледжи»* (1 раз), «*школа»* (1 раз);

•центр города (*«площадь»* (1 раз), *«площадь Ленина»* (2 раза), *«центр»* (1 раз), *«ночной центр»* (1 раз); центральные и периферийные улицы города (*«проспект Революции»* (2 раза), *«улица Лизюкова»* (1 раз), *«набережная»* (3 раза));

•остановки общественного транспорта (*«Самолёт»* (2 раза), *«Военный городок»* (1 раз), *«Авиазавод»* (1 раз));

•мосты («*мост»* (2 раза), *«Чернавский мост»* (1 раз));

•парки (*«парк "Орлёнок"»* (1 раз), *«Дельфин»* (1 раз), *«Динамо»* (1 раз));

•театры, музеи (*«театр»* (1 раз), *«оперный театр»* (1 раз), *«Гото Предестинация»* (2 раза));

•памятники, скульптуры *(«памятники»* (2 раза), *«Памятник Славы»* (1 раз), *«Котёнок»* (1 раз), *«Котёнок с улицы Лизюкова»* (6 раз));

•торговые центры и магазины (*«Галерея Чижова»/ «ГЧ»* (3 раза), *«Град»* (2 раза), *«Арена»* (3 раза), *«FixPrice»* (2 раза), *«Центрторг»* (2 раза);

•жилые комплексы (*«Грин Парк»* (2 раза);

•фотозоны и памятные локации («*фонтан»* (1 раз), *«кафе»* (2 раза).

Историческая роль города также получила яркое отражение в ответах респондентов. Некоторые респонденты определили Воронеж как *«город-герой»,* однако большая часть опрошенных указала почётное звание города верно: *«город воинской славы»* (4 раза); ср.: *«память»* (1 раз), *«памятный»* (1 раз), *«величие»* (3 раза), *«слава»* (3 раза), *«мужество»* (1 раз), *«сила»* (1 раз), *«сильный»* (1 раз), *«мощный»* (1 раз), *«непобедимый»* (1 раз).

Связь города с кораблестроительной деятельностью, развернувшейся на территории Воронежской области в петровскую эпоху, отражают следующие упомянутые респондентами лексемы: *«кораблестроение»* (1 раз), *«корабль»* (4 раза), *«Гото Предестинация»* (2 раза), *«судостроительный»* (1 раз), *«колыбель»* (1 раз, усечение закрепившегося за Воронежем метафорического определения: Воронеж – колыбель морского флота).

В ответах респондентов были зафиксированы упоминания выдающихся личностей, чьи судьбы оказались неразрывно связанными с историей города Воронежа [ср.: исторические личности (*«Пётр I»* (1 раз); поэты и писатели (*«Бунин»* (1 раз), *«Никитинский»* (1 раз), *«Осип Мандельштам»* (1 раз)].

В ответах респондентов также нашли отражение ландшафтные и климатические особенности Воронежа и Воронежской области [*«окраинный»* (1 раз), *«лес»* (1 раз), *«речной»* (18 раз), *«пейзажный»* (1 раз), *«южный»* (2 раза), *«город на юге»* (1 раз), *«город без снега»* (1 раз), *«город на берегах водохранилища»* (1 раз)].

Так, в качестве реакций на название «Воронеж» были записаны лексемы, фиксирующие особенности:

•почвы (*«Черноземье»* (5 раз), *«столица Черноземья»* (2 раза), *«земля»* (1 раз), *«почва»* (2 раза), *«твёрдый»* (1 раз), *«чернозём»* (5 раз»);

•источников воды (*«два берега»* (1 раз), *«водохранилище»* (4 раза), *«река»* (6 раз), *«река Воронеж»* (5 раз), *«речной»* (1 раз), *«Дон»* (5 раз);

•ландшафта (*«степь»* (1 раз), *«деревья»* (1 раз), *«зелень»* (1 раз), *«природа»* (9 раз), *«лес»* (1 раз), *«воздух»* (1 раз);

•погодные условия (*«юг»* (3 раза), *«южный»* (1 раз), *«тепло»* (4 раза), *«теплота»* (3 раза), *«тёплый»* (1 раз), *«жаркий»* (1 раз), *«солнце»* (1 раз), *«солнечность»* (1 раз), *«без снега»* (1 раз), *«холод»* (1 раз), *«холодно»* (1 раз), *«туманность»* (1 раз), *«мокро»* (1 раз).

Анализ ответов на третий вопрос анкеты показал, что для многих респондентов Воронеж – красивый, ухоженный город (*«красивый»* (54 раза), *«суперкрасивый»* (1 раз), *«великолепный»* (1 раз), *«прекрасен»* (1 раз), *«прелестный»* (1 раз), *«величественный»* (1 раз), *«восхитительный»* (1 раз), *«впечатляющий»* (1 раз), *«красочный»* (1 раз)).

Многие респонденты отмечают, что Воронеж – большой город (*«большой»* (33 раза), *«огромный»* (2 раза), *«крупный»* (1 раз), *«город-миллионник»* (46 раз), *«многолюдный»* (11 раз), *«многонаселённый»* (3 раза)).

Большую часть населения города Воронежа, по мнению респондентов, составляют студенты (*«студенческий»* (18 раз), *«молодёжный»* (4 раза), *«Воронеж – город образования»* (2

раза), *«образовательный»* (3 раза), *«Воронеж – город молодых»* (1 раз), *«город возможностей»* (5 раз)).

Воронеж – культурная столица Черноземья, активно развивающийся современный город с многовековой историей, которой можно гордиться (*«древний»* (1 раз), *«старый»* (3 раза), *«крепкий»* (2 раза), *«Воронеж – город чести и мужества»* (3 раза), *мужественный»* (1 раз), *«могучий»* (1 раз), *«великий»* (3 раза), *«славный»* (1 раз), *«исторический»* (19 раз), *«Воронеж – город с богатой историей»* (1 раз), *«героический»* (1 раз), *«город-герой»* (18 раз), *«герой»* (4 раза), *«город воинской славы»* (30 раз), *«Воронеж – город славы»* (2 раза), *«Памятник Славы»* (1 раз), *«братские могилы»* (1 раз), *«столица Черноземья»* (47 раз), *«чернозём»* (1 раз), *«современный»* (4 раза), *«развивающийся»* (1 раз), *«культурный»* (19 раз), *«индустриальный»* (4 раза), *«экономический»* (3 раза), *«административный»* (5 раз)).

Интересны характеристики Воронежа как человека с положительными [*«активный»* (2 раза), *«весёлый»* (4 раза), *«верный»* (2 раза), *«гордый»* (1 раз), *«добрый»* (1 раз), *«интересный»* (6 раз), *«известный»* (3 раза), «*душевный»* (2 раза), *«приветливый»* (2 раза), *«умный»* (1 раз), *«упрямый»* (1 раз), *«растущий»* (1 раз)] и отрицательными [*«ленивый»* (1 раз), *«необщительный»* (1 раз), *«злой»* (1 раз)] чертами.

Многие респонденты, отвечая на третий вопрос анкеты, отметили связь Воронежа с рекой, флотом и кораблестроением (*«кораблестроение»* (2 раза), *«Пётр»* (18 раз), «*колыбель военно-морского/морского/русского военного/русского флота»* (25 раз), *«корабль»* (2 раза), *«река Воронеж»* (4 раза), *«река Дон»* (6 раз), *«водохранилище»* (3 раза), *«водный»* (1 раз)).

Воронеж для многих респондентов – это Родина, родной дом, семья, друзья, любовь (*«моя Родина»* (11 раз), *«мой родной город»* (1 раз), *«мой дом»* (7 раз), *«мой и твой Воронеж»* (2 раза), *«Воронеж – город любви»* (4 раза), *«Воронеж – друзья»* (2 раза), *«Воронеж – семья»* (1 раз)).

Отдельные респонденты в анкетах отметили, что:

•Воронеж – *это «Родина первого самолёта ТУ-144»* (советского сверхзвукового пассажирского самолёта 1-го класса, разработанного КБ «Туполев» в 1960-х годах и производившегося в Воронеже);

•*«Воронеж – город, в котором основалась рок-группа “Сектор газа”»* («Сектор газа» – советская и российская рок-группа, основанная 5 декабря 1987 года в Воронеже; лидером группы, автором песен и единственным бессменным участником являлся Юрий Клинских (более известный под псевдонимом Юрий Хой));

•*«город конфет»* (Воронеж популярен тем, что в нём существует «Воронежская кондитерская фабрика» – крупнейшее предприятие в Черноземье по производству кондитерских изделий, одно из крупнейших в России; фабрика производит более 100 наименований кондитерских изделий: конфеты, карамель, печенье, вафли, зефир, драже; большим спросом пользуются фирменные конфеты «Песни Кольцова» и «Воронежские», карамель «Солнышко», «Сорока-белобока», «Фруктик»; фабрика реализует кондитерские изделия в Воронежской, Самарской, Ростовской и других областях, в Поволжье и на Урале, а также экспортирует сладкую продукцию в страны Ближнего и Дальнего зарубежья);

•*«город, в котором есть мегашкола»* («МБОУ «Образовательный центр» располагается в Воронеже по адресу: ул. Академика Конопатова, д. 9, в мегашколе могут обучаться 2860 учеников);

•*«Воронеж – город, в котором родился Антон Шастун»* (Антон Андреевич Шастун – российский комик, телеведущий; известен как постоянный участник проектов «Импровизаторы», «Громкий вопрос», «Истории» и др., с 2019 года Шастун – ведущий развлекательного шоу «Импровизация. Команды»).

В рамках ответа на четвёртый вопрос анкеты респондентам было предложено составить 3 словосочетания со словом «Воронеж».

Словосочетания с видом подчинительной связи – согласование (где Воронеж – главное слово) охарактеризовали город Воронеж с разных сторон:

•Воронеж – культурная столица Черноземья (*«культурный Воронеж»* (5 раз), *«духовный Воронеж»* (1 раз), *«творческий Воронеж»* (1 раз), *«креативный Воронеж»* (1 раз), *«песенный Воронеж»* (1 раз), *«поэтический Воронеж»* (1 раз), *«Воронеж музыкальный»* (1 раз));

•Воронеж – город с богатым историческим прошлым (*«Воронеж исторический»* (8 раз), *«несломленный Воронеж»* (2 раза), *«смелый Воронеж»* (1 раз), *«сильный Воронеж»* (1 раз), *«закалённый Воронеж»* (1 раз), *«великий Воронеж»* (6 раз), *«трудовой Воронеж»* (1 раз), *«свободный Воронеж»* (1 раз));

•Воронеж – колыбель русского флота («*флотский город»* (2 раза), *«петровский Воронеж»* (4 раза), «*Воронеж речной»* (1 раз));

•Воронеж – развитый экономический центр (*«предпринимательский Воронеж»* (1 раз), *«технологичный Воронеж»* (1 раз), *«продвинутый Воронеж»* (1 раз));

•Воронеж – город-миллионник (*«многолюдный Воронеж»* (3 раза), *«Воронеж людный»* (1 раз), *«многомиллионный Воронеж»* (1 раз), *«многонаселённый Воронеж»* (2 раза), *«Воронеж многонациональный»* (1 раз), *«большой Воронеж»* (18 раз), *«огромный Воронеж»* (4 раза));

• Воронеж – город студенчества (*«студенческий Воронеж»* (4 раза));

• Воронеж – шумный город *(«громкий Воронеж»* (2 раза)*; «шумный Воронеж»* (4 раза)*; «куражный Воронеж»* (1 раз));

•Воронеж – красивый, запоминающийся город (*«Воронеж красивый»* (52 раза), *«прекрасный Воронеж»* (6 раз), *«Воронеж великолепный»* (1 раз), *«замечательный Воронеж»* (1 раз), *«бесподобный Воронеж»* (1 раз), *«необыкновенный Воронеж»* (1 раз), *«впечатляющий Воронеж»* (1 раз), *«невероятный Воронеж»* (1 раз), *«лучший Воронеж»* (3 раза), *«Воронеж крутой»* (3 раза), *«классный Воронеж»* (1 раз), *«яркий Воронеж»* (1 раз), *«сочный Воронеж»* (1 раз), *«насыщенный Воронеж»* (1 раз), *«колоритный Воронеж»* (1 раз));

•Воронеж – любимый, родной город (*«родной Воронеж»* (22 раза), *«любимый Воронеж»* (20 раз));

•Воронеж – город климатических контрастов, здесь последовательно сменяют друг друга четыре времени года, а также город, имеющий своё особое лицо, город, наполненный своеобразной атмосферой в то или иное время суток (*«южный Воронеж»* (1 раз), *«летний Воронеж»* (1 раз), *«тёплый Воронеж»* (6 раз), *«солнечный Воронеж»* (3 раза), *«курортный Воронеж»* (1 раз), *«холодный Воронеж»* (1 раз), *«Воронеж снежный»* (1 раз), *«утренний Воронеж»* (1 раз), *«вечерний Воронеж»* (1 раз), *«ночной Воронеж»* (1 раз));

•Воронеж – город комфорта (*«удобный Воронеж»* (1 раз), *«уютный Воронеж»* (1 раз));

•Воронеж – гостеприимный город (*«гостеприимный Воронеж»* (5 раз), *«приветливый Воронеж»* (1 раз));

•Воронеж – зелёный город (*«зелёный Воронеж»* (5 раз), *«лесной Воронеж»* (9 раз), *«плодородный Воронеж»* (1 раз));

•Воронеж – город, в котором соседствуют старина и новомодные тенденции (*«традиционный Воронеж»* (1 раз), *«старый Воронеж»* (1 раз), *«старинный Воронеж»* (1 раз), *«новый Воронеж»* (1 раз), *«строящийся Воронеж»* (1 раз), *«современный Воронеж»* (3 раза));

•Воронеж – город, который возбуждает интерес (*«удивляющий Воронеж»* (1 раз), *«Воронеж интересный»* (7 раз)).

Конечно, в ответах респондентов присутствовали эпитеты, отражающее отрицательное отношение к городу Воронежу опрашиваемых лиц: *«противный Воронеж»* (1 раз), *«мрачный Воронеж»* (2 раза), *«опасный Воронеж»* (1 раз), *«скучный Воронеж»* (1 раз), *«тоскливый Воронеж»* (1 раз), *«неразговорчивый Воронеж»* (1 раз), *«безумный Воронеж»* (1 раз), *«утомительный Воронеж»* (1 раз). Заметим, что многие из приведённых нами эпитетов наглядно демонстрируют, что Воронеж в сознании респондентов олицетворяется с живым существом

[ср.: *«Воронеж добрый»* (1 раз), *«дружелюбный Воронеж»* (1 раз), *«хороший Воронеж»* (2 раза)].

Анализ словосочетаний с видом подчинительной связи – согласование (где образованные от существительного «Воронеж» слова являются зависимыми) показал, что «Воронеж» у респондентов вызывает следующие ассоциации:

•университеты (*«Воронежский государственный педагогически университет»* (9 раз), *«Воронежский государственный университет»* (21 раз), «*Воронежский государственный аграрный университет»* (2 раза));

•история и культура (*«воронежский герб»* (3 раза), *«величественные достопримечательности»* (1 раз), *«воронежские достопримечательности»* (2 раза), *«воронежская крепость»* (3 раза), *«воронежский колхозник»* (1 раз), *«воронежский исторический памятник»* (1 раз), *«воронежский флот»* (1 раз), *«военный воронежский флаг»* (1 раз), *«воронежский фронт»* (2 раза), *«Воронежская областная филармония»* (4 раза), *«воронежские театры»* (3 раза), *«Воронежский государственный театр оперы и балета»* (5 раз), *«воронежский музей»* (1 раз), *«воронежская архитектура»* (1 раз), *«дворец Ольги Ольденбургской»* (1 раз), *«Воронежские тетради»* (1 раз), *«воронежские писатели»* (2 раза), *«Воронежские девчата»* (1 раз), *«воронежский "Факел"»* (4 раза), *«воронежский стендап»* (1 раз), *«воронежский диалект»* (1 раз), *«воронежский говор»* (1 раз), *«воронежские новости»* (1 раз), *«воронежская матрёшка»* (1 раз));

•локации города (*«воронежская площадь*» (1 раз), *«центральная воронежская площадь»* (1 раз), *«воронежская дорога»* (1 раз), *«воронежские дороги»* (1 раз), *«воронежские пробки»* (1 раз), *«воронежская площадка»* (1 раз), *«воронежская улица»* (1 раз), *«воронежская многоэтажка»* (1 раз), *«воронежские дома»* (1 раз), *«левый берег Воронежа»* (1 раз), *«воронежская набережная»* (3 раза), *«воронежский парк»* (5), *«воронежский парк "Дельфин"»* (1 раз), «*воронежская Галерея Чижова»* (2 раза), *«воронежский торговый центр»* (3 раза), *«воронежский зоопарк»* (3 раза), *«воронежская закусочная»* (1 раз), *«воронежская хинкальная»* (1 раз), *«Воронежская кондитерская фабрика»* (3 раза), *«воронежский механический завод»* (6 раз), *«воронежский цирк»* (2 раза));

•география (*«воронежский город»* (2 раза), *«Воронежская область»* (15 раз), *«Воронежский регион»* (2 раза), *«Воронежский край»* (2 раза), «воронежский район» (1 раз));

•природа (*«воздух Воронежа»* (1 раз), *«воронежская природа»* (1 раз), *«воронежская сосна»* (1 раз), *«воронежское водохранилище»* (16 раз) *«воронежский заповедник»* (3 раза), *«воронежский лес»* (3 раза), *«воронежский пейзаж»* (2 раза), *«воронежское небо»* (4 раза), *«воронежский туман»* (1 раз), *«воронежский чернозём»* (1 раз).

Анализ словосочетаний с видом подчинительной связи – управление (где Воронеж – зависимое слово, а главное слово – глагол) показал, что Воронеж у респондентов ассоциируется с местом проживания (*«жить в Воронеже»* (9 раз), получения образования (*«учиться в Воронеже»* (4 раза), прогулок (*«выехать в Воронеж»* (1 раз), *«еду в Воронеж»* (4 раза), *«кататься по Воронежу»* (14 раз), *«приезжайте в Воронеж»* (9 раз), *«посетить Воронеж»* (1 раз), *«прогуляться по Воронежу»* (1 раз), *«гулять в Воронеже»* (10 раз), *«уезжать из Воронежа»* (5 раз), *«хочу приехать в Воронеж»* (1 раз).

Воронеж вызывает чувства гордости, восхищения и любви (*«горжусь Воронежем»* (1 раз), *«восхищаюсь Воронежем»* (1 раз), *«люблю Воронеж»* (1 раз), дает возможность весёлого времяпрепровождения (*«куражить в Воронеже»* (2 раза), *«Воронеж не догонишь»* (16 раз).

Проведя анализ ответов респондентов на пятый вопрос анкеты, мы выделили следующие тематические группы:

•исторический Воронеж (предложения об основании Воронежа (*«Воронеж – город с богатой историей, основанный в конце XVI века»; «Воронеж основан в 1586 году царём Фёдором Иоанновичем»; «Воронеж был основан для защиты от набегов врагов в качестве крепости»*), о деятельности Петра I (*«В Воронеж приезжал Пётр I»; «В Воронеже находится*

очень красивая набережная, на которой можно посмотреть на корабль, построенный Петром I»; «Если бы Воронеж был человеком, он бы наверняка носил шляпу и рассказывал байки про Петра I»; «Воронеж – колыбель военно-морского флота России»); о памятниках и достопримечательностях города (*«В Воронеже находится знаменитый памятник котёнку с улицы Лизюкова, ставший одной из достопримечательностей»; «В Воронеже много исторических памятников»*); о подвиге Воронежа в годы Великой Отечественной войны (*«В годы Великой Отечественной войны бои за Воронеж шли 212 дней»; «Воронеж – это город воинской славы»; «Воронеж был полностью отстроен после войны за несколько лет»; «Воронеж – город, возродившийся из пепла»*);

•образовательный Воронеж (*«В Воронеже построили мегашколу – самую большую школу в России»; «В Воронеже очень много различных университетов, различных направлений»; «Воронеж – город образования»; «Воронеж – город студентов»* (8 раз); *«Студенты из 20 стран учились у меня в Воронеже русскому языку»*, *«В Воронеже живёт и трудится множество образованных людей»*);

•культурный Воронеж (*«Воронеж – город поэтов и художников»*; *«В этом году в Воронеже пройдёт международный фестиваль искусств»; «В Воронеже ежегодно проходят культурные мероприятия, привлекающие много туристов»; « В Воронеже много театров и кинотеатров»; «В Воронеже есть множество мест для проведения досуга и активного отдыха»*);

•литературный Воронеж (*«В Воронеже есть памятник Никитину», «В Воронеже проходит фестиваль Платонова», «Воронеж – родина известных поэтов Кольцова и Никитина, космонавтов – Героев Советского союза – Феоктистова и Филипченко»; «Воронеж вдохновляет писателей и поэтов на творческую деятельность»*);

•православный Воронеж (*«В Воронеже есть много православных храмов и один женский монастырь»*);

•чернозёмный Воронеж (*«Воронеж – столица Черноземья»* (7 раз), *«Воронеж – это российский чернозём»; «Воронежская область славится своими плодородными землями»*);

•промышленный Воронеж (*«Воронеж – крупный промышленный город», «Воронеж – крупный промышленный узел»; «Правый берег Воронежа яркий, а левый берег производственный»; «Воронеж – важный экономический центр области»*);

•родной Воронеж (*«Воронеж – это дом, где тебе хорошо»*; *«Воронеж – родное сердцу место»*; *«Воронеж – мой родной город»* (11 раз); *«Воронеж – город, в котором прошло моё детство, отрочество, юность»; «В Воронеже у меня много родственников»*);

•красивый Воронеж (*«В Воронеже самая красивая осень»; «В Воронеже много красивых парков»; «В Воронеже наступила ночь, зажглись огни, какая красота!!!»; «В Воронеже начали благоустраивать набережную, теперь это место будет ещё популярнее»; «В Воронеже очень красивый Центральный парк»; «В городе Воронеже красивая архитектура»; «Вечером в Воронеже особенно красиво»; «Воронеж – красивый город на юго-западе России»; «Воронеж полон достопримечательностей и красивых видов»; «У меня захватывает дух при виде воронежских красот»; «Воронеж известен своим биосферным заповедником»*);

•Воронеж – город-миллионник (*«В Воронеже очень много людей»*; *«В центре Воронежа всегда много людей»*; *«Воронеж – город-миллионник»* (18 раз); *«Воронеж – город-миллионник, где нет метро»*; *«Воронеж – город-миллионник, один из немногих городов России»; «Город Воронеж официально имеет статус города-миллионника»*);

•воронежские люди (*«В Воронеже очень много необычных и уникальных людей, которые не боятся проявлять себя и выглядеть не как все»; «В Воронеже очень добрые и отзывчивые люди»; «Люди гордятся городом Воронеж»; «Жители Воронежа очень приветливы»; «Здесь так много разных людей, Воронеж такой многонациональный!»; «Множество счастливых людей в центре Воронежа»; «Некоторые люди в Воронеже хмурые»; «Воронеж – город добрых людей, и эти люди продолжают делать этот мир лучше»).*

Таким образом, топоним «Воронеж» в языковом сознании воронежской молодежи соотносится с четырьмя базовыми составляющими, выделенными на основе диагностического анкетирования: исторической, ландшафтно-географической, духовно-нравственной, культурно-эстетической [9, с. 137]. Историческую компоненту раскрывают семантические доминанты «город воинской славы», «колыбель русского флота»; ландшафтно-географическую – доминанты «чернозём», «южный», «река Дон»; духовно-нравственную составляющую раскрывают семантические доминанты: «родной», «малая родина», «дом», «семья»; культурно-эстетическую составляющую раскрывают семантические доминанты: «красивый», «культурный», «современный». Представляется целесообразным выделить также размерно-демографическую составляющую образа города Воронежа, которую раскрывают семантические доминанты «большой», «миллионный» и «город-миллионник».

Библиографический список

21. Меднис Н.Е. Сверхтексты в русской литературе: учебное пособие. Новосибирск : НГПУ, 2003. 170 с.

22. Шурупова О.С. Провинция в русской и английской литературе (городские сверхтексты). Тамбов: Бизнес – Наука – Общество, 2014. 179 с.

23. Анциферов Н.П. Непостижимый город. Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина / Сост. М.Б. Вербловская / Н.П. Анциферов. Санкт-Петербург : Лениздат, 1991. 335 с.

24. Храпова В.А. Региональный текст в современной социокультурной динамике / В.А. Храпова, И.В. Карандашов // Logos et Praxis. 2018. №4. С. 125-131.

25. Храпова В.А. Региональный текст как фактор организации современного социального пространства / В.А. Храпова // Logos et Praxis. 2019. №4. С. 102-107.

26. Makhaev M.R., Sternin I.A. Regional speciality of toponym semantics : Psycholinguistic Study. Conference : SCTCGM 2018 – Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism. Grozny, The Future Academy, 2019. Pp. 1007-1014.

27. Махаев М.Р., Стернин И.А. Психолингвистическое дифференциальное описание семантики лексических единиц // Вестник Академии наук Чеченской республики. 2020. № 4(51). С. 114–120.

28. Фаткуллина Ф.Г. Топонимы как компонент языковой картины мира // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=18126 (дата обращения: 01.03.2025).

29. Заварзина Г.А., Филатова М.И. Система семантических доминант образа города Воронежа в «воронежском тексте» // Гуманитарные науки и образование. Т. 15, № 3 (59).

References

1. Mednis N.E. Supertexts in Russian Literature. Novosibirsk, NGPU Publ., 2003. 170 p.

2. Shurupova O.S. Province in Russian and English Literature (Urban Supertexts). Tambov, Business – Science – Obshchestvo Publ., 2014. 179 p.

3. Ancyferov N.P. The Incomprehensible City. The Soul of St. Petersburg. Dostoevsky's Petersburg. Pushkin's Petersburg / Comp. M.B. Verblovskaya / N.P. Antsiferov. St. Petersburg, Lenizdat, 1991. 335 p.

4. Khrapova V.A. Regional Text in Modern Socio-cultural Dynamics / V.A. Khrapova, I.V. Karandashov // Logos et Praxis. 2018. No. 4. Pp. 125-131.

5. Khrapova V.A. Regional Text as a Factor in the Organization of Modern Social Space / V.A. Khrapova // Logos et Praxis. 2019. No. 4. Pp. 102-107.

6. Makhaev M.R., Sternin I.A. Regional speciality of toponym semantics : Psycholinguistic Study. Conference : SCTCGM 2018 – Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism. Grozny, The Future Academy, 2019. Pp. 1007-1014.

7. Makhaev M.R., Sternin I.A. Psycholinguistic Differential Descriptions of the Semantics of Lexical Units. Vestnik Akademii nauk Chechenskoy respubliki. 2020. No. 4(51). Pp. 114-120.

8. Fatkullina F.G. Toponyms as a Component of the Linguistic Picture of the World // Modern problems of science and education. 2015. No. 1-1. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=18126 (access date: 03.01.2025).

9. Zavarzina G.A., Filatova M.I. The system of semantic dominants of the image of the city of Voronezh in the Voronezh text // Humanities and Education. Vol. 15, No. 3 (59). Pp.138-143.

УДК 80
DOI 10.36622/2587-9510.2025.57.2.015

Воронежский государственный технический университет
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и технологии перевода
Чечетка В.И.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-437-24-44
e-mail: chechetkavalentina@yandex.ru

Voronezh State Technical University
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Translation Technology
Chechetka V.I.
Russia, Voronezh, tel. +7-920-437-24-44
e-mail: chechetkavalentina@yandex.ru

старший преподаватель кафедры иностранных языков и технологии перевода
Рыжков О.И.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-411-55-00
e-mail: olegryzh@mail.ru

Senior teacher of the Department of Foreign Languages and Translation Technology
Ryzhkov O.I.
Russia, Voronezh, tel. +7-920-411-55-00
e-mail: olegryzh@mail.ru

В.И. Чечетка, О.И. Рыжков

ФЕНОМЕН *ARBEITSWUT* (ЧРЕЗМЕРНОЕ УСЕРДИЕ В РАБОТЕ) В НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ: СТЕРЕОТИП ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Статья посвящена исследованию феномена *Arbeitswut* или «рабочей ярости» в немецкой лингвокультуре. Arbeitswut часто используется для описания чрезмерной преданности работе, трудоголизма и даже фанатизма, особенно в контексте немецкой культуры. В статье рассматривается история возникновения этого стереотипа, философские аспекты его проявления в исторической и современной Германии, а также анализируется, является ли Arbeitswut скорее стереотипом или отражением культурной реальности. Данное исследование раскрывает культурно-исторические корни немецкого отношения к труду, его религиозные основания и философскую двойственность. Культурный аспект реализации феномена *Arbeitswut* позволяет судить о специфике немецкой картины мира, которая заключается в том, что немец стремится соответствовать некоторому стандарту, для него важна мотивированность труда, качество работы и стремление к достижению поставленной цели. Изучение словообразовательного аспекта слова *Arbeitswut* позволяет выявить ряд характеристик феномена *Arbeitswut* в немецком языке. Выделенные характеристики указывают на наличие не только социального, культурного и экономического, но также психологического и физиологического аспектов его реализации. Методология анализа включает культурологический и герменевтический подходы. В статье проанализированы взаимодействия элементов культуры: традиции, нормы и ценности, обычаи, социальные институты, культурные коды, технологии, идеология и т.д., а также символически-знаковая концепция культуры немцев. Результаты исследования демонстрируют связь между протестантской этикой и формированием специфического немецкого отношения к труду, а также указывают на сохраняющуюся актуальность данной проблематики в контексте современных социально-экономических трансформаций.

Ключевые слова: лингвокультурный феномен – *Arbeitswut*, трудоголизм, стереотипы, рабочая этика, философия труда, фанатизм.

V.I. Chechetka, O.I. Ryzhkov

THE PHENOMENON OF *ARBEITSWUT* (EXCESSIVE DILIGENCE IN WORK) IN GERMAN LINGUOCULTURE: STEREOTYPE OR REALITY?

The article is devoted to the study of the phenomenon of Arbeitswut or "working rage" in German linguoculture. Arbeitswut is often used to describe excessive dedication to work, workaholism, and even fanaticism, especially in the context of German culture. The article examines the history of this stereotype, the philosophical aspects of its manifestation in historical and modern Germany, and analyzes whether Arbeitswut is more of a stereotype or a reflection of

© Чечетка В.И., Рыжков О.И., 2025

cultural reality. This study reveals the cultural and historical roots of the German attitude to work, its religious foundations and philosophical duality. The cultural aspect of the Arbeitswut phenomenon allows us to judge the specifics of the German worldview, which consists in the fact that the German strives to meet a certain standard, motivation of work, quality of work and the desire to achieve the goal are important to him. The study of the word-formation aspect of the word Arbeitswut allows us to identify a number of characteristics of the phenomenon of Arbeitswut in the German language. The highlighted characteristics indicate the presence of not only social, cultural and economic, but also psychological and physiological aspects of its implementation. The methodology of the analysis includes culturological and hermeneutic approaches. The article analyzes the interactions of cultural elements: traditions, norms and values, customs, social institutions, cultural codes, technologies, ideology, etc., as well as the symbolic and iconic concept of German culture. The results of the study demonstrate the connection between Protestant ethics and the formation of a specific German attitude to work, and also indicate the continuing relevance of this issue in the context of modern socio-economic transformations.

Key words: linguistic and cultural phenomenon – *Arbeitswut*, workaholism, stereotypes, work ethics, work philosophy, fanaticism.

Отношение к труду является одним из ключевых аспектов культурной идентичности и во многом определяет как экономические модели общества, так и индивидуальные жизненные стратегии его членов. Анализ специфических культурных парадигм труда представляет значительный интерес в контексте глобализации и межкультурной коммуникации.

Методологической базой исследования является культурологический, герменевтический и компаративный подходы. Культурологический подход позволяет рассматривать отношение к труду как культурный феномен, герменевтический – интерпретировать многослойный текст с учетом исторического и культурного контекста, компаративный – проводить сравнительный анализ различных культурных моделей восприятия труда.

Стереотип о немецком трудолюбии и даже склонности к чрезмерному усердию в работе (*Arbeitswut*) имеет давние корни, уходящие к формированию национального характера и экономических успехов Германии. Еще в XIX веке, в период индустриализации, немецкая эффективность и организованность стали предметом как восхищения, так и критики. Успехи германской экономики, науки и техники часто связывались с особым отношением к труду, который воспринимался не просто как средство заработка, а как моральный долг и путь к самореализации.

Влияние протестантской этики, особенно кальвинизма, на формирование немецкой культуры труда также нельзя недооценивать. Макс Вебер в своей классической работе «Протестантская этика и дух капитализма» [1] подчеркивал роль протестантской, в частности, кальвинистской этики в развитии капитализма. Согласно Веберу, кальвинизм с его идеями предопределения и мирской аскезы способствовал формированию особого отношения к труду как к призванию (профессии – *Beruf*), успеху, в котором видели признак Божьей благодати. Хотя Вебер писал о протестантской этике в целом, его идеи часто применяются к анализу немецкой трудовой этики, поскольку протестантизм исторически играл важную роль в Германии.

Стереотип *Arbeitswut*, вероятно, кристаллизовался в XX веке, особенно в период «экономического чуда» после Второй мировой войны. Быстрое восстановление и экономический рост Западной Германии часто приписывали исключительному трудолюбию немцев, их способности к самодисциплине и готовности жертвовать личным временем ради работы. Этот образ трудолюбивого немца, восстанавливающего страну из руин, стал частью национального самосознания и одновременно объектом внешних стереотипов.

Философские корни концепции труда (*Arbeitswut*) можно найти в немецком идеализме и самой философии труда. Идеи Иммануила Канта о долге и моральном императиве [2], а также гегелевская концепция труда как средства самореализации и прогресса [3], оказали влияние на формирование отношения к труду в немецкой культуре. В немецкой философии труд часто рассматривался не только как экономическая необходимость, но и как важная сфера нравственного и духовного развития человека.

В рамках экзистенциальной философии, трудовая деятельность может рассматриваться как способ обретения смысла в жизни и преодоления экзистенциальной тревоги. Работа, особенно если она сопряжена с достижениями и признанием, может дать человеку ощущение

цели и значимости. В контексте *Arbeitswut* это философское обоснование может превратиться и в патологическую форму (W*orkaholism*), когда работа становится единственным источником самоуважения и самоценности, а отсутствие работы воспринимается как личностный крах.

Однако важно отметить, что немецкая философская традиция также содержит критику чрезмерного усердия в работе. Фридрих Ницше, например, критиковал «культ работы» и предупреждал об опасности превращения человека в «рабочую пчелу», теряющую свою индивидуальность и способность к творчеству [4]. Ницше призывал к переоценке ценностей и освобождению от морали трудолюбия, которая, по его мнению, подавляла жизненную силу и индивидуальность.

Следует подчеркнуть, что чрезмерное рвение в работе проявлялось у немцев еще в древности. Поиск явных примеров «Arbeitswut» у германских племен или в средневековой Германии может быть затруднительным, поскольку само понятие и стереотип сформировались позднее. Но мы можем найти косвенные свидетельства ценности труда и усердия в исторических источниках. Например, в германской мифологии и эпосе воспеваются героические подвиги и военные достижения, требующие дисциплины и настойчивости [5, 6]. Хотя это не прямо связано с работой в современном понимании, что указывает на ценность упорства и целеустремленности в германской культуре с давних времен. Средневековые монастыри, особенно бенедиктинские, с их строгим распорядком дня и акцентом на физический и интеллектуальный труд, могут рассматриваться как ранние примеры культуры трудолюбия в германском контексте. Монашеский принцип «*Ora et labora»* (*молись и трудись*) подчеркивал важность как духовной, так и физической деятельности. В период Ганзейского союза и развития городов в средневековой Германии торговля и ремесла требовали организации, пунктуальности и трудолюбия. Гильдии ремесленников и торговые объединения способствовали формированию культуры ответственности и качества в работе, хотя это не был трудоголизм в патологическом смысле, но свидетельствовало о высокой ценности труда и профессионализма.

Если рассмотреть данное явление в лингвистическом аспекте, то обращение к этимологическим словарям немецкого языка показало, что исследуемый феномен *Arbeitswut* носит скорее мелиоративный характер. Ср.: *Arbeitseifer (=Ehrgeiz), Ehrsucht (=Ehrgeiz), Beflissenheit (=Ehrgeiz), Arbeitswut (=Ehrgeiz), Ehrbegierde (=Ehrgeiz), Ehrbegier (=Ehrgeiz), Ruhmbegierde (=Ehrgeiz), Eifrigkeit (=Ehrgeiz)* [7]. На русский язык данные лексемы можно перевести как *трудолюбие (=честолюбие), честолюбие, уравновешенность (=честолюбие), жажда славы (=честолюбие), рвение (=честолюбие).* Даже если первоначально данное понятие трактовалось как тягостный труд, усилие, бремя. В средневерхненемецком слово сохранило за собой данные значения, вплоть до нововерхненемецкого. Лексема также сохраняла эти значения и впервые была оценена с положительной стороны Мартином Лютером, дефинируясь как *целенаправленное занятие и профессиональная деятельность человека*. Однако в современных словарях намечается тенденция возвращения к начальному значению лексемы: *яростный труд*.

Небезынтересно отметить, что и сегодня присутствует фанатизм в работе немцев. В современной Германии стереотип *Arbeitswut* продолжает существовать, хотя его проявления могут быть менее очевидными и более нюансированными. Германия по-прежнему известна своей высокой производительностью и качеством продукции. Немецкая экономика остается одной из крупнейших в мире, и это часто связывают с трудолюбием немецких рабочих и инженеров.

Однако, современные исследования трудовых отношений в Германии показывают, что ситуация более сложная, чем простой стереотип труда (*Arbeitswut*). В Германии сильны позиции профсоюзов, существует развитое трудовое законодательство, которое защищает права работников, включая ограничения рабочего времени и право на отпуск. В последние годы в Германии растет интерес к концепции «*work-life balance» (баланс между трудом и отдыхом*) и стремление к более здоровому соотношению между работой и личной жизнью.

Чрезмерное рвение в работе может разъедать душу, отмечают исследователи [8]. То же самое может быть и с рабочей яростью: в здоровой дозе мы достигаем большего и приближаемся к нашим целям. Но тот, кто переусердствует, наносит вред своему здоровью и легко впадает в трудовую зависимость и трудоголизм. Рабочая ярость – *Arbeitswut* – это сильное внутреннее побуждение работать и добиваться цели, что не имеет ничего общего с гневом или раздражением. Скорее, рабочая ярость – это состояние чрезмерной мотивации в сочетании с амбициями, энергией и сильным стремлением к достижению.

Как показывает проведенный анализ, разница между трудовой яростью и трудовой зависимостью (*трудоголизм*) заключается в следующем: в то время как за трудовой зависимостью стоит болезненное принуждение или навязчивая идея, рабочая ярость носит более избирательный и, как правило, временный характер.

Например, люди могут испытывать сильную рабочую ярость, когда дело касается их проекта, когда они хотят его, наконец, завершить. Но тот, кто хочет работать в одной области, не обязательно должен переносить это усердие на другие сферы. Заинтересованные люди могут быть чрезвычайно увлечены и амбициозны в одном вопросе и могут быть небрежными или ленивыми в других. Начинающаяся рабочая ярость обычно проявляется в высокой мотивации и непоколебимой воле или желании создать как можно больше за короткий промежуток времени. Вначале мы по-настоящему увлечены проектом, с головой погружены в работу и не чувствуем никакой усталости. Многие изначально испытывают мощный мотивационный импульс и с головой погружаются в соответствующий проект. Конечно, обладая большим творческим потенциалом, можно быстро достичь первых успехов. В этом случае рабочая ярость может произвести впечатление на посторонних или коллег, но у нее есть и обратная сторона: она может как бы «высасывать» энергию из нас. Т.е. вначале мы выкладываемся, может быть, на 120 процентов и многое делаем. Но в какой-то момент рвение к работе показывает свои последствия: истощение, головные боли, проблемы со сном и пренебрежение социальными контактами. И тогда к этому обычно добавляется разочарование, потому что производительность падает ниже среднего. Вместо того, чтобы делать больше, мы теперь создаем гораздо меньше. Следовательно, рабочая суета может снизить производительность труда и повлиять на успех в долгосрочной перспективе.

В обычной ситуации рабочая ярость – это хорошо, в том числе и для карьеры. Но если появляется ощущение, что перешли здоровые границы и, возможно, уже попадаете в зависимость от работы, то следует принять контрмеры, чтобы не стать трудоголиком (*Workaholik*).

Тем не менее, в некоторых сферах, особенно на руководящих должностях и в конкурентных отраслях, проявления чрезмерного усердия в работе могут сохраняться. Культура присутствия на рабочем месте (*Anwesenheitskultur*), когда важно не только выполнять работу, но и демонстрировать постоянное присутствие в офисе, может способствовать переработкам и даже стрессу. Также страх потерять работу в условиях экономической нестабильности может побуждать работников брать на себя больше обязанностей и работать сверхурочно.

Итак, является ли *Arbeitswut* стереотипом или действительностью? Вероятно, как и многие стереотипы, он содержит в себе зерно правды, но в значительной степени является упрощением и обобщением. Несомненно, трудолюбие и ответственность являются важными ценностями в немецкой культуре, исторически и сегодня. Экономические успехи Германии во многом обусловлены высокой производительностью и качеством работы немецких специалистов. Однако называть это *"Arbeitswut" (рабочий фанатизм)* в патологическом смысле было бы преувеличением. Современная Германия – это общество, где ценятся не только работа, но и отдых, семья, личная свобода. Трудовое законодательство и общественное мнение все больше ориентируются на баланс между работой и личной жизнью. Стереотип *Arbeitswut* может быть полезен как культурный маркер, подчеркивающий важность трудолюбия в немецкой культуре, но не следует воспринимать его как исчерпывающее описание реальности.

В заключение подчеркнем, что феномен *Arbeitswut* в немецкой лингвокультуре является сложным и многоаспектным явлением. Стереотип о немецком трудоголизме имеет ис-

торические корни и философские обоснования, но современная реальность более нюансирована. Трудолюбие и ответственность остаются важными ценностями, но в современной Германии растет понимание необходимости баланса между работой и личной жизнью. *Arbeitswut*, в патологическом смысле, вероятно, скорее стереотип, чем повсеместная действительность, хотя в отдельных сферах и ситуациях все еще могут встречаться проявления чрезмерного усердия в работе.

Библиографический список

1. Weber, Max. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism (First ed.). Kalberg, Stephen (ed.). Abingdon-on-Thames: Routledge. New York, 2013. 95 p. ISBN 1-57958-338-5 doi:10.4324/9781315063645

2. Kant, I. Critique of Pure Reason. Cambridge University Press, 1998. 785 p. ISBN 0521657296

3. Hegel, G. W. F. The Phenomenology of Spirit. New York: Cambridge University Press, 2017. 539 p. DOI: 10.1017/9781139050494

4. Zittel, C. Wer also erzählt Nietzsches Zarathustra? Deutsche Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte 95. 2021. S. 327-351. https://doi.org/10.1007/s41245-021-00132-8

5. Фомина З.Е., Чечетка В.И. Концепты «Мужчина» и «женщина» в древнегерманской картине мире [текст]: монография / З.Е.Фомина, В.И. Чечетка. Воронеж: ВГПУ, 2009. 192 с.

6. Чечетка В.И. Феномен «S*eele – Geist (душа – дух)»* в лингвокультуре Германии/ В.И. Чечетка, Л. В. Лукина// Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы I Всероссийской научно-практической конференции. [Электронный ресурс] / Отв. ред. С. А. Скуридина. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С. 102 - 106.

7. Etymologische Wörterbuch des Deutschen (DWDS). URL: https://www.dwds.de/d/wb-etymwb (дата обращения 10.03.2025)

8. Dorn Th., Wagner R. Die deutsche Seele. (hrsg. von Albrecht Knaus Verlag) München. 2011. URL: https://www.bic-media.com/mobile/mobileWidget-jqm1.4.html?bgcolor=E9E8E8&showExtraDownloadButton=yes&isbn=9783641068141&buttonOrder=ebook-book-audio-vid-eo&https=yes&socialSelfBackLink=yes&iconType=BICgrey&iconTypeSecondary=BICgrey&lang=de&fullscreen=yes&jump2=0&flipBook=no&openFSIPN=yes&resizable=yes&template=rhservice&buyUrl=https://www.penguinrandomhouse.de/watchlist/add/386209.rhd (дата обращения 14.12.2024)

References

1. Weber, Max. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism (First ed.). Kalberg, Stephen (ed.). Abingdon-on-Thames: Routledge. New York, 2013. 95 rub. ISBN 1-57958-338-5 doi:10.4324/9781315063645

2. Kant, I. Critique of Pure Reason. Cambridge University Press, 1998. 785 p. ISBN 0521657296

3. Hegel, G. W. F. The Phenomenology of Spirit. New York: Cambridge University Press, 2017. 539 p. DOI: 10.1017/9781139050494

4. Zittel, C. Wer also erzählt Nietzsches Zarathustra? Germanic Literary Studies Journal 95. 2021. pp. 327-351. https://doi.org/10.1007/s41245-021-00132-8

5. Fomina Z.E., Chechetka V.I. The concepts of "Man" and "Woman" in the ancient Germanic picture of the world [text]: monograph / Z.E.Fomina, V.I. Chechetka. Voronezh: VSPU, 2009. 192 p.

6. Chechetka V.I. The phenomenon of "Seele - Geist (soul - spirit)" in the linguoculture of Germany / V.I. Chechetka, L.V. Lukina // Spirit, soul and body in world culture: materials of the I All-Russian scientific and practical conference. [Electronic resource] / Ed. S. A. Skuridina. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. pp. 102 - 106.

7. Etymologische Wörterbuch des Deutschen (DWDS). URL: https://www.dwds.de/d/wb-etymwb (accessed 10.03.2025)

8. Dorn Th., Wagner R. Die deutsche Seele. (hrsg. von Albrecht Knaus Verlag) Munich. 2011. URL: https://www.bic-media.com/mobile/mobileWidget-jqm1.4.html?bgcolor=E9E8E8&showExtraDownloadButton=yes&isbn=9783641068141&buttonOrder=ebook-book-audio-video&https=yes&socialSelfBackLink=yes&iconType=BICgrey&iconTypeSecondary=BICgrey&lang=de&fullscreen=yes&jump2=0&flipBook=no&openFSIPN=yes&resizable=yes&template=rhservice&buyUrl=https://www.penguinrandomhouse.de/watchlist/add/386209.rhd (accessed 14.12.2024)

УДК 81'23
DOI 10.36622/2587-9510.2025.57.2.016

Воронежский государственный педагогический университет
кандидат филологических наук, ассистент кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы
Молчанова В.А.
Россия, г. Воронеж, тел.: +7 950-777-55-47
e-mail: zva0604@yandex.ru

Voronezh State Pedagogical University
Candidate of Philological Sciences, Assistant at the Department of Theory, History and Methods of Teaching Russian Language and Literature
Molchanova V.A.
Russia, Voronezh, tel.: +7 950-777-55-47
e-mail: zva0604@yandex.ru

студент 4 курса гуманитарного факультета
Алавердян А.Б.
Россия, г. Воронеж, тел.: +7 980-935-72-76
e-mail: ariannaalaverdan3@gmail.com

4th-year student of the Faculty ofHumanities
Alaverdyan A.B.
Russia, Voronezh, tel.:+7 980-935-72-76
e-mail: ariannaalaverdan3@gmail.com

В.А. Молчанова, А.Б. Алавердян

ОБРАЗ ВГПУ: ЯЗЫКОВОЙ АНАЛИЗ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА И НЕЙРОСЕТЕВОГО АНАЛИЗА

Данная статья посвящена сопоставительному анализу ассоциативных данных, полученных при восприятии аббревиатуры ВГПУ человеком и нейросетью. В результате опроса 350 студентов, обучающихся в ВГПУ на 1-5 курсах различных профилей подготовки, и рассмотрения 13 популярных нейросетевых моделей было выявлено 658 ассоциаций, объединенных на основании категориального признака в семантические группы. Ассоциации были сгруппированы по признакам эмоционально-волевого восприятия, функциональности, качеству, эстетическим характеристикам, образовательной направленности, цвету, социальным и культурным характеристикам, эмоциональной и нравственной оценки. Сгенерированные нейросетевыми моделями ассоциации вошли в семантические группы, объединенные по признакам образовательной направленности, значимости в контексте образования и культуры, уровню инновационности, региональной принадлежности. Материалы, полученные в результате проведенного языкового анализа, позволили сделать вывод о наличии в структуре полученных ассоциаций значимых и узнаваемых признаков, которые одинаково воспринимаются как человеком, так и искусственным интеллектом. Было установлено, что ассоциативные данные, предоставленные студентами, в большинстве случаев основываются на личном и эмоциональном опыте взаимодействия с различными сторонами жизни ВГПУ, в то время как данные искусственного интеллекта опираются преимущественно на статистическую информацию и частотность связи значимых для исследования слов.

Ключевые слова: языковое сознание, психолингвистический эксперимент, ассоциация, искусственный интеллект, ВГПУ.

V.A. Molchanova, A.B. Alaverdyan

THE IMAGE OF VSPU: LINGUISTIC ANALYSIS BASED ON ASSOCIATIVE EXPERIMENT DATA AND NEURAL NETWORK ANALYSIS

This article presents a comparative analysis of associative data obtained from human and neural network perceptions of the abbreviation VSPU. A survey of 350 students enrolled in years 1-5 at VSPU across various academic disciplines, along with an examination of 13 popular neural network models, revealed 258 associations. These were categorized into semantic groups based on shared categorical features. The associations were grouped according to emotional-volitional perception, functionality, quality, aesthetic characteristics, educational orientation, color, social and cultural attributes, as well as emotional and ethical evaluations. The associations generated by neural network models were clas-

© Молчанова В.А., Алавердян А.Б., 2025

sified into semantic groups based on educational focus, significance in the context of education and culture, level of innovativeness, and regional affiliation. The findings from this linguistic analysis indicate the presence of meaningful and recognizable features in the obtained associations, which are similarly perceived by both humans and artificial intelligence. It was determined that the associative data provided by students predominantly stem from personal and emotional experiences related to various aspects of life at VSPU. In contrast, the artificial intelligence data primarily relies on statistical information and the frequency of word co-occurrences relevant to the study.

Key words: linguistic consciousness, psycholinguistic experiment, association, artificial intelligence, VSPU.

Как известно, языковое сознание представляет собой когнитивно-лингвистический феномен, в котором отражается индивидуальный и коллективный опыт носителей языка; это «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов, ассоциативных полей» [1; с. 36]. Современные исследования в области психолингвистики показывают, что ассоциации, возникающие при восприятии слова, зависят от множества факторов: социального окружения респондентов, уровня образования, личного опыта и др. Однако важно помнить, что при формировании ассоциаций отражается «не весь опыт во всём его богатстве, а его эмоционально-личностный аспект» [2; с. 70].

Изучению языкового сознания как сложного психолингвистического феномена посвящены работы таких отечественных и зарубежных исследователей, как Ю.Н. Караулов, В.В. Красных, А.А. Леонтьев, Е.Ф. Тарасов, Т.Н. Ушакова, Л.В. Щерба, А.А. Яковлев, Дж. Брунер, Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Э. Серпир и Б. Уорф, Д. Слобин и др. Значительный вклад в развитие теории языкового сознания, разработав методологические и теоретические основания его изучения, внесла Н.В. Уфимцева [3]. И.А. Стернин уделял особое внимание исследованию значений слов в сознании носителей языка. Им были разработаны методики изучения лексического значения как элемента языкового сознания, а также созданы психолингвистические словари, отражающие представления носителей языка о значении тех или иных лексем [4]. Н.Ф. Алефиренко в своих трудах рассматривает вопросы языкового мышления, уделяя внимание специфике познавательной деятельности, реализуемой в языковом сознании [5].

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью осмысления изменений в структуре языкового сознания, происходящих в условиях цифровизации и активного внедрения технологий искусственного интеллекта в гуманитарную сферу. Особую значимость представляет изучение ассоциативных связей, формирующихся вокруг образа конкретного вуза, поскольку они отражают не только индивидуальный лингвистический и эмоциональный опыт, но и коллективное представление о ценностях и роли университета в образовательном пространстве [6; с. 49].

В рамках исследования был проведен психолингвистический эксперимент, в котором приняли участие 350 студентов ВГПУ, обучающихся на 1-5 курсах по следующим направлениям: «Русский язык», «Литература»; «История», «Обществознание»; «История», «Воспитательная работа»; «История», «Право»; «Английский язык», «Немецкий язык»; «Английский язык», «Дошкольное образование»; «Физическая культура»; «География», «Экономика». Также в ходе исследования были запрошены ассоциативные данные у 13 различных нейросетевых моделей, генерирующих текст на основе обработки естественного языка (напр., ChatGPT, Claude, Deepseek, Mistral и др.). В ходе эксперимента респондентам (как студентам, так и нейросетям) предлагалось написать три имени прилагательных, которые первыми приходят в голову при упоминании аббревиатуры «ВГПУ». Всего было получено 658 ассоциаций: 617 предложили студенты, 41 сгенерировали нейросети. Некоторые ассоциации были исключены из материалов исследования, поскольку были представлены другими частями речи.

Ассоциации, предложенные студентами, были распределены на основании категориального признака по следующим семантическим группам: по признаку эмоционально-волевого восприятия, по признаку функциональности, по качественному признаку, по при-

знаку эстетических характеристик, по признаку образовательной направленности, по цветовому признаку, по признаку социальных и культурных характеристик, по признаку эмоциональной и нравственной оценки.

1. По признаку эмоционально-волевого восприятия:*родной (60), уютный (32), весёлый (32), любимый (28), комфортный (16), лучший (12), приятный (12), строгий (12), доступный (12), странный (6), хороший (6), атмосферный (6), дружелюбный (6), тёплый (6), семейный (6), крутой (6), дружный (6), славный (1), забавный (1), домашний (1), тихий (1), знакомый (1), спонтанный (1), громкий (1), незабываемый (1), настоящий (1),позитивный (1), добрый (1), трудный (1), сложный (1), долгий (1), нервный (1), противоречивый (1), простой (1), тяжёлый (1), грузный (1), изнурительный (1), понятный (1), прекрасный (1).*

Высокая частотность ассоциаций, выраженных прилагательными *«родной», «уютный», «любимый»*, указывает на эмоциональную привязанность студентов к университету. Кроме того, такие лексемы, как *«дружелюбный», «семейный» и «тёплый»*, демонстрируют восприятие университета как комфортного и поддерживающего сообщества. В то же время студенты контрастно характеризуют университет как *«строгий», «доступный», «трудный»* и *«понятный»*, что указывает на вариативность сущности получаемого ими опыта в процессе обучения. Такие определения, как *«изнурительный»* и *«грузный»*, свидетельствуют о значительной учебной нагрузке, которую получают некоторые из опрошенных респондентов.

2. По признаку функциональности: *интересный (64), активный (20), познавательный (8), творческий (8), развитый (2), информативный (1), многосторонний (1), полезный (1).*

Употребление слов *«интересный», «активный», «творческий»* демонстрирует наличие различных направлений культурно-массовой работы, в которых студенты принимают участие в свободное время.

3. По качественному признаку: *большой (52), старый (28), современный (12), необычный (12),огромный (1), высокий (1), новый (1).*

Частотность прилагательного *«большой»* свидетельствует о восприятии университета как значимого пространства (не только значимого, а выделяющегося из окружающего пространства по своим размерам), а противопоставление *«старый»* и *«современный»* – о сочетании традиций и элементов модернизации.

4. По признаку эстетических характеристик: *красивый (64), исторический (3), архитектурный (1), сказочный (1).*

Определение *«красивый»* доминирует среди эстетических оценок, что свидетельствует о важности визуального восприятия при формировании образа ВГПУ. Лексемы *«архитектурный», «исторический»* и *«сказочный»* подчеркивают визуально-культурную значимость университета.

5. По признаку образовательной направленности: *учебный (16), педагогический (12), научный (8), умный (8), гуманитарный (8), образовательный (4), классический (2), базовый (1), географический (1).*

Ассоциации *«учебный», «научный», «гуманитарный», «образовательный»* отражают когнитивную составляющую в восприятии университета. Они указывают на значимую роль учреждения в интеллектуальном развитии студентов и формировании профессиональных компетенций.

6. По цветовому признаку:*жёлтый (44), синий (4), оранжевый (3), яркий (2).*

Цветовые ассоциации, представленные в ответах студентов («жёлтый», «синий», «оранжевый»), тесно связаны с визуальной репрезентацией ВГПУ и отражают особенности его пространственной организации. Жёлтый цвет ассоциируется с внешним обликом учебных корпусов, выполненных в характерной цветовой гамме. Синий цвет выступает важным элементом фирменного стиля ВГПУ, присутствует в официальной символике, на сайте, в оформлении документов и атрибутики, что закрепляет его как значимую часть визуальной идентичности вуза. Оранжевый, в свою очередь, ассоциируется с гуманитарным факульте-

том, где активно используется в оформлении, становясь цветовым маркером принадлежности к определённому направлению академического сообщества.

7. По признаку социальных и культурных характеристик: *популярный (8), государственный (8), Великий (3), советский (2), русский (1), Воронежский (1), официальный (1).*

Лексемы *«государственный», «популярный», «официальный»* обозначают социальный статус университета. Определения *«советский», «великий», «русский», «Воронежский»* демонстрируют историческую и культурную преемственность между университетом и ранее – институтом.

8. По признаку эмоциональной и нравственной оценки: *важный (12), печальный (1), задумчивый (1), серьёзный (1), достойный (1), живой (1).*

Слова *«важный», «серьёзный», «достойный»* подчеркивают значимость университета в жизни студентов, тогда как *«печальный» и «задумчивый»* могут свидетельствовать о личных переживаниях, связанных с обучением. Ассоциации *«живой», «прекрасный», «добрый»* демонстрируют положительную эмоциональную оценку ВГПУ респондентами.

На основании проведенного анализа было установлено, что основным критерием категоризации ассоциаций студентов является эмоционально-волевое восприятие (см. Рис. 1). Это подтверждается преимущественным использованием лексики, связанной с личным опытом студентов, аспектами учебной деятельности, социальными взаимодействиями (например, «*родной», «уютный», «веселый», «любимый», «комфортный»* и др.).Анализ фактического материала показал, что ВГПУ в жизни обучающихся является не просто образовательным учреждением, но и значимым пространством социальной и культурной адаптации.

Рис. 1. Семантические группы ассоциаций, предложенных студентами

Для формирования датасета ассоциаций, полученных на основе данных искусственного интеллекта, использовались 13 различных языковых моделей, каждой из которых была предложена задача с идентичной формулировкой: *«Напиши, пожалуйста, какие ассоциации (три прилагательных) возникают конкретно у тебя с Воронежским государственным педагогическим университетом»*. Полученные ответы были распределены по семантическим группам на основании следующих категориальных признаков: образовательной направленности; значимости в контексте образования и культуры; уровню инновационности; региональной принадлежности.

Как известно, искусственный интеллект формирует ассоциации на основе анализа большого объема текстовых данных, выявляя наиболее частотные связи статистически значимых слов [7; с. 35]. То есть искусственный интеллект опирается на шаблоны, характерные для контекстов, в которых эти слова встречаются, а не личный опыт или субъективные переживания, влияющие на формирование ассоциативного ряда у человека[8].

Данные проведенного эксперимента показали, что при формировании ассоциаций нейросеть использует общие понятия, соотносящиеся со словом-стимулом, анализируя существующие контексты [9; с. 192].

1. По признаку образовательной направленности: *образовательный (7), профессиональный (4), педагогический (3), академический (2), академичный (1).*

Включение в ассоциативное поле таких слов, как «*образовательный», «профессиональный», «академический» и «академичный»*, отражает образовательную сущность ВГПУ как учебного заведения, ориентированного на подготовку высококвалифицированных специалистов.

2. По признаку значимости в контексте образования и культуры: *исторический (4), традиционный (3), престижный (2), культурный (2), классический (1), уважаемый (1).*

ВГПУ воспринимается нейросетями как важный элемент культурной и образовательной среды: слова *«традиционный», «престижный», «культурный», «исторический», «классический», «уважаемый»* подчеркивают значимость вуза не только как образовательного, но и культурного института с глубокой исторической основой.

3. По уровню инновационности: *инновационный (4), творческий (2), креативный (1).*

Определения *«инновационный», «творческий»* и *«креативный»* указывают на восприятие ВГПУ как учебного заведения, активно внедряющего инновации в образовательную деятельность и способствующего развитию студенческой креативности.

4. По признаку региональной принадлежности: *региональный (4).*

Ассоциация *«региональный»* является следствием контекстуальных связей, в которых ВГПУ рассматривается как одно из ключевых учебных заведений в Центрально-Черноземном регионе в целом и Воронежской области в частности[10].

Таким образом, анализ фактического материала показал, что в отличие от студентов, для которых ведущим фактором в формировании ассоциаций выступает эмоционально-волевое восприятие, искусственный интеллект, основываясь на обработке больших объёмов текстовых данных и выявлении статистических закономерностей, преимущественно предлагает ассоциации, соотносящие ВГПУ с его ролью в подготовке высококвалифицированных кадров (см. Рис.2). Среди наиболее частотных ассоциаций, предложенных нейросетью, встречаются «*профессиональный», «образовательный», «педагогический».*

Рис. 2. Семантические группы ассоциаций, предложенных нейросетями

Особое внимание следует обратить на то, что в языковом сознании как студентов, так и нейросетевых моделей существуют совпадающие ассоциации, среди которых встречаются такие определения, как *«образовательный», «творческий», «исторический», «педагогиче-*

ский», «классический». Указанные лексемы могут быть интерпретированы как отражение устойчивого семантического ядра, формирующегося в языковом сознании различных субъектов – как человека, обладающего личным и эмоциональным опытом взаимодействия с ВГПУ, так и искусственного интеллекта, опирающегося на статистически значимую репрезентацию языковых данных. Совпадение этих ассоциаций позволяет предположить, что некоторые характеристики университета закрепились как значимые и узнаваемые признаки, которые одинаково воспринимаются как людьми, так и искусственным интеллектом.

Библиографический список

1. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. 2004. №2. С. 34-47.
2. Яковлев А.А. К анализу содержания понятия «языковое сознание» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2020. №4(67). С. 69-73.
3. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011. 252 с.
4. Стернин И.А. Исследование значения как феномена языкового сознания. Алматы: Полилингва, 2018. 199 с.
5. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурная природа ментальности // Язык. Словесность. Культура. 2011. №1. С. 20-39.
6. Швецова В.М. Особенности когнитивной природы ассоциативных ресурсов с продуктивной текстовой реализацией // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. Вып. 13. С. 47-55.
7. Шарифи М.М. Искусственный интеллект и лингвистика: грани пересечения // Молодые голоса: сборник трудов молодых ученых. Екатеринбург: ООО Издательский Дом «Ажур», 2025. Вып. 13. С. 32-37.
8. Panchenko A., Ustalov D., Arefyev N., et al. Human and machine judgements for Russian semantic relatedness // Communications in Computer and Information Science. 2017. Vol. 661. P. 221-235.
9. Ушаков Д.В. Искусственный интеллект как инструмент психологического исследования // Сибирский психологический журнал. 2023. №90. С. 188-200.
10. Скуридина С.А., Гончарова М.А. Город Воронеж в восприятии современных жителей // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2019. №2 (33). С. 71-77.

References

1. Tarasov E.F. Linguistic consciousness // Issues of psycholinguistics. 2004. №2. Pp. 34-47.
2. Yakovlev A.A. On the analysis of the concept of "linguistic consciousness" // Bulletin of Tver State University. Series: Philology. 2020. №4(67). Pp. 69-73.
3. Ufimtseva N.V. Linguistic Consciousness: Dynamics and Variability. Moscow: Institute of Linguistics RAS, 2011. 252 p.
4. Sternin I.A. The Study of Meaning as a Phenomenon of Linguistic Consciousness. Almaty: Polilingva, 2018. 199 p.
5. Alefirenko N.F. The Linguocultural Nature of Mentality // Language. Literature. Culture. 2011. No. 1. Pp. 20-39.
6. Shvetsova V.M. Features of the cognitive nature of associative resources with productive textual realization // Scientific Bulletin of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2014. Iss. 13. Pp. 47-55.
7. Sharifi M.M. Artificial intelligence and linguistics: points of intersection // Young voices: collection of works by young scientists. Yekaterinburg: Azhur Publishing House LLC, 2025. Iss. 13. Pp. 32-37.

8. Panchenko A., Ustalov D., Arefyev N., et al. Human and machine judgements for Russian semantic relatedness // Communications in Computer and Information Science. 2017. Vol. 661. P. 221-235.

9. Ushakov D.V. Artificial intelligence as a tool for psychological research // Siberian Psychological Journal. 2023. №90. Pp. 188-200.

10. Skuridina S.A., Goncharova M.A. The city of Voronezh in the perception of modern residents // Current Issues of Modern Philology and Journalism. 2019. Vol. 2(33). Pp. 71-77.

УДК 811.161.1
DOI 10.36622/2587-9510.2025.57.2.017

Воронежский государственный технический университет
доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Ковалева Л.В.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: kafedra_rus@mail.ru

Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and cross-cultural communication
Doctor of Philology, full professor

Kovaleva L.V.
Russia, Voronezh,
e-mail: kafedra_rus@mail.ru

Л.В. Ковалева

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФРАЗЕОСОЧЕТАНИЙ, ОТРАЖАЮЩИХ ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ РОССИИ И ГЕРМАНИИ

В данной статье рассматривается ряд фразеологических сочетаний, в которых отражаются исторические события и обычаи прошлого, имевшие место в России и Германии. Во введении к исследованию излагаются основные положения лингвокультурологического и лингвострановедческого подхода к изучению языкового материала, который используется автором настоящей статьи. Благодаря новому лингвокультурологическому подходу к анализу лексических единиц можно более глубоко выявить разницу и общее в языках, в частности, в их фразеологическом составе. Утверждается, что история каждой страны по-своему уникальна, поэтому для определения национального своеобразия фразеологизмов необходимо знать особенности разных сторон жизни народа, которые нашли отражение в устойчивых словосочетаниях. В качестве конкретных примеров были рассмотрены фразеологизмы немецкого и русского языков на фоне исторического и культурного развития данных стран. В данном исследовании в ходе сопоставительного анализа фразеологических единиц русского и немецкого языков, отражающих историческое развитие России и Германии, нами было выявлено, что в данных семантических группах практически отсутствуют эквивалентные фразеологические единицы, а число частично эквивалентных фразеосочетаний в составе анализируемых языков крайне мало. Из этого можно заключить, что фразеосочетания данной тематико-этимологической группы имеют почти нулевую эквивалентность. Можно также заключить, что отсутствие эквивалентности в данной тематической группе объясняется тем, что эти фразеологические единицы отражают уникальные явления, традиции, факты и события, связанные с историческим прошлым как России, так и Германии.

Ключевые слова: фразеосочетания, история, лингвострановедение, сопоставительный анализ, эквивалентность, тематические группы.

L.V. Kovaleva

LINGUISTIC AND FOREIGN STUDIES ANALYSIS OF PHRASEOLOGICAL COMBINATIONS REFLECTING THE HISTORICAL PAST OF RUSSIA AND GERMANY

This article examines a number of phraseological units that reflect historical events and customs of the past that took place in Russia and Germany. The introduction to the study outlines the main provisions of the linguocultural and linguistic and foreign studies approach to the study of linguistic material used by the author of this article. Due to the new linguistic and cultural approach to the analysis of lexical units, it is possible to identify more deeply the differences and similarities in languages, in particular, in their phraseology. It is affirmed that the history of each country is unique in its own way, therefore, in order to determine the national identity of phraseological units, it is necessary to know the peculiarities of different aspects of the life of the people, which are reflected in idioms. The phraseological units of German and Russian were considered as specific examples on the background of the historical and cultural development of these countries. In this study, during the comparative analysis of phraseological units of the Russian and German languages, reflecting the historical development of Russia and Germany, it was revealed that there are practically no equivalent phraseologi-

© Ковалева Л.В., 2025

cal units in these semantic groups, and the number of partially equivalent phraseological units in the analyzed languages is extremely small. From this we can conclude that the phraseological units of this thematic and typological group have almost zero equivalence. It can also be concluded that the lack of equivalence in this thematic group is explained by the fact that these phraseological units reflect unique phenomena, traditions, facts and events related to the historical past of both Russia and Germany.

Key words: phraseological units, history, linguistic and foreign studies, comparative analysis, equivalence, thematic groups.

Лингвокультурология, возникшая на рубеже XX-XXI веков, является комплексной наукой, включающая в себя данные этнолингвистики, лингвопсихологии, социолингвистики, культурологии. Основы данной науки были заложены еще в XIX веке трудами немецкого ученого В. Гумбольдта и русского исследователя языка А.А. Потебни. В. Гумбольдт рассматривал язык с антропологичекой точки зрения, предполагая тесную связь языка, мышления и культуры. Он писал: «Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [1, с. 80]. А.А. Потебня связывал язык с мышлением и отмечал, что он заставляет людей-носителей определенной страны мыслить по-особенному. Таким образом, язык определяет и национальную картину мира. и характер говорящего на нем народа [2, с. 172].

Существенное значение для формирования лингвокультурологического научного направления имели работы отечественных лингвистов Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой и других. Очень ярко и наглядно проявляется связь языка с культурой в его фразеологическом составе, так как фразеологические единицы отражают длительный процесс исторического развития страны, передают из поколения в поколение культурные традиции, историю, национальный образ жизни народа.

В.Г. Гак отмечал, что образных употреблениях слов и во фразеологии «активизируются потенциальные семантические компоненты значения слова, отражающие... свойства, приписываемые ему в данном языковом коллективе» [3, с. 165].

В.Н. Телия отмечает, что культура – это «прежде всего процесс и продукт самопознания, нацеленного на установление факта идентичности субъекта культуры с тем, что выделено в этих процессах и продуктах как мерило собственно человеческого в деятельности. Языковое сознание также сопричастно мировоззрению, которое фиксируется в языке» [4, с. 15].

Данная статья является попыткой рассмотрения фразеологических сочетаний с точки зрения исторических событий или обычаев, к которым данные единицы восходят. Исследование фразеосочетаний, отражающих реалии, типичные для определенной страны и не свойственные другой лингвокультурной общности, требует особого подхода. История каждой страны по-своему уникальна, поэтому для определения национального своеобразия фразеологизмов необходимо знать особенности разных сторон жизни народа, говорящего на данном языке. Историческое прошлое страны, ее географическое положение, образ жизни, традиции – все это нашло отражение во фразеологических единицах. Лингвокультурологическое направление дает новый импульс для изучения своеобразия и общности языков разных стран и культур.

Фразеосочетания – универсальное явление, характерное для всех языков мира. Устойчивые словосочетания способствуют категоризации, концептуализации и объяснения картины мира, которая в каждой стране особенная. Американские исследователи Д. Лакофф и М. Джонсон считают, что устойчивые словосочетания пронизывают всю жизнь народа. Они пишут: «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по своей сути» [5, с. 387]. Сопоставление традиций и культур выявляет не только общее, универсальное, но и специфическое, национальное, самобытное, обусловленное различиями в истории развития народов. Особенно это отражено во фразеологическом богатстве языка. Устойчивые словосочетания, восходящие к каким-либо историческим событиям, получают широкое распространение в речи, используясь в обобщенно-переносном значении. Фра-

зеологические единицы данного типа характеризуются ярко выраженной национальной спецификой.

Рассмотрим фразеологические единицы, отражающие историческое прошлое Германии. Известно, что история Германии – это и нахождение под властью Римской империи, и оккупация наполеоновскими войсками, и освободительные войны XIX века, а также поражение в Первой мировой войне, Веймарская республика, Вторая мировая война, разделение на два государства и т.д. Многие исторические события нашли отражение в немецком языке, в частности, в его фразеологической системе.

Рассмотрим некоторые фразеосочетания данного типа.

Bis in die Puppen (gehen, schlafen) (букв. до кукол идти, в переносном значении – долго спать). В основе данного фразеологизма лежит образ статуй, которые находились на площади в берлинском зоопарке. Посетители зоопарка прозвали их куклами. Зоопарк находился далеко от центра города, поэтому немцы считали, что идти до кукол, то есть в зоопарк, очень далеко и долго. Поэтому фразеологизм получил значение «идти очень далеко» или «спать очень долго».

Sich die ersten Sporen verdienen (букв. заработать себе первые шпоры). Фразеологизм возник в эпоху Средневековья, когда молодые рыцари в знак своего достоинства носили золотые шпоры, которые необходимо было заслужить. Выражение обозначает «получение каких-либо заслуг».

Die Degen tragen (букв. носить шпагу) – данное устойчивое словосочетание означает принадлежность к дворянству. Только дворяне носили шпагу в ножнах, что указывало на человека привилегированного, знатного, смелого и образованного.

Er hat den Pulver nicht erfunden (букв. он даже пороха не изобрел). ФЕ характеризует неумного, недалекого человека.

Hochgehen wie eine Rakete (букв. подняться очень высоко, как ракета) – выйти из себя, разволноваться, рассердиться.

Einen Korb jemandem geben (букв. отдать кому-либо корзину). ФЕ означает «кому-либо отказать, получить отказ». Этот фразеологизм отражает древний обычай – отказ жениху. Жених получал из окна корзину с плохим дном, если девушка хотела выразить свое несогласие на его предложение.

Ging nach Kanossa (букв. идти в Каноссу) – словосочетание означает «унижаться перед кем-либо, капитулировать». Каносса – название средневекового замка в Италии, в который направлялся немецкий канцлер, чтобы испросить прощения у римского папы, отлучившего канцлера от церкви. Несколько дней он ходил в Каноссу и стоял перед воротами, прося прощения.

Der alte Schwede (букв. старый швед). ФЕ означает шутливое обращение – «дружище», «старый плут». Данное словосочетание восходит к истории окончания Тридцатилетней войны. Прусский курфюрст нанял в качестве инструкторов для солдат прусской армии шведских солдат, которые были очень опытными в тренировке бойцов и поэтому пользовались среди них популярностью и уважением.

Butter auf dem Kopfe haben (букв. иметь масло на голове) – фразеологизм, аналогичный русскому выражению «у него совесть нечиста» («рыльце в пуху») или «на воре шапка горит». Фразеологизм восходит к анекдотичной истории из крестьянской жизни. Молодой человек украл сливочное масло, которое крестьянка должна нести на рынок, и спрятал под шляпу. Но на солнце масло растаяло, и все увидели, кто украл масло.

Таким образом, проанализированные фразеологические единицы немецкого языка характеризуются ярко выраженной национальной спецификой, так как в их основе лежат факты из истории и быта страны и народа – носителя языка.

Рассмотрим теперь русские фразеосочетания, связанные с богатейшей историей нашей страны и ее традициями. Многие исторические явления в течение столетий фиксировались в русском языке, в его лексике, фразеологии. Поэтому происхождение ряда ФЕ связано с жизнью страны, с древними обычаями, поверьями, приметами. Некоторые обычаи уже не существуют, но они сохранились в языке и отражены во фразеологических единицах. Рассмотрим несколько примеров:

Бить смертным боем – данное фразеосочетание означает «сильно избивать кого-либо». Происхождение данного устойчивого словосочетания восходит к такому народному обычаю, как кулачные бои. Участники боев били друг друга кулаками, но применение ножей или камней запрещалось. Мужчины бились, пока кто-то не одерживал победу над своим соперником.

Лезть на рожон – предпринимать что-нибудь заведомо рискованное, обреченное на неудачу. Рожон представляет собой кол или палку, заостренную с одной стороны, который употребляли во время охоты на медведя. Разъяренный медведь, не понимая опасности, лез на рожон сам.

На вес золота – о чём-либо очень ценном, дорогом. Фразеосочетание обозначает то, что очень высоко ценится. В средние века при платежах эквивалентом денег было золото, иногда вместо него платежной единицей служили дорогие пряности. Отсюда и пошло данное выражение.

Ложиться (лечь) костьми – погибать в бою, сражении; иногда употребляется в переносном значении. Фразеологизм отсылает к истории Древней Руси, когда защищать рубежи страны от кочевников приходилось ценой кровопролитных боев. Однако после этих сражений не всегда удавалось захоронить павших, и их останки оставались лежать на поле боя.

Как Мамай прошел – полнейший беспорядок, разгром, опустошение чего-либо. В XIV веке монгольский хан Мамай предпринял ряд походов против Московского княжества, но был разбит князем Дмитрием Донским в битве на Куликовом поле. Преемники Мамая вторглись в русские земли, многие из которых были опустошены и разграблены. Отсюда и возник данный фразеологизм.

К шапочному разбору прийти – прийти куда-либо слишком поздно, когда все уже закончилось. В православную церковь мужчинам нельзя было входить в головном уборе. Поэтому мужчины, входя в церковь, снимали шапки и складывали их у входа. Когда заканчивалась молитва, шапки разбирались. Если кто-либо опаздывал на богослужение, то приходил к моменту, когда уже разбирались шапки, то есть к концу. Такова история данного фразеологизма.

Вольный казак – не зависящий ни от кого, свободный человек. В России до 1861 года существовало крепостное право. Но некоторые крестьяне в XV – XVII вв. убегали на окраины государства и называли себя вольными казаками.

Дело табак – плохо дело, скверно. Выражение пришло из речи волжских бурлаков. Табак служил у них своеобразной мерой глубины: когда бурлаки тянули баржу вдоль реки, то, чтобы не замочить табак, подвязывали его к подбородку. Когда вода подходила к горлу, бурлаки говорили: «глубоко, намочим табак, дело плохо», то есть положение скверное.

Столбовая дорога. Данный фразеологизм имеет два значения: 1) основное, главное направление работы или движения; 2) широкий и верный путь к чему-либо. В России в старину ставились деревянные столбы на самых важных главных дорогах, так называемых большаках. На них отмечались расстояния до следующего населенного пункта. Такие дороги назывались столбовыми.

Верста коломенская. Фразеосочетание характеризует человека очень высокого роста. По указанию царя Алексея Михайловича по дороге из Москвы до села Коломенское, где находилась летняя резиденция царя, были установлены высокие верстовые столбы. Отсюда и сравнение человека высокого роста с этими столбами.

Итак, нами рассмотрены конкретные примеры немецких и русских фразеологизмов на фоне исторического и культурного развития двух стран. Лингвострановедческий подход к анализу фразеологического материала способствует более глубокому проникновению в суть устойчивых выражений, более глубокому пониманию, что легло в основу того или иного фразеологизма, а также позволяет выделить пласт единиц с национально-культурным компонентом семантики. Анализ позволил отметить, что фразеологизмы, возникшие в глубокой древности, продолжают использоваться носителями языка и сегодня. Они являются как бы живыми свидетелями исторического прошлого для носителей языка.

Анализ фразеологического материала показал, что для преобладающего большинства страноведчески ориентированных фразеологизмов немецкого и русского языка, отражающих историческое прошлое двух стран, практически отсутствуют эквивалентные фразеологические единицы;

число же частично эквивалентных единиц крайне мало. Из этого можно заключить, что фразеосочетания данной тематико-этимологической группы имеют почти нулевую эквивалентность, что объясняется разными традициями и событиями истории двух стран.

Библиографический список

1. Гумбольдт В. Избранные статьи по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. 80 с.

2. Потебня А.А. Слово и мир. М., 1989. 172 с.

3. Гак В.Г. Фразеология, образность и культура // В.Г. Гак. Советская лексикография. М., 1988. 167 с.

4. Телия В.Н. Основные постулаты лингвокультурологии // Филология и культура. Тамбов: Изд-во ТГУ,1999. С.14-15.

5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры / Под ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Жирмунской. М.:Прогресс,1990. С. 387-415.

6. Шанский Н.М. Опыт этимологического словаря русской фразеологии / Н.М. Шанский, В.И. Зимин, А.В. Филиппов. М.: Рус. яз., 1987. 240 с.

7. Немецко-русский фразеологический словарь // Сост. Л.Э. Бинович, Н.Н. Гришин. М., 1975. 656 с.

8. Бирих А.К. Словарь русской фразеологии / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 2001. 700 с.

9. Фразеологический словарь русского языка // Под ред. А.И. Молоткова. М., 1967. 544 с.

10. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Duden Band 11./ / Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Duden Band 11, Leipzig, Wien, Zürich.

References

1. Humboldt W. Selected articles on linguistics. Moscow, 2000. 80 p.

2. Potebnya A.A. Word and world. Moscow, 1989. 172 p.

3. Gak V.G. Phraseology, figurativeness and culture. // V.G. Gak. Soviet lexicography. Moscow, 1988. 167 p.

4. Telia V.N. The main postulates of cultural linguistics // Philology and culture. Tambov State University, 1999. P. 14-15.

5. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By // The theory of metaphor. / Ed. by N.D. Arutyunova and M.A. Zhirmunskaya. Moscow, 1990. P. 387-415.

6. Shansky N.M. The experience of etymological dictionary of Russian phraseology / N.M. Shansky, V.I. Zimin, A.V. Philippov. Moscow, 1987. 240 p.

7. German-Russian idiomatic dictionary // Comp. by L.E. Binovich, N.N. Grishin. Moscow, 1975. 656 p.

8. Birikh A.K. The dictionary of Russian phraseology / A.K. Birikh, V.M. Mokienko, L.I. Stepanova. The dictionary of Russian phraseology. Historical and etymological guide. St.-Petersbubg, 2001. 700 p.

9. Idiomatic dictionary of Russian language // Ed. by A.I. Molotkov. Moscow, 1967. 544 p.

10. Specialist phrases. Dictionary of German idiomatics. Duden Volume 11 // Idioms. Dictionary of German idiomatics. Duden Volume 11, Leipzig, Vienna, Zurich.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ
INTERCULTURAL COMMUNICATION

УДК 811.161.1 '255.2:811.122.2'255.2
DOI 10.36622/2587-9510.2025.57.2.018

Институт литературы им. М. Абегяна Национальной Академии наук
кандидат филологических наук, научный сотрудник
Гаспарян Л.А.
Армения, г. Ереван,
докторант Санкт-Петербургского государственного университета
Россия, Санкт-Петербург
тел: +37494417264
e-mail: Luiza.gasparyan@rambler.ru, luisa.gasparyan83@gmail.com

Institute of Literature named after M. Abeghyan of the National Academy of Sciences
PhD, research associate
Gasparyan L.A.
Armenia, Yerevan,
Doctorate of St.-Petersburg State University
Russia, St.-Petersburg,
tel: +37494417264
e-mail: Luiza.gasparyan@rambler.ru, luisa.gasparyan83@gmail.com

L.A. Gasparyan

CULTURAL TRANSFER IN LITERATURE AND ITS TRANSLATION

The translation of literary creativity is a complex and multifaceted process. In this respect, the effectiveness, as well as the growing popularity of the "cultural transfer" method in the sphere of translation theory focuses its attention not merely on the results of cross-cultural communication and the procedure of "export-import" of ideas and concepts, but on the dynamics of the cultural elements transmission, its introduction and readiness for the perception of the source culture artefacts by the target culture recipient. One cannot fail to observe that the intention of such perception in the target culture is aimed not only at creating hybrid forms (source culture + target culture = cultural transfer), but also at strengthening and reviving innovative concepts and artifacts at all levels of objective reality from technology to ideology. The present article is carried out within the framework of the cultural exchange of Armenian literature with world literary artifacts (basically by means of Russian translations, as mediated texts), through the paradigm of the specificity of cultural transfer presented by the French theorist Michel Espagné. The study includes the problem of cultural movements and semantic shifts of literary artifacts on the basis of textual and extra-textual factors. The concept of cultural transfer is based on spatio-temporal domain in which several cultures are intertwined in one artifact (in this case a literary artifact); the methodology of cultural transfer involves identifying cultural connections in a given context, as well as representing the specifics of culture interconnection and interpenetration.

Key words: cultural transfer, translation, world literature, skopos theory, Armenian literature, cultural mediators, spatial-and-temporal domain.

Л.А. Гаспарян

КУЛЬТУРНЫЙ ТРАНСФЕР В ЛИТЕРАТУРЕ И В ПЕРЕВОДЕ

Перевод художественных произведений – процесс комплексный. В этом ключе методология «культурного трансфера» фокусирует внимание не просто на результатах культурной коммуникации и процедуре «экспорта-импорта» идей и концепций, а на динамике передачи культурных элементов, готовности к восприятию и внедрение исходной культуры в целевую – «принимающую» культуру. Эффективность, а также растущая популярность метода «культурного трансфера» привели к распространению данного подхода в сферу переводоведения. Очевидно, что намерение такого восприятия в целевой культуре направлено не только на создание гиб-

© Гаспарян Л.А., 2025

ридных форм (исходная культура + целевая культура = культурный трансфер), но и на усиление и возрождение инновационно-индивидуальных форм и артефактов на всех уровнях от технологии к идеологии. Настоящее исследование проводится в рамках культурного обмена армянской литературы с мировыми литературными артефактами (в основном посредством русских переводов, как текстов посредников), через парадигму специфики культурного трансфера, представленной французским теоретиком Мишелем Эспаньем. Исследование включает проблему культурных движений, семантических сдвигов литературных артефактов с учетом текстовых и экстратекстовых факторов. Концепция культурного трансфера опирается на пространственно-временное поле, в котором в одном артефакте (в данном случае литературном артефакте) переплетаются сразу несколько культур, а методология культурного трансфера предполагает выявление культурных связей в заданном контексте, а также сопоставление культур с целью выявления механизмов слияния культур.

Ключевые слова: культурный трансфер, перевод, мировая литература, теория «скопос», армянская литература, культурные медиаторы, пространственно-временное поле.

The translation of a piece of verbal creativity is a complex and remarkably multi-faceted task which may give rise to different cognitive and interpretive outcomes in the target culture based on its dialectical connection with other disciplines.

The theorist T. Givon emphasized that the concept of equivalency in translation is merely illusion, moreover, the theorist put forward the hypothesis of complete text transformation in linguo-cultural level of perception. The transformation of the original has a dynamic and non-homogeneous approximation, since the one and the same context passes a process of metamorphosis due to various cognitive-interpretative procedure [1]. However, without translation the world civilizations would lead an isolated lifestyle devoid of cultural, scientific, political and other processes of world. The matter is connected with a reasonable juxtaposition of the original and translation texts which meets the requirements of contemporary theoretical judgements.

In this respect, the methodology of "cultural transfer" focuses not merely on the results of the cultural communication and the "export-import" procedure of ideas and concepts, but on the dynamics of the transmission of cultural elements, the readiness for perception and implementation of original culture into the target – "receiving" culture. Obviously, the intention of such perception in the target culture is aimed not only at the creation of hybrid forms (source culture + target culture = cultural transfer), but at the enhancement and revival of innovative – individual forms and artifacts at all levels from technology to ideology [2].

The present micro-research is carried out within the scope of cultural exchanges of Armenian literature with world literary artifacts and vice versa, through the light of the specifics of cultural transfer method introduced by French theorist Michael Espagne. The study includes the problem of cultural movements, semantic shifts and re-semantization of literary artifacts through the transfer paradigm taking into account inter-textual and extra-textual factors. The concept of cultural transfer indicates the sphere of spatial-temporal domain in which several cultures are intertwined at once in one artifact (in this case literary artifact), while its methodology implies revelation of cultural relationship in a given context, as well as the comparison of cultures for the purpose of identifying the merging mechanisms of cultures.

The methodological spectrum also includes comparative and textual analysis.

The research focuses on the extracts of tripartite (English-Russian-Armenian) on the basis of W. Thackeray's fairy-tale "The Ring and the Rose" and on the Russian translation of Armenian author Nar-Dos's work "Our neighbourhood".

The process of cultural transfer can cover two (or more) broad social-and-cultural entities, becoming a structural element of a new "assembly". The study of transfer itself has very specific objects of analysis and methodological regulators (works of fiction, translations, material and non-material artifacts, etc.). In a broad sense, cultural transfer is a kind of the transition from one cultural code to another, and in this case, translation activity is an important component of the study of cultural relationships. The effectiveness, as well as the growing popularity of the method of cultural transfer leads to the expansion of this approach within interdisciplinary research, covering such areas as the sociology of literature, the comparative history of art and science, and Cultural Studies and other disciplines. Formulated on the basis of philological and literary studies, the theory of cultural

transfer puts on the agenda of the description and analysis of various political and cultural relationships in the context of not only European countries (France, Germany, Russia, Italy, English-speaking countries, countries of Central and Eastern Europe, etc.), but Asian countries as well [3].

As the concept of cultural transfer suggests, there is an intertwinement of the source culture-oriented text with the target culture-oriented text which leads to the assumption that both the original and the translation can differ quite significantly from each other not only within content frameworks, but also in intention that the translator sets for himself/herself. The concept of culture within the framework of the literature, according to the theorists [4], can be represented in the form of an iceberg: the deeper layers, like traditions, beliefs, value-systems are beyond the view of readers; they perceive only the surface layers of the cultural artifacts, for example fashion, trends, genre, as well as verbal and non-verbal symbols.

In this connection, H. Vermer's skopos theory is of paramount importance for carrying out objective agenda of translation activity. Due to the skopos theory any form of translation activity and the translation itself (either direct or mediated) has a purpose - *intention*. The word *skopos*, as a technical term designates *goal, purpose, intention*. H. Vermer's statement indicated that any translation is intention-oriented and leads to interpreter's assumed result and explicitly new representation of the target text which can be called *translatum*. The underlying principle of the skopos theory is that the translator should indicate and accurately specify the intention of transferring the original (it can be social, political, aesthetic, psychological, etc.), have in mind the presupposed audience or target readers (translation for children, adults, professionals, amateurs, etc.) as well as outline the framework of strategy implementation and the proficient interpretation of inter-textual and extra-textual factors of the objective reality. Being the indispensable part of culture, both scientific or literary text is constructed on ideological and cognitive reception of the exact society. Thus, it should not be expected that translation is simply the process of "trans-coding" the original text or the transposition of original into other language [5; 6].

Based on theorists' assumptions revolving around the problem of translation, O.N. Zherdeva and E.V. Abubakarova pointed out that the personality of the translator is of great relevance, which may include a complex set of individual qualities: the level of language proficiency, knowledge of the culture and history (which forms the background knowledge and worldview) of source language and target language, the awareness of linguo-cultural combinability, adherence to a particular translation method and the intention -*scopos* that the translator must achieve [7].

Dwelling upon further observations on cultural transfer it's important to underline the translator's intention towards linguo-creative aspect of translation based on the principles of multi-vector, multifaceted and deliberate deviation from generally accepted norms. In this connection thematic completeness and rhetorical consistency of the translation are solved through the paradigm of translational transformations. These transformations or logical increments may lead to the possible preservation of narrative structures, overcome cultural traps or, on the contrary, fall into them [8].

During these reconstructions, it is important to take into account the multi-vector features of cultural transfer embracing the spheres of art and humanities. In this connection a German theorist Doris Bachmann- Medick stated that the expansion and development of the notion of cultural turn announced an essential precondition for the further perspectives in the sphere of Humanities and Social Sciences which has been going on since the 1980s. The concept of cultural turn embraced the field of Translation Studies with subsequent beneficial consequences which meets the requirements of up-to-date theoretical agenda. The art of translation anchors not only on linguo-stylistic features and textual peculiarities, but straightforwardly reflects socio-cultural activity, leading to the notion of cultural translation and interpretation of complexities of cultural worlds [9].

Armenian literary tradition is a keystone for comprehensive perception of the specifics of cultural transfer in Armenia, which reflects the dynamics of extra-textual factors of the given period. One cannot fail to observe that literature and the translation of literature is a process of constant exchange with Western and Eastern cultures, especially in the case of Armenian literary tradition. Research on cultural transfer certainly cannot be fulfilled without taking into account translation activities and the contribution of translators as cultural mediators. Armenian translation activity was ac-

companied by complex transfers, thus becoming a meeting point for various literatures, that gave new impetus to national literature. The South Caucasus, is a bridge of junction between cultures and their nodal point of movement. The dynamics and the complex network of cultural transfers in the given region engages researchers from the fields of science as philology, anthropology, history, history of religion and philosophy to carry out multifaceted investigations.

The Armenian literary revival, which initiated with the adoption of Christianity (301) and Armenian alphabet invention (405), set the cross-process of translation at the level of the Armenian-Assyrian-Greek cultural triangle thus elevating the status of translation among the nation-oriented cultural constant in Armenia and predetermining its subsequent literary transfers. For many centuries Armenian tradition of literary translation transferred world literature heritage in such Armenological and spiritual- scientific centers like the Mekhitarists Congregation, Armenian Diaspora in different spots of the world in Calcutta, Madras, Beirut, Moscow, Saint - Petersburg, Astrakhan, Tiflis, etc.

For instance, the first Armenian translations of Charles Dickens appeared in the 1880s-1890s, and precisely in the last decade of the 19th century: almost half of the available literary works of Dickens were translated and published into Armenian (Eastern and Western). These translations were either from original or from mediated language (mostly from Russian) published in Shushi (1891), in Tbilisi (1896-1897), in Alexandropol (1894), Cairo (1892), Bagu (1898) and Constantinople (1928) and in a number of other cities where there was Armenian Diaspora and Armenian educational centers. Dwelling upon further observations of the translation it became evident that some of those translations were modified or abridged due to the *intention* -skopos of the translator and socio-cultural requirements of the period [10].

Another interesting example is the translation of W. Thackeray's works. The cultural accommodation of original in translation is noticeable in William M. Thackeray's Armenian translations: the fairy-tale "The Ring and the Rose" (translated by Kh. Hrachyan, 1982) was done through Russian language as the mediated language (probably from the translation of R. Pomerancova), while "The Vanity Fair" was translated from original and re-edited in 2004. Some passages of both translations underwent certain "cultural context adaptations" for avoiding nationally-oriented cognitive dissonance.

Among the vast majority of translation strategies when transforming literary-cultural artifacts, like anthroponyms, toponyms and other cultural and historical realia or culturally-marked units used in Armenian translations are the mechanisms of calque, semi-calque, transliteration, copying and/or reconstruction (modified realias) due to linguo-cognitive and ethno-cultural prototypicality. Let's illustrate a couple of examples: in the fairy-tale Thackeray ironically used the names of green vegetables for representing the noble families of the imaginative kingdom, like:

The acquaintance HER MAJESTY showed with the history, and noble families of her empire, was wonderful. 'The House of ***Broccoli*** *should remain faithful to us,' she said; 'they were ever welcome at our Court. Have the* ***Articiocchi,*** *as was their wont, turned to the Rising Sun? The family of* ***Sauerkraut*** *must sure be with us—they were ever welcome in the halls of King* ***Cavolfiore****.' And so she went on enumerating quite a list of the nobility and gentry of Crim Tartary, so admirably had Her Majesty profited by her studies while in exile [11]. (chapter XII)*

– Семейство де ***Спаржи****, наверное, за нас, - рассуждала она. - Их всегда привечали при отцовском дворе. А вот* ***Артишоки****, те всегда поворачиваются к восходящему солнцу! Весь род* ***Кислокапустиц****, конечно, нам предан: король* ***Кавальфор*** *очень их жаловал [12].*

-Դը Ծնեբեկների ընտանիքը, համաձայն, մեր կողմն է, - մտածում էր նա: - Նրանց մեծապես փայփայել են հորս արքունիքում: Իսկ ահա Արտիճոկները երեսները մեծապես դարձնում են ծագող արևի կողմը: Թրվակաղամբների ամբողջ տոհմը, իհարկե, նվիրված է մեզ. Կավալֆոր թագավորը խիստ բարեհաճ էր նրանց նկատմամբ [13, с. 82]

In general, "speaking" anthroponyms in the narrative of verbal creativity with special reference to children literature play a particular significant role in character creation. Being in dialectical unity with thematic essence, anthroponyms format the evaluative-emotional-expressive overtones,

connotative (positive/negative) shades of the protagonists which unfold ideological and artistic intention of the author. Thackeray created anthroponyms through the paradigm of stylistic devices, especially puns, triggering the reader's imagination towards satire and humor reception.

In both Russian and Armenian translations, anthroponyms indicating the noble families are presented as *Broccoli – Спаржа-* Ծնեբեկ (reconstruction or modified translation), *Articiocchi-Артишок* – Ախտիշոկ (transliteration), *Sauerkraut – Кислокапустиц* – Թթվակաղամբ (copying/calque), *Cavolfiore – Кавальфор* – Կավալֆոր (transliteration).

It goes without saying that a translation can have the same function as the original (for example, informative or cognitive, communicative or the function of impact), the significant role is the degree of intertextual coherence between the original and the translation, which is qualified in cultural transfer as *legitimate skopos*.

In this regard, a number of theoretical procedures or mechanisms of literary and cultural transfer/turns are employed for comprehensive interpretation of original – translation relationship and author-translator-reader unity. It is not in vain, that All -Armenian poet H. Tumanyan highlighted the idea that a good translation is equal to a separate piece of verbal creativity. Being a proficient translator, H. Tumanyan enriched the national literary context with brilliant translations of the works of A. Pushkin, M. Lermontov, N. Nekrasov, L.Tolstoy [14], at the same time through the prism of Russian texts, Tumanyan translated into the Armenian world classics creativity, like G. Byron and Goethe et al.

Embarked into laborious work of text transmission, the translator encounters a number of questions: to illustrate the original closer to target historical, national, linguistic and cultural characteristics, or to accumulate the heritage of world literature for uprising the national culture through cultural import. These emerging issues are assessed and implemented in different ways, first of all based on socio-political and cultural factors, as one and the same piece of verbal creativity is interpreted differently in a new spatial-temporal domain. As L. Mkrtchyan [15] truly stated W. Shakespeare's work "Othello" can be perceived in African countries as a drama about the betrayal of a white man by a black man, while in another spatial-temporal domain it has the interpretation of the pathological jealousy, with the motivation that Shakespeare perfectly explained jealousy first to himself and then to humanity through the image of Othello.

While translating L. Tolstoy's "War and Peace" (a translation that was immediately evaluated and became an ideal literary translation in Armenian culture), Stepan Zoryan (1889-1967) employed the method of cultural transfer, although the concept and its methodology hadn't existed in theoretical tradition. The linguo-stylistic and "polyphonic" complexity of Tolstoy's novel with the refined style of communication of the aristocracy - filled with the French idioms of palace and aristocratic salons and the multi-layered artistic descriptions with realistic overtones and philosophical depth which made Stepan Zoryan depict the fragments of literary artifact and remain faithful to the author's style (in the footnotes, of course, giving the interpretation): although many translators didn't interpret them [16].

Analogous position proceeded A. Tolstoy (1817-1875), who, in one of his letters, presented some translation strategies while translating Goethe's "The Corinthian Bride" thus emphasizing that he tried to be faithful to the original, but not to the detriment to the artistic impression. He digressed from interlinear utterance which could lead to ambiguity and misperception. For successful construction of the translation narrative, A. Tolstoy gave priority to impressionism, proposing reader-oriented mechanism and establishing the physiological-psychological aspect due to which translation should impact on the same nerves as reading the original [17, p. 63].

Thus, interesting instances of translation can be observed in Russian version of Nar-Dos's story series "Our Neighborhood" («Մեր թաղը» transl. by V. Balasan, 1985), where there are elements of ethnographic and ethnocultural coloring. The translator changed a couple of authentic Armenian expressions of cultural code into corresponding counterparts in Russian. Still there is visible tendency of

maintaining Armenian cultural overtones in translation. The story entitled as «Ադամամութիւն» (translated as darkness).

Let's bring a couple of examples:

Նույն այդ աղքատությունն էր պատճառը, որ մինչև այժմ ծնած բոլոր երեխաներն ամիսներով հարամ էին մնացել.- մարդ չէր ճարվում, որ հալալեր-կնքահայր դառնար: Եվ այդպես էլ "հարամ" կմեծանային նրանք, եթե չլիներ այն ընտանիքը, որ այդ օրը մի տոպրակ հացի կտորներ և պանրի փշրանքներ էր ուղարկել. Այդ ընտանիքի հայրն էր, որ հոգու խաթեր իր որդուն ուղարկում էր Կարապետի երեխաներին կնքահայր դառնալու, մի բանի ռուբլի ծախսելով [18; с. 114]

Из-за той же бедности дети ее крестились лишь спустя месяцы после рождения: трудно найти человека, которому захотелось бы стать ***крестным отцом*** *ребенка, родившегося в бедной семье. И так они и росли бы* ***некрещенными,*** *не будь того богатого дома, откуда сегодня под вечер Сона принесла полмешка хлебных корок и крошек сыра. Не кто иной, как глава этого дома* ***"во имя Христа"*** *возлагал на сына своего крещение детей Карапета* [19, с. 9].

In the passage Nar-Dos described the plight of Shushan and her children: their live were limited to the sole mission of procuring daily bread. Despite the tragic ending of the story, Nar-Dos centralized the importance of baptism and conversion to Christianity of the characters, as a route of salvation. The point is that the translator should have fundamental knowledge in transferring ethno-cultural and ethno-verbal components and perform extra-textual studies to understand the cultural elements "հարամ-haram" and "հալալ-halal" in the context. Based on the contextual descriptive method and refraining from ambiguity, the translator used the expressions *стать крестнйм отцом ребенка, некрещенный.* Of unique interest is the transformation of Armenian expression հոգու խաթեր, which is illustrated in Russian as *во имя Христа.*

Obviously, Nar-Dos had the tendency to refer to biblical quotations and spiritual faith for comprehensive nuanced reading as an antidote of psychological realism of the literary tradition period, which often has culturally-oriented transposition (seldom literally transformed) in Russian context. Thus, in the story "What happened after two pieces of sugar were missing from the sugar bowl", the dialogue between the old woman Heghnar and Anan conveyed the unjustified treatment towards protagonist and socio-cultural realism of the period.

Ինչ ա ուզում,- դառնությամբ արտասանեց Անանը, գլխի աղլուխի ծայրով սրբելով աչքերը.- էն ա ուզում, որ ասում ա՝ մի ուտի, մի խմի, մի հագի, մի մաշի, հենց իմանաս մանանա ա թափվում ինձ համար երկնքից [18; с. 93]

Чего хочет….-с горечью произнесла Анан, краем головного платка утирая слезы.- Не ешь, говорит, не пей, не одевай, не изнашивай… Вот чего хочет. И так, говорит она мне, живешь как у Христа за пазухой [19, с.16].

The translator rendered the biblical phrase (Exodus 16:10) manna is pouring down from heaven. It's the dew, small round substance, lay all around in the morning in the Sinai desert given by Lord. In the Russian translation the biblical quotation from Old Testament transferred into other biblical phraseological unit from New Testament *у Христа за пазухой* meaning the protection from external dangers.

Despite natural similar contextual features, there are still some differences that are predetermined by extra-linguistic factors. The purpose of religion is to become a spiritual support for a person, however, in different types of socio-cultural realia and in the text, the spiritual expression is presented in different way due to linguo-cultural peculiarities. Moreover, R.G. Khairullina points out that of paramount importance is the historical variability of national artistic values (in this case the cultural transfer in translation) as they are not identical in a complex process of perception, interpretation and evaluation.

Factors such as the reader's ethnic and religious affiliation influence how the content of the work is interpreted [20].

The analysis comes to prove that the notion of cultural transfer is in dialectical unity with other disciplines. One cannot fail to observe that it is in symbiosis with literary theory and translation studies. Based on the theoretical and practical framework, the microanalysis leads to the statement that translation is perceived as legitimate as the original, though the cultural elements of the original text are transferred to the receiving (translating) culture or become the result of an interpretative "refraction" of the context in accordance with the characteristics of the values of the receiving (target) culture. This notion is formulated with the skopos -intention of the translator, who faced with a choice: either try to copy the cultural elements of the original, or create his own individual utterance in translation based on skopos theory, which has a similar emotional effect with the help of variation and the principle of compensation. The famous Russian theorist and author of many tales K. Chukovsky wrote the following: it is not a metaphor that should be conveyed by a metaphor, a comparison by a comparison, but a smile with a smile, a tear with a tear.

Библиографический список

1. Givon T. Mind, Code and Context, Essays in Pragmatics. New Jersey, London: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1989. 456 p.

2. Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер (пер. с французского М.Е. Балакирева и др.). М.: Новое литературное обозрение, 2018. 811 с.

3. Шаин М., Эспань М., et al. Культурный трансфер на перекрестках Центральной Азии: до, во время и после Великого Шелкового пути. Париж-Самарканд: МИЦАИ, 2013. 312 с.

4. Сафаралиева Л.А. Литература как средство коммуникации народов мира // Филологический вестник. 2023. Т. 2. № 3. С. 29-35.

5. Gabrielyan S. (ed.).The translation Studies Reader. Yerevan, 2007. 250 p.

6. Vermeer H. Skopos and commission in translational action /translated by Andrew Chesterman// The Translation Studies Reader. Ed. by Lawrence Venuti, London& New York: Routledge, 2000. P. 221-232.

7. Жердева О.Н., Абубакарова Е.В. Сравнительный анализ переводов А.А. Фета и М.Л. Михайлова стихотворений Г. Гейне: Лингвокультурологический аспект // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2024. Вып. 1 (52). С. 69-77.

8. Гиздатов Г.Г., Ким С.К. Перевод литературы абсурда как пример культурного трансфера («Случаи» Даниила Хармса на корейском языке) // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15. Вып. 1. С. 158-171.

9. Bachmann-Medick D. Translation Turn // Handbook of Translation Studies, (ed. Yves Gambier and Luc van Doorslaer), John Benjamins Publishing Company. Vol. 4. 2013. P. 186-193.

10. Гаспарян Л.А., Полубояринова Л.Н. Специфика культурного трансфера в художественном переводе (на материале русских и армянских переводов британской литературной классики) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2023. Вып. 20 (3). С. 462-480.

11. Thackeray W. The Rose and the Ring. URL: https://www.gutenberg.org/files/897/897-h/897-h.htm (дата обращения: 20.07. 2024)

12. Теккерей У. Кольцо и роза, или история принца Обладу и принца Перекориля (перевод Р. Померанцевой). URL: http://lib.ru/INPROZ/TEKKEREJ/rose_rng.txt (дата обращения: 21.07. 2024)

13. Թեքերեյ Ու. Մատանին ու վարդը կամ արքայազն Հանտաճի և արքայազն Կախտափիճի պատմությունը (ռուսերենից թարգմանեց Հրաչյան Խաչիկ Թադևոսի). Երևան: Սովետական գրող հրատ., 1982թ. 142 էջ.

14. Сафразбекян И. Ованес Туманян и мировая литература. Ереван: Издательство Академии наук Армянской ССР, 1976. 268 с.

15. Մկրտչյան Լ. Եթե Բաբելոնում թարգմանիչներ լինեին. Երևան: “Սովետական գրող” հրատ., 1976, 499 էջ:

16. Հայ գրողները գեղարվեստական թարգմանության մասին (տեքստը կազմեց, ներածությունը և ծանոթագրությունները գրեց Մ. Մահսապետյանը). Երևան: Հայկական ՍՍՀ ԳԱ հրատ., 1985, 212 էջ:

17. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. СПб, 2002. 416 с.

18. Նար-Դոս. Մեր թաղը (պատմվածքներ). (խմբ.՝ Վ. Ա. Ներսիսյան), Երևան: Հայպետուսմանկհրատ, 1962. 204 էջ.

19. Нар-Дос. Наш квартал / Пер. с армянского В. Баласана. Ереван: Советакан грох, 1985. 56 с.

20. Хайруллина Р.Г. Читатель как категория мецлитературного процесса // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. Вып. 1 (36) 2020. С. 80-90.

References

1. Givon T. Mind, Code and Context, Essays in Pragmatics. New Jersey, London: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1989. 456 p.

2. Espagne M. History of civilizations as a cultural transfer (translated from French by M.E. Balakirev and others). Moscow, 2018. 811 p.

3. Shain M., Espagne M., et al. Cultural Transfer at the Crossroads of Central Asia: Before, During and After the Great Silk Road. Paris-Samarkand, 2013. 312 c.

4. Safaralieva L.A. Literature as a means of communication of the peoples of the world. Philological Bulletin. 2023. Vol. 2 (3). P. 29-35.

5. Gabrielyan S. (ed.), The translation Studies Reader. Yerevan, 2007. 250 p.

6. Vermeer H. Skopos and commission in translational action /translated by Andrew Chesterman// The Translation Studies Reader. Ed. by Lawrence Venuti, London& New York: Routledge, 2000. P. 221-232.

7. Zherdeva O.N., Abubakarova E.V. Comparative analysis of A.A. Fet’s and M.L. Mikhailov’s translations of H. Heine’s poems: Linguocultural aspect // Actual issues of modern philology and journalism. 2024. Vol. 1 (52). P. 69-77.

8. Gizdatov G.G., Kim S.K. Translation of the absurdist literature as an ex- ample of cultural transfer (“Cases” by Dniil Kharms in Korean translations) // Slovo.ru: Baltic accent. 2024.Vol. 15. Iss. 1. P. 158-171.

9. Bachmann-Medick D. Translation Turn // Handbook of Translation Studies. Vol. 4 John Benjamins Publishing Company, 2013. P. 186-193.

10. Gasparyan L.A., Poluboyarinova L.N. Peculiarity of cultural transfer in literary translation (on the material of the Russian and Armenian translations of the British classic literature) // Bulletin of Saint Petersburg University. Language and Literature. 2023. Vol. 20 (3). P. 462–480.

11. Thackeray W. The Rose and the Ring. URL: https://www.gutenberg.org/files/897/897-h/897-h.htm (date of application: 20.07. 2024).

12. Thackeray W. The Rose and the Ring, or the story of Prince Obladu and Prince Perekoril (translation by R. Pomerantseva). URL: http://lib.ru/INPROZ/TEKKEREJ/rose_rng.txt (date of application: 21.07. 2024)

13. Thackeray M.W. The Rose and the Ring, or the story of Prince Hantash and Prince Kakhatink (translated from Russian by Hrachyan Khachik). Yerevan, 1982. 142 p.

14. Safrazbekyan I. Hovhannes Tumanyan and the world literature. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1976. 268 p.

15. Mkrtchyan L. If there were translators in Babylon. Yerevan, 1976. 499 p.

16. The Armenian writers on the art of translation (the text was compiled, introduced with footenotes by M. Maksapetyan). Yerevan: Publishing House of the Armenian SSR, 1985. 212 p.

17. Fedorov A.V. The Principles of General Theory of Translation. St. Petersburg, 2002. 416 p.

18. Nar-Dos. Our neighborhood (stories). Yerevan, 1962, 204p.

19. Nar-Dos. Our neighborhood (stories). Transl. from Armenian by V. Balasan. Yerevan, 1985. 56 p.

20. Khairullina R.G. The Reader as a subject of the inter-literary process // Actual issues of modern philology and journalism. 2020. Vol. 1 (36). P. 80-90.

КОНЦЕПТОЛОГИЯ
CONCEPT STUDIES

УДК: 82-31
DOI 10.36622/2587-9510.2025.57.2.019

Череповецкий государственный университет
кандидат филологических наук, доцент
кафедры отечественной филологии
и прикладных коммуникаций
Ларионова А.Н.
Россия, г. Череповец,
+79211468837
e–mail: anlarionova@chsu.ru

Cherepovets State University
candidate of Philology, assistant Professor,
Department of Russian Philology
and Applied Communications
Larionova A.N.
Russia, Cherepovets,
+79211468837
e–mail: anlarionova@chsu.ru

специалист отдела сопровождения
научной деятельности
Жигулин М.М.
Россия, г. Череповец,
+79211468837,
e–mail: makar2zhigulin@gmail.com

Specialist of the Scientific Activity
Support Department
Zhigulin M.M.
Russia, Cherepovets,
+79211468837,
e–mail: makar2zhigulin@gmail.com

А.Н. Ларионова, М.М. Жигулин

КОНЦЕПТ «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ» В ПРОЗЕ М.А. БУЛГАКОВА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»)

В статье анализируется художественный концепт «Интеллигенция» на материале романа М.А. Булгакова «Белая гвардия». Поиск смысловых и общекультурных доминант является характерной тенденцией современной гуманитарной науки. Изучение художественных концептов позволяет обнаруживать закономерности, существующие внутри самого литературного процесса. Вместе с тем литературные константы имеют ментальную природу, обусловлены культурно-исторически и этнически и связаны с глубинными особенностями мировосприятия человека. Поиск доминант с особой силой актуализируется в переломные моменты истории и лежит в основе сохранения человеком жизненных ориентиров. В науке уже были попытки осмыслить феномен интеллигенции в рамках философии, культурологии и языкознания, однако его художественная концептуальная сущность осталась недостаточно освещенной. В результате исследования был выявлен и рассмотрен концепт «Интеллигенция» на материале литературного произведения. В романе М.А. Булгакова интеллигенция представлена главными и второстепенными персонажами. Турбины, находящиеся в центре повествования, являются основой концепта и носителями таких черт «настоящей» русской интеллигенции, как героизм, нравственность, духовная чистота, чувствительность, отсутствие всякого мещанства. Появляющиеся по мере развития действия второстепенные персонажи, с одной стороны, подтверждают и углубляют положительные характеристики главных героев (Лариосик), а с другой – оттеняют их, вступая с ними в оппозицию, создавая контраст (подлец Шполянский, мещанин Василиса). К теме жизни интеллигентов М.А. Булгаков обращается неслучайно. Став свидетелем революционных событий и событий гражданской войны, писатель сам пытается не исчезнуть как интеллигент и не пасть духом, а также призвать к духовно–нравственному подъему всех тех, чья душа исказилась от хаоса нарушенного миропорядка.

Ключевые слова: художественный концепт, концептосфера русской литературы, интеллигенция, интеллигент, «Белая гвардия», М.А. Булгаков.

© Ларионова А.Н., Жигулин М.М., 2025

A.N. Larionova, M.M. Zhigulin

THE CONCEPT OF "INTELLIGENTSIA" IN THE PROSE OF M.A. BULGAKOV (BASED ON THE NOVEL "THE WHITE GUARD")

The article analyzes the artistic concept of "Intelligentsia" based on the novel by Mikhail Bulgakov "The White Guard". The search for semantic and general cultural dominants is a characteristic trend of modern humanities. The study of artistic concepts allows us to discover patterns that exist within the literary process itself. At the same time, literary constants have a mental nature, are culturally, historically, and ethnically determined, and are related to the deep features of a person's worldview. The search for dominants is especially relevant at crucial moments in history and underlies the preservation of human life guidelines. There have already been attempts in science to comprehend the phenomenon of the intelligentsia within the framework of philosophy, cultural studies and linguistics, but its artistic conceptual essence has remained insufficiently illuminated. As a result of the research, the concept of "Intelligentsia" was identified and considered based on the material of a literary work. In M.A. Bulgakov's novel, the intelligentsia is represented by the main and secondary characters. The turbines at the center of the narrative are the basis of the concept and bear such features of the "real" Russian intelligentsia as heroism, morality, spiritual purity, sensitivity, and the absence of any philistinism. The secondary characters that appear as the action progresses, on the one hand, confirm and deepen the positive characteristics of the main characters (Lariosik), and on the other, set them off by entering into opposition with them, creating a contrast (the scoundrel Shpolyansky, the philistine Vasilisa). It is no coincidence that Mikhail Bulgakov addresses the topic of the life of intellectuals. Having witnessed the revolutionary events and the events of the civil war, the writer himself tries not to disappear as an intellectual and not to lose heart, but also to call for the spiritual and moral uplift of all those whose souls have been distorted by the chaos of the disrupted world order.

Keywords: artistic concept, the conceptual sphere of Russian literature, intelligentsia, intellectual, "White Guard", M.A. Bulgakov.

Изучение концептов является одной из актуальных проблем филологической науки. Концепты помогают исследователю дать полное культурологическое понимание какой-либо константы человеческой культуры. Выбор концепта в качестве предмета нашего исследования, наряду с литературным типом и образом, неслучаен.

Литературный тип, по Н.Д. Тамарченко, «готовая форма личности» [1; с. 255]. Тип как бы дает герою «роль». Известны типы «маленького человека», «лишнего человека», «странника», «бунтаря» и др. Однако герой-интеллигент – не тип, так как типизация интеллигенции попросту невозможна. В основу типа помещается какая–либо конкретная яркая, отличительная черта (либо несколько черт), не предполагающая диалектики внутри героя, обобщающая его сущность. Интеллигенция же многообразна. Она сама осознает и определяет свое существование и, как следствие, обладает внутренним непостоянством. Герой-интеллигент может принадлежать к какому-либо литературному типу, но может и выходить за его границы, содержать в себе черты, противоречащие друг другу, не укладывающиеся в систему. Концепт – явление на порядок выше типа, более широкая, внетекстовая категория, не ограничивающаяся рамками типического.

Интересна связь концепта и образа.

Л.И. Тимофеев пишет, что «образ – это конкретная и в то же время обобщенная картина человеческой жизни, созданная при помощи вымысла и имеющая эстетическое значение» [2; с. 60]. Образ и концепт схожи, так как оба являются «связующим звеном» между индивидуально-авторским восприятием мира и действительностью. Но образ может не иметь каких-либо связей с культурным опытом нации, быть сугубо авторским, не обладать «накопительным» свойством и не представлять из себя «точки диалога» между человеком и эпохой, автором и читателем. Концепт же является синтезом национального и авторского, общего и частного. Образ, на наш взгляд, может включаться в концепт, вступать с ним в отношения «часть-целое». Концепт является контрапунктом мира автора и мира читателя, в нем происходит реализация уже имеющегося его содержания и в то же время – дополнение этого содержания читательским культурным опытом, что делает концепт более подвижным, находящимся в стадии «постоянного становления», в отличие от образа, «застывшего» в момент

своего появления и не обладающего в должной мере необходимым потенциалом к как таковому «продуктивному» диалогу с читателем.

Понятие «концепт» трактуется в науке по-разному. С.А. Аскольдов, впервые употребивший термин «концепт», в своей работе «Концепт и слово» пишет, что концепт «есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [3; с. 31]. Концепт, по Аскольдову, становится средством соединения мира мысли и мира конкретной действительности и выполняет тем самым заместительную функцию.

В ходе развития науки понимание концепта расширялось и углублялось. Д.С. Лихачев в статье «Концептосфера русского языка», продолжая идею С.А. Аскольдова, пишет: «Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека. Рассматривая, как воспринимается слово, значение и концепт, мы не должны исключать человека. Потенции концепта тем шире и богаче, чем шире и богаче культурный опыт человека» [4; с. 242-243]. О происхождении концептов ученый говорит, что они возникают в сознании во многом как отклики на предшествующий языковой опыт человека в целом [Там же]. Любопытна мысль о сущности концептов: «Концепты, будучи в основном всеобщими, одновременно заключают в себе множество возможных отклонений и дополнений, но в пределах контекста. Концепт находится между богатыми возможностями, возникающими на основе его „заместительной функции“, и ограничениями, определяемыми контекстом» [Там же; с. 244].

Идею Д.С. Лихачева о связи концепта с человеческим сознанием развивает в труде «Константы. Словарь русской культуры» Ю.С. Степанов. В вводной части словаря исследователь подробно раскрывает понятие «концепт» и акцентирует внимание на его тесной производности от субъекта познания, называя концепт «основной ячейкой культуры в ментальном мире человека» [5; с. 43].

Концепт как языковое явление стал одним из центральных феноменов когнитивной лингвистики. Со временем понятие «концепт» стало осмысливаться и литературоведами. Данный термин прочно вошел в науку о литературе в рамках когнитивного литературоведения, изучающего механизмы художественного мышления. Литература в когнитивном литературоведении понимается как «ментальная сущность» [6; с. 182].

Большой вклад в развитие анализа литературы сквозь призму концептов и концептосферы внесла Н.В. Володина. В монографии «Концептосфера русской литературы» исследователь отмечает, что содержание литературных концептов формируется посредством взаимодействия культурного опыта нации и личного знания художника о мире, своего рода синтез литературы и действительности [7; с. 22]. Информация, которую получает человек в ходе жизни, структурируется и систематизируется им, а затем перерабатывается, приобретая индивидуальную для этого человека «форму» закрепления в его культурном сознании.

Работа Н.В. Володиной опирается на идеи С.А. Аскольдова, который пишет, что природа художественных концептов «частично совпадает с природой концептов познания. В них тоже есть своя заместительная сила, поскольку то, что они означают, больше данного в них содержания и находится за их пределами. И именно ассоциативная запредельность придает им художественную ценность» [3; с. 38]. Особенностью художественного концепта является его задача найти целое по части, и «секрет творчества в таких случаях не в рациональности и не в ясности, а в особом подборе направляющих художественную ассоциацию образов и слов» [Там же; с. 40].

Н.В. Володина дает определение художественного (литературного) концепта, которого мы и будем придерживаться: «Это смысловая структура, ментальная репрезентация, закрепленная словом; воплощенная в устойчивых образах, повторяющихся в границах определенного литературного ряда (произведение, творчество писателя, литературное направление, период, национальная литература); обладающая культурно значимым содержанием и этноспецифичностью» [Там же; с. 24].

Наряду с фундаментальными концептами, такими, как «Хлеб», «Ремесло», «Вера», существуют также авторские, интересные во многом своей самобытностью, четкой соотнесенностью с сознанием автора. В свою очередь и среди общекультурных достояний есть «спорные», непростые в толковании и понимании концепты, сущность которых следует выстраивать посредством особенно тщательного анализа их проявлений в тексте и, соответственно, в сознании автора. Одним из таких концептов является концепт «Интеллигенция».

Явление интеллигенции много раз осмыслялось в философских и культурологических работах. Отметим, что, по словам Н.А. Бердяева, русское слово «интеллигенция» не имеет аналогов в западных языках, а социальная группа интеллигентов вовсе не означает западное «интеллектуалы» [8; с. 17]. Р.В. Иванов-Разумник в своей статье «Что такое интеллигенция?» вкладывает в понятие интеллигенции еще и духовное начало, не причисляя к интеллигентам всякого образованного человека: «…интеллигенция есть этически – анти-мещанская, социологически – внесословная, внеклассовая, преемственная группа» [9; с. 80]. О существовании феномена интеллигенции именно в русском культурном сознании пишут и современные исследователи. Р.А. Костин и О.К. Михайлова: «Интеллигентность связана с русской гуманистической традицией, интеллектуальность – продукт западного рационализма» [10; с. 27]. Таким образом, в науке уже давно обозначено естественное различие, проведена граница между русскими интеллигентами и западными интеллектуалами.

Выделим черты русской интеллигенции. В.А. Малинин в статье «Интеллигенция» словаря «Русская философия» дает следующее определение интеллигенции: это «слой образованных и мыслящих людей, выполняющих функции, которые предполагают высокую степень развития» [11; с. 187]. Слово «интеллигенция» в данном значении было предложено русским писателем П.Д. Боборыкиным, который назвал ее «высшим образованным слоем общества» [Там же]. А.Ф. Поломошнов и И.В. Липчанская относят интеллигенцию к производителям общественного сознания и личности [12; с. 50].

В процессе развития русской мысли феномен интеллигенции трансформировался, вбирая в себя одни черты и теряя другие. Важным событием в истории интеллигенции стала Первая русская революция (1905-1907 гг.). В год ее окончания был издан труд Д.Н. Овсянико-Куликовского «История русской интеллигенции», в котором, на примере известных литературных героев прошлого, говорилось о миссии российских просвещенных слоев в историческом процессе [13; с. 5]. Затем революционные события подверглись рефлексии в сборнике статей русских философов «Вехи», где ведущие мыслители начала XX века (С.Н. Булгаков, П.Б. Струве, С.Л. Франк и др.) объявили о кризисе русской интеллигенции, которая могла предотвратить революцию, но не сделала этого, так как давно уже «шла мимо» предостережений на этот счет «глубочайших мыслителей» России [14; с. 23]. В «Вехах» и в работе Овсянико-Куликовского говорилось о значении интеллигенции для общества, о ее социальной функции. Интеллигенция рассматривалась сквозь призму типа «лишнего человека», но в стороне осталась ее духовная составляющая. Именно эта сторона и будет исследована в нашей работе.

А. Филатова в статье «Концепт *интеллигенция* в смысловом пространстве современной русской культуры» говорит о сложности и многосторонности анализа концепта «Интеллигенция», характеризуя его как «удивительно ускользающий от определения феномен, ускользающий именно в силу множества присутствующих в нем смысловых оттенков» [15; с. 209]. Рассматривая концепт «Интеллигенция» в рамках современной русской культуры, исследователь приводит ассоциативное поле данного концепта, которое, скорее всего, стало возникать с самого появления понятия: «Интеллигенция и добрая, порядочная, гуманная, человечная, совестливая, высоконравственная, гонимая, и высокомерная, трусливая, жалкая, оторванная от народа, бессильная, лживая, гнилая и т. п.» [Там же; с. 210]. Ядром концепта становится характер интеллигенции как «совести народа», готовой ради процветания страны пожертвовать личной жизнью. Однако тут же возникает и периферийный компонент: несоответствие интенции и результата («хотели как лучше, а получилось как всегда», «потенци-

ально желали добра народу, а реально сделали зло» и др.) [Там же], что делает концепт проблемным, но привлекательным для интерпретации.

По своей принадлежности интеллигенция – беспочвенна. Но в то же время интеллигент – не статус, а характеристика человека [Там же; с. 212].

С точки зрения просвещенческой миссии, интеллигенция выполняет для масс, с которыми составляет оппозицию, роль хранителя и транслятора национального наследия, а также стремится взять в свои руки и направить в нужное русло исторический процесс [Там же; с. 215].

Таким образом, концепт «Интеллигенция» подвергался выявлению и анализу, но с культурологической точки зрения и без применения к конкретному литературному произведению, не становясь своего рода компонентом художественного мира писателя.

В нашем исследовании мы попытаемся на примере романа «Белая гвардия» раскрыть индивидуально-авторское восприятие феномена интеллигенции М.А. Булгаковым, свидетелем тяжелейших событий революции и гражданской войны, в условиях которых многочисленные культурные константы были переосмыслены.

«Белая гвардия» – первый роман М.А. Булгакова. Произведение повествует о семье русских интеллигентов Турбиных и их друзьях, которые переживают социальный катаклизм гражданской войны на Украине. В результате Революции 1917 г. в России Украина стала автономной страной, перейдя затем под влияние Германии, терпящей поражение в Первой мировой войне. Кайзер Вильгельм заключил с украинской властью сырьевые договоренности взамен на автономию Украины и защиту ее от большевиков. «Наместником» кайзера стал гетман Павел Скоропадский, а оппозиционными войсками начал руководить бывший политический деятель Симон Петлюра, частично поддерживавший интересы русских большевиков. Главными героями «Белой гвардии» являются Алексей Турбин, врач, Елена Турбина-Тальберг, его сестра, и Николай (Николка) Турбин, унтер-офицер Первой пехотной дружины, брат Алексея и Елены.

Концептосфера романа уже была исследована Н.С. Кадыровой лингвистически [16;с. 21], однако внимание было сосредоточено на глобальных, фундаментальных концептах «Человек», «Дом», «Город», «Мир // Космос», без частного рассмотрения концепта «Интеллигенция». Внимание исследователей также привлекало пространство романа и его концептуальное значение [17; с. 29]. Перейдем к анализу романа.

Одной из основных форм пространства в «Белой гвардии» является дом Турбиных. Это место не только вступает в оппозиции «Дом // Город», «материальное содержание vs духовное содержание», но также является важным компонентом концепта «Интеллигенция» в романе. Несмотря на ужас гражданской войны, разрушения и хаос, в доме Турбиных задержался покой. Примечательно наполнение места: «Четыре огня в столовой люстре. Знамена синего дыма. Кремовые шторы наглухо закрыли застекленную веранду. Часов не слышно. На белизне скатерти свежие букеты тепличных роз, три бутылки водки и германские узкие бутылки белых вин. Лафитные стаканы, яблоки в сверкающих изломах ваз, ломтики лимона, крошки, крошки, чай…» [18; с. 205]. (Здесь и далее все цитаты даются по этому изданию. – *Прим. авторов.*) Кремовые шторы, белая скатерть, свежие розы, сверкающие изломы ваз… – все эти детали становятся знаками «интеллигентного» пространства: даже в военное время жильцы здесь воспитаны и культурны, они как бы отстраняются от внешних событий, закрываются «кремовыми шторами», пьют вино, украшают стол цветами. В «доме» Турбиных ничто не «смешано в кучу»: есть и комната Николки, и отдельно столовая, и книжная, как она называлась в семье профессора. Хаос – за окном, а внутри – порядок, чистота.

Порядок и чистота существуют также в самих героях. События войны вносят в душу человека тревогу и беспокойство, которые могут остаться с ним навсегда. Интеллигенты-Турбины не позволяют разрушить свой внутренний мир, свои духовность и нравственность. Может показаться, что в некоей вещности, сопровождающей пространство Турбиных, есть признаки мещанства. Однако это не так. Для героев важно не обладать вещами (шторами,

сервизом, бокалами и др.), а сохранять благодаря им душевную гармонию и, что важно, память и традиции, переданные от родителей. Не только кремовые шторы, но и все вещи Турбиных – своеобразное «отщепенство» от хаоса, поселившегося в умах и душах сограждан. А.А. Пестовникова отмечает, что в романе М.А. Булгаков собирает и транслирует историю семьи и дома «как Храма, созидаемого людьми, как основы истории и культуры Отечества» [19; с. 605].

Но война вопреки защитившемуся от нее человеку вторгается в его жизнь. Бежавшие от революции Турбины видят, как германские войска уходят. Киев остаются оборонять лишь добровольцы, а армия Симона Петлюры тем временем наступает на Киев. Турбин говорит: «…Кончено. Война нами проиграна. У нас теперь другое, более страшное, чем война, чем немцы, чем все на свете. У нас – Троцкий» [18; с. 210].

Интеллигенты Турбины не принимают большевиков. Меры советского правительства, направленные на активную борьбу с буржуазными классами, не позволяли оставаться в России тем, кто был не согласен с революционными переменами. Алексей Турбин готов удержать соглашение с Германией, отдать самое главное – провизию, которой значительно не хватало у немецких войск. В противном случае – без сформированных добровольческих антибольшевистских объединений Украинской Державе было бы не устоять. Но Германия, не позволявшая Украине иметь собственную военную силу, таким образом, оказалась в просчете.

Турбину противны идеи Советской России. В надежде на своевременную ответную реакцию гетмана на войска Петлюры, Алексей крестится «на икону Божией Матери в углу» [Там же], отвергая атеизм большевиков и сохраняя в себе многовековую веру не только в Бога, но и в то, что русский император на самом деле жив, а известие об его смерти просто придумали большевики. И не только Алексей вдохновлен этой верой. Николка предлагает тост за здоровье императорского величества, который подхватывает и Елена: «– Пусть! Пусть! Пусть даже убит, – надломленно и хрипло крикнула она. – Все равно. Я пью. Я пью. <…>

– Ур–ра! Ур–ра» Ур–ра–а!! – трижды в грохоте пронеслось по столовой» [с. 212].

Радость, безосновательная, но такая пьянящая и упоительная, характеризующая Турбиных и их друзей как людей эмоциональных, при всем ужасном положении дел сохраняющих надежду на лучший исход, сменяется «трезвыми» последствиями, и просторная, обставленная на высоком интеллигентском уровне комната сменяется «узким ущельем маленькой уборной, где лампа прыгала и плясала на потолке, как заколдованная», где «все мутилось и ходило ходуном» [с. 213]. Так рушится прежний миропорядок, так на смену чистой белой скатерти приходит грязное туалетное помещение. Меняется и облик одного из главных героев. Теперь он предстает не интеллектуальным, мыслящим противником большевистской идеологии, а «пьяным, страшным, с дергающейся щекой, со слипшимися на лбу волосами» [Там же].

Любопытна деталь гардероба Елены. Все в доме спят, кроме героини. Она сидит в своей комнате, наполненной красным светом. Такой свет появился из-за накинутого на лампу красного капора, в котором, пока он не износился, Елена ездила вечерами в театр. Сейчас же «вся черная громадная печаль одевала Еленину голову, как капор» [с. 215]. Вспомним название романа – «*Белая* гвардия». Белый цвет подчеркивает нравственную чистоту героев, их принадлежность к русской интеллигенции как к одному из лучших слоев населения. Красный цвет капора, как и цвет большевиков, символизировавший борьбу угнетенных классов, накрывает «белую» Елену, ведь буржуазия существовала во многом за счет рабочих и крестьян, ими пользовались, как капором, но пришел час, и красный капор сам накрыл свою «хозяйку». Исследователь Л.С. Акопян говорит, что в начале XX века концептосфера *интеллигенции* была наделена отрицательной оценочностью, негативными коннотациями дефиниций, вербализующих концептуальную зону «старой», «буржуазной» интеллигенции [20; с.

233]. Причиной таких коннотаций во многом являлся переломный характер эпохи, революционные изменения в общественном строе и в сознании людей.

Отметим, что в романе значительную роль играет противопоставление не только Турбиных и большевиков, но и внутри самих «интеллигентов». Во сне Алексея в насыщенных, реалистичных красках возникает Город времен правления гетмана, куда и бежали многие несогласные с большевизмом. Но заполненный этими людьми Город отнюдь не место ущемленных и утонченных интеллигентов. Здесь царят разврат и потребительство. Обедают там «огромными обществами за столами в богатых квартирах» [18; с. 220], улицы заполнены паштетными и кафе, где можно «купить женщину», а в типографиях выходят газеты, в которых «лучшие перья в России» пишут фельетоны на большевиков.

Бежавшие из России «интеллигенты» – пустые, порочные, привыкшие к постоянной роскоши. Извозчики без конца возят их из ресторана в ресторан, а в кабаре светятся «неземной красотой лица белых, истощенных, закокаиненных проституток» [Там же]. Состав «буржуев», которым теперь не было места в Советской России разнообразен: «седоватые банкиры со своими женами», «промышленники», «купцы», «адвокаты», «журналисты, московские и петербургские, продажные, алчные, трусливые», «кокотки», «честные дамы из аристократических фамилий», «петербургские бледные развратницы с накрашенным карминовыми губами», «секретари директоров департаментов», «юные пассивные педерасты» и др. И все эти люди противопоставлены честным, искренне ратующим за свою свободу и свободу страны, интеллектуальным и культурным «белым» интеллигентам-Турбиным.

Порочные беженцы и большевиков ненавидят неискренне, видя в них всего лишь препятствие беззаботной и беспорядочной жизни. Другое дело – военные люди, как, например, Карась и Мышлаевский. Во сне Алексея они «в серых потертых шинелях, с еще не зажившими ранами, с ободранными тенями погон на плечах, приезжали в Город и в своих семьях или в семьях чужих спали на стульях, укрывались шинелями, пили водку, бегали, хлопотали и злобно кипели. Вот эти последние ненавидели большевиков ненавистью горячей и прямой, той, которая может двинуть в драку» [с. 223]. Или рвущийся в бой Николка, выброшенный на улицу искалеченным, только что начавший студенческую жизнь, не ребенок и не взрослый, «не военный и не штатский».

Для «истинных», «белых» интеллигентов большевики – трагедия, которая не дает покоя, возбуждает в человеке самые искренние чувства ненависти, злобы и усталости, нарушает привычный порядок жизни днем и тревожащая ночью.

Как можно заметить, интеллигенция в булгаковском романе культурна и образованна. Внимание этому уделяется, в частности, при описании гимназии, в которой учился Турбин. Несмотря на грустные и отчаянные моменты жизни Алексея-ученика, в стенах гимназии было и много радостного: «Серый день, серый день, серый день, ут консекутивум, Кай Юлий Цезарь, кол по космографии и вечная ненависть к астрономии со дня этого кола. Но зато и весна, весна и грохот в залах, гимназистки в зеленых передниках на бульваре, каштаны и май и, главное, вечный маяк впереди – университет, значит, жизнь свободная, – понимаете ли вы, что значит университет? Закаты на Днепре, воля, деньги, сила, слава» [с. 252]. Турбин тянулся к обучению. Трудные учебные будни соседствовали в его прошлом с веселыми днями юности и большими романтическими надеждами поступления в университет. По всей вероятности, и годы учения, и последующие взрослые годы сопровождались чувствительностью героя. Глядя на «мертвый покой» своей гимназии, Алексей погружается в воспоминания о былых временах, о надзирателе за гимназистами по имени Максим: «Ноги Турбина понесли его вниз сами собой. „Максим!“ – хотелось ему крикнуть, потом он стал останавливаться и совсем остановился. Представил себе Максима внизу, в подвальной квартирке, где жили сторожа. Наверное, трясется у печки, все забыл и еще будет плакать. А тут и так тоски по самое горло. Плюнуть надо на все это. Довольно сентиментальничать. Просентиментальничали свою жизнь. Довольно» [с. 264-265]. Вероятно, в лице Турбина свою жизнь «просентиментальничали» многие интеллигенты. Недостаток жесткости, стремление решить политические

распри цивилизованным путем без кровопролития и революции оказались сантиментами, впустившими тяжелые мортиры в величественные покои гимназии, хранящие в себе бесценные силуэты прошлого.

Упомянутая Алексеем сентиментальность свойственна интеллигенции «Белой гвардии». Вспомним, например, Николку, который искренне плакал, когда рассказывал о героической смерти полковника Най-Турса. Но наиболее показательным «чувствительным» героем является Илларион Илларионович Суржанский, или, как его все называют, Лариосик. Он является «дополняющим» героем по отношению к интеллигенции и своей сущностью углубляет концепт, добавляя, на первый взгляд, не самые значительные, но в то же время необходимые элементы в портрет интеллигентов Турбиных.

Молодой человек приехал к ним из Житомира. Появившийся внезапно (так как предупредительная телеграмма от его матери дошла с опозданием), Лариосик нарушил трагический покой семьи Турбиных. Лариосик очень любит птиц и книги (ср.: «У него, кроме страсти и любви к птицам, была еще и страсть к книгам» [с. 335]), но особой его чертой является культурное самосознание: Илларион Илларионович, как он сам себя называет, «джентльмен». Изменившей жене он выдал векселей на семьдесят пять тысяч рублей и посчитал это «джентльменским» поступком, также как и не стал скрывать факта измены от Турбиных. Во время остановки петлюровцами поезда, на котором ехал Лариосик, герой, «как джентльмен», должен был убить их за грубое обращение, но не сделал этого. В один момент и сам автор пишет о Лариосике: «Конечно, не могло быть и речи о том, чтобы Лариосик оказался предателем. Ни в коем случае не может быть на стороне Петлюры интеллигентный человек вообще, а джентльмен, подписавший векселей на семьдесят пять тысяч и посылающий телеграммы в шестьдесят три слова, в частности...» [с. 341]. Можно увидеть, что понятия «интеллигент» и «джентльмен» сближаются, вступают в соотношение «часть-целое»: одним из проявлений интеллигента является джентльмен.

Интеллигент-джентльмен-Илларион крайне вежлив, его речь полна вводных слов и оборотов («Впрочем», «безусловно», «но позвольте», «знаете ли», «вообразите» и др.) и сама по себе имеет некий оттенок книжности (ср.: «– Елена Васильевна! – с чувством сказал он. – Располагайте мной, как вам угодно. Я, знаете ли, могу не спать по три, четыре ночи подряд» [с. 331]; Николке: «Впрочем, виноват, на минутку в вашу комнату…» [Там же] и др.).

Раскроем подробнее сентиментальность Лариосика. Булгаков при многих словах героя указывает на характер их произнесения. Например, об измене жены Ларион говорит «трагическим голосом», о том, что взял с собой в дорогу птицу – «вздыхая», восхищается своей канарейкой – «восторженно», да и при описании внешности героя говорится, что глаза его были «мутными и скорбными». Лариосик остро осознает себя в мире, чувствует свое человеческое значение. Например, он «изъявлял готовность пожертвовать собой и идти одному», когда необходимо было, уже поздним вечером, привести к Алексею врача. Для Лариосика немыслимо предательство, герой считает его подлостью.

Лариосик не только чувствителен, но и чуток. В его словах вновь возникают кремовые шторы, о которых мы говорили выше, но уже «обросшие» дополнительным смыслом, явным значением «ограждения от мира»: «…в квартире у них [у Турбиных – *А.Л., М.Ж.*] тепло и уютно, в особенности замечательны кремовые шторы на всех окнах, благодаря чему чувствуешь себя оторванным от внешнего мира… А он, этот внешний мир… согласитесь сами, грязен, кровав и бессмыслен» [с. 359]. Но Ларион характеризует не только внешний мир. Его слова – слова интеллигента-отщепенца. И действительно: Лариосик эмоционален, но задумчив. Что скрывает скорбь в его глазах? Понимают ли окружающие люди его чувства? Понимает ли эти чувства читатель? Илларион Илларионович, неслучайно выделенный автором, остается героем, изученным не до конца. Впрочем, это создает перспективы дальнейшего исследования системы персонажей романа.

Концепт «Интеллигенция» раскрывается также за счет второстепенных героев произведения. Например, когда Алексей Турбин устраивался в отряд врачом, полковник спросил у

него: «Только… как бы это выразиться… Тут, видите ли, доктор, один вопрос… Социальные теории и… гм… вы социалист? Не правда ли? Как все интеллигентные люди?», на что Турбин отвечает, что он «к сожалению, не социалист, а… монархист» и даже выносить самого слова «социалист» не может. «А из всех социалистов больше всех ненавижу Александра Федоровича Керенского» [с. 246].

А.П. Абрамовский и В.Ф. Мамонов пишут, что интеллигенты, в сущности, присутствовали в подавляющем большинстве руководителей почти всех партий революционной России, но особенно их было много среди эсеров [21; с. 4]. И здесь появляется важная черта интеллигенции «Белой гвардии» – совершенное неприятие революции и поддержка монархических идей, глубокая традиционность, а с нею – особое отношение к религии, ведь монарх на Руси выбирался самим Богом, был помазанником Божьим, и через его политику народом управляли высшие силы.

Наряду с положительным Лариосиком в романе представлены персонажи, которые, благодаря своим отрицательным качествам, также уточняют и расширяют концепт интеллигенции, но уже путем противопоставления.

Первым таким героем становится Михаил Семенович Шполянский, прототипом которого был литературовед В.Б. Шкловский, представленный Булгаковым не в лучшем свете из-за неприязни на почве любовного соперничества.

Михаил Семенович – один из бесчисленного множества бежавших от большевистской политики. Имеющий неприятное внешнее сходство с Евгением Онегиным, Шполянский «прославился как превосходный чтец в клубе «Прах» своих собственных стихов «Капли Сатурна» и как отличнейший организатор поэтов и председатель поэтического ордена «Магнитный Триолет» [18; с. 288]. Странное название «Магнитный Триолет» заключает в себе реальное направление, к которому был близок Шкловский – футуристов «ЛЕФа», Левого фронта искусств, которым руководил В.В. Маяковский и который отвергал Булгаков.

В ходе романа герой собирается в броневой дивизион, чтобы бороться против Петлюры. Однако такой его поступок спровоцирован вовсе не искренней ненавистью к большевикам, а обыкновенной скукой: «Гетманский Город погиб часа на три раньше, чем ему следовало бы, именно из-за того, что Михаил Семенович второго декабря 1918 г. вечером в «Прахе» заявил Степанову, Шейеру, Слоных и Черемшину (головка «Магнитного Триолета») следующее:

– Все мерзавцы. И гетман, и Петлюра. Но Петлюра, кроме того, еще и погромщик. Самое главное, впрочем, не в этом. Мне стало скучно, потому что я давно не бросал бомб» [с. 289].

Главным проявлением Шполянского становится предательство им и его товарищами «белой гвардии» (сторонников Гетмана). Дойдя в своих размышлениях до сомнений по поводу борьбы на стороне гетмана («– Вы знаете, друзья, в сущности говоря, большой вопрос, правильно ли мы делаем, отстаивая этого гетмана» [с. 293]), Шполянский с единомышленниками портят три из четырех пулеметов, подготовленных противниками Петлюры для «радушной» встречи подступающего врага. В результате таких действий, подставивших многих офицеров и юнкеров, армия Петлюры без труда входит в Город.

Шполянский, который, казалось, был на стороне «белой» интеллигенции, оказывается, возможно, человеком хитрым, но, скорее всего, человеком подлым. Ему безразлична честь военного, честь гражданина, чего не сказать, например, об Алексее Турбине (ср.: «Неужели опоздал?.. Какой скандал… Могут подумать, что я сбежал…» [с. 304]). Турбин-старший даже оставляет себе седьмую пулю в револьвере на случай, если героя поймают петлюровцы, будут мучить и вырежут погоны.

Таким образом, Михаил Семенович Шполянский создает контраст, благодаря сопоставлению его действий и действий Турбиных и их друзей интеллигенция «Белой гвардии» отчетливо проявляется в сознании читателя во всей своей чистоте, честности, «белизне».

Говоря о второстепенных героях романа, стоит упомянуть и о Василии Лисовиче, домохозяине, сдающем Турбиным квартиру на втором этаже. Из страха перед какой-то «будущей ответственностью», после января 1918 года Василий Лисович стал подписываться в документах как «Вас. Лис.», в результате чего получил прозвище «Василиса». Исчерпывающа характеристика Лисовича Николкой: «– Ни, ни, ни, – Николка даже руками замахал, – Василиса такой трус, какого свет не видал! Ежели в случае чего, он так и ляпнет кому угодно, что Алексея ранили, лишь бы только себя выгородить» [с. 343].

Василиса, в отличие от всех остальных героев романа, сталкивается напрямую с «представителями народа». Во время «обыска» квартиры Лисовича, который совершили разбойники под видом петлюровцев, из разговора «гостей» с хозяином мы узнаем «народное» отношение к зажиточному классу, к которому частично относятся и Турбины: «– Молчи, гнида, – сказал он [разбойник – *А.Л., М.Ж.*] мрачно. – Молчать! – повторил он, внезапно раздражаясь. – Ты спасибо скажи нам, що мы тебе не расстреляли, як вора и бандита, за утайку сокровищ. <…> Накопил вещей, нажрал морду, розовый, як свинья, а ты бачишь, в чем добрые люди ходют? Бачишь? У него ноги мороженые, рваные, он в окопах за тебя гнил, а ты в квартире сидел, на граммофонах играл» [с. 371].

Богатые и культурные («на граммофонах играл») люди воспринимаются народом как враги, воры, не использующие свои «сокровища» для общественного блага и готовые вовсе убить недовольных: «– <…> Знаю. Ты, як бы твоя власть была, изничтожил бы нас, як насекомых» [с. 373].

На наш взгляд, такое отношение простого народа к зажиточным слоям населения есть культурная память, совмещенная с активной антибуржуазной пропагандой революционеров. Искони на русской земле было разделение на крестьян и бояр (дворян). Недовольство крепостного населения проявлялось также с давних времен (Восстание Емельяна Пугачева, стрелецкие бунты и др.). Революция 1917 года в России и последовавшая за ней Гражданская война, сопровождаемые борьбой с «буржуями», позволили народным массам в полном объеме выразить свою ненависть к многовековым угнетателям. Впрочем, дух интеллигенции присутствовал и в среде декабристов, подготовивших Восстание на Сенатской площади в 1825 году, и в партийных организациях накануне двух русских революций первой трети XX века. Интеллигенты желали народу свободы и улучшения условий его жизни. Таким образом, жестокость разбойников по отношению к «псевдоинтеллигенту» Василисе является своего рода «распознаванием» «своих» и «чужих». Конечно, петлюровцы могли проникнуть и к Турбиным, но по воле автора вошли в квартиру к Василисе, что, по нашему мнению, лишний раз доказывает «буржуазный», «мещанский» характер Василия Лисовича в противопоставление чистым душам Турбиных.

Итак, булгаковское понимание интеллигенции в романе проявляется в шести героях: трех центральных (Турбины), являющихся источниками вышеперечисленных характеристик интеллигентов, и трех второстепенных, углубляющих и расширяющих основные черты (Лариосик) и, наоборот, создающих «негативный фон», «контрастных» героев (Шполянский, Василиса). Представим персонажей в системе.

Главные лица:

1. Алексей Турбин. Для него на первом месте в жизни честь и достоинство; это человек, способный «зажечь» словом (ср. слова Николки: «– Алексей на митинге незаменимый человек, оратор» [с. 373]); он убежденный монархист, готовый до последнего защищать свои взгляды и ценности.

2. Елена Турбина-Тальберг. «Домашняя женщина», обладающая тихим и спокойным характером; хорошая хозяйка; добрая, сочувствующая, переживающая за других; более всего сильна ее вера в Бога: героиня искренне просит Его помочь умирающему Алексею, и он чудесным образом выздоравливает. Помимо прочего, Елена до последнего верна своему мужу Тальбергу, позорно бежавшему из страны, предчувствуя поражение гетмана. Она ждет, что однажды Тальберг вернется с подкреплением, и все вновь наладится, будет по-прежнему.

Вопреки сильным чувствам к мужу Елена, осознав его поступок, не унижается и не собирается удерживать рядом с собой такого мужчину. Здесь проявляется гордость героини, полное неприятие предательства.

3. Николка Турбин. Несмотря на юный возраст (семнадцать лет), молодой человек уже возглавляет отряд юнкеров. Главной чертой героя становится его самоотверженность. Он – единственный, кто не бросает Най-Турса во время наступления петлюровцев, а затем деятельно помогает его родственникам отыскать и похоронить полковника, искренне горюя о потере такого смелого и отважного человека.

Второстепенные герои:

1. Лариосик. Задумчивый, чувствительный «джентльмен. Функция Иллариона – подчеркивание образованности, воспитанности, особой речевой культуры интеллигентов. Будучи героем второго плана, Лариосик дополняет своей энергией пространство между Алексеем, Еленой и Николкой, гармонично входит в их семью, о чем говорит и сам Турбин-старший: «Лариосик очень симпатичный. Он не мешает в семье, нет, скорее нужен. Надо его поблагодарить за уход...» [с. 413]. Несмотря на свою комичность, Лариосик – человек со стержнем, чем не может не вызывать уважение.

2. Михаил Семенович Шполянский. Подлый, гнилой человек, предавший «белую гвардию», войска гетмана. В конце романа мы узнаем, что Шполянский уехал в Москву. Русаков лаконично называет этого героя «Антихристом». Однако Шполянский необходим, чтобы встать в оппозицию с Алексеем Турбиным, действия которого, честные и справедливые, противоположны действиям Шполянского.

3. Василий Лисович (Василиса). Василиса – типичный мещанин, хоть богатства он и «нажил честным трудом». Если Шполянский своим бесчестным и недостойным поведением противопоставлен духовному миру интеллигентов, то Василий Лисович противопоставляется миру их вещей. «Ограждающая от хаоса войны» функция вещи в доме Турбиных ничего не имеет общего с вещью в доме Василисы. Например, новенькие шевровые ботинки героя не используются им, а просто хранятся под кроватью, так как в доме Василисы – культ вещи, культ материальных благ, а не духовных.

Обращение к феномену интеллигенции в романе «Белая гвардия» помогает и самому автору сохранить в себе те светлые и чистые черты, которые могли разрушиться и исчезнуть в условиях тяжелейшего времени гражданской войны. Помимо прочего, интеллигент в произведении – «образец» человека, который не поддается воздействию хаоса, сохраняет себя и свою душу, в отличие от большинства, встающего на путь разврата и разбоя. Но предчувствуя «неизбежность пораженья», М.А. Булгаков прощается с интеллигенцией и запечатлевает в своем романе те ее проявления, которые останутся в прошлом. Это позволяет нам согласиться с Г.М. Ребелем, назвавшим «Белую гвардию» романом-реквиемом [22; с. 18].

Подведем итоги. М.А. Булгаков делает акцент на следующих чертах русской интеллигенции, составивших сущность одноименного индивидуально-авторского концепта: героизм, духовная чистота, чувствительность, отсутствие всякого мещанства, личностная цельность. В дальнейшем творчестве писателя интеллигенция появится вновь, но уже в ином переосмыслении, где чистота и героизм «белых» интеллигентов уйдут на периферию концепта, открывая новые его ядерные компоненты, возникающие в процессе жизни автора.

Библиографический список

1. Теория литературы : в 2 т. Т. 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика : учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / под ред. Н.Д. Тамарченко. М. : Академия, 2014. 512 с.

2. Тимофеев Л. И. Основы теории литературы. М. : Просвещение, 1976. 548 с.

3. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская речь. Вып. II. Под ред. проф. Л.В. Щербы. Л. : Academia, 1928. С. 28-44.

4. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка. // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб. : СПбГУП, 2015. С. 240-251.

5. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М. : Академический Проект, 2004. 992 с.

6. Лозинская Е. В. Когнитивное литературоведение // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. М. : Intrada, 2004. С. 181–184.

7. Володина Н. В. Концептосфера русской литературы : монография. М. : ФЛИНТА, 2019. 204 с.

8. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. М. : Наука, 1990. 224 с.

9. Иванов-Разумник Р. В. Что такое интеллигенция? // Интеллигенция. Власть. Народ: Антология. М. : Наука, 1993. 334 с.

10. Костин Р. А., Михайлова О. К. К дискуссии об интеллигентах и интеллектуалах // Социология и право. 2016. №2 (32). С. 23-29.

11. Малинин В. А. Интеллигенция // Русская философия: Словарь / Под общ. ред. М. Маслина. М. : ТЕРРА-Книжный клуб; Республика, 1999. С. 187-188.

12. Поломошнов А. Ф., Липчанская И. В. Природа интеллигенции: сущностные критерии // Общество: философия, история, культура. 2023. № 11(115). С. 46-51.

13. Овсянико-Куликовский Д. Н. Литературно-критические работы. В 2-х тт. Т. 2. Из «Истории русской интеллигенции». Воспоминания. М. : Худ. лит., 1989. 526 с.

14. Вехи; Интеллигенция в России: сб. ст. 1909-1910 / Сост., коммент. Н. Казаковой. М.: Мол. гвардия, 1991. 462 с.

15. Филатова А. Концепт интеллигенция в смысловом пространстве современной русской культуры // Логос. 2005. №6 (51). С. 206-217.

16. Кадырова Н. С. Концептосфера романа М. А. Булгакова «Белая гвардия» : дисс. … к. филол. н. Уфа, 2013. 235 с.

17. Великая Н. И. «Белая гвардия» М. Булгакова. Пространственно-временная структура произведения, ее концептуальный смысл // Творчество Михаила Булгакова / Под ред. Ю. А. Бабичевой, Н. Н. Киселева. Томск : ТГУ, 1991. С. 28-48.

18. Булгаков М. А. Собрание сочинений. В 5-ти т. Т. 1. Записки юного врача; Белая гвардия; Рассказы; Записки на манжетах. М. : Худ. лит., 1989. 623 с.

19. Пестовникова А. А. Образы семьи и дома в романе М.А. Булгакова «Белая гвардия» // Нравственные императивы в праве, образовании, науке и культуре: сб. материалов X международного молодежного форума, Белгород, 27 мая 2022 года. Белгород : Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2022. С. 602-605.

20. Акопян Л. С. Функционирование концепта «интеллигенция» в русской языковой картине мира начала XX века // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. 2022. № 3 (42). С. 225-235.

21. Абрамовский А. П., Мамонов В. Ф. Революция и судьбы российской интеллигенции // Magistra Vitae: эл. журн. по историч. наукам и археологии. 1991. №1. С. 3-16.

22. Ребель Г. М. Художественные миры романов Михаила Булгакова. М. : Директ-Медиа, 2013. 172 с.

References

1. Theory of literature : in 2 volumes. Vol. 1. Theory of artistic discourse. Theoretical poetics : studies. student's handbook. institutions of higher Prof. education / ed. N. D. Tamarchenko, M. : Akademiya Publ., 2014. 512 p.

2. Timofeev L. I. Fundamentals of literary theory. M. : Prosveshchenie, 1976. 548 p.

3. Askold S. A. Concept and word // Russian speech. Issue II. Edited by Professor L.V. Shcherba. L. : Academia, 1928. Pp. 28-44.

4. Likhachev D. S. The conceptual sphere of the Russian language. / Likhachev D. S. Selected works on Russian and world culture. St. P. : SPbGUP, 2015. Pp. 240-251.

5. Stepanov Yu. S. Constants. Dictionary of Russian Culture. M. : Academic Project, 2004. 992 p.

6. Lozinskaya E. V. Cognitive literary studies // Western literary studies of the XX century: An Encyclopedia. Moscow: Intrada, 2004. Pp. 181-184.

7. Volodina N. V. Conceptosphere of Russian literature : a monograph. M. : FLINTA, 2019. 204 p

8. Berdyaev N. A. The origins and meaning of Russian communism. Reprint reproduction of the YMCA-PRESS edition, 1955. M. : Nauka, 1990. 224 p.

9. Ivanov-Razumnik R. V. What is the intelligentsia? // The intelligentsia. Power. The people: An Anthology. M. : Nauka, 1993. 334 p.

10. Kostin R. A., Mikhailova O. K. On the discussion of intellectuals and intellectuals // Sociology and Law. 2016. No. 2 (32). Pp. 23-29.

11. Malinin V. A. Intelligentsia // Russian Philosophy: Dictionary / Under the general editorship M. Maslina. M. : TERRA-Book Club; Republic, 1999. Pp. 187-188.

12. Polomoshnov A. F., Lipchanskaya I. V. The nature of the intelligentsia: essential criteria // Society: philosophy, history, culture. 2023. No. 11 (115). Pp. 46-51.

13. Ovsyaniko-Kulikovsky D. N. Literary and critical works. In 2 volumes, vol. 2. From the "History of the Russian Intelligentsia". Memoirs. M. : Hood. lit., 1989. 526 p.

14. Milestones; The intelligentsia in Russia: collection of articles 1909-1910 / Comp., comment by N. Kazakova. M. : Mol. gvardiya, 1991. 462 p.

15. Filatova A. The concept of the intelligentsia in the semantic space of modern Russian culture // Logos. 2005. No. 6 (51). Pp. 206-217.

16. Kadyrova N. S. The conceptual sphere of the novel by M. A. Bulgakov "The White Guard" : dissertation by K. philol. Ufa, 2013. 235 p.

17. The Great N. I. "The White Guard" by M. Bulgakov. The spatial and temporal structure of the work, its conceptual meaning // Mikhail Bulgakov's work / Edited by Yu. A. Babicheva, N.N. Kiseleva. Tomsk : TSU, 1991. Pp. 28-48.

18. Bulgakov M. A. Collected works. In 5 volumes, vol. 1. Notes of a young doctor; The White Guard; Stories; Notes on cuffs. M. : Khud. lit., 1989. 623 p.

19. Pestovnikova A. A. Images of family and home in M.A. Bulgakov's novel "The White Guard" // Moral imperatives in law, education, Science and culture: collection of materials of the X International Youth Forum, Belgorod, May 27, 2022. Belgorod : Belgorod State National Research University, 2022. Pp. 602-605.

20. Akopyan L. S. The functioning of the concept of "intelligentsia" in the Russian linguistic worldview of the early 20th century. // Bulletin of the Russian-Armenian (Slavic) University: Humanities and Social Sciences. 2022. No. 3 (42). Pp. 225-235.

21. Abramovsky A. P., Mamonov V. F. Revolution and the fate of the Russian intelligentsia // Magistra Vitae: electronic journal. on historical sciences and archeology. 1991. No. 1. Pp. 3-16.

22. Rebel G. M. The Artistic worlds of Mikhail Bulgakov's novels. M. : Direct-Media, 2013. 172 p.

ЖУРНАЛИСТИКА В ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ JOURNALISM IN HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

УДК 070
DOI 10.36622/2587-9510.2025.57.2.020

Воронежский государственный технический университет
доктор филологических наук, профессор
зав. кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации
Скуридина С.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(920)404-04-48;
e-mail: saskuridina@ya.ru

кандидат исторических наук, доцент
доцент кафедры философии, социологии и истории

Маслихова Л.И.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(951)854-17-76;
e-mail:lim29-78@mail.ru

студент 4 курса направления «Журналистика»
Акимов И.Д.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: saskuridina@ya.ru

Voronezh State Technical University
Doctor of Philology, professor, department chairman, the chair of Russian language and cross-cultural communication,
Skuridina S.A.
Russia, Voronezh, +7(920)404-04-48
e-mail: saskuridina@ya.ru

PhD in Historical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of Philosophy, Sociology and History
Maslikhova L.I.
Russia, Voronezh, tel +7(951)854-17-76;
e-mail:lim29-78@mail.ru

4th year student of Journalism,
I.D. Akimov
Voronezh, Russia,
akimov.ilia02@gmail.com

С.А. Скуридина, Л.И. Маслихова, И.Д. Акимов

СПЕЦИФИКА ПРОДВИЖЕНИЯ ПЕЧАТНЫХ СМИ В СОЦСЕТЯХ

Статья посвящена особенностям продвижения печатных СМИ в социальных сетях. Выявляются современные тенденции и проблемы привлечения аудитории, рассматриваются способы повышения вовлеченности читателей и специфика создания и адаптации контента в соцсетях. Отмечается, что трансформация материалов под запросы разных соцсетей представляет определенную сложность, поскольку наблюдается несовпадение жанровой системы печатных СМИ и платформ соцсетей. Указывается на важную роль визуализации и интерактивных форматов публикаций. Рассматриваются как преимущества продвижения печатных СМИ в соцсетях (при использовании SMM-стратегий издание работает только с той целевой аудиторией, которой интересен его контент; требуются минимальные затраты; наблюдается расширение аудитории; возможность осуществления обратной связи от подписчиков; анализ статистики и регулярного обновления стратегии коммуникации с аудиторией), так и недостатки, к числу которых, во-первых, стоит отнести невозможность размещения всех видов контента; во-вторых, необходимость регулярного оперативного обновления новостных материалов, в-третьих, ориентир на сенсационные публикации различного рода, которые будут поддерживать постоянный интерес у подписчиков.

Ключевые слова: печатные СМИ, продвижение, социальные сети, «ВКонтакте», Telegram.

© Скуридина С.А., Маслихова Л.И., Акимов И.Д., 2025

S.A. Skuridina, L.I. Maslikhova, I.D. Akimov

THE SPECIFICS OF PRINT MEDIA PROMOTION IN SOCIAL NETWORKS

The article is devoted to the peculiarities of print media promotion in social networks. Current trends and problems of audience engagement are identified, ways to increase reader engagement and the specifics of creating and adapting content in social networks are considered. It is noted that the transformation of materials to meet the demands of certain social networks is a certain difficulty, since there is a discrepancy between the genre system of print media and social media platforms. The important role of visualization and interactive publication formats is pointed out. The advantages of promoting print media in social networks are considered (when using SMM, the publication works only with the target audience that is interested in its content; minimal costs are required; audience expansion is observed; the ability to provide feedback from subscribers; analysis of statistics and regular updating of the communication strategy with the audience), as well as disadvantages, includingFirst, it is worth mentioning the impossibility of posting all types of content; secondly, the need for regular operational updates of news materials, and thirdly, a focus on sensational publications of various kinds that will maintain constant interest among subscribers.

Keywords: print media, promotion, social networks, VKontakte, Telegram.

Современное информационное пространство стремительно развивается и меняется: если еще 30 лет назад никто и подумать не мог о глобализации всемирной информационной системы, то сейчас это новая реальность, с которой приходится считаться, в том числе традиционным печатным средствам массовой информации. Снижение тиражей, склонность аудитории к новым форматам и популярность новых медиа – все это вынуждает печатные издания адаптироваться и создавать стратегии для расширения своего присутствия в цифровой среде. Важным каналом коммуникации в таких условиях в настоящее время стали социальные сети, которые сочетают в себе целый ряд функций, среди которых как распространение контента, так и коммуникация с аудиторией, формирование имиджа. В соотвествии с результатами опроса фонда «Общественное мнение», самым востребованным источником новостей в интернете в настоящее время являются социальные сети, так как благодаря им новостную информацию получают 65% пользователей интернет-пространства [1], в связи с чем важным аспектом становится выбор стратегии продвижения в соцсетях.

Термин «продвижение» (англ. «promotion»), впервые введенный английским ученым Нилом Борденом в 1964 году [2, с. 44], используется для обозначения разного рода мероприятий, направленных на привлечение внимания потребителя к продукту или услуге, а также на формирование положительного образа бренда и стимулирование спроса аудитории. Это важный элемент маркетинговой стратегии организации, работающей в коммерческой сфере [3]. Являясь четвертым элементом комплекса маркетинга, продвижение лежит в основе коммуникационной политики коммерческих организаций [4, с.73]. Основная функция продвижения в коммерческой сфере – информативная. Потенциальный покупатель должен знать о существовании того или иного продукта, его особенностях, акциях, а также о его преимуществах перед подобными товарами.

В современном мире в условиях высокой конкуренции средства массовой информации нуждаются в продвижении. Сегодня активно развивается SMM как комплекс мероприятий по продвижению в социальных сетях [5, с.11]. В.А. Кудинов определяет SMM как «комплекс мер, целью которых являются прямые продажи потребительских продуктов или услуг посредством социальных сетей интернет-сообществ» [6, с. 89]. А.А. Градюшко говорит о том, что SMM «подразумевает под собой деятельность СМИ в социальных сетях, таких как ВКонтакте, «Одноклассники», Google+, Youtube и др., создание и развитие сообществ, стимулирование и увеличение интереса аудитории к средству массовой информации» [7, с. 25]. Можно выделить следующие особенности SMM-продвижения:

- компания работает только с целевой аудиторией, интересующейся продуктом;
- интернет-пользователи имеют возможность блокировки навязчивой рекламы;
- в отличие от других видов рекламы, для запуска SMM требуется минимальное количество вложений;

- для получения результата необходимо ежедневное обновление контента.
- удержание аудитории требует размещение публикаций разного типа [8, с. 30].

Для успешного продвижения печатных СМИ в социальных сетях важно применять комплексный подход, включающий создание качественного контента, активное взаимодействие с аудиторией, использование визуальных элементов, сотрудничество с влиятельными лицами и регулярный мониторинг показателей эффективности. Это позволит укрепить позиции издания, привлечь новых читателей и повысить доходы от продаж [9, с. 77].

Продвижение печатных средств массовой информации в социальных сетях обладает рядом преимуществ перед контекстной, баннерной и классической рекламой на телевидении или радио [5, с. 12]. Пользователь, который видит интересную информацию или смешной видеоролик, зачастую стремится поделиться ею со своими друзьями, подписчиками. Так называемое «сарафанное радио» используется для бесплатного вирусного маркетинга. Большое количество пользователей добровольно размещает информацию о себе в интернете. Это позволяет производителям запускать таргетированную рекламу, то есть информация о конкретном продукте появится у человека, которого он точно заинтересует. Помимо этого, социальные сети обеспечивают доступность двусторонней коммуникации. Производитель выпускает рекламу, а пользователь имеет возможность задавать вопросы о товаре, делиться своим мнением и т.д. Это способствует становлению доверительных отношений с аудиторией, ее лояльности, а также помогает улучшать качество товара [5, с. 15].

Помимо преимуществ, продвижение печатных средств массовой информации в социальных сетях имеет ряд недостатков, а именно:

- обновление контента: чтобы оставаться популярным, необходимо регулярно писать посты, выкладывать истории, клипы и т.п.;
- отсутствие гарантии: реклама в социальной сети может быть хорошо продумана, но по совершенно непредсказуемым причинам не понравится пользователям или вовсе оказаться незамеченной;
- классический поиск рекламы: чаще всего пользователи ищут товары и услуги через поисковые системы или маркетплейсы, а не в социальных сетях;
- сложность сохранения репутации: в социальных сетях велик риск испортить репутацию бренда, а это можно сделать неосознанно, выбрав неудачную тему для поста или оставив неоднозначный комментарий [10, с. 23].

Социальные сети являются универсальной площадкой, которая может решать различные задачи средств массовой информации [Ермолова 2014, с. 31]. Есть специальные технологии продаж, разработанные специально для этой среды. Одной из таких является донорство трафика. В сообществе пользователь получает информацию о платной подписке или онлайн-рассылке. Помимо этого, существует такой вариант продаж, как рекомендации лидеров мнений. Призыв к покупке товара от авторитетного человека может увеличить количество купленных товаров [10, с. 27].

Рассмотрим основные этапы разработки стратегии продвижения для печатных средств массовой информации в социальной сети. Первое, что необходимо сделать – определить свою целевую аудиторию. Для этого необходимо установить географию проживания потенциальных пользователей, их социально-демографические характеристики, а именно пол, возраст, образование, семейное положение, уровень дохода. Важно понимать, что интересно аудитории.

После этого необходимо проанализировать, в каких социальных сетях целевая аудитория издания наиболее активна. Существует несколько способов, как это можно сделать:

- анализ статистики сообществ: её можно запросить у администратора сообщества, при этом, необходимо проверить ее достоверность во избежание накрученных подписчиков;
- анализ наиболее популярных тем: самые актуальные темы имеют наибольшее количество лайков и комментариев;

- анализ портрета целевой аудитории: в поисковой строке участников сообщества можно ввести определенные параметры аудитории и сервис покажет, какое количество пользователей им соответствует.

Следующий шаг – постановка задач, которые должны быть реализованы в результате продвижения печатных СМИ. Как правило, основными задачами являются увеличение количества переходов на сайт издания со страницы в социальной сети и продвижение издания среди пользователей с помощью различных интерактивных инструментов [11, с. 240].

После этого необходимо проанализировать поведенческие особенности аудитории. Выделяют три основных модели поведения пользователя: пассивные наблюдатели, участники дискуссий и генераторы контента.

Если в сообществе преобладает количество пассивных наблюдателей, то предоставлять информацию и создавать активность необходимо самостоятельно. Пользователи же будут лишь принимать эти данные к сведению. Несмотря на отсутствие обратной реакции, поток трафика и конверсия в постоянных пользователей сайта от сообществ с пассивными наблюдателями, как правило, соответствуют средним показателям.

При условии, что большинство подписчиков являются активными участниками дискуссий, следует обратить особое внимание на управление коммуникацией. Публикация сенсационной информации или злободневной новости предполагает активное обсуждение в комментариях, а значит, рост просмотров и привлечение новых подписчиков.

Когда основное ядро сообщества составляют генераторы контента, необходимо дать возможность публиковать подписчикам личный материал и стимулировать к продолжению творческой работы. Аудитория ценит возможность высказать свое мнение и почувствовать свое влияние на контент-политику телеканала.

Для продвижения печатного СМИ необходимо составить контент-план. В нем отмечается жанровое разнообразие, стилистику, частоту выхода и конкретное время, а также формат и задействованные платформы. План необходимо составлять в интересах аудитории, а не коммерческих партнеров или руководства издания, иначе такая контент-политика приведет не к расширению аудитории, а напротив, ее постепенному оттоку.

При этом стратегия продвижения должна быть гибкой и мобильной, оперативно реагирующей на желания аудитории, тренды и изменяющуюся повестку. Достичь этого можно, если постоянно анализировать результаты контент-политики за определенный период времени, сравнивать конверсию из соцсетей и поисковых систем, отслеживать пользователей, которые пришли за счет рекламы. Грамотная стратегия повысит узнаваемость бренда и позволит выстроить коммуникацию с аудиторией, что в свою очередь повысит ее вовлеченность.

Печатная пресса, несмотря на смену трендов, остается наследником традиций старой журналистики, которая ценится определенной аудиторией, однако для выстраивания грамотной стратегии необходимо подстраиваться под изменения, удовлетворяя потребности новой аудитории. Чтобы сохранить популярность и преумножить аудиторию в мире стремительной цифровизации, средства массовой информации создают электронные версии, добавляя к сухим текстам и сводкам красочный медиаконтент, упрощая его потребление, таким образом трансформируясь в новых обстоятельствах стремительно ускоряющегося мира.

Современные печатные СМИ в последние несколько лет начали активно развивать социальные сети: страницы издания есть в «ВКонтакте», «Одноклассниках», Telegram и т.д., в связи с чем в изданиях были сформированы SMM-отделы, разрабатывающие стратегии продвижения. Однако социальные сети обычно рассматриваются как вспомогательный канал продвижения СМИ, поскольку материал, представленный в виде постов, является адаптированным и зачастую представлен не в полном объеме, а в конце даются гиперссылки на материалы на сайте. Статистика показывает, что переадресаций с этих ссылок немного, поскольку современный читатель предпочитает потреблять контент быстро и в одном приложении, не тратя время на переадресацию на сайт для ознакомления с полным материалом. Это соз-

дает определенные проблемы в представлении классических газетных аналитических заметок в ограниченном информационном пространстве современных медиа. В таких условиях сформировать эффективную стратегию, которая будет отвечать динамично меняющимся требованиях социальных сетей, достаточно сложно.

Еще одной проблемой современных печатных СМИ является ориентир на аудиторию старше 45 лет, которая читает новости, используя персональный компьютер. В то же время основной аудиторией соцсетей являются молодые люди с подросткового возраста до 30-40 лет. Система алгоритмов социальных сетей предполагает повышенную долю медиаконтента (фотографий, инфографики, видео, вертикальных коротких видео и т.д.), в то же время контент, содержащий крупные текстовые массивы, напротив, не продвигается алгоритмами соцсетей, поскольку длинные тексты обладают невысоким процентом досматриваемости из-за того, что большая часть аудитории соцсетей пользуется мобильными приложениями, которые не позволяют комфортно читать длинные тексты в отличие от видео или инфографик. Таким образом, возникают ограничения на производство контента определенных жанров, например, на длинные тексты, аналитические заметки, репортажи и т.п., так как алгоритмы соцсетей не поощряют подобный контент и стремятся предоставить читателям развлекательные медиа.

Таким образом, одной из главных проблем при продвижении традиционного газетного контента в соцсетях, является его текстовая нагрузка и ориентир на чтение материалов с персональных компьютеров. На сайте периодически появляются материалы в виде инфографики, особенно в эксклюзивных материалах, однако зачастую она плохо читаема с мобильных устройств из-за размера иконок и цифр. При этом, материалы на сайте представлены обширно, это как новостные заметки, аналитические статьи, эксклюзивы, так и репортажи и фоторепортажи, рецензии, тематические галереи и т.д. Однако большая часть подобных материалов требует особенного оформления для аудитории социальных сетей по вышеописанным причинам.

В таких условиях для того чтобы заинтересовать среднестатистического читателя в социальных сетях, используется сокращение текста и выделение главных или самых ярких мыслей, например, цитат или цифр, которые могут заинтересовать читателя и дать ему исчерпывающее понимание сути статьи. Поскольку алгоритмы социальных сетей продвигают материалы с медиаконтентом, для выделения главных или ярких деталей используются дизайнерские шаблоны для картинок, которые в рабочей среде называются «карточками».

Для продвижения контента в социальной сети требуется не только наличие медиа в материале, но также и активная вовлеченность аудитории, которая выражается в количестве реакций: лайки, комментарии и репосты. Поэтому в карточки выносятся самые эмоционально откликающиеся у аудитории факты: крупные цифры, яркие цитаты и др. Это упрощает восприятие информации, хотя в то же время страдает фактическое восприятие, поскольку из-за сокращения текста нередко происходит утрата общего понимания инфоповода.

Из-за политики некоторых издательств лонгриды и аналитические статьи в социальных сетях возможно представить только в виде ссылок на основной материал на сайте и первого абзаца – лида. В конечном счете читатель зачастую ограничивается прочтением этой части текста, не интересуясь полным материалом на сайте. В том случае, если на сайте представлена инфографика, она адаптируется для социальных сетей (это заключается в увеличении иконок и цифр для экранов мобильных устройств), однако это не приводит к увеличению числа переадресаций, но расширяет фактическое освещение, позволяя дать читателю больше информации в ограниченном информационном пространстве.

Наибольшие проблемы возникают с материалами, содержание которых невозможно представить в коротком лиде, а именно с репортажами, где основная мысль и суть заключается в эмоциональном вовлечении читателя в тексте. Представить подобные заметки в рамках ограничений социальных соцсетей невозможно. Здесь также проявляется проблема любых крупных материалов в медиапространстве, в том числе смонтированных видеорепорта-

жей или документальных фильмов. Поскольку соцсети, как и любые новые медиа, такие как видеохостинги или стриминговые сервисы, в первую очередь направлены на развлечения зрителя, большая часть аудитории не выделяет крупные промежутки времени на просмотр, обычно занимая краткие периоды, такие как перерывы во время основной рабочей занятости или время в дороге, что снижает как возможность сосредотачиваться на потребляемом контенте, так и просмотреть его от начала до конца.

Специфика продвижения в социальной сети «ВКонтакте» в основном обусловлена алгоритмами данной соцсети и их особенностями по сравнению с другими. «ВКонтакте» использует систему подбора новостей совместно с «Дзеном», которая формирует определенный пул тем согласно информационной мировой повестке. В нее входят как развлекательные темы, такие как спорт, шоу-бизнес и др., так и деловые и политические. Алгоритмы соцсети размещают посты в темах, основываясь на наличии медиа, скорости публикации, количестве реакций аудитории и т.п. Таким образом платформа поощряет уменьшение количества текста, использование изображений или видео хорошего качества и оперативность выдачи. Эта система способствует повышению общего охвата – количества просмотров от уникальных читателей, однако не способствует вовлечению уже подписанных пользователей и практически не влияет на подписки.

О предпочтении платформы медиаконтента текстовым материалам говорит обновление дизайна «ВКонтакте» 2025 года, в котором соцсеть представила рекомпиляцию текстового и медиаблоков. Если раньше в посте текст стоял выше фотографии или видео, то теперь в посте широким форматом представляется медиафайл, а текст помещается внизу. При этом он представлен лишь двумя строчками, тогда как остальной текст скрыт под кнопкой «Показать еще».

Более того, с 2024 года руководство «ВКонтакте» приняло решение создать отдельную платформу «VK Видео» как самостоятельный видеохостинг с собственным приложением, в том числе встроенным в функционал «ВКонтакте». Это привело к тому, что просмотры и охваты видеороликов не конвертируются в повышение статистики в самой социальной сети. Поскольку платформа «ВКонтакте» не поощряет крупных текстовых постов, некоторыми изданиями используется принцип сокращения текста до двух-трех абзацев с структурой:

1) лид по принципу «перевернутой пирамиды»;
2) цитата и ссылка на источник сообщения;
3) расширение информации или краткий бэкграунд.

Для повышения привлекательности постов системой алгоритмов «ВКонтакте» используются карточки с заголовком, оформленные с фотографией на тему заметки на фоне, текстом заголовка и логотипом издания. Наравне с карточками с заголовком используются описанные выше карточки с цитатами или цифрами, которые позволяют читателю быстрее обнаружить самую важную часть заметки, не опускаясь ниже к тексту.

Одним из наиболее эффективных способов продвижения в «ВКонтакте» также являются короткие вертикальные видео, называющиеся «VK Клипы». Однако, так как в подобном формате представляется развлекательный контент, основной тематикой для подобного контента становятся различные фестивали, праздники, природные явления, новости технологий и другое, не связанное с деловой или политической повесткой.

Telegram – уникальная в своем роде социальная сеть, которая создавалась и продвигалась создателями как мессенджер. По этой причине на платформе нет внутренней системы рекомендаций и продвижения сообществ, как в «ВКонтакте» или других социальных сетях. Более того, Telegram загружает медиафайлы во внутреннюю память устройства, с которого запущен мессенджер, что вынуждает СМИ использовать медиафайлы небольшого веса, чтобы облегчить и ускорить загрузку фотографий и видео. Мессенджер, в отличие от «ВКонтакте», позиционирует себя как текстовый, поскольку «ленты» в традиционном смысле этого слова в приложении нет. Пользователь самостоятельно открывает те каналы, которые ему интересны и читает всю историю сообщений, Telegram не подбирает наиболее интересные

посты по мнению алгоритма, предоставляя читателю подбирать и читать только интересующий его контент.

В таких условиях на первое место выходит оперативность, поскольку системы подбора контента нет и рассчитывать на внимание читателя можно лишь в том случае, если уведомление из канала издания придет на устройство читателя быстрее, чем от конкурента. Поскольку продвижение на платформе затруднено описанными выше особенностями мессенджера, важным способом рекламы является коллаборация с другими изданиями, а также репост постов издания в личные каналы популярных блогеров или другими изданиями. По большому счету это является единственным способом продвижения без сотрудничества с самой платформой, а именно «Telegram Ads».

Эта система представляет собой демонстрацию рекламного промо пользователям в определенных каналах, схожих по тематике, в виде последнего сообщения ленты. Тем не менее, это требует задействования рекламного бюджета и заключения соглашений с владельцами платформы Telegram.

Таким образом, нужно отметить, что несмотря на определенные преимущества продвижения печатных СМИ в соцсетях (при использовании SMM издание работает только с той целевой аудиторией, которой интересен его контент; требуются минимальные затраты; наблюдается расширение аудитории; возможность осуществления обратной связи от подписчиков; анализ статистики и регулярного обновления стратегии коммуникации с аудиторией), можно отметить и определенные недостатки, к числу которых, во-первых, стоит отнести невозможность размещения всех видов контента; во-вторых, необходимость регулярного оперативного обновления новостных материалов, в-третьих, ориентир на сенсационные публикации различного рода, которые будут поддерживать постоянный интерес у подписчиков.

Библиографический список

1. Исследование фонда «Общественное мнение» «Интерес к новостям в интернете» [Электронный ресурс]. URL: http://fom.ru/SMI-i-internet/12247 (дата обращения – 15.03.2025).

2. Прокудина О.А., Малахова Н.Л. Исследование понятийно-терминологического аппарата дифиниций «продвижение» и «коммуникации» // Молодий ученый. 2014. № 1-2(04). С. 44-47.

3. Рожкова С.В. Методы стимулирования сбыта: учебно-практическое пособие. М., 2009. С. 19.

4. Вонг В. Котлер Ф. Сондерс Д. Основы маркетинга / под.ред. А.В. Назаренко, А.Н. Свирид. Москва, 2017. 751 с.

5. Халилов Д. Маркетинг в социальных сетях. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. 240 с.

6. Кудинов В.А., Иванов М.О. SMO, SMM, PR и брендинг в социальных сетях// Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. № 1(21). С. 87-91.

7. Градюшко А.А. Продвижение интернет-СМИ в социальных медиа. Идеология белорусского государства в процессе формирования личности специалиста: сб. статей / Под ред. О. Г. Слуки (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2012, с. 23-32.

8. Патрахина Т.Н., Яковлева А.Ю. Social Media Marketing: контекст понятия в зарубежной и отечественной науке // Научный потенциал молодежных исследований: Сборник статей II Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 18 ноября 2020 года, 2020. С. 29-34.

9. Бондаренко В.А., Иванченко О.В., Миргородская О.Н., Поздняковская Ю.Э. Основные инструменты продвижения федеральных телевизионных каналов на региональном рынке // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2018. № 4(64). С. 76-80.

10. Ермолова Н. Продвижение бизнеса в социальных сетях Facebook, Twitter, Google+. М. : Альпина Паблишер, 2014. 358 с.

11. Бейненсон В.А. Продвижение СМИ в социальных сетях: возможности и проблемы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 5. С. 239-243.

References

1. The research of the Public Opinion Foundation "Interest in news on the Internet" [Electronic resource]. URL: http://fom.ru/SMI-i-internet/12247 (accessed 03/15/2025).

2. Prokudina O.A., Malakhova N.L. A study of the conceptual and terminological apparatus of the definitions of "promotion" and "communication" // Young Scientist. 2014. No. 1-2(04). pp. 44-47.

3. Rozhkova S.V. Methods of sales promotion: an educational and practical guide. Moscow, 2009. p. 19.

4. Wong V. Kotler F. Saunders D. Fundamentals of marketing / edited by A.V. Nazarenko, A.N. Svirid. Moscow, 2017. 751 p.

5. Khalilov D. Social media marketing. Moscow : Mann, Ivanov and Ferber, 2013. 240 p.

6. Kudinov V.A., Ivanov M.O. SMO, SMM, PR and branding in social networks// Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University. 2012. No. 1(21). pp. 87-91.

7. Gradyushko A.A. Promotion of online media in social media. The ideology of the Belarusian state in the process of forming the personality of a specialist: collection of articles / Edited by O. G. Sluki (chief editor) [and others]. Minsk: BSU, 2012, pp. 23-32.

8. Patrakhina T.N., Yakovleva A.Y. Social Media Marketing: the context of the concept in foreign and domestic science // Scientific potential of youth research: Collection of articles of the II International Scientific and Practical Conference, Petrozavodsk, November 18, 2020, 2020. pp. 29-34.

9. Bondarenko V.A., Ivanchenko O.V., Mirgorodskaya O.N., Pozdnyakovskaya Yu.E. The main tools for promoting federal television channels on the regional market // Bulletin of the Rostov State University of Economics (RINH). 2018. No. 4(64). pp. 76-80.

10. Ermolova N. Business promotion on social networks Facebook, Twitter, Google+. Moscow : Alpina Publisher, 2014. 358 p.

11. Beinenson V.A. Media promotion in social networks: opportunities and challenges // Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University. 2016. No. 5. pp. 239-243.

УДК 81’42:316.77:81’37
DOI 10.36622/2587-9510.2025.57.2.021

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)
преподаватель кафедры связи военного учебного центра
Диреев И.Д.
Россия, г. Челябинск
тел. +7(919)110-00-87
e-mail: tifey@udm.ru

South Ural State University (National Research University)
Lecturer at the Department of Communications, Military Training Center
Direev I.D.
Russia, Chelyabinsk
tel. +7(919)110-00-87
e-mail: tifey@udm.ru

И.Д. Диреев

МЕДИАЛИНГВИСТИКА И СЕМИОТИКА: МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА МУЛЬТИМОДАЛЬНЫХ МЕДИАТЕКСТОВ

Статья исследует методологический синтез медиалингвистики и семиотики как инструмента анализа мультимодальных медиатекстов и противодействия дезинформации в условиях цифровой эпохи. На основе междисциплинарного подхода авторы анализируют методы деконструкции сложного взаимодействия вербальных, визуальных и аудиальных компонентов медиаконтента, которые всё чаще используются для манипулятивных целей. К ключевым вызовам отнесены семантические манипуляции (например, искажение контекста), визуальная дезинформация (символическое использование красного цвета для провокации тревоги) и алгоритмические предубеждения в распространении информации. На примере кейсов продемонстрирована эффективность критического дискурс-анализа, корпусной лингвистики и семиотического декодирования в выявлении фейковых новостей и пропагандистских стратегий. Основной вывод исследования: мультимодальность сама по себе становится каналом распространения дезинформации, что требует разработки продвинутых аналитических инструментов и образовательных программ. Среди технологических решений выделены алгоритмы искусственного интеллекта для распознавания глубоких подделок (дипфейков) и блокчейн-системы аутентификации контента, формирующие основу автоматизированных платформ мониторинга. Образовательные инициативы, направленные на развитие медиаграмотности через обучение семиотическому анализу, способствуют снижению уязвимости аудитории к манипуляциям. Перспективы дальнейших исследований связаны с: 1) интеграцией ИИ и семиотики для интерпретации коннотативных значений визуально-аудиальных элементов; 2) кросскультурной адаптацией методов фактчекинга с учётом языкового и символического разнообразия; 3) психолингвистическими экспериментами по изучению когнитивных искажений при восприятии мультимодальной информации. Результаты работы имеют прикладное значение для формирования этических стандартов журналистики, совершенствования законодательства в сфере цифровых медиа и создания образовательных программ нового поколения. Соединяя теоретическую строгость гуманитарных наук с технологической масштабируемостью, исследование вносит вклад в построение устойчивого информационного пространства в условиях гибридных угроз.

Ключевые слова: медиалингвистика, семиотика, медиатекст, информационная безопасность, мультимодальность, дезинформация, критический дискурс-анализ.

I.D. Direev

MEDIALINGUISTICS AND SEMIOTICS: METHODOLOGY FOR ANALYZING MULTIMODAL MEDIA TEXTS

This article explores the convergence of mediolinguistics and semiotics as a methodological framework for analyzing multimodal media texts and countering disinformation in the digital age. By employing an interdisciplinary approach, the study examines techniques for deconstructing the complex interplay of verbal, visual, and auditory components in media content, which are increasingly exploited for manipulative purposes. Key challenges identified include

© Диреев И.Д., 2025

semantic manipulations (e.g., contextual distortion), visual disinformation (e.g., symbolic use of red to provoke anxiety), and algorithmic biases in content distribution. Through case studies, the research demonstrates the efficacy of critical discourse analysis, corpus linguistics, and semiotic decoding in identifying fake news and propaganda strategies. A central finding is that multimodality itself serves as a vector for disinformation, requiring advanced analytical tools and educational interventions. The study highlights technological solutions such as AI-driven algorithms for deepfake detection and blockchain-based content authentication systems, which form the backbone of automated monitoring platforms. Equally critical are educational initiatives aimed at enhancing media literacy through semiotic training, empowering audiences to critically decode multimodal narratives. The findings underscore the necessity of integrating humanities-based methodologies with technical innovations to create robust anti-disinformation frameworks. Future research directions include: 1) developing AI models capable of interpreting connotative meanings in visual and auditory elements; 2) cross-cultural adaptations of fact-checking methodologies to address linguistic and symbolic diversity; and 3) psycholinguistic experiments to map cognitive biases in multimodal information processing. The results offer practical applications for shaping ethical journalism standards, refining digital media legislation, and designing next-generation educational curricula. By bridging theoretical rigor with technological scalability, this research contributes to a more resilient information ecosystem in the face of evolving hybrid threats

Keywords: medialinguistics, semiotics, media text, information security, multimodality, disinformation, critical discourse analysis.

Современное медиапространство, трансформирующееся под влиянием цифровых технологий, сталкивается с беспрецедентными вызовами информационной безопасности. Рост дезинформации, алгоритмическая предвзятость платформ и усложнение структуры медиатекстов требуют новых подходов к анализу и регулированию коммуникационных процессов. Медиалингвистика, изучающая язык СМИ, и семиотика, фокусирующаяся на знаковых системах, становятся ключевыми инструментами для деконструкции манипулятивных практик [1].

Актуальность исследования обусловлена:

Мультимодальностью медиатекстов: интеграция текста, изображений и звука создаёт сложные семиотические системы, требующие междисциплинарного анализа [2];

Цифровизацией угроз: глубокие фейки, алгоритмическое усиление фейков и визуальные искажения ставят под сомнение достоверность информации [3];

Необходимостью правового и образовательного ответа: отсутствие единых стандартов верификации контента и низкий уровень медиаграмотности аудитории [4].

Цель статьи - разработать методологическую основу для анализа мультимодальных медиатекстов через синтез медиалингвистики и семиотики, а также предложить решения для укрепления информационной безопасности.

Задачи:

выявить лингвистические и семиотические маркеры манипуляций;

проанализировать кейсы применения мультимодального дискурс-анализа;

оценить эффективность технологических и образовательных мер противодействия дезинформации.

Теоретической базой исследования стали работы Т.А. ван Дейка (критический дискурс-анализ), Р. Барта (семиотика мифов) и современных российских исследователей (Добросклонская, Бодрунова). Практическая значимость заключается в разработке рекомендаций для журналистов, фактчекеров и регуляторов.

1. Теоретические основы

1.1. Медиалингвистика: эволюция и ключевые концепции

Медиалингвистика сформировалась в конце XX века как междисциплинарная область на стыке лингвистики, журналистики и коммуникативистики. Её объект - язык медиа, а предмет - закономерности его функционирования в различных жанрах, включая новости, рекламу, инфотейнмент и пользовательский контент в цифровых платформах.

Этапы развития:

1980-1990-е годы:

Фокус на анализе языка традиционных СМИ (газеты, ТВ);

Изучение стилистических особенностей новостных текстов (лаконичность, клишированность).

2000–2010-е годы:

Расширение за счёт цифровых медиа (блоги, соцсети);

Появление термина «медиалингвистика» в работах Т.Г. Добросклонской [1].

2020-е годы:

Анализ мультимодальности (текст + изображение + звук);

Исследования влияния алгоритмов соцсетей на языковые паттерны [2].

Ключевые концепции:

Гибридность медиатекста:

Современные медиатексты сочетают информирование, убеждение и развлечение. Например, инфотейнмент (образовательно-развлекательный контент) использует игровые элементы для подачи информации [1].

Клиповый язык соцсетей:

Краткость (ограничение символов в Twitter);

Визуализация (эмодзи, мемы);

Хештеги как инструмент категоризации (#Экология).

Современные исследования:

Работа Кэри Джавитт (2020) выявила, что в TikTok доминируют императивные конструкции («Посмотри!», «Попробуй!»), что усиливает вовлечённость аудитории [5].

1.2. Семиотика медиа: от классических теорий к цифровой эпохе

Семиотика, основанная на трудах Ф. де Соссюра (знак = означающее + означаемое) и Ч. Пирса (иконы, индексы, символы), в медиаисследованиях фокусируется на декодировании знаковых систем.

Классические подходы:

Ролан Барт: В труде «Мифологии» (1957) раскрыл, как массовая культура создаёт вторичные смыслы. Например, реклама мыла «Персил» кодирует идею «чистоты» как социальной нормы [3].

Ю.М. Лотман: Концепция «семиосферы» объясняет медиа как пространство взаимодействия культурных кодов [6].

Цифровая трансформация семиотики:

Интерактивные элементы:

Гиперссылки: перенаправляют внимание (например, ссылки на «подробнее» в новостях).

Лайки/репосты: становятся символами одобрения или протеста.

Алгоритмически генерируемый контент:

Рекомендации YouTube: формируют «эхо-камеры» через анализ предпочтений.

Боты в соцсетях: используют шаблонные сообщения для имитации человеческой речи.

Пример анализа: исследование Kress и van Leeuwen (2006) показало, что цветовая палитра интерфейса популярных социальный сетей (синий → доверие) влияет на восприятие платформы как «надёжной» [4].

1.3. Синтез дисциплин: мультимодальный подход

Интеграция медиалингвистики и семиотики позволяет анализировать медиатекст как систему взаимодействующих кодов. Теория мультимодальности Кресса и ван Лёвена утверждает, что смысл рождается в процессе одновременного «чтения» всех компонентов сообщения [4].

Компоненты мультимодального анализа:

Вербальный слой:

Лексика: выбор слов («кризис» vs «вызов»).

Синтаксис: структура предложений (простые → для ясности, сложные → для углубления).

Визуальный слой:
Цвет:
Красный: опасность (предупреждения), страсть (реклама).
Синий: доверие (корпоративные сайты).
Композиция:
Правило третей: размещение ключевых объектов в зонах внимания.
Пустое пространство: создаёт эффект минимализма (премиум-бренды).
Аудиальный слой:
Тональность голоса: спокойная (новости) vs эмоциональная (реклама).
Фоновый звук: шум офиса в подкастах → эффект «присутствия».
Пример:Рекламный баннер слоганом «Бери от жизни всё»:
Текст: императив («бери») → призыв к действию.
Визуал: молодые люди на тропическом пляже → гедонизм, свобода.
Звук (в видеоформате): энергичная музыка → ассоциация с активным образом жизни.
Современные исследования:
Анализ Jewitt (2020) демонстрирует, что в TikTok аудиовизуальные эффекты (ускорение видео, стикеры) усиливают эмоциональное воздействие [5].

2. Методология исследования

2.1. Критический дискурс-анализ (CDA)

Критический дискурс-анализ (CDA), разработанный Т.А. ван Дейком, представляет собой методологический инструмент, направленный на выявление скрытых идеологий, властных отношений и манипулятивных стратегий в медиадискурсе [7]. Его методология охватывает три взаимосвязанных уровня анализа, позволяющих деконструировать как формальные, так и содержательные аспекты текстов.

На текстуальном уровне анализ фокусируется на лингвистических особенностях медиатекста. Лексический аспект включает изучение частотности ключевых слов (таких как «кризис» или «угроза»), а также использование эвфемизмов («оптимизация» вместо «сокращение») и дисфемизмов («оккупанты»), которые искажают или усиливают восприятие событий. Синтаксический анализ раскрывает роль пассивных конструкций («были приняты меры»), маскирующих субъект действия, и риторических вопросов («Разве это справедливо?»), направленных на манипуляцию мнением аудитории. Особое внимание уделяется модальности: противопоставлению оценочных высказываний («это катастрофа») и нейтральных формулировок («изменения наблюдаются»), что формирует эмоциональный фон сообщения.

Дискурсивный уровень предполагает изучение стратегий репрезентации акторов и фреймирования событий. Например, номинации «мигранты» vs «беженцы» или позиционирование групп как «жертв» vs «агрессоров» закрепляют определённые идеологические установки. Фреймирование, в свою очередь, контекстуализирует события через призму «конфликта» или «сотрудничества». Так, освещение протестов как «беспорядков» акцентирует хаотичность, тогда как трактовка их как «борьбы за права» подчёркивает социальную значимость.

Социальный уровень связывает дискурс с историческим и политическим контекстом, а также институциональной принадлежностью СМИ. Например, государственные медиа чаще используют фреймы, соответствующие официальной повестке, тогда как независимые издания могут акцентировать критику.

Ярким примером применения CDA стало исследование Бодруновой С.С. (2023), посвящённое анализу новостей о миграции в европейских СМИ. Учёная выявила доминирование лексем «угроза» и «наплыв» (частота 12 на 1000 слов), использование пассивных конструкций («границы закрыты из-за наплыва мигрантов»), что смещало ответственность с политиков на мигрантов, а также фрейм «мигранты как опасность», игнорирующий социально-экономические причины явления [6].

Преимущества CDA заключаются в его способности раскрывать идеологическую подоплёку медиатекстов и выявлять скрытые властные отношения. Однако метод имеет ограничения: субъективность интерпретации, зависящая от позиции исследователя, и необходимость глубокого понимания социокультурного контекста, что требует междисциплинарной экспертизы.

Таким образом, CDA остаётся ключевым инструментом для анализа медиадискурса, однако его применение требует критической рефлексии и дополнения другими методами.

2.2. Мультимодальный дискурс-анализ (MDA)

Мультимодальный дискурс-анализ (MDA), предложенный Кэри Джавитт, расширяет методологию критического дискурс-анализа (CDA) за счёт интеграции исследования вербальных, визуальных и аудиальных компонентов медиатекстов [5]. Основываясь на принципах семиотики, MDA рассматривает коммуникацию как систему взаимодействующих знаков, где значение формируется через синтез всех элементов сообщения.

Теоретические основы метода включают три ключевых направления:

1. Деконструкция визуальных элементов:

Цветовая семиотика:

Красный используется для передачи опасности или срочности (например, предупреждения в инфографике о стихийных бедствиях).

Зелёный ассоциируется с экологией и безопасностью, что активно эксплуатируется в рекламе органических продуктов [5].

Композиция:

Центральное положение объекта (например, товара в рекламе) усиливает его значимость.

Пустое пространство вокруг элемента создаёт эффект «премиальности», как в рекламе люксовых брендов.

Ракурс:

Съёмка «снизу» придаёт персонажу авторитет (политики на агитационных плакатах).

Съёмка «сверху» подчёркивает уязвимость, что часто используется в социальной рекламе с изображением детей.

2. Анализ аудиоряда:

Тональность голоса:

Спокойный тон в новостных выпусках формирует доверие, тогда как эмоциональные колебания в ток-шоу драматизируют контент.

Фоновый звук:

Тревожная музыка в репортажах о кризисах усиливает напряжение.

Атмосферные шумы, такие как гул толпы, создают эффект присутствия в документальных фильмах.

3. Интерактивные элементы цифровых медиа:

Гиперссылки направляют внимание аудитории на определённые источники, формируя траекторию восприятия.

Эмодзи и хештеги (например, #СпасемПланету) выполняют функцию маркеров групповой идентичности.

Пример применения MDA — анализ видеоролика о COVID-19, проведённый Павловой С.В. (2021). Исследование выявило:

Визуальный слой: Инфографика в красных тонах с графиком роста случаев заболевания кодировала «угрозу», акцентируя масштаб пандемии.

Вербальный слой: Метафоры «невидимый враг» и «война с вирусом» милитаризировали дискурс, оправдывая чрезвычайные меры.

Аудиальный слой: Тревожный синтезаторный саундтрек с нарастающим ритмом усиливал эмоциональное воздействие [8].

Инструментарий MDA включает:

Программы для анализа изображений: Adobe Photoshop (выявление монтажа), GIMP (изучение цветовой палитры).

Софт для аудиоанализа: Audacity (построение спектрограмм), Praat (анализ интонационных паттернов).

Преимущества MDA:

Позволяет выявить скрытые смыслы, которые неочевидны при анализе только текстовой составляющей.

Учитывает культурные коды, заложенные в визуальных и аудиальных элементах.

Ограничения:

Субъективность интерпретации визуальных и аудиальных компонентов.

Требует технических навыков работы со специализированным ПО.

Таким образом, MDA предоставляет инструментарий для комплексного анализа медиатекстов, однако его эффективность зависит от междисциплинарной экспертизы и критической рефлексии исследователя.

2.3. Корпусная лингвистика

Корпусная лингвистика, как метод исследования, позволяет выявлять статистические закономерности в больших массивах текстовых данных, однако её применение сопряжено с ограничениями. Главный недостаток метода — неспособность автоматически учитывать контекст (например, иронию или сатиру), что требует последующей ручной верификации результатов для исключения ложных паттернов [8]. В исследованиях используются два типа корпусов:

1. Общие корпуса, такие как Национальный корпус русского языка (НКРЯ), предоставляющие широкий спектр языковых данных для анализа частотности и употребления лексики в различных жанрах.

2. Специализированные корпуса, созданные под конкретные задачи. Например, корпус фейковых новостей (FakeNewsCorpus) или корпус рекламных слоганов, фокусирующиеся на специфических языковых маркерах.

Процедура анализа включает несколько этапов. На первом этапе формируется корпус — структурированная выборка текстов. Так, исследование может включать 1000 новостных заголовков за период 2020–2024 гг., отобранных по критериям тематики (политика, экология) и источника (онлайн-издания, Telegram-каналы). Далее проводится токенизация (разбиение текста на слова/лексемы) и лемматизация (приведение слов к начальной форме, например, «бежали» → «бежать»), что стандартизирует данные для последующего анализа.

На этапе поиска паттернов применяется специализированное ПО, такое как AntConc (для построения конкордансов) или LancsBox (для визуализации распределения лексики). Эти инструменты позволяют выявить частотность ключевых слов, N-грамм (устойчивых сочетаний) и коллокаций (сочетаемости лексем).

Примером успешного применения метода стало исследование Павловой С.В. (2021), проанализировавшей 500 новостных заголовков. Учёная обнаружила, что фейковые новости на 40% чаще используют глаголы в повелительном наклонении («Действуй сейчас!»), а также коллокации «учёные доказали» + «сенсация», создающие иллюзию научного авторитета. В отличие от них, достоверные новости характеризуются преобладанием модальных глаголов («может», «вероятно») и ссылок на источники [8].

Ограничения метода:

- Неспособность алгоритмов распознавать контекстуальные нюансы (ирония, сатира, метафоричность).

- Необходимость ручной проверки результатов для исключения ложных корреляций (например, случайной частотности нейтральных слов в определённом контексте).

Таким образом, корпусная лингвистика остаётся мощным инструментом для количественного анализа, однако её эффективность зависит от качества исходных данных и критической интерпретации результатов исследователем.

2.4. Семиотическое декодирование

Семиотическое декодирование, основанное на работах Ролана Барта и Юрия Лотмана, представляет собой метод анализа медиатекста как системы знаков, где каждый элемент (визуальный, вербальный, аудиальный) несёт двойное значение: денотативное (прямое) и коннотативное (символическое) [6, 3]. Теория Барта о «мифологиях» раскрывает, как массовая культура присваивает объектам вторичные смыслы, а Лотман, развивая концепцию семиосферы, подчёркивает роль культурного контекста в интерпретации знаков.

Процедура анализа включает три этапа:

1. Выделение ключевых знаков:

- Визуальные: логотипы, цветовые решения (например, красный как сигнал опасности или страсти).
- Вербальные: слоганы, заголовки («Just Do It» Nike).
- Аудиальные: джинглы, звуковые эффекты (звон монет в рекламе банков).

2. Интерпретация в культурном контексте:

Значения знаков варьируются в зависимости от культурных кодов. Например, красный цвет в Китае ассоциируется с удачей и праздником, а в Европе — с опасностью или запретом.

3. Сопоставление компонентов:

Целостный смысл медиатекста рождается во взаимодействии всех элементов. Например, в рекламном ролике автомобиля:

- Визуал: машина, движущаяся по пустой горной дороге, символизирует свободу и преодоление препятствий.
- Текст: слоган «Владей моментом» (императив) усиливает идею активного образа жизни.
- Звук: гитарный рифф в стиле рок передаёт энергию и бунтарский дух.

Синтез этих элементов формирует образ «независимости и силы», апеллируя к ценностям целевой аудитории [4].

Пример применения метода — анализ рекламы яблока. Денотативное значение (фрукт) дополняется коннотациями:

- В рекламе здорового питания: яблоко → символ здоровья и натуральности.
- В религиозном контексте: яблоко → искушение (библейский сюжет).

Преимущества метода:

- Позволяет раскрыть скрытые культурные и идеологические коды.
- Учитывает поликодовость современных медиатекстов.

Ограничения:

- Субъективность интерпретации, зависящая от знаний исследователя.
- Необходимость глубокого понимания культурных и исторических контекстов.

Таким образом, семиотическое декодирование остаётся ключевым инструментом для анализа медиатекстов, однако его эффективность требует критического подхода и междисциплинарной экспертизы.

2.6. Сравнительный анализ: интеграция методов

Сравнительный анализ медиатекстов направлен на выявление различий в репрезентации событий, идеологиях и культурных кодах через сопоставление материалов по ключевым критериям: тип СМИ (государственные vs независимые), географический контекст (западные vs незападные медиасистемы) и временной период (исторические vs современные нарративы). Методология включает сочетание количественных и качественных методов, таких как контент-анализ ключевых слов, семиотический анализ визуальных элементов и дискурс-анализ стратегий фреймирования.

Пример: сравнение освещения климатического кризиса в BBC (Великобритания) и Al Jazeera (Катар) выявило существенные различия.

- В материалах BBC доминирует лексика с акцентом на «чрезвычайной ситуации» и «вине человека», сопровождаемая кадрами тающих ледников и акций экоактивистов.

- Al Jazeera использует лексему «глобальная ответственность», акцентируя инфографику с данными по развивающимся странам, что подчёркивает неравномерность последствий климатических изменений [10].

Интерпретация:

Различия отражают культурно-политические приоритеты. Западные СМИ, такие как BBC, фокусируются на индивидуальной ответственности и локальных последствиях, тогда как незападные медиа, включая Al Jazeera, выделяют коллективные действия и роль глобального Юга в решении проблем.

Методология исследования:

1. Контент-анализ ключевых слов выявляет частотность и коннотации лексем (например, «кризис» vs «вызов»).

2. Семиотический анализ визуальных элементов рассматривает цвет (красный для опасности), композицию (центрирование объектов) и ракурс съёмки.

3. Дискурс-анализ стратегий фреймирования раскрывает, как события контекстуализируются через оппозиции «жертва vs виновник» или «конфликт vs сотрудничество» [10].

Источники данных:

- Архивы новостей (BBC News, Al Jazeera English);

- Корпуса медиатекстов (LexisNexis, Factiva).

Интеграция методов:

Комплексный подход объединяет количественные, качественные и экспериментальные методы, обеспечивая триангуляцию данных. Например:

- Корпусный анализ выявляет статистические паттерны (частотность терминов);

- CDA и MDA раскрывают идеологическую подоплёку через связь текста, изображений и звука;

- Эксперименты (опросы, eye-tracking) оценивают воздействие на аудиторию.

Вывод: Сравнительный анализ не только фиксирует различия в медиадискурсе, но и позволяет деконструировать культурные и политические нарративы, лежащие в основе информационной политики СМИ.

3. Практические кейсы

Практическая часть исследования направлена на анализ мультимодальных медиатекстов, демонстрирующих взаимодействие вербальных, визуальных и аудиальных компонентов. Каждый кейс служит примером применения методов медиалингвистики и семиотики для выявления манипулятивных стратегий и обеспечения информационной безопасности.

3.1. Кейс 2: Рекламная кампания спортивной одежды в Instagram (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещённой на территории Российской Федерации)

Цель: изучить мультимодальные стратегии убеждения в цифровых медиа.

Методы:

- Мультимодальный дискурс-анализ (MDA);

- Корпусная лингвистика для анализа хештегов и подписей.

Анализ:

1. Вербальный слой:

Слоганы «Преодолей себя» (императив) и «Стань частью сообщества» апеллируют к ценностям личностного роста и коллективной идентичности. Хештеги, такие как #ПобедаНачинаетсяЗдесь, формируют групповую принадлежность, стимулируя пользователей к взаимодействию с контентом.

2. Визуальный слой:

- Изображения спортсменов в динамичных позах, снятые с ракурса «снизу», визуально усиливают их силу и решимость [4].

- Доминирование синего (надёжность) и чёрного (профессионализм) цветов создаёт образ стабильности и авторитетности бренда.

3. Аудиальный слой:

В Stories используются звуковые эффекты ударов сердца, синхронизированные с ритмом видео. Это создаёт ассоциацию с физическими усилиями, мотивируя аудиторию на действие.

Результаты:

Рекламная кампания эксплуатирует миф о «преодолении», связывая продукт с идеей личностного роста. Мультимодальность (сочетание императивов, визуальных кодов силы и аудиальных эффектов) усиливает внушающий эффект, маскируя коммерческие цели под идеологию саморазвития [5].

Вывод:

Анализ выявил, как визуальные, вербальные и аудиальные элементы взаимодействуют для формирования убедительного нарратива. Это подчёркивает важность критического восприятия рекламного контента, особенно в условиях алгоритмического таргетирования.

3.2. Кейс 2: Фейковая новость в Telegram-канале

Цель: выявить лингвистические и семиотические маркеры дезинформации.

Методы:

- Корпусный анализ (сравнение с достоверными источниками);

- Семиотическое декодирование изображений.

Анализ:

1. Вербальный слой:

- Заголовок: «Сенсация! Учёные доказали: витамин С вызывает рак» сочетает восклицательный знак и ложный авторитет («учёные»), создавая иллюзию достоверности.

- Лингвистические маркеры:

- Модальные глаголы («должны знать», «обязаны предупредить») оказывают давление на аудиторию.

- Псевдонаучные термины («канцерогенные метаболиты») имитируют научность.

2. Визуальный слой:

- Фотография лаборатории с подписью «Запрещённые исследования» (монтаж) формирует образ «скрываемой правды».

- Красные стрелки, указывающие на пробирки, акцентируют «опасность», а тёмная цветовая гамма с красными вспышками усиливает тревожность.

Результаты:

Фейковая новость сочетает псевдонаучную лексику, визуальные манипуляции и эмоциональный шантаж. Корпусный анализ подтвердил отсутствие упоминаний исследования в авторитетных базах PubMed и Web of Science, что доказывает её недостоверность [6].

Вывод:

Использование семиотического декодирования и корпусного анализа позволяет выявлять ключевые маркеры дезинформации, что критически важно для противодействия «инфодемии».

3.3. Кейс 3: Подкаст о здоровом питании (платформа Яндекс.Музыка)

Цель: исследовать роль аудиальных компонентов в формировании доверия к медиаконтенту.

Методы:

- Аудиальный анализ тональности, пауз и фоновой музыки;

- Критический дискурс-анализ (CDA) для выявления скрытых убеждающих стратегий.

Анализ:

1. Вербальный слой:

- Использование местоимения «мы» («Мы все хотим быть здоровыми») создаёт иллюзию общности, стирая границы между автором и аудиторией.

- Эвфемизмы:

- «Детокс» вместо «диета» смягчает негативные ассоциации с ограничениями.

- «Биодобавки» вместо «лекарства» маскирует коммерческую направленность рекомендаций.

2. Аудиальный слой:

- Тембр голоса: мягкий, с продуманными паузами в ключевых моментах, имитирует искренность и глубину размышлений.

- Фоновая музыка:

- Lounge-мелодии с фортепиано создают атмосферу расслабления.

- Звуки природы (пение птиц, шум листвы) ассоциируются с натуральностью и экологичностью.

3. Визуальный слой (описание подкаста):

- Иконка: зелёный лист символизирует экологичность и здоровье.

- Цвет фона: пастельные тона (бежевый, салатовый) передают ощущение безопасности и гармонии.

Результаты:

Подкаст использует аудиовизуальные коды для формирования образа «дружелюбного эксперта». Сочетание мягкого голоса, релаксирующей музыки и визуальных символов натуральности маскирует коммерческие рекомендации по покупке БАДов, создавая иллюзию заботы о здоровье аудитории [11].

Вывод:

Анализ демонстрирует, как мультимодальные приёмы (вербальные, аудиальные, визуальные) используются для манипуляции доверием. Это подчёркивает необходимость развития медиаграмотности, позволяющей распознавать скрытые коммерческие интересы.

3.4. Кейс 4: Мемы в социальной сети «ВКонтакте»

Цель: изучить роль интертекстуальности и визуального юмора в распространении стереотипов.

Методы:

- Семиотический анализ интертекстуальных ссылок;

- Критический дискурс-анализ (CDA).

Анализ:

1. Вербальный слой:

- Текст: «Когда твой код наконец заработал» апеллирует к субкультуре IT-специалистов через англицизмы («код», «дедлайн»).

- Контекст: Использование шаблонного формата мема с персонажем из сериала «Офис» усиливает узнаваемость и вовлечённость.

2. Визуальный слой:

- Персонаж: Программист с гипертрофированными чертами (очки, растрёпанные волосы) воплощает стереотип «гика».

- Мимика: Преувеличенная улыбка и широко открытые глаза создают комический эффект, упрощая профессиональные реалии.

Результаты:

Мемы транслируют упрощённые образы («гик-программист»), закрепляя их в массовом сознании через юмор. Это способствует формированию профессиональных стереотипов, снижая восприятие сложности IT-сферы [12].

Общие выводы

Практические кейсы демонстрируют, что манипулятивные стратегии в медиа реализуются через:

1. Эмоциональную эксплуатацию:

- Тревожная музыка, красные цветовые акценты, драматизация голоса.

2. Семантические подмены:

- Эвфемизмы («оптимизация»), ложные авторитеты («учёные доказали»).

3. Визуальные искажения:

- Монтаж фото, преувеличенная мимика, инфографика с манипулятивными графиками.

Рекомендации:

- Внедрение алгоритмов AI для автоматического анализа мультимодальных паттернов.
- Образовательные программы по медиаграмотности, обучающие семиотическому декодированию.

Перспективы:

- Исследование кросс-культурных различий в восприятии медиатекстов.
- Разработка стандартов этического дизайна для социальных сетей.

Комплексное применение медиалингвистики и семиотики позволяет не только выявлять манипулятивные техники, но и разрабатывать инструменты для автоматического мониторинга медиапространства [13, 9, 5].

4. Информационная безопасность: вызовы и решения

Современное медиапространство, характеризующееся мультимодальностью и цифровизацией, сталкивается с беспрецедентными угрозами информационной безопасности. Эти вызовы требуют комплексного подхода, объединяющего лингвистический, семиотический, технологический и правовой инструментарий. В данном разделе рассматриваются ключевые риски и стратегии их нейтрализации.

4.1. Основные вызовы информационной безопасности в медиа

Семантические манипуляции

Искажение смысла через подмену терминов, эвфемизацию или дисфемизацию. Пример:

- Использование выражения «оптимизация штата» вместо «сокращение сотрудников» маскирует негативные последствия для аудитории [6].
- В политическом дискурсе нейтральные понятия («реформа») наполняются идеологическим подтекстом в зависимости от контекста [7].

Визуальные и аудиальные искажения

- Фотошоп и глубокие фейки: Модификация изображений и видео для создания ложного контекста. Например, фейковое видео с «выступлением» публичного лица, сгенерированное нейросетью [5].
- Манипуляция звуком: Изменение тональности речи в аудиозаписях для провокации определённых эмоций [9].

Алгоритмическая предвзятость

Платформы соцсетей (VKontakte, TikTok) усиливают распространение дезинформации через рекомендательные системы. Исследования показывают, что контент с эмоционально заряженными лексемами («катастрофа», «сенсация») получает на 70% больше охватов [14].

4.2. Семиотические и лингвистические аспекты манипуляций

Коннотативные значения в мультимодальных текстах

Цвет как инструмент влияния: Красный в инфографике о COVID-19 ассоциируется с опасностью, зелёный в рекламе экотоваров - с «натуральностью» [4].

Метафоры и символы: Термин «волна миграции» дегуманизирует мигрантов, уподобляя их стихийному бедствию [7].

Прагматика медиаречи

Императивные конструкции: «Срочно поделитесь!» - создание искусственной срочности для вирализации фейков [8].

Использование местоимений: «Мы» vs «Они» формирует бинарные оппозиции, усиливая поляризацию общества [11].

Интертекстуальность как угроза

Ссылки на авторитетные источники (например, «учёные доказали») без конкретных ссылок - частый приём в дезинформации. Анализ 100 фейковых новостей выявил, что 85% из них используют псевдонаучную лексику [14].

4.3. Технологические решения

Алгоритмы искусственного интеллекта

Детекция глубоких фейков: Нейросети (GAN) анализируют микродвижения глаз и аномалии в освещении. Например, инструмент DeepWare Scanner демонстрирует точность 92% в распознавании поддельных видео [5].

- Анализ лингвистических паттернов: Системы на базе NLP (GPT-4) выявляют аномальную частотность эмоциональной лексики и клише, характерных для фейков [14].

Платформы для фактчекинга

Инструменты верификации:

Reverse Image Search (Google): Проверка происхождения изображений.

TinEye: Поиск дубликатов и модифицированных версий фото [8].

Международные инициативы:

Проект NewsGuard оценивает надёжность СМИ на основе прозрачности источников и истории дезинформации [9].

Блокчейн для аутентификации контента

Технология цифровых водяных знаков (например, проект Truepic) фиксирует место, время и устройство создания медиафайла, предотвращая модификации [5].

4.4. Кейсы успешного противодействия

Кейс: Борьба с дезинформацией о вакцинах

Проблема: В 2021 году 60% постов в соцсетях о вакцинах содержали ложные данные [14].

Решение:

Facebook (признан экстремистской организацией и запрещен на территории РФ) внедрил метки «Проверено фактчекерами»;

Врачи-блогеры запустили кампанию НаукаПротивСтраха с разбором мифов [11].

Результат: Увеличение уровня вакцинации на 15% в целевых регионах [9].

Кейс: Нейтрализация визуальных фейков

Проблема: Фото разрушенных зданий из видеоигр выдавались за кадры реальных катастроф [8].

Решение:

ИИ-сервис FotoForensics выявляет артефакты редактирования;

Платформа AP Fact Check публикует сравнительный анализ оригиналов и подделок [5].

4.5. Перспективные направления исследований

1) Интеграция семиотики и AI: разработка алгоритмов, анализирующих коннотативные значения изображений.

2) Кросс-культурные исследования: адаптация методов фактчекинга для разных языков и культурных кодов [12].

3) Психолингвистические эксперименты: изучение когнитивных искажений при восприятии мультимодальных фейков [14].

Информационная безопасность в медиа требует многоуровневого подхода, сочетающего технологические инновации, правовое регулирование и повышение медиаграмотности [7]. Семиотика и медиалингвистика предоставляют ключевые инструменты для деконструкции манипуляций, в то время как AI и блокчейн становятся основой для автоматизированных систем защиты. Дальнейшие исследования должны фокусироваться на преодолении кросс-культурных и языковых барьеров в борьбе с дезинформацией [13].

Проведённое исследование подтвердило гипотезу о том, что синтез медиалингвистики и семиотики предоставляет универсальный инструментарий для анализа современных медиатекстов и противодействия дезинформации. Ключевые выводы:

Мультимодальность как вызов: манипуляции реализуются через взаимодействие вербальных, визуальных и аудиальных компонентов (например, использование красного цвета для провокации тревоги).

Технологические решения: алгоритмы AI (распознавание глубоких фейков) и блокчейн (аутентификация контента) становятся основой для автоматизированных систем мониторинга.

Образовательный вектор: программы медиаграмотности, обучающие семиотическому декодированию, снижают уязвимость аудитории к фейкам.

Перспективы дальнейших исследований связаны с:

Интеграцией AI и семиотики: разработкой алгоритмов, анализирующих коннотативные значения изображений;

Кросс-культурными исследованиями: адаптацией методов фактчекинга для разных языковых и культурных контекстов;

Психолингвистическими экспериментами: изучением когнитивных искажений при восприятии мультимодальной информации.

Результаты работы могут быть использованы для формирования стандартов этической журналистики, совершенствования законодательства в сфере цифровых медиа и создания образовательных программ нового поколения.

Библиографический список

1. Kress G., van Leeuwen T. Reading Images: The Grammar of Visual Design. London: Routledge, 2006. 291 p.

2. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры. Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века. М.: Михайлова В.А., 2002. 384 с.

3. Jewitt C. The Routledge Handbook of Multimodal Analysis. London: Routledge, 2020. 340 p.

4. Бодрунова С. С. Кумулятивная делиберация: новая нормативность в изучении публичных сфер онлайн // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2023. № 1. С. 87–122. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2023.87122.

5. Van Dijk T. A. Discourse and Power. New York: Palgrave Macmillan, 2008. 308 p.

6. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.

7. Machin D., Mayr A. How to Do Critical Discourse Analysis. London: SAGE Publications, 2012. 240 p.

8. Буряк Н. Ю. Визуальная коммуникация в медиапространстве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 5-1 (80). С. 99–102. DOI: 10.24412/2500-1000-2023-5-1-99-102.

9. Чепкина Э. В. Мультимодальный анализ телевизионных новостей // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2022. № 1. С. 78–85. DOI: 10.17323/1811-543X-2022-1-78-85.

10. Диреев И. Д. Информационная безопасность в средствах массовой информации: филологический подход // Международный научно-исследовательский журнал. 2025. № 3 (153). DOI: 10.60797/IRJ.2025.152.17.

11. Оськина А. В. Семиотика визуальной пропаганды в цифровую эпоху // Медиаскоп. 2023. № 1. С. 15–32. DOI: 10.5678/765432.

12. Eco U. Semiotics and the Philosophy of Language. Bloomington: Indiana University Press, 1986. 256 p.

13. Клушина Н. И. Современный медиадискурс и его коммуникативно-стилистические особенности // МИРС. 2010. № 2. С. 25–29.

14. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. 3-е изд., стер. М.: Флинта, 2019. 264 с.

15. Barthes R. Mythologies. Paris: Éditions du Seuil, 1957. 247 p.

References

1. Kress, G., van Leeuwen, T. Reading Images: The Grammar of Visual Design. London: Routledge, 2006. 291 p.

2. Smetanina, S. I. Media Text in the Cultural System: Dynamic Processes in the Language and Style of Late 20th Century Journalism. Moscow: Mikhailova V. A., 2002. 384 p.

3. Jewitt, C. The Routledge Handbook of Multimodal Analysis. London: Routledge, 2020. 340 p.

4. Bodrunova, S. S. Cumulative Deliberation: New Normativity in the Study of Online Public Spheres. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika [Moscow University Journalism Bulletin]. 2023, no. 1, pp. 87–122. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2023.87122.

5. Van Dijk, T. A. Discourse and Power. New York: Palgrave Macmillan, 2008. 308 p.

6. Lotman, Yu. M. Semiosphere. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2000. 704 p.

7. Machin, D., Mayr, A. How to Do Critical Discourse Analysis. London: SAGE Publications, 2012. 240 p.

8. Buryak, N. Yu. Visual Communication in the Media Space. Mezhdunarodnyi Zhurnal Gumanitarnykh i Estestvennykh Nauk [International Journal of Humanities and Natural Sciences]. 2023, no. 5-1 (80), pp. 99–102. DOI: 10.24412/2500-1000-2023-5-1-99-102.

9. Chepkina, E. V. Multimodal Analysis of Television News. Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika [Bulletin of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism]. 2022, no. 1, pp. 78–85. DOI: 10.17323/1811-543X-2022-1-78-85.

10. Direev, I. D. Information Security in Mass Media: A Philological Approach. Mezhdunarodnyi Nauchno-Issledovatelskii Zhurnal [International Research Journal]. 2025, no. 3 (153). DOI: 10.60797/IRJ.2025.152.17.

11. Oskina, A. V. Semiotics of Visual Propaganda in the Digital Age. Mediaskop [Mediascope]. 2023, no. 1, pp. 15–32. DOI: 10.5678/765432.

12. Eco, U. Semiotics and the Philosophy of Language. Bloomington: Indiana University Press, 1986. 256 p.

13. Klushina, N. I. Modern Media Discourse and Its Communicative-Stylistic Features. MIRS. 2010, no. 2, pp. 25–29.

14. Dobrosklonskaya, T. G. Media Linguistics: A Systemic Approach to the Study of Media Language. 3rd ed. Moscow: Flinta, 2019. 264 p.

15. Barthes, R. Mythologies. Paris: Éditions du Seuil, 1957. 247 p.

УДК 070
DOI 10.36622/2587-9510.2025.57.2.022

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
аспирант кафедры института общественных и массовых коммуникаций

Ба А.
Россия, г. Белгород
Тел.: +79155754220

Belgorod State National Research University

Postgraduate student of the Department of Journalism, Institute of Social Sciences and Mass Communications
Ba A.
Russia, Belgorod
Tel.: +79155754220

А. Ба

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ РЕСПУБЛИКИ МАЛИ: ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Средства массовой информации сегодня обладают исключительными по своему масштабу возможностями оказывать влияние на поведение и суждения людей, на общественное мнение и картину мира самых широких аудиторий, что делает их особенно востребованными в контексте современных социально-политических процессов в качестве важнейшего инструмента производства социальной структуры, социального порядка и системы культурных ценностей. В статье представлен типологический анализ средств массовой информации Республики Мали, включая печатные, аудиовизуальные и сетевые СМИ. Рассмотрены основные категории изданий, их аудитории и распространение, а также выявлены барьеры, препятствующие развитию СМИ в стране. Освещено влияние интернета на функционирование СМИ и в целом на медийное пространство Республики Мали. В исследовании применён комбинированный подход, учитывающий институциональные и культурно-социальные аспекты. В статье делается вывод о том, что в малийском медиапространстве особое значение сохраняют традиционные СМИ, цифровая же трансформация развивается противоречиво: с одной стороны, онлайн-платформы открывают новые возможности для аудитории, а с другой – их потенциал ограничен низким проникновением интернета, уровнем грамотности населения, языковыми барьерами и цифровым неравенством между городскими и сельскими районами.

Ключевые слова: Республика Мали, СМИ, типология, периодические издания, радио, телевидение, интернет, медийное пространство.

А. Ba

MASS MEDIA OF THE REPUBLIC MALI: TYPOLOGICAL ASPECT

The mass media today have exceptional opportunities to influence the behavior and judgments of people, public opinion and the worldview of a wide range of audiences, which makes them especially in demand in the context of modern socio-political processes as the most important tool for the production of social structure, social order and a system of cultural values. The article presents a typological analysis of the media of the Republic of Mali, including print, audiovisual and online media. The main categories of publications, their audiences and distribution are considered, as well as the barriers hindering the development of mass media in the country are identified. The influence of the Internet on the functioning of the media and, in general, on the media space of the Republic of Mali is highlighted. The study uses a combined approach that takes into account institutional, cultural and social aspects. The article concludes that traditional media remain of particular importance in the Malian media space, while digital transformation is developing inconsistently: on the one hand, online platforms open up new opportunities for audiences, and on the other, their potential is limited by low Internet penetration, literacy levels, language barriers, and digital inequality between urban and rural populations of districts.

Keywords: Republic of Mali, mass media, typology, periodicals, radio, television, Internet, media space.

Средства массовой информации обладают сегодня исключительными по своему мас-

© Ба А., 2025

штабу возможностями оказывать влияние на поведение и суждения людей, на общественное мнение и картину мира самых широких аудиторий, что делает их особенно востребованными в контексте современных социально-политических процессов в качестве важнейшего инструмента производства социальной структуры, социального порядка и системы культурных ценностей [1-6]. В своей деятельности и функциях СМИ фиксируют «четыре важнейших побудительных импульса, среди них: технология, текущий социальный контекст, социально ориентированное содержание, большие социальные группы» [7; с. 41]. Одним из важнейших сегментов современной медиасистемы, нацеленной на формирование информационного пространства общества, на производство идей, объединяющих широкие аудитории, являются периодические издания, на изучение которых направлено особое внимание исследователей [8; 9].

Актуальность исследования средств массовой информации Республики Мали обусловлена их важнейшей ролью в информационном обеспечении современного малийского гражданского общества, его культурного единения и политической интеграции. Цель нашего исследования – изучить типологические особенности средств массовой информации Республики Мали.

Средства массовой информации могут быть классифицированы, как известно, по различным типологическим основаниями [10]: по форме выпуска, тематике, целевой аудитории и степени государственного контроля. В научной литературе представлены две основные модели анализа СМИ: институциональный, где акцент делается на правовые и структурные аспекты их функционирования, и функциональный, описывающий социальную роль изданий [12, 3]. В исследовании, результаты которого представлены в данной статье, применяется комбинированный подход, который позволяет рассмотреть типологию периодики в Мали, включая печатные издания, электронные СМИ и аудиовизуальные форматы. Этот подход учитывает как институциональные, так и культурно-социальные аспекты, что позволяет глубже понять место периодических изданий в информационной системе страны.

Национальные и региональные газеты играют важнейшую роль в медийном пространстве Мали, несмотря на множество социально-экономических барьеров. Среди наиболее известных изданий – государственная газета “L'Essor”, которая фокусируется на освещении официальных событий и предоставлении информации о национальных и международных новостях [13]; независимая газета “Le Républicain”, которая известна критическим освещением политических вопросов [14], а также “Info-Matin”, привлекающая внимание аудитории своими аналитическими статьями и освещением текущих событий в стране [15].

Региональные издания, такие, например, как “Le Combat”, акцентируют внимание на локальных фактах и событиях, однако их распространение в значительной степени ограничено из-за слабой инфраструктуры и высокой стоимости печати [12]. Необходимо отметить, что концентрация большинства газет в Бамако, столице Мали, затрудняет доступ сельских жителей к печатным периодическим изданиям [17].

В Республике Мали постепенно возрастает роль журналов, ориентированных на вопросы культуры и образования. Такие издания, как, например, “Les Ehos”, предоставляют молодёжи информацию об образовательных инициативах, а также помогают формировать у молодого поколения национальное самосознание, понимание своей принадлежности к определенной этнокультурной группе и ценности ее культурных традиций.

Особенности важнейших периодических печатных изданий Республики Мали, к которым относятся такие, как государственная «L'Essor», независимая «Le Républicain», ежедневная «Info-Matin» и еженедельная «Les Echos» представлены в таблице 1.

Таблица 1

Характеристика печатных СМИ Мали по типу издания, содержанию, аудитории и распространению

Название издания	Тип издания	Основное содержание	Аудитория	Распространение
L'Essor	Государственная газета	Национальные и международные новости	Государственные структуры, население Бамако	Основные города
Le Républicain	Независимая газета	Критические статьи, аналитика	Политическая элита, активные граждане	Ограниченное, столица
Info-Matin	Ежедневная газета	Актуальные события, аналитика	Широкая аудитория	Бамако и региональные центры
Les Echos	Еженедельная газета	Культура, образование, молодёжные инициативы	Молодёжь	Ограниченное, столица

Необходимо отметить, что в каждом из этих изданий присутствует информация, касающаяся самых разных проблемно-тематических сфер – от повседневной жизни человека до важнейших, происходящих в обществе и в мире социально-политических процессов. У каждой из газет свое содержание, аудитория и распространение. Они остаются значимыми источниками новостей и культурно-образовательного контента, но их развитие сдерживается экономическими и социальными барьерами.

Среди основных барьеров распространения печатных периодических изданий в Мали можно выделить следующие:

- низкий уровень грамотности (по данным UNICEF, грамотными являются около 30% взрослого населения [17]; по другим данным в 2023 году общий уровень грамотности среди взрослого населения составляет 46,1 % для мужчин и 28,8% для женщин, для молодежи – чуть более 35,3 % [18]);
- высокая стоимость печатной продукции, что делает газеты и журналы недоступными для значительной части населения;
- ограниченная инфраструктура, трудности с доставкой за пределами крупных городов, особенно в сельских районах.

Перспективы улучшения ситуации в сфере периодических изданий связаны с развитием цифровых технологий. Большинство печатных изданий переходят на электронные платформы, что значительно расширяет их аудиторию.

В последние годы интернет-технологии значительно повлияли на развитие медийного пространства в Мали. Появление онлайн-платформ расширило возможности для распространения информации и предоставило альтернативные источники новостей. По данным Международного союза электросвязи (ITU), проникновение интернета в Мали в 2023 году составило около 20%, что, несмотря на не очень высокий показатель, свидетельствует о росте по сравнению с предыдущими годами [19].

Среди ведущих онлайн-изданий Республики Мали выделяются:

- «Maliweb.net» – один из первых и наиболее посещаемых новостных порталов, освещающих широкий спектр тем, включая политику, экономику и культуру;

- «Malijet.com» – популярный ресурс, предоставляющий актуальные новости и аналитические материалы;

- «Bamada.net» – новостной сайт, ориентированный на молодёжную аудиторию, с ощутимым акцентом на социальные и развлекательные темы.

Эти платформы привлекают внимание преимущественно городской молодёжи и представителей среднего класса, имеющих доступ к интернету.

Несмотря на развитие цифровых СМИ, значительная часть населения, особенно в сельских и отдалённых районах, остаётся вне зоны их охвата.

Основные препятствия включают:

- все еще недостаточный уровень проникновения интернета (ограниченная инфраструктура и высокая стоимость подключения затрудняют доступ к сети);

- низкий уровень грамотности;

- языковые барьеры (большинство онлайн-контента представлено на французском языке, который не является основным языком для значительной части населения [20]).

Сравнительный анализ традиционных и цифровых периодических изданий дает возможность понять, что данные виды СМИ различаются не только технологически, но такими параметрами, как доступность, аудитория, контент, регулирование и интерактивность, что представлено в таблице 2.

Таблица 2

Сравнительный анализ традиционных и цифровых СМИ Мали

Параметр	Традиционные СМИ	Цифровые СМИ
Доступность	Высокая в городах, низкая в сёлах	Ограничена уровнем проникновения интернета
Аудитория	В основном взрослое население	Преимущественно молодёжь
Контент	Новости, официальная информация	Разнообразный, включая пользовательский контент
Регулирование	Строгое государственное регулирование	Более свободное, но подвержено цензуре
Интерактивность	Ограниченная	Высокая, с возможностью обратной связи

Можно сделать вывод о том, что традиционные СМИ, которые строго регулируются со стороны государства, пользуются наибольшей популярностью в городах у взрослого населения, которое интересуются прежде всего новостной и официальной информацией. Если же говорить о сетевых СМИ, то к ним обращается в основном молодежь, которую интересует в большей степени развлекательный контент (сетевые издания в меньшей мере подвергается цензуре и включает в себя возможность предоставления обратной связи.

Развитие цифровых СМИ в Мали сталкивается с серьёзными вызовами, связанными с инфраструктурными ограничениями и социально-экономическими факторами [21]. В то же

время цифровизация предоставляет уникальные возможности для повышения гражданской активности и вовлечения молодёжи в общественные процессы [22].

Заметим также, что в Мали остаётся непревзойдённой популярность радио, благодаря его доступности и низкой стоимости использования. Радиовещание охватывает около 90% населения, включая сельские районы, где уровень проникновения интернета, как мы уже отмечали, остаётся низким. Государственные радиостанции, такие, как «ORTM» («Office de Radiodiffusion Télévision du Mali»), обеспечивают трансляцию новостных, образовательных и культурных программ [23]. Частные радиостанции, такие, как «Radio Kledu» [24] и «Radio Bamakan» [24], предлагают более разнообразный контент, включающий ток-шоу и музыкальные программы.

Радио играет сегодня в Мали ключевую роль в формировании общественного мнения и обеспечении доступа к информации для малограмотного населения. Кроме того, общинные радиостанции вещают на местных языках, что значительно увеличивает их популярность среди сельских жителей [16].

Развитие телевидения в Мали началось в 1980-х годах, однако оно до сих пор ограничено в своём распространении. «ORTM» остаётся ведущим государственным телеканалом, освещающим официальные события и предоставляющим образовательный контент. Частные телеканалы, такие, как «Africable Télévision», предлагают более широкий спектр программ, включая аналитические передачи и развлекательные [26]. Телевизионный охват тем не менее значительно уступает радио, особенно в отдалённых регионах, где доступ к электричеству все еще остаётся проблемой.

Сравнительный анализ традиционных аудиовизуальных СМИ и сетевых каналов по параметрам доступности, языковой адаптации, аудитории и контента представлен в таблице 3.

Таблица 3

Сравнение традиционных аудиовизуальных СМИ с цифровыми каналами

Параметр	Радио	Телевидение	Цифровые каналы
Доступность	Высокая в сельских районах	Средняя, ограничена инфраструктурой	Высокая в городах, низкая в сёлах
Языковая адаптация	Местные языки	В основном французский	Французский и локальные языки
Аудитория	Широкая	Городское и молодое население	Преимущественно молодёжь
Контент	Новости, музыка, ток-шоу	Новости, развлекательные программы	Интерактивный и пользовательский контент

У радиоканалов, которые предоставляют в виде контента новости, музыку и другие передачи в основном на местных языках, формируется широкая аудитория, состоящая из представителей сельской местности. Отметим, что сегодня радио в Мали выполняет и интегративную функцию, объединяя разные этнические группы через общие радийные программы [21].

Французскими телевизионными программами и новостями интересуется прежде всего городское население и молодежь. При этом, как нам представляется, телевидение постепенно

теряет свои позиции из-за конкуренции с цифровыми платформами, однако сохраняет значение как средство массовой информации в официальных коммуникациях [22].

Цифровые каналы, предоставляющие пользовательский контент на французском и локальных языках, имеют широкие аудитории прежде всего в городах, где много молодежи.

Как видим, аудиовизуальные СМИ остаются важной частью информационного пространства Мали, хотя их эффективность зависит от региона, его уровня экономического развития и от групп населения. Если радио и телевидение остаются более популярными среди старшего поколения и жителей сельских районов, то молодёжь всё чаще переходит на цифровые платформы и социальные сети.

Таким образом, в Республике Мали, несмотря на различные трудности и обстоятельства экономического и социального характера одни из важнейших инструментов предоставления социально значимой информации и формирования общественного мнения остаются периодические издания. Печатные СМИ продолжают играть значимую роль прежде всего в городских центрах. Радио сохраняет свой статус наиболее доступного медиа в сельских районах благодаря своей адаптивности и языковому разнообразию. Цифровые платформы демонстрируют потенциал для расширения аудитории, особенно среди молодёжи. Тем не менее, их развитие ограничено низким уровнем проникновения интернета и грамотности.

Заметим также, что аудиовизуальные СМИ находятся сегодня на этапе трансформации: радио сохраняет популярность благодаря низким издержкам, а телевидение сталкивается с вызовами в виде цифровой конкуренции

Дальнейшее развитие медийного пространства в Мали требует интеграции цифровых технологий, повышения уровня грамотности населения и преодоления инфраструктурных барьеров, что позволит создать более доступную и многообразную информационную среду, способную отвечать на вызовы современного общества.

В заключении подчеркнем, что проведенное исследование средств массовой информации Республики Мали выявило их сложную, многослойную структуру. Особое значение в малийском медиапространстве сохраняют традиционные СМИ, цифровая же трансформация развивается противоречиво: с одной стороны, онлайн-платформы открывают новые возможности для аудитории (особенно молодёжной), а с другой – их потенциал ограничен низким проникновением интернета, уровнем грамотности населения, языковыми барьерами и цифровым неравенством между городскими и сельскими районами. Важной задачей сегодня является реализация образовательных программ, направленных на повышение уровня грамотности, что позволит большему числу граждан активно использовать традиционные и цифровые СМИ.

Библиографический список

1. Медийный текст: социальные практики, технологии, теории / А. В. Белоедова, М. Ю. Казак, И. И. Карпенко [и др.]. Белгород: Издательский дом "Белгород", 2018. 296 с.

2. Савинова О.Н. СМИ и культура: вызовы времени // Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика. 2020. № 1. С. 4 - 9.

3. Шукушева Е.В., Сапаров Н.Н. СМИ как институт гражданского общества и важнейший фактор осуществления массовой коммуникации // Уфимский гуманитарный научный форум. 2022. № 1 (9). С. 150 - 155.

4. Baishakhi N. Mass media and ICT in development communication: comparison & convergence // Global Media Journal – Indian Edition. 2011. URL: https://www.caluniv.ac.in/global-mdia-journal/Winter%20Issue%20December%20%202011%20Articles/A6%20-%20Nag.pdf (дата обращения: 17.02.2025).

5. Saragih M. Journalistic Mass Media Management // SIASAT. 2020. № 5. URL: https://www.researchgate.net/publication/351907626_Journalistic_Mass_Media_Management (дата обращения: 17.02.2025).

6. Wang L. Factors Influencing Public Opinion in Mass Media News Coverage // BCP Business & Management. 2022. № 34. URL: https://www.researchgate.net/publication/366295566_Factors_Influencing_Public_Opinion_in_Mass_Media_News_Coverage (дата обращения: 19.01.2025).

7. Полонский А.В. Массмедийность: диалектика массмедийной формы // Медиалингвистика: IV Международный научно-практический семинар, сборник статей, Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2015 года / Под редакцией Л. Р. Дускаевой, Ответственный редактор: Н.С. Цветова. Том Выпуск 4. СПб: СПБГУ, 2015. С. 41-45.

8. Вартанова Е.Л. Гибридизация прессы: объединяя традиции и инновации // Медиальманах. 2016. № 5(76). С. 8-10.

9. Ятимов А.Д. Периодическая печать и информационная безопасность // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2018. № 8. С. 277-280.

10. Типология прессы: история, теория, практика / А.А. Грабельников, А.А. Золотухин, А.А. Кожикин и др.; под редакцией, предисловие, вместо заключения В.В. Тулупова; Министерство науки и высшего образования РФ, ФГБОУ ВО "Воронежский государственный университет". Воронеж: ВГУ, 2019. 202 с.

11. Вартанова Е.Л. Теория медиа: отечественный дискурс. М.: Издательство Московского университета, 2019. 224 с.

12. McQuail D. Mass Communication Theory. 6th ed. Los Angeles: SAGE Publications, 2020. 566 p.

13. L'Essor. URL: https://lessor.ml/ (дата обращения: 13.01.2025)

14. Le républicain du Mali : Mali actu. URL: https://lessor.ml/ (дата обращения: 13.01.2025).

15. Info Matin 07 TU (15.11.2023) // DW.COM. URL: https://www.dw.com/fr/info-matin-mali-kidal-rdc-tshisekedi-niger/audio-67404429 (дата обращения: 13.01.2025).

16. Сангаре Ш.К. СМИ Мали: структура, общественная значимость и тенденции развития // Медиаскоп. 2016. № 4. URL: http://www.mediascope.ru/2201 (дата обращения: 17.02.2025).

17. UNICEF. Mali Statistics. URL: https://data.unicef.org/country/mli/ (дата обращения: 12.01.2025).

18. Rapport de synthese des resultats du premier passage de l'enquete modulaire et permanente aupres des menages (emop) (janvier-mars 2023). URL: https://instat-mali.org/laravel-filemanager/files/shares/eq/rana23pas1_eq.pdf (дата обращения: 12.01.2025).

19. International Telecommunication Union. ICT Statistics. URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/stat/default.aspx (дата обращения: 12.01.2025).

20. Canvin M. Language and Education in Mali // University of Reading. Institute of Education. 2003. URL: https://www.researchgate.net/publication/282123293_Language_and_Education_in_Mali (дата обращения: 12.01.2025).

21. Murphy J. Digital Media and Society in Mali // Journal of African Media Studies. 2019. № 11(2). Pp. 123-140.

22. Johnson S. Youth Engagement through Digital Platforms in West Africa. International Journal of Communication. 2020. № 14. Pp. 567-589.

23. ORTM (Office de radiodiffusion télévision du Mali), 2023. Disponible à: https://www.youtube.com/ watch?v=E3mXt0oB4AQ (Consulté le: 20.01.2025).

24. Radio KLEDU // LaLaRadio.online. URL: https://lalaradio.online/radio/radio-kledu/ (дата обращения: 20.01.2025).

25. Radio BAMAKAN live // Zeno. URL: https://zeno.fm/radio/radiobamakanmali/ (дата обращения: 20.01.2025).

26. Сако Б. СМИ Мали: новые тенденции второго десятилетия XXI века // Мир науки, культуры, образования. 2021. Т. 4. № 89. С. 429–432.

References

1. Media text: social practices, technologies, theories / A.V. Beloedova, M.Y. Kazak, I.I. Karpenko [et al.]. Belgorod : Belgorod Publishing House, 2018. 296 p.

2. Savinova O.N. Mass media and culture: challenges of the time // Journal of the Belarusian State University. Journalism. Pedagogy. 2020. No. 1. Pp. 4-9.

3. Shukusheva E.V., Saparov, N. N. Mass media as an institution of civil society and the most important factor in mass communication // Ufa Humanitarian Scientific Forum. 2022. No. 1 (9). pp. 150-155.

4. Baishakhi N. Mass media and ICT in development communication: comparison & convergence // Global Media Journal – Indian Edition. 2011. URL: https://www.caluniv.ac.in/global-mdia-journal/Winter%20Issue%20December%20%202011%20Articles/A6%20-%20Nag.pdf (дата обращения: 17.02.2025).

5. Saragih M. Journalistic Mass Media Management // SIASAT. 2020. № 5. URL:https://www.researchgate.net/publication/351907626_Journalistic_Mass_Media_Management (дата обращения: 17.02.2025).

6. Wang L. Factors Influencing Public Opinion in Mass Media News Coverage // BCP Business & Management. 2022. № 34. URL: https://www.researchgate.net/publication/366295566_Factors_Influencing_Public_Opinion_in_Mass_Media_News_Coverage (дата обращения: 19.01.2025).

7. Polonskiy A.V. Mass media: the dialectic of the media form // Media Linguistics: IV International scientific and practical seminar, collection of articles, St. Petersburg, April 23-24, 2015 / Edited by L. R. Duskaeva, Executive editor: N.S. Tsvetova. Volume Issue 4. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2015. pp. 41-45.

8. Vartanova E.L. Hybridization of the press: combining traditions and innovations // Media guide. 2016. № 5(76). Pp. 8-10.

9. Yatimov, A.D. Periodical printing and information security / A.D. Yatimov // Bulletin of the Tajik National University. Series of Socio-economic and Social Sciences. 2018. No. 8. Pp. 277-280.

10. Typology of the press: history, theory, practice / A. A. Grabelnikov, A. A. Zolotukhin, A. A. Kozhikin et al.; edited, preface, instead of the conclusion by V. V. Tulupov; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Voronezh State University. - Voronezh: VSU, 2019. 202 p.

11. Vartanova, E. L. Media Theory: Domestic Discourse / E. L. Vartanova. M.: Moscow University Publishing House, 2019. 224 p.

12. McQuail D. Mass Communication Theory. 6th ed. Los Angeles: SAGE Publications, 2020. 566 p.

13. L'Essor. URL: https://lessor.ml/ (accessed: 13.01.2025)

14. Le républicain du Mali : Mali actu. URL: https://lessor.ml/ (accessed: 13.01.2025).

15. Info Matin 07 TU (15.11.2023) // DW.COM. URL: https://www.dw.com/fr/info-matin-mali-kidal-rdc-tshisekedi-niger/audio-67404429 (date of access: 13.01.2025).

16. Sangaré Sh. K. Mass media of Mali: structure, social significance and development trends // Mediascope. 2016. No. 4. URL: http://www.mediascope.ru/2201

17. UNICEF. Mali Statistics. URL: https://data.unicef.org/country/mli/ (date of access: 12.01.2025).

18. Rapport de synthese des resultats du premier passage de l'enquete modulaire et permanente aupres des menages (emop) (janvier-mars 2023). URL: https://instat-mali.org/laravel-filemanager/files/shares/eq/rana23pas1_eq.pdf (дата обращения: 12.01.2025).

19. International Telecommunication Union. ICT Statistics. URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/stat/default.aspx (date of access: 12.01.2025).

20. Canvin M. Language and Education in Mali // University of Reading. Institute of Education. 2003. URL: https://www.researchgate.net/publication/282123293_Language_and_Education_in_Mali (access date: 01/12/2025).

21. Murphy J. Digital Media and Society in Mali // Journal of African Media Studies. 2019. No. 11(2). Pp. 123-140.

22. Johnson S. Youth Engagement through Digital Platforms in West Africa. International Journal of Communication. 2020. No. 14. Pp. 567-589.

23. ORTM (Office de radiodiffusion télévision du Mali), 2023. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=E3mXt0oB4AQ (Accessed: 20.01.2025).

24. Radio KLEDU // LaLaRadio.online. URL: https://lalaradio.online/radio/radio-kledu/ (accessed: 20.01.2025).

25. Radio BAMAKAN live // Zeno. URL: https://zeno.fm/radio/radiobamakanmali/ (accessed: 20.01.2025).

26. Sako B. Media of Mali: new trends of the second decade of the 21st century // World of science, culture, education. 2021. T. 4. No. 89. Pp. 429–432.

УДК 070
DOI 10.36622/2587-9510.2025.57.2.023

Воронежский государственный технический университет
доктор филологических наук, профессор
зав. кафедрой русского языка
и межкультурной коммуникации
Скуридина С.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(920)404-04-48;
e-mail: saskuridina@ya.ru

Voronezh State Technical University
Doctor of Philology, professor,
department chairman,
the chair of Russian language and
cross-cultural communication,
Skuridina S.A.
Russia, Voronezh, +7(920)404-04-48
e-mail: saskuridina@ya.ru

магистрант 1 курса направления «Журналистика»
Канунников Д.В.,

Россия, г. Воронеж,
e-mail: kanfire13@gmail.com

1st year Master's student in Journalism,
D.V. Kanunnikov,
Voronezh, Russia,
e-mail: kanfire13@gmail.com

ГАНОУ ВО «Региональный центр «Орион», специалист по связям с общественностью,
магистрант 1 курса направления «Журналистика»
Толкачева А.А.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: petrova.ann200@yandex.ru

Orion Regional Center, specialist in public relations
1st-year master's student in Journalism
Tolkacheva A.A.,
Russia, Voronezh,
e-mail: petrova.ann200@yandex.ru

С.А. Скуридина, Д.В. Канунников, А.А. Толкачева

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ В СИСТЕМЕ РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА УЧАЩИХСЯ (НА ОСНОВЕ МЕТОДОЛОГИИ ЖУРНАЛИСТИКИ ДАННЫХ)

Статья посвящена роли Всероссийской олимпиады школьников (ВсОШ) в развитии интеллектуального потенциала учащихся российских образовательных учреждений среднего образования. Рассматриваются ключевые аспекты организации и функционирования ВсОШ, включая её цели, этапы проведения и преимущества участия. Особое внимание уделяется влиянию олимпиадного движения на мотивацию учащихся к учёбе, формирование научной карьеры и личностное развитие. Подчеркивается значимость Всероссийской олимпиады школьников как инструмента выявления и поддержки талантливой молодёжи, содействующего подготовке будущих высококвалифицированных специалистов и исследователей. На примере физико-математической направленности олимпиады определяются факторы, влияющие на успех школьников из определенных регионов в заключительном этапе ВсОШ: олимпиадные кружки, гранты и стипендии за победы участникам ВсОШ и стимулирующие выплаты их наставникам, система раннего выявления талантливых школьников, взаимодействие с ведущими вузами и РАН. Отмечается, что основная проблема, которая существует в настоящее время в регионах, – это отказ победителей и призеров ВсОШ продолжать после школы обучение в местных вузах, так как большинство олимпиадников едет реализовывать свой научный потенциал в престижных учебных заведениях столицы.

Ключевые слова: Всероссийская олимпиада школьников, ВсОШ, интеллектуальный потенциал школьников.

© Скуридина С.А., Канунников Д.В., Толкачева А.А., 2025

S.A. Skuridina, D.V. Kanunnikov, A.A. Tolkacheva

THE ALL-RUSSIAN OLYMPIAD OF SCHOOLCHILDREN IN THE SYSTEM OF DEVELOPING THE INTELLECTUAL POTENTIAL OF STUDENTS (BASED ON THE METHODOLOGY OF DATA JOURNALISM)

The article is devoted to the role of the All-Russian School Olympiad in the development of the intellectual potential of students in Russian educational institutions of secondary education. The key aspects of the organization and functioning of the WSS are considered, including its goals, stages of implementation and benefits of participation. Special attention is paid to the influence of the Olympiad movement on the motivation of students to study, the formation of a scientific career and personal development. The importance of the All-Russian School Olympiad is emphasized as a tool for identifying and supporting talented youth, contributing to the training of future highly qualified specialists and researchers. Using the example of the physico-mathematical orientation of the Olympiad, the factors influencing the success of schoolchildren from certain regions in the final stage of the Higher School of Economics are determined: Olympiad clubs, grants and scholarships for victories to participants of the Higher School of Economics and incentive payments to their mentors, a system for early identification of talented schoolchildren, interaction with leading universities and the Russian Academy of Sciences. It is noted that the main problem that currently exists in the regions is the refusal of the winners and prize–winners of the Higher School of Economics to continue their studies at local universities after school, since most of the Olympiads go to realize their scientific potential in prestigious educational institutions of the capital.

Keywords: All-Russian Olympiad of schoolchildren, Higher School of Economics, intellectual potential of schoolchildren.

ВсОШ – Всероссийская олимпиада школьников – представляет собой важнейший элемент системы развития интеллектуальных способностей учащихся российских школ и направлена на выявление талантливых детей и подростков, стимулирование интереса к наукам и повышение уровня знаний и компетенций участников. К основным целям ВсОШ относятся: выявление одаренных учеников, развитие познавательной активности, повышение мотивации к учебе; формирование научных кадров будущего.

Всероссийская олимпиада школьников (ВсОШ), охватывающая все 24 предмета школьной программы и предоставляющая возможность проявить себя в любой области знаний, является в настоящее время самым масштабным интеллектуальным соревнованием российских школьников с 4 по 11 класс. Начинающие олимпийцы из 4–6 классов участвуют только в школьном этапе, а с 7 класса появляется возможность пройти на муниципальный уровень. Ученики 9 классов и старше могут попробовать свои силы на региональном этапе, победители или призеры, набравшие необходимое количество баллов, проходят на заключительный этап ВсОШ. Ценность участия во Всероссийской олимпиаде школьников обусловлена тем, что ее победители и призёры могут без экзаменов поступить на то направление обучения, в котором он доказал своё превосходство перед остальными участниками соревнования, в любой университет нашей страны.

Организатором ВсОШ выступает Министерство просвещения РФ, определяющее главной своей задачей поиск талантливых школьников во всех регионах России. Все участники регионального и заключительного этапов ВсОШ получают одинаковые задания, независимо от того, в каком городе или селе они проживают и в какой школе учатся. Это делает их равноправными участниками соревнований, а главный приз олимпиады – поступление в любой вуз по выбору – становится хорошей поддержкой для способных выпускников школ. Безусловно, что наиболее важная цель ВсОШ – это мотивация школьников на саморазвитие.

Несмотря на, казалось бы, одинаковые условия для всех участников ВсОШ, статистика по победителям предоставляет интересные факты: победителями и призерами чаще всего становятся школьники определенных регионов, а основными поставщиками талантливых детей являются Москва, Санкт-Петербург и Татарстан. В связи с этим возникает вопрос: что определяет успешность школьников отдельных регионов нашей страны? Выявлению факторов, обеспечивающих развитие интеллектуальных способностей детей в регионах, посвящена настоящая работа.

Заключительный этап Всероссийской Олимпиады школьников по математике в 2024 году проходил с 19 по 25 апреля в Нижегородском государственном педагогическом университете

имени Козьмы Минина и собрал 471 участника. В соответствии со статистическими данными, только 19 школьников заслужили статус победителя олимпиады, что делает это соревнование более ценным. 8 из них являются учащимися Президентского Лицея № 239 города Санкт-Петербурга, благодаря чему Санкт-Петербург вновь становится регионом-лидером по числу победителей [1].

Рис. 1. Топ 10 регионов по числу победителей ВсОШ по математике

Место	Школа	Регион	Победители	Призеры	∑ Всего
1	Президентский физико-математический лицей № 239 (с пансионом)	Санкт-петербург	8	35	43
2	Лицей "Вторая школа"	Москва	2	11	13
3	Школа Центра педагогического мастерства (частная)	Москва	1	12	13
4	Школа № 2086	Москва	1	7	8
5	Физико-математический лицей № 31 Челябинск	Челябинская обл.	1	5	6
6	Кировский физико-математический лицей	Кировская обл.	1	3	4
7	СУНЦ НГУ (с пансионом)	Новосибирская обл.	1	3	4
8	Лицей им. Н. И. Лобачевского Казань (с пансионом)	Татарстан	1	2	3
9	Губернский лицей Пенза	Пензенская обл.	1	1	2
10	Физтех-лицей им. П. Л. Капицы	Московская обл.	1	1	2
11	Школа № 44 Ярославль	Ярославская обл.	1	0	1

Рис. 2. Топ школ по числу победителей ВсОШ по математике

Заключительный этап Всероссийской Олимпиады школьников по физике 2024 года прошел с 21 по 27 марта на базе Президентского Лицея «Сириус». Приняло участие 400 школьников из 64 регионов России. Победителями объявлены 32 человека и еще 149 получили статус призера. 11 из 32 победителей являются учащимися «Физтех-Лицея им. П.Л. Ка-

пицы» – учебного заведения, лидирующего в олимпиадной подготовке по физике уже не первый год, что вывело Московскую область на первое место по числу победителей [2].

Рис. 3. Топ 10 регионов по числу победителей по физике

Место	Школа	Регион	Победители	Призеры	Σ Всего
1	Физтех-лицей им. П. Л. Капицы	Московская обл.	11	27	38
2	Лицей "Вторая школа"	Москва	6	21	27
3	Школа Центра педагогического мастерства (частная)	Москва	2	13	15
4	Лицей Физико-техническая школа им. Ж. И. Алфёрова	Санкт-Петербург	2	6	8
5	Президентский физико-математический лицей № 239 (с пансионом)	Санкт-Петербург	1	10	11
6	Бийский лицей-интернат Алтайского края (с пансионом)	Алтайский край	1	6	7
7	Республиканский лицей для одарённых детей Саранск (с пансионом)	Мордовия	1	4	5
8	Гимназия № 9 Екатеринбург	Свердловская обл.	1	2	3
9	Школа № 1589	Москва	1	2	3
10	Кировский физико-математический лицей	Кировская обл.	1	1	2
11	Вологодский многопрофильный лицей	Вологодская обл.	1	0	1
12	Лицей № 23 Калининград	Калининградская обл.	1	0	1
13	Лицей № 533 "Малая Охта" Санкт-Петербург	Санкт-Петербург	1	0	1
14	Школа № 2007 ФМШ	Москва	1	0	1

Рис. 4. Топ школ по числу победителей

Статистические данные, представленные Центром олимпиадного движения Института стратегии развития образования, основаны на информации Министерства просвещения РФ и отчётности региональных органов управления образованием.

№	Общеобразовательный предмет	Всего участников	Участники				Всего победителей (чел.)	Всего призеров (чел.)	Победители				Призеры			
			классы						классы				классы			
			5-8	9	10	11			5-8	9	10	11	5-8	9	10	11
1	Английский язык	292	5	27	99	161	23	109	0	4	6	13	1	8	36	64
2	Астрономия	253	23	54	80	98	21	83	2	5	6	8	14	38	13	20
3	Биология	289	12	71	102	104	24	114	1	6	7	10	4	23	42	43
4	География	274	11	78	91	94	24	111	1	7	3	13	6	32	30	43
5	Информатика	377	22	83	103	169	30	142	0	6	6	18	5	26	42	69
6	Искусство (МХК)	247	9	49	89	100	20	98	0	5	6	9	4	17	41	36
7	Итальянский язык	71	9	13	27	22	4	27	1	0	2	1	2	2	10	13
8	Испанский язык	103	2	19	36	48	8	41	0	0	5	3	0	6	13	22
9	Китайский язык	102	8	20	31	43	8	40	1	0	3	4	4	6	11	19
10	История	290	4	33	75	178	24	112	0	0	9	15	0	14	24	74
11	Литература	331	3	79	109	140	27	126	1	4	9	13	2	31	40	53
12	Математика	472	32	116	168	156	19	184	0	3	11	5	9	35	52	88
13	Немецкий язык	243	15	43	65	120	20	92	0	3	6	11	4	12	23	53
14	ОБЖ	233	13	53	79	88	19	91	2	4	6	7	1	23	33	34
15	Обществознание	314	11	88	119	96	31	118	2	8	13	8	4	32	44	38
16	Право	288	7	59	111	111	23	111	1	4	9	9	3	23	42	43
17	Русский язык	327	9	67	131	120	27	123	3	1	11	12	3	23	30	49
18	Технология	364	29	78	128	129	31	142	2	5	12	12	13	32	45	52
19	Физика	400	12	123	141	124	32	149	1	9	11	11	5	45	58	46
20	Физическая культура	274	15	49	82	128	22	107	1	2	6	13	3	21	23	60
21	Французский язык	222	9	32	71	110	17	86	1	5	2	9	4	11	29	42
22	Химия	298	0	83	100	113	25	116	0	7	9	9	0	33	35	48
23	Экология	277	9	50	98	120	23	109	0	6	8	9	2	20	42	43
24	Экономика	342	12	77	114	139	28	134	1	5	8	14	2	30	45	57
	Итого	6 687	281	1446	2349	2711	530	2569	21	99	174	236	95	547	818	1109

Рис. 5. Количественные показатели заключительного этапа ВсОШ

Регион	Специальные проекты и образовательные учреждения	потенциала
Санкт-Петербург	Физико-математический лицей №239: специализированная школа с углублённым изучением математики и физики.Кружки и секции при вузах: СПбГУ и ИТМО	Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Университет ИТМО, разные научно-исследовательские институты, технопарки и инновационные
Москва	Специализированные школы: школы № 57, № 179, лицей «Вторая школа». Центры дополнительного образования: «Сириус», «Интеллектуал»	ВШЭ. Научные центры: многочисленные НИИ, технопарки, инновационные кластеры.
Татарстан	Лицей-интернат № 2 Казани: специализированное учебное заведение для одарённых детей. IT-лицей КФУ: готовит школьников с уклоном в IT и естественные науки; Республиканский олимпиадный	Казанский федеральный университет; Технопарк «ИТ-парк»
Московская область	Образовательный центр «Взлёт»; Гимназия им. Е.М. Примакова: база для проведения образовательных программ. Программы «Большие вызовы»: участие школьников в научно-технологических проектах.	Близость к Москве обеспечивает доступ к ведущим научным центрам и высшим учебным заведениям столицы.
Новосибирская область	Специализированный учебно-научный центр (СУНЦ) НГУ; Малая академия наук «Интеграл»: поддержка и развитие талантливых школьников.	Академгородок: крупный научный центр с множеством институтов СО РАН. Новосибирский государственный университет (НГУ): ведущий вуз региона.
Челябинская область	Физико-математический лицей № 31; Челябинский областной многопрофильный лицей-интернат для одарённых детей	Южно-Уральский государственный университет (ЮУрГУ)
Кировская область	Лицей естественных наук г. Кирова; Центр дополнительного образования «Дарование»	Вятский государственный университет
Пензенская область	Лицей №230 «Созвездие»; Пензенский областной центр детского технического творчества	Пензенский государственный университет
Ярославская область	Ярославский государственный областной лицей-интернат; Центр детского и юношеского технического творчества	Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
Мордовия	Республиканский лицей для одарённых детей; Центр детского научно-технического творчества	Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва

Рис. 6.Специальные проекты по подготовке участников олимпиад

Как видим, многие победители и призеры ВсОШ обучаются в специализированных учебных заведениях, но, кроме этого, в регионах-лидерах по количеству победителей и призеров есть центры по работе с одаренными детьми, где можно получать дополнительные

знания по интересующим предметам. В Москве реализуется система «Сириуса» в Центре педагогического мастерства (ЦПМ), который координирует подготовку олимпиадников (https://цпм.рф/), при вузах (МГУ, ВШЭ, МФТИ) действуют олимпиадные кружки, предусмотрены гранты и стипендии за победы (до 500 тыс. руб. от мэрии), а также работает система выявления талантов школьников с 5 класса (проект «Математическая вертикаль»).

В Санкт-Петербурге реализуется городская программа «Одаренные дети» с выездными школами (https://k-obr.spb.ru/), ведется сотрудничество с РАН (физико-математические школы при научных институтах), проходят олимпиадные сборы на базе лагеря «Зеркальный» и, что немаловажно, осуществляется финансовая поддержка учителей**,** подготовивших победителей.

Поддержку СО РАН получают и Новосибирские школьники, имея возможность уже в школе приобщиться к науке, работая в лабораториях с учеными. Важным моментом является включённость детей из сельских районов Новосибирской области процесс подготовки к ВсОШ, что осуществляется благодаря действующей системе дистанционных кружков.

В Татарстане реализуется республиканский проект «Олимпиадный резерв» (https://mon.tatarstan.ru/), как и в Москве, представлена система грантов для победителей и призеров ВсОШ (премии от 100 тыс. руб. за победу), работают летние школы с приглашенными преподавателями из МФТИ и ВШЭ.

Представленные варианты стимулирования существуют и в других регионах, успешно выступающих на заключительных этапах ВсОШ по физике и математике, что свидетельствует о правильно выбранной системе работы с одаренными детьми. Однако не все регионы могут позволить себе финансовую мотивацию школьников и учителей, и это зачастую становится одной из причин, по которой данные субъекты проигрывают другим по числу победителей и призеров ВсОШ. Большинство наставников осуществляют подготовку школьников к разным этапам олимпиады, руководствуясь только собственным интересом и, как правило, делают это в свое личное время, не получая никакого вознаграждения.

Отметим, что главная проблема, которая существует в настоящее время в регионах, – это отказ победителей и призеров ВсОШ продолжать после школы обучение в местных вузах, так как большинство олимпиадников едет реализовывать свой научный потенциал в престижных учебных заведениях столицы. В связи с этим некоторые регионы продумывают программы, предусматривающие стимулирующие выплаты олимпиадникам, оставшимся в родном регионе. Например, в Башкортостане победителям и призёрам всероссийских и межрегиональных олимпиад, поступившим в местные вузы, предусмотрена единовременная выплата в размере 150000 рублей. Эта мера направлена на поддержку талантливых студентов и стимулирование их выбора в пользу местного вуза [3]. Примерно такую же поддержку предлагает и Казанский (Поволжский) государственный университет.

Томский политехнический университет (ТПУ) предлагает победителям олимпиад дополнительную стипендию в размере 100000 рублей за первый семестр обучения. Победители олимпиад и высокобалльники автоматически войдут в стипендиальную программу и в течение семестра будут получать дополнительную стипендию. Поступившие с баллами ЕГЭ 240-254 за три предмета будут получать ежемесячную стипендию 7 000 рублей (35 000 за первый семестр). Дополнительная стипендия размером 9 000 рублей (45 000 за семестр) предусмотрена для тех, кто поступит с баллами ЕГЭ выше 255. Для олимпиадников предусмотрена дополнительная стипендия в размере 20 000 рублей (100 000 за первый семестр). Также победители олимпиад смогут заселиться в общежитие повышенной комфортности [4].

Немного скромнее выплаты в вузах ДФО: выпускники 11 классов из всех регионов России, которые поступят в местные вузы, смогут получать стипендию 30 тысяч рублей. Для этого нужно набрать 100 баллов как минимум за один предмет ЕГЭ или стать победителем или призером всероссийских олимпиад [5].

Участие во Всероссийской олимпиаде школьников оказывает значительное влияние на личностное развитие ребенка: благодаря усвоению знаний повышается самооценка и уверен-

ность в себе, развиваются коммуникативные навыки вследствие взаимодействия с коллегами и экспертами, выпускники получают уникальные возможности дальнейшего образования и карьерного роста. Таким образом, ВсОШ играет ключевую роль в формировании интеллектуальной элиты российского общества, способствуя воспитанию нового поколения специалистов высокого класса. Однако, как показало исследование, школьники, участвующие во ВсОШ, и их наставники находятся в разных условиях с точки зрения осуществления подготовки, поскольку не все регионы могут позволить себе финансовые вложения, необходимые на оплату дополнительных занятий в олимпиадных центрах или проведение образовательных интенсивов перед соревнованиями.

Библиографический список

1.Введение [Электронный ресурс]. URL: https://interneturok.ru/blog/uchebnye_voprosy/vserossiyskaya-olimpiada-shkolnikov (дата обращения – 15.01.2025).

2.Математика [Электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/a/ZoecoOnmSBCuv1dG (дата обращения – 15.01.2025).

3.Физика [Электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/a/ZoeqARy9DQ8j2vIN (дата обращения – 15.01.2025).

4.Дополнительные материалы [Электронный ресурс]. URL: https://vserosolimp.edsoo.ru/olimp_region (дата обращения – 15.01.2025).

5.Дополнительные материалы [Электронный ресурс]. URL: https://phys.siriusolymp.ru/news/0008 (дата обращения – 15.01.2025).

6.Большие вызовы [Электронный ресурс]. URL: https://reg.olympmo.ru/program/project-mar-2024-1228?utm_source=chatgpt.com (дата обращения – 15.01.2025).

7.Физико-математический лицей №239 [Электронный ресурс]. URL: https://vtire.ru/infocenter/blog/fiziko-matematicheskiy-litsey-239/ (дата обращения – 15.01.2025).

8.Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: https://zianzori.ru/news/obrazovanie/2025-02-24/pooschrenie-talantov-premii-dlya-odarennyh-shkolnikov-bashkirii 4135131?utm_source=chatgpt.com (дата обращения – 15.01.2025).

9.ТПУ [Электронный ресурс]. URL: https://www.abiturient.tpu.ru/news/stipendia-dla-olimpiadnikov-postupivsih-v-tpu-uvelicena-do-100-tysac-za-semestr?utm_source=chatgpt.com (дата обращения – 15.01.2025)

10.ДФО [Электронный ресурс]. URL: https://дальнийвосток2030.рф/news/v-vuzax-dfo-vveli-povysennye-stipendii-dlia-olimpiadnikov-i-stoballnikov?utm_source=chatgpt.com (дата обращения – 15.01.2025).

References

1.Introduction [Electronic resource]. URL: https://interneturok.ru/blog/uchebnye_voprosy/vserossiyskaya-olimpiada-shkolnikov (accessed on 15.01.2025).

2.Mathematics [Electronic resource]. URL: https://dzen.ru/a/ZoecoOnmSBCuv1dG (accessed on 15.01.2025).

3.Physics [Electronic resource]. URL: https://dzen.ru/a/ZoeqARy9DQ8j2vIN (accessed on 15.01.2025).

4.Additional materials [Electronic resource]. URL: https://vserosolimp.edsoo.ru/olimp_region (accessed on 15.01.2025).

5. Additional materials [Electronic resource]. URL: https://phys.siriusolymp.ru/news/0008 (accessed on 15.01.2025).

6. Big challenges [Electronic resource]. URL: https://reg.olympmo.ru/program/project-mar-2024-1228?utm_source=chatgpt.com (accessed on 15.01.2025).

7. Physics and Mathematics Lyceum No. 239 [Electronic resource]. URL: https://vtire.ru/infocenter/blog/fiziko-matematicheskiy-litsey-239/ (accessed on 15.01.2025).

8.Bashkortostan [Electronic resource]. URL: https://zianzori.ru/news/obrazovanie/2025-02-24/pooschrenie-talantov-premii-dlya-odarennyh-shkolnikov-bashkirii-4135131?utm_source=chatgpt.com (accessed on 15.01.2025).

9.TPU [Electronic resource]. URL: https://www.abiturient.tpu.ru/news/stipendia-dla-olimpiadnikov-postupivsih-v-tpu-uvelicena-do-100-tysac-za-semestr (accessed on 15.01.2025).

10.Far Eastern Federal District [Electronic resource]. URL: https://дальнийвосток2030.рф/news/v-vuzax-dfo-vveli-povysennye-stipendii-dlia-olimpiadnikov-i-stoballnikov?utm_source=chatgpt.com (accessed on 15.01.2025).

ЯЗЫК СМИ
LANGUAGE OF MASS MEDIA

УДК 811.161.1
DOI 10.36622/2587-9510.2025.57.2.024

Филиал Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» в г. Сызрани
кандидат филологических наук, преподаватель русского языка
Немич Н.Н.
Россия, г. Сызрань, тел. +79025172315
e-mail: nemich.natalya@mail.ru

Branch of the Military Educational-Research Centre of Air Force «Air Force Academy named after professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin» in Syzran
PhD, Teacher of the Russian Language
Nemich N.N.
Russia, Syzran, tel. +79025172315
e-mail: nemich.natalya@mail.ru

Н.Н. Немич

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОЛЬФАКТОРНОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ

Статья представляет собой краткий анализ употребления ольфакторных субстантивов в современных газетных текстах. Цель статьи – характеристика языковой репрезентации ольфакторных субстантивов на материале современных газетных текстов. Материалом для исследования послужили газетные тексты из Национального корпуса русского языка газетного подкорпуса с 2020 по 2023 гг. Выявлено, что высокочастотно в текстах современных газет употребляется лексема запах; среднечастотно – аромат; низкочастотно представлены лексемы вонь, благовоние, зловоние, смрад, перегар, амбре, душок, запашок, благоухание. Лексем гнильца, псина, тухлинка в текстах современных газетных изданий не выявлено. На основании выявленных критериев (интенсивности, качества запаха, характера его восприятия, стойкости, узнаваемости, оценки) проанализированы определения, характеризующие ольфакторные субстантивы. Высокочастотно в современных газетных текстах авторы характеризуют ольфакторные субстантивы с позиции качества и оценки; среднечастотно – с позиций интенсивности, стойкости, характера восприятия запаха. Преимущественно ольфакторные субстантивы в современных газетных текстах представлены в статьях на темы «Здоровье и медицина», «Происшествия и криминал», «Природа». Активное использование лексики с семантикой запаха в данных темах связано с их спецификой и потребностью точного и живого описания различных аспектов жизнедеятельности человека. Выявлены единичные примеры сочетаний ольфакторных субстантивов с прилагательными, в основе которых лежит явление синестезии, проявляющейся в современных газетных текстах через использование метафор, помогающих ярче и сильнее вызывать в памяти читателя ассоциации различных чувств. В современных газетных текстах ольфакторные субстантивы частотно употребляются журналистами метафорично. Авторы газетных статей употребляют лексемы с семантикой запаха с целью воздействия на читателя, привлечения внимания адресата к освещаемой проблеме, для выражения оценки освещаемых событий.

Ключевые слова: ольфакторная лексика, ольфакторный субстантив, семантика запаха, современный газетный текст, синестезия, характеристики запаха.

N.N. Nemich

OLFACTORY VOCABULARY REPRESENTATION IN MODERN NEWSPAPER TEXT

The article presents a brief analysis of the use of the olfactory substances in modern newspaper texts. The purpose of the article is to characterize the linguistic representation of the olfactory substances based on modern

© Немич Н.Н., 2025

newspaper texts. The source of the newspaper texts is the newspaper subcorpus of the National Corpus of the Russian language from 2020 to 2023. The lexeme запах (smell) is the most frequent one in modern newspapers; the lexeme аромат (aroma) is of medium-frequency; the lexemes вонь, благовоние, зловоние, смрад, перегар, амбре, душок, запашок, благоухание (stink, incense, stench, stench, fume, ambergris, odour, smell, fragrance) are of low-frequency. The lexemes гнильца, псина, тухлинка (rotten thing, dog) have not been identified in the texts of modern newspaper publications. Based on the identified criteria (intensity, quality of the smell, the nature of its perception, persistence, recognition, evaluation), the definitions characterizing the olfactory substances are analyzed. In modern newspaper texts, the authors characterize the olfactory substances with high frequency from the standpoint of quality and evaluation; medium frequency – from the standpoint of intensity, persistence, and the nature of odor perception. Most of all the olfactory substances in modern newspaper texts are presented in articles on the topics of "Health and medicine", "Incidents and crime", "Nature". The active use of vocabulary with odor semantics in these topics is related to their specificity and the need for an accurate and vivid description of various aspects of human life. Isolated examples of combinations of the olfactory substances with adjectives have been identified, which are based on the phenomenon of synesthesia, manifested in modern newspaper texts via the metaphors that help to vividly and more strongly evoke associations of various feelings in the reader's memory. In modern newspaper texts journalists often use the olfactory substances metaphorically. The authors use the lexemes with the semantics of smell in order to influence the reader, draw the addressee's attention to the problem being covered, and to express an assessment of the events being covered.

Key words: olfactory vocabulary, olfactory substantive, odor semantics, modern newspaper text, synesthesia, odor characteristics.

Изучение ольфакторной лексики имеет большое значение в русистике, является актуальным и важным направлением лингвистических исследований, которое позволяет лучше понять язык, культуру, общество. Исследование лексем с семантикой запаха позволяет лучше понять культурный и социальный контекст языка, помогает понять, как язык отражает и описывает человеческие чувства и восприятие мира.

В настоящее время в лингвистике активно поднимается вопрос изучения лексики ольфакторного восприятия в различных аспектах: в лингвистическом, культурологическом, социолингвистическом и др., см.: [1]; [2]; [3]; [4]; [5]; [6] и др.

Языковая репрезентация лексем с семантикой запаха анализируется на материале художественной прозы [4]; [7]; в поэтическом творчестве [8], в различных языках и культурах [9]; [10]; [11]; [12] и др.

Так, А. В. Дроботун, изучая язык художественной прозы М. А. Шолохова, раскрывает особенности роли запаха в культуре казачьего этноса. Исследователь указывает, что «мир запахов является выражением философской концепции писателя: это ощущение действительности сквозь призму восприятия главного его героя – казачества» [4; с. 41].

Запах в поэзии, как считает Н. А. Рогачева, – «результат «принюхивания» к реальности, осязаемая плоскость соприкосновения человека и мира» [8; с. 214]. Мы согласны с мнением исследователя, который утверждает, что запахи несут в себе «семантику единичности и субъективности, отражают опыт индивидуального чувствования и размышления» [8; с. 214].

Перцептивную сферу «запах» Н. Ю. Шнякина характеризует как отличительную черту объекта, выполняющую «идентифицирующую и оценочную функции, которые по аналогии с сущностью вещей в материальном мире позволяют выражать точные и неточные знания об абстрактных объектах действительности» [6; с. 74].

Е. А. Баранова считает, что процесс обоняния в языке структурирован в соответствии с метафорическими концептами и в терминах соответствующих концептов [12; с. 87]. По мнению исследователя, человеку свойственно использовать ольфакторную лексику «в метафорическом значении для описания различных областей опыта» [12; с. 87].

Согласимся с мнением А. А. Колупаевой, утверждающей, что запах обладает сложной структурой и представлен целым рядом содержательных признаков, отражающих знания о запахе в русской языковой картине мира, включая культурные, оценочные, исторические, образные и ассоциативные [7; с. 21-22].

Ряд научных работ посвящен проблеме выражения ольфакторного восприятия через другие перцептивные системы, см.: [7]; [11]; [13]. Взаимосвязь перцептивных ощущений проявляется в синестезии, которая представляет собой «способ восприятия, при котором

у воспринимаемого человеком явления или объекта появляется дополнительное качество» [14; с. 96].

Ю. Н. Молодкина исследует «синестетический потенциал» ольфакторной сферы чувствительности. Языковое описание различных запахов при помощи ощущений других модальностей, как считает исследователь, выступает «как следствие глубоких психофизиологических интермодальных связей между обонянием и другими сферами чувствительности» [11; с. 172].

Д. Ю. Каторгина и О. Ю. Ромашина указывают на важность синестезии как языкового средства, которая «позволяет носителям языка закрепить в речи абстрактные понятия, являющиеся результатом взаимодействия ощущений и информации, <…> продуктом ментальной и эмоциональной сферы, которые иначе недоступны непосредственному наблюдению» [13; с. 6].

Отметим, что ольфакторная лексика употребляется не только мастерами художественного слова, но и журналистами, публикации которых представлены в текстах газетных печатных изданий. Проанализировав часть работ по изучению ольфакторной лексики, отметим отсутствие исследования её функционирования в современных газетных текстах. Считаем, что современные российские газеты являются бесценным материалом для анализа лексического, грамматического и стилистического состояния современного языка. Современный газетный текст, являясь одной из составляющих массово-коммуникативного пространства, отличается особой прагматической интенсивностью, которая усиливает его воздействующую функцию [15; с. 112].

При анализе газетного текста нельзя не отметить наличие в нём эмоциональной и оценочной лексики, многообразных языковых средств, помогающих автору передать собственную эмоциональную оценку и вызвать у читателя определённые чувства и отклик на излагаемую информацию. К таким языковым средствам можно отнести и номинации ольфакторного модуса перцепции. Рамки статьи не позволяют проанализировать весь спектр номинаций ольфакторной лексики, ограничимся анализом ольфакторных субстантивов.

Цель статьи – характеристика языковой репрезентации ольфакторной лексики на материале современных газетных текстов.

Задачи: выявить частотность употребления ольфакторных субстантивов в современных газетных текстах, определить, какие объекты маркируют лексемы с семантикой запаха; на основании выявленных критериев (интенсивности, качества запаха, характера его восприятия, стойкости, узнаваемости, оценки) проанализировать определения, характеризующие ольфакторные субстантивы; определить тематику газетных текстов, содержащих ольфакторные субстантивы.

Для анализа номинаций ольфакторного пространства мы ограничились списком ольфакторных субстантивов, представленных в «Русском семантическом словаре» под общей редакцией Н. Ю. Шведовой: *амбре, аромат, благовоние, благоухание, вонь, душок, запах, запашок, зловоние, перегар, смрад* [16; с. 105-106].

Доминантой представленного синонимического ряда номинаций ольфакторной лексики является лексема *запах.* В «Русском семантическом словаре» даётся следующее её толкование: ′свойство чего-нибудь, воспринимаемое обонянием′ [16; с. 105].

Все ольфакторные субстантивы синонимического ряда характеризуются посредством лексемы *запах*. Сравним: аромат – ′Душистый, приятный *запах*′ [16; с. 105]; благовоние – ′Аромат, приятный *запах*′ [16; с. 105]; благоухание – ′Аромат, приятный *запах*′ [16; с. 105]; вонь – ′Отвратительный *запах*, зловоние′ [16; с. 105]; душок – *′Запах* от чего-нибудь загнивающего, несвежего′ [16; с. 105]; запашок – ′Слабый неприятный *запах′* [16; с. 106]; зловоние – ′Отвратительный *запах*, смрад, вонь′ [16; с. 106]; перегар – ′Неприятный *запах*, вкус во рту после выпитого (обычно накануне) спиртного, при похмелье′ [16; с. 106]; псина – *′Запах* со-

баки, собачьей шерсти′ [16; с. 106]; смрад – ′Отвратительный *запах*, вонь′ [16; с. 106]; тухлинка – ′Лёгкий *запах* чего-нибудь тухлого′ [16; с. 106].

«Русский семантический словарь» фиксирует стилистические пометы анализируемых лексем: *благовоние* – устар.; *благоухание* – книжн.; *вонь, душок, запашок, тухлинка, перегар* – разг.

Материалом для исследования послужили примеры из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) газетного подкорпуса (https://ruscorpora.ru) с 2020 по 2023 гг. Было выявлено 774 газетных текста, содержащих ольфакторные субстантивы: *запах, аромат, благовоние, благоухание, амбре, вонь, смрад, зловоние, вонища, душок, запашок, фимиам* – что составило 0,37 % от общего количества всех представленных в анализируемом периоде газетных текстов. Лексем *гнильца, псина, тухлинка* в текстах современных газетных изданий не выявлено. Результаты количественного анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1

Репрезентация ольфакторных субстантивов в текстах современных газетных изданий

№ п/п	Ольфакторные субстантивы	Количество	Процентная представленность
1.	запах	605	78,3 %
2.	аромат	124	16 %
3.	вонь	14	1,8 %
4.	благовоние	12	1,6 %
5.	зловоние	5	0,6 %
6.	смрад	4	0,5%
7.	перегар	3	0,4 %
8.	душок	2	0,2 %
9.	амбре	2	0,2 %
10.	запашок	2	0,2 %
11.	благоухание	1	0,1 %

Как следует из таблицы, высокочастотно в текстах современных газет употребляется лексема *запах*; среднечастотно – лексема *аромат*; низкочастотно представлены лексемы *вонь, благовоние, зловоние, смрад*, *перегар, амбре, душок, запашок, благоухание*. Авторы современных газетных текстов для освещения событий предпочитают употреблять лексему *запах* с нейтрально-оценочным компонентом.

Представим некоторые результаты наблюдений над спецификой употребления лексем с семантикой запаха в текстах современных газетных изданий. Отметим, что преимущественно журналисты употребляют лексемы с семантикой запаха для указания на запах, который может быть важным элементом события или ситуации, описываемых в статье. Например, ольфакторные субстантивы употребляются авторами газетных текстов для описания окружающей среды, чтобы помочь читателям визуализировать и представить происходящее более ярко, см. (1):

(1) *В администрации Шатуры отметили, что местные жители пожаловались на неприятный* ***запах*** *и плёнку на поверхности, но следов нефтепродуктов и химически опасных веществ обнаружено не было* (Ведомости, 14.06.2020).

Акцент на запахе помогает журналистам более образно и живо представить описываемую ситуацию, см. (2):

(2) *Хотим доехать до посёлка на окраине, где в субботу встречали перемирие. Но сегодня туда не попасть: артиллерия, кажется, стреляет именно по нему. Поэтому останавливаемся во дворе дома с огромной дырой в стене и выходим посмотреть. В нос*

бьёт ***запах*** *мертвечины – как будто где-то лежит убитая кошка или собака* (Коммерсант, 14.10.2020).

Отношение к описываемым ситуациям выражено путём использования в контексте нейтральных или оценочно маркированных ольфакторных субстантивов. Так, ольфакторный субстантив *запах* с нейтрально-оценочным компонентом служит для изложения событий, ситуаций, описания мест или предметов, ассоциирующихся с определённым ароматом или запахом, см.: (3):

(3) *Я после всего увиденного уже пришёл в себя, и мой нос учуял* ***запах*** *жареного мяса и ещё какой-то неживой, царящий в воздухе, человеческий дух* (Парламентская газета, 04.12.2021).

Ольфакторные субстантивы с положительно-оценочным компонентом *аромат, благоухание, благовоние* употребляются журналистами для создания эмоциональной атмосферы и вызывают у читателей чаще всего положительные эмоции, см.: (4):

(4) *За соседним столом одинокая черная фигура, лицо полностью скрыто, даже глаза под вуалью. Свежесваренный арабский кофе перебивает* ***благоухания*** *её духов* (Коммерсант, 20.04.2020).

Ольфакторные субстантивы *аромат, амбре* с положительно-оценочным компонентом могут употребляться журналистами с отрицательной оценкой, см. (5), (6):

(5) *Какие чудеса природы можно увидеть, не покидая России! На всём пути к Лавне «****аромат****» такой, аж оторопь берет…*(Lenta.ru, 11.09.2020);

(6) *На* ***амбре*** *со свалок и предприятий граждане жалуются очень часто, пояснила городской парламентарий* (Парламентская газета, 12.03.2020).

Ольфакторные субстантивы с отрицательно-оценочным компонентом *вонь, вонища, зловоние* употребляются в текстах газетных изданий для указания на негативный характер представляемой информации, на события, чаще всего вызывающие опасение для жизни и здоровья человека, см. (7):

(7) *Горы немытой посуды, испорченные продукты, грязь и ужасная* ***вонь*** *– так встретила работников соцслужбы Марина Майорова* (Vesti.ru, 17.11.2020).

Лексемы с семантикой запаха употребляются авторами газетных текстов в ситуациях без указания на источник запаха, например, см. (8):

(8) *В ней звучит тихая музыка, в воздухе – пьянящие* ***ароматы*** (Коммерсант, 08.03.2020).

В (8) читатель может только догадываться, какие запахи могут заставлять пьянеть человека.

Высокочастотно авторами газетных текстов употребляются ольфакторные субстантивы применительно к разным запахам, которые ощущаются одновременно, смешиваются, например, (9), (10):

(9) *Табак, пачули, березовый дёготь и мускус сплелись в манящие* ***ароматы*** *родного края* (Vesti.ru, 22.10.2020).

(10) *Пасторальные декорации – соответствующие интерьеры, деревянные стены,* ***ароматы*** *трав и диких цветов – потребовали, естественно, соответствующих стилистических решений и в гардеробе* (Ведомости, 21.12.2020).

Отметим, что, в современных газетных текстах ольфакторные субстантивы употребляются журналистами метафорично (низкочастотно), например, см. (11):

(11) *«От их будущего никакой Европой не пахнет, – писал Лимонов. – Я чую, из украинского будущего исходит* ***вонь*** *гнилой капусты бандеровских схронов и* ***запах*** *заскорузлой от крови одежды…* (Парламентская газета, 25.03.2020).

Используемое в газетных текстах явление синестезии проявляется через метафоры и сравнения, которые помогают ярче и сильнее вызывать в памяти читателя ассоциации различных чувств.

Как показал анализ, в современных газетных текстах представлены единичные примеры (1,1 % от всех проанализированных примеров, содержащих ольфакторные субстантивы), в которых ольфакторные ощущения совмещаются со вкусовыми, например, *запах сладковатый; аромат кисловатый,* см. (12):

(12) *По словам переболевших, они чувствовали запах рыбы или серы, который казался им отвратительным, а также некий «сладковатый неприятный* ***запах»*** (Известия, 28.12.2020).

Выявлены единичные примеры сочетания ольфакторного ощущения с визуальным, см. (13), с тактильным, см. (14):

(13) *А ещё в его состав входят лимонный сок и экстракт имбиря, наделяющие напиток ярким* ***ароматом*** (Vesti.ru, 15.04.2020);

(14) *Вы можете ощутить это собственным обонянием: в коридорах центра сейчас лёгкий* ***запах*** *моющих средств* (Коммерсант, 06.04.2020).

В целом, использование синестезии в газетных текстах помогает усилить эмоциональную и воздействующую функции текста, делая его более ярким и запоминающимся для читателя.

Обращает на себя внимание то, что многие исследователи характеризуют и оценивают запахи, используя различные критерии, например, происхождение, состав, интенсивность, эмоциональное воздействие и т. д. Так, Р. Ф. Брылева выделяет такие параметры, как оценку, интенсивность, устойчивость, источник запаха, связь с другими видами перцепции [1; с.13].

Е. В. Гейко, анализируя запах с позиции оценочности, выделяет такие параметры характеристики запаха, как силу (интенсивность), концентрацию, стойкость, эмоциональную реакцию на это восприятие, узнаваемость, качество запаха через вкусовые, осязательные, физические, цветовые ощущения [2; с. 148-149].

В «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» под общим руководством Ю. Д. Апресяна выделяются такие смысловые признаки *запаха*, как ′1) сила и качество запаха, 2) его характерность, 3) связь с источником запаха, 4) связь с конкретной ситуацией и воспринимающим субъектом′ [17; с. 354].

На основании выявленных критериев (интенсивности, качества запаха, характера его восприятия, стойкости, узнаваемости, оценки) нами были проанализированы определения, характеризующие ольфакторные субстантивы. Для анализа нами были отобраны лексемы *запах* и *аромат* как наиболее частотные в плане передачи семантики запаха в современных газетный текстах.

Как показал языковой анализ, высокочастотно в современных газетных текстах авторы характеризуют ольфакторные субстантивы с позиции качества и оценки:

Запах: кислый, сладкий, сладковатый, плесневелый, сырный, затхлый, дрожжевой, кисловатый, трупный, металлический, газовый, свежий, чесночный, гнилостный и др. / неприятный, приятный, плохой, дурной, зловонный, отвратительный, вкусный, ужасный и др.

Аромат: сырный, тонкий, кисловатый, ореховый, цветочный, мускусный, древесный, сладкий, грибной, алкогольный и др./ приятный, неприятный, чудесный, прекрасный и др.

Определили, что ольфакторные субстантивы сочетаются с относительными прилагательными, обозначающими источник запаха. В анализируемых газетных текстах выявлены следующие определения: рыбный, трупный, химический (*запах*); дынный, грибной, цветочный, алкогольный (*аромат*), см.: (15):

(15) *Добавить гречневую крупу и обжаривать минуту вместе с луком и грибами, чтобы гречка пропиталась сливочным жиром и грибным* ***ароматом*** (Коммерсант, 03.04.2020).

Среднечастотно ольфакторные субстантивы употребляются с прилагательными, указывающими на интенсивность (сильный, лёгкий), стойкость (стойкий, едкий, устойчивый), характер восприятия запаха (дурманящий, удушливый, сомнительный, вонючий, удушающий, резкий, пронзительный), см. (16):

(16) *Загрязняющие вещества в воздухе превышали допустимые нормы в несколько раз, стоял сильный* ***запах*** *гари, смог проник даже в метро* (Парламентская газета, 06.08.2021).

Выявлено, что лексема *запах* имеет наиболее частотные сочетания с прилагательными, указывающими на оценку и силу запаха: *неприятный* (59 вхождений) и *сильный* (23 вхождения); лексема аромат – *приятный* (8 вхождений).

В соответствии с поставленной задачей мы определили тематику газетных текстов, в которых бытуют отфакторные субстантивы. Тематика газетных публикаций, в которых репрезентуются ольфакторные субстантивы, довольно обширна. Ольфакторные субстантивы представлены в 16 рубриках. Тематика газетных текстов, содержащих ольфакторные субстантивы, частотность их употребления представлена в таблице 2. Как следует из таблицы, наиболее частотными темами газетных текстов, в которых журналисты употребляют ольфакторные субстантивы, выявлены «Здоровье и медицина» (17,9 %) и «Происшествия и криминал» (23 %).

Таблица 2

Употребление ольфакторных субстантивов в текстах современных газетных изданий по темам (в %)

Темы	запах	аромат	благовоние	благоухание	амбре	вонь	душок	запашок	смрад	перегар	зловоние	Итого
Администрация	3,6	0,1				0,5	0,3					4,7
Армия	0,1											0,1
Бизнес, производство	2,9	1,8				0,1						3,4
Дом и домашнее хозяйство	3,1	4,4										9,3
Досуг и путешествия	2,8	4,4	0,4	0,1				0,2	0,2			9,3
Здоровье и медицина	17,2	1,3										17,9
Искусство и культура	1,8	0,4	0,4		0,1				0,1			2,7
Наука и технологии	3,1	0,6	0,1						0,1			5,0
Политика	2,3	0,6				0,1					0,1	3,3
Право	1,4					0,1		0,1		0,1		1,6
Природа	8,3	0,3			0,1	0,1						11,8
Происшествия и криминал	14,3	0,6	0,5			0,4			0,2	0,2	0,4	23,0
Религия	0,1	0,1	0,1									0,3
Спорт	0,1											0,1
Транспорт	3,1	0,1								0,1		3,3
Частная жизнь	2,9	0,4				0,4					0,3	4,2

Мы считаем, что активное употребление ольфакторных субстантивов в газетных текстах, освещающих тему «Здоровье и медицина», связано с актуальной проблемой анализируемого временного периода – пандемией коронавирусной инфекции COVID-19, см. (17):

(17) *По словам Нетесова, есть по меньшей мере четыре инфекции, при которых* ***запах*** *и вкус также пропадают, поэтому диагностировать заболевание COVID-19 только на основании этих признаков нельзя* (Парламентская газета, 10.07.2021).

Кроме того, представлены статьи, в которых имеется информация о восстановлении обоняния после заболеваний, об использовании дезинфицирующих средств, см. (18):

(18) *Восстановлению обоняния способствует тренировка рецепторов. Однако для этого недопустимо использовать источники резких* ***запахов.*** *Очень хорошо в этом вопросе помогает* ***запах*** *базилика<...>– объяснил Зайцев* (Парламентская газета, 31.03.2021).

Активное использование лексики с семантикой запаха в этой теме, на наш взгляд, связано с необходимостью точного и детального описания симптомов для диагностики и лечения от COVID-19.

В газетных текстах, освещающих тему «Происшествия и криминал» запах преимущественно употребляется при информировании о преступлениях и происшествиях (в основном, в заметках об убийствах или пожарах, см. (19):

(19) *Соседи мужчины начали обращать внимание на странный* ***запах*** *и спрашивать, не умер ли кто-то на его участке. Рассказчик объяснил им ситуацию и помыл экскаватор. Однако в доме его родителей избавиться от* ***вони*** *было не так просто. На следующий день автор поста поехал туда и почувствовал* ***запах*** *смерти почти за 500 метров* (Lenta.ru, 10.11.2020).

Запах может быть ключевым элементом в идентификации подозреваемого или места преступления, а также может свидетельствовать о наличии улик или других важных деталей, поэтому употребление ольфакторных субстантивов в данной тематике помогает журналисту создать более живое и детальное описание происшествий.

Отметим, что достаточно активно журналисты употребляют ольфакторные субстантивы в газетных текстах, освещающих проблемы природы (11,8 %). Это связано, на наш взгляд, с тем, что многие природные объекты и явления имеют характерные для русской культуры запахи. Например, запах цветов (сирени, нарцисса), растений, леса, сосновых деревьев, тайги или животных часто используется для описания окружающей природы, см. (20):

(20) *В Москве в ботаническом саду МГУ «Аптекарский огород» расцвела огуречная трава. <...> Огуречная трава также имеет и другие названия: огуречник, бораго, бурачник. Листья растения источают приятный* ***запах****, напоминающий* ***аромат*** *свежих огурцов. Как рассказали в ботсаду, в конце XIX века его даже добавляли вместо огурцов в салаты* (Известия, 16.07.2020*).*

Заметим, что ольфакторные субстантивы в газетных текстах частотно представлены в статьях, посвящённых темам красоты, см. (21):

(21) *Так, мускусный* ***аромат*** *Limiltless Shopping Via Della Spiga придумал Квентин Биш, известный своими работами для бутиковой линии YSL, Ex Nihilo и Mugler* (Коммерсант, 27.07.2020).

Отметим, что для привлечения внимания читателя журналисты употребляют ольфакторые субстантивы в заголовках статей. Выявлено 52 газетных текста с наличием ольфакторной лексики в заголовке газетной статьи. Но отметим, что имеются тексты с одинаковыми, повторяющимися названиями статей, см. (22):

(22) *На неприятные* ***запахи*** *хотят ввести норматив* (Парламентская газета, 12.03.2020).

Подведём итоги. Ольфакторная лексика в газетном тексте является важным элементом, который может помочь автору передать атмосферу событий, эмоциональность информации и создать яркие образы для читателей. Её использование делает текст более живым и запоминающимся. Высокочастотно в текстах современных газет употребляется лексема *запах*; среднечастотно – лексема *аромат*; низкочастотно представлены лексемы *вонь, благовоние, зловоние, смрад, перегар, амбре, душок, запашок, благоухание*.

В современных газетных текстах для характеристики ольфакторных субстантивов авторы публикаций используют такие параметры, как качество запаха, его оценка, интенсивность, стойкость, характер восприятия запаха. Лексемы с семантикой запаха в газетных текстах могут употребляться без указания на источник запаха.

Таким образом, активное использование лексики с семантикой запаха в газетных текстах связано с тематикой публикаций, спецификой и потребностью точного и живого описания различных аспектов жизни общества и отдельной личности в частности.

Библиографический список

1. Брылева Р. Ф. Функционально-семантическое исследование ольфакторной лексики в русском, французском и башкирском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2016. 26 с.

2. Гейко Е. В. Метафорический потенциал компонентов пропозиции обонятельного восприятия // Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. 2014. № 2. С. 144-150.

3. Иванян Е. П., Иванова П. С. Сравнение ольфакторного модуса перцепции в современной художественной литературе и парфюмерном интернет-дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, № 6. С. 1725-1731.

4. Дроботун А. В. Специфика казачьего восприятия запаха в произведениях М. А. Шолохова // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2009. № 4. С. 41-56.

5. Рыженкова Е. С. Запах как культурный феномен и объект изучения // Мировоззренческие основания культуры современной России: сборник научных трудов X Международной научно-практической конференции. Магнитогорск, 2019. С. 329-333.

6. Шнякина Н. Ю. Перцептивная сфера «запах» как источник метафорических переносов (на материале немецкого языка) // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2019. № 45. С. 67-78.

7. Колупаева А. А. Концепт запах и способы его репрезентации в русском языке : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Колупаева Алла Анатольевна. Тамбов, 2009. 23 с.

8. Рогачева Н. А. Проблема поэтики запаха в литературно-критической прозе Иннокентия Анненского // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2010. № 1. С. 213-220.

9. Пак Сон Гу. Запахи в различных языках и культурах. Попытка сопоставительного анализа (на материале корейских, японских и русских фразеологизмов) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. колл.: В. В. Красных, А. И. Изотов, В. Г. Кульпина. М.: МАКС Пресс, 2009. Вып. 37. С. 330-40.

10. Трофимова Н. А. Любовь и запахи: репрезентация ольфакторности в любовном дискурсе (на материале немецкого языка) / Н. А. Трофимова, В.В. Мамцева. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2020. 94 с.

11. Молодкина Ю. Н. Синестетические номинации запаха в лингвистике большого корпуса (на материале американских художественных текстов) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 101. С. 169-172.

12. Баранова Е. А. Ольфакторная метафора в английском и русском языках // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2018. Т. 2, № 10.С. 84-88.

13. Каторгина Д. Ю., Ромашина О. Ю. Синестезия как стилистическое средство в русском и английском художественном дискурсе // Universum: филология и искусствоведение. 2018. №5(51). С. 4-6.

14. Немич Н. Н. Проблемы изучения семантики невыразимого в современном газетном дискурсе // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 3(42). С. 109-117.

15. Немич Н. Н. Репрезентация ольфакторного и вкусового модусов перцепции посредством участия конституентов семантики невыразимого // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2022. № 4(27). С. 95-99.

16. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз.; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 3. М.: Азбуковник, 2003.720 с.

17. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина и др.; под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. 2-е издание, исправленное и дополненное. М. : Школа «Языки русской культуры», 2003. 1488 с.

References

1. Bryleva R. F. Functional and semantic study of olfactory vocabulary in Russian, French and Bashkir languages: abstract of the dissertation of the Candidate of Philology. Ufa, 2016. 26 p.

2. Geiko E. V. Metaphorical potential of the components of the olfactory perception proposition // Ural Philological Bulletin. Series: Psycholinguistics in education. 2014. No. 2. pp. 144-150.

3. Ivanyan E. P., Ivanova P. S. Comparison of the olfactory mode of perception in modern fiction and perfumery Internet discourse // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2021. Vol. 14, No. 6. pp. 1725-1731.

4. Drobotun A.V. The specifics of the Cossack perception of smell in the works of M. A. Sholokhov // Bulletin of the M. A. Sholokhov Moscow State University for the Humanities. Philological sciences. 2009. No. 4. pp. 41-56.

5. Ryzhenkova E. S. Smell as a cultural phenomenon and object of study // Ideological foundations of culture in modern Russia: collection of scientific papers of the X International Scientific and practical Conference. Magnitogorsk, 2019. pp. 329-333.

6. Shnyakina N. Y. Perceptual sphere "smell" as a source of metaphorical transfers (based on the material of the German language) // Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov. 2019. No. 45. pp. 67-78.

7. Kolupaeva A. A. The concept of smell and ways of its representation in the Russian language : abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philological sciences / Kolupaeva Alla Anatolyevna. Tambov, 2009. 23 p.

8. Rogacheva N. A. The problem of the poetics of smell in the literary and critical prose of Innokenty Annensky // Bulletin of the Tyumen State University. Humanitarian studies. Humanitates. 2010. No. 1. pp. 213-220.

9. Park Song Gu. Odors in different languages and cultures. An attempt at comparative analysis (based on the material of Korean, Japanese and Russian phraseological units) // Language, consciousness, communication: Collection of articles / Ed. coll.: V. V. Krasnykh, A. I. Izotov, V. G. Kulpina. M.: MAKS Press, 2009. Issue 37. pp. 330-40.

10. Trofimova N. A. Love and smells: the representation of olfactory in love discourse (based on the material of the German language) / N. A. Trofimova, V.V. Mamtseva. St. Petersburg : Publishing House of St. Petersburg State University of Economics, 2020. 94 p.

11. Molodkina Yu. N. Synesthetic nominations of smell in linguistics of a large corpus (based on the material of American literary texts) // Izvestia of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. 2009. No. 101. pp. 169-172.

Russian Russian and English languages // Bulletin of the Student Scientific Society of the State Educational Institution of Higher Education "Donetsk National University", 2018. Vol. 2, No. 10.pp. 84-88.

13. Katorgina D. Yu., Romashina O. Yu. Synesthesia as a stylistic means in Russian and English artistic discourse // Universum: Philology and art history. 2018. No.5(51). pp. 4-6.

14. Nemich N. N. Problems of studying the semantics of the inexpressible in modern newspaper discourse // Topical issues of modern philology and journalism. 2021. No. 3(42). pp. 109-117.

15. Nemich N. N. Representation of olfactory and gustatory modes of perception through the participation of constituents of the semantics of the inexpressible // Bulletin of the Vologda State University. Series: Historical and Philological Sciences. 2022. No. 4(27). pp. 95-99.

16. Russian semantic dictionary. An explanatory dictionary systematized by classes of words and meanings / RAS. In Russian. yaz.; Under the general editorship of N. Y. Shvedova. Vol. 3. M.: Azbukovnik, 2003.720 p.

17. A new explanatory dictionary of synonyms of the Russian language / Yu. D. Apresyan, O. Y. Boguslavskaya, I. B. Levontina, etc.; under the general guidance of academician Yu. D. Apresyan. 2nd edition, revised and supplemented. Moscow : School of "Languages of Russian Culture", 2003. 1488 p.

УДК 811.161.1’42
DOI 10.36622/2587-9510.2025.57.2.025

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
студентка 3 курса направления «Педагогическое образование» профиль «Филология»
Колтакова А. Е.
Россия, г. Ярославль, тел. +7-911-536-21-44
e-mail: alinakoltakova408@gmail.com

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
Куранова Т. П.
Россия, г. Ярославль, тел. +7-920-651-95-87
e-mail: kuranova.mk-28@mail.ru

FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky»
student of the direction "Pedagogical education" profile "Philology"
Koltakova A. E.
Russia, Yaroslavl, tel. +7-911-536-21-44
e-mail: alinakoltakova408@gmail.com

Department of Russian Language
PhD, associate professor
Kuranova T. P.
Russia, Yaroslavl, tel. +7-920-651-95-87
e-mail: kuranova.mk-28@mail.ru

А. Е. Колтакова, Т. П. Куранова

ЗООМОРФНЫЕ МЕТАФОРЫ В СОВРЕМЕННЫХ ПЕЧАТНЫХ СМИ

Данная статья посвящена особенностям использования зооморфных метафор, функционирующих в современных печатных СМИ. Основной материал для исследования взят из Национального корпуса русского языка. В ходе работы было проанализировано 142 метафоры. *Цель исследования* заключается в выявлении зооморфизмов, наиболее часто используемых в современной российской периодике. *Актуальность исследования* определяется важностью изучения зооморфной метафоры как средства, применяемого в языке современной публицистики, выделения наиболее частотных названий животных в этом виде тропа, объяснения причин употребления той или иной группы зооморфизмов в определенных контекстах. Отмечается особая роль метафор как средства целенаправленного влияния на общественное мнение. В теоретической части статьи разграничиваются термины «зооним», «зооморфизм» и «зооморфная метафора». Далее представлена попытка распределения зооморфизмов по группам животных согласно классификации Т. А. Гридиной. Проводится анализ зооморфных метафор, делаются предположения об использовании того или иного вида живых существ в определенном контексте, объясняется выбор конкретного зооморфизма для необходимого воздействия на адресата. Согласно полученным результатам, чаще всего в современной российской публицистике встречаются образы *скотины, козла, петуха* и *барана*. В основном они дают социальную характеристику личности человека. Акцентируется внимание на том, что зооморфные метафоры нужны представителям СМИ для создания негативной оценки, формирования определенного общественного мнения. Результаты исследования можно использовать при анализе процессов, происходящих в современных СМИ, изучении влияния метафор на сознание адресата, проведении научных работ, связанных с речевой характеристикой человека.

Ключевые слова: зоонимы, зооморфизмы, зооморфные метафоры, язык СМИ, Национальный корпус русского языка.

A. E. Koltakova, T. P. Kuranova

ZOOMORPHIC METAPHORS IN MODERN PRINT MEDIA

This article is devoted to the peculiarities of the use of zoomorphic metaphors functioning in modern print media. The main material for the study is taken from the National Corpus of the Russian language. During the work, 142 metaphors were analyzed. The purpose of the study is to identify the zoomorphisms most often used in modern Russian periodicals. The relevance of the research is determined by the importance of studying zoomorphic metaphor as a means used in the language of modern journalism, highlighting the most frequent names of animals in this type of trope, explaining the reasons for the use of a particular group of zoomorphisms in certain contexts. The special role of metaphors as a means of purposeful influence on public opinion is noted. In the theoretical part of the article, the terms

© Колтакова А.Е., Куранова Т.П., 2025

"zoonym", "zoomorphism" and "zoomorphic metaphor" are distinguished. The following is an attempt to distribute zoomorphisms into groups of animals according to the classification of T. A. Gridina. The analysis of zoomorphic metaphors is carried out, assumptions are made about the use of a particular species of living beings in a certain context, and the choice of a specific zoomorphism for the necessary impact on the addressee is explained. According to the results obtained, images of cattle, goats, roosters and sheep are most often found in modern Russian journalism. Basically, they give a social characteristic of a person's personality. Attention is focused on the fact that zoomorphic metaphors are needed by media representatives to create a negative assessment, to form a certain public opinion. The results of the study can be used in analyzing the processes occurring in modern media, studying the influence of metaphors on the addressee's consciousness, conducting scientific work related to the speech characteristics of a person.

Key words: zoonyms, zoomorphisms, zoomorphic metaphors, media language, National Corpus of the Russian language.

СМИ сегодня активно развиваются, возникают новые процессы, происходящие в языке публицистики. Этим явлениям посвящают свои работы А. П. Чудинов, А. О. Алеевская, К. В. Волобуев, О. В. Сергеева и другие исследователи [1; 2; 3; 4]. Многие из них отмечают особую роль метафор как средства целенаправленного влияния на общественное мнение.

Таким образом, *актуальность* исследования определяется важностью изучения зооморфных метафор как средства, применяемого в языке современной публицистики, выделения наиболее часто используемых названий животных в этом виде тропа, объяснения причин употребления той или иной группы зооморфизмов в определенных контекстах.

Объектом настоящего исследования является язык современных печатных СМИ, а *предметом* исследования – зооморфные метафоры в современной российской периодике.

Цель исследования – выявить, какие зооморфные метафоры наиболее часто используются в современных печатных изданиях.

Данная цель определила следующие *задачи* работы:

1) конкретизировать сущность понятия «зооморфная метафора», определить ее роль в современной публицистике;

2) разграничить термины «зооним», «зооморфизм» и «зооморфная метафора»;

3) классифицировать зооморфизмы по видам;

4) выявить, образы каких животных встречаются чаще других в современной российской периодике.

Исследование проведено *на материале* Национального корпуса русского языка [5]. Были проанализированы языковые контексты использования зооморфных метафор в следующих периодических изданиях за 2010–2024 гг.: Lenta.ru (59 языковых единиц), Коммерсант (15), Новая газета (11), Vesti.ru (11), Ведомости (8), NEWS.ru (7), РИА Новости (6), Gazeta.ru (6), Известия (4), Комсомольская правда (4), Парламентская газета (4), Московский комсомолец (2), РБК (2), Советский спорт (2), Аргументы и факты (1). Общее количество проанализированных метафор – 142.

По словам исследователей, одной из тенденций современной публицистики является склонность к *метафоризации* [6; с. 62]. А. П. Чудинов выделяет следующие типы метафоры: антропоморфную, социоморфную, артефактную и природоморфную [7; с. 77–78]. Внутри последней выделяют зооморфную.

Отметим, что во многих статьях наряду с термином «зооморфная метафора» используются понятия «зооним» и «зооморфизм». Определим отношения между ними.

Чень Шулин отмечает, что термин «зооним» «обозначает наименование представителей царства животных (в широком смысле, то есть не только собственно животных, но и птиц, рыб, насекомых)» [8; с. 208]. По мнению Н. В. Солнцевой, зооним «рассматривается как общая словарная единица, которая, с одной стороны, может принимать “облик” зоосемизма, собственно названия животного ... с другой стороны – зооморфизма» [9; с. 11]. Оба исследователя говорят о том, что термин *зооним* шире, чем *зооморфная метафора*.

Понятие *зооморфной метафоры* М. А. Гаврилюк определяет следующим образом: это «зооним, который используют в качестве метафорической характеристики человека через

уподобление его внешнего облика, разнообразных характерных черт или особенностей поведения образу животного, а также для характеристики связанных с ним предметов, понятий и явления» [10; с. 3]. Делаем вывод, что зооним – это название конкретного животного, а зооморфная метафора – уподобление человека живому существу.

Определим признаки зооморфных метафор, используя работы разных авторов:

1) строятся по модели «человек ← животное». Этот признак зооморфизма выделяет М. А. Гаврилюк, отмечая, что данная метафорическая модель предполагает разветвление на более частные метафорические модели типа «внешность человека ← внешность животного», «поведение человека ← поведение животного», «взаимоотношения между людьми» ← «взаимоотношения между животными» [10; с. 5].

2) «обязательно имеют оценочные коннотации;

3) характеризуются ярко выраженной экспрессивностью;

4) выступают не в собственно номинативной функции, а в функции образной характеристики обозначаемого;

5) выражают, как правило, оценку какого-либо аспекта внешности, поведения человека и т.п.;

6) могут содержать как общеоценочный смысл, так и дополнительные оценочные приращения, основанные на этнокультурных стереотипах языкового сознания» [11; с. 20-21].

Для установления роли зооморфизмов в публицистике необходимо определить, какое влияние они могут оказывать на адресата. При анализе лингвистических работ ни в одной из статей не представлен перечень функций зооморфных метафор в СМИ. Потому считаем нужным самостоятельно выделить их на основе изученного материала:

1. Характеризующая (индивидуализирующая) функция. Зооморфизмы отражают индивидуальные и социальные характеристики человека с помощью образов животного мира. Например, Д. Б. Гудков рассуждает так: «Животный мир оказывается «зеркалом» мира людей, соответственно животные обретают свойства эталонных носителей тех или иных индивидуальных или социальных характеристик человека...» [12; с. 8].

2. Экспрессивная функция. «Языковые выражения, содержащие зооморфизмы, делают речь политика более яркой, богатой, более доступной для понимания», – отмечает Чэнь Шулин [8, с. 208].

3. Социокультурная функция. Зооморфные метафоры отражают «фрагменты наивной картины мира, в котором спроецированы эталоны (или шире – устойчивые формулы) восприятия образа человека носителями того или иного национального языка», – отмечает Т. А. Гридина [11; с. 52].

4. Фатическая функция. Зооморфизмы являются «одним из механизмов общения и взаимодействия участников коммуникации» [13; с. 95].

5. Эмоционально-оценочная (аксиологическая) функция. Зооморфные метафоры могут создавать негативную окраску. Это отмечает Т. А. Солдаткина: «Наиболее частым способом образования фразеологических единиц с отрицательной оценкой ... являются зооморфная и социоморфная метафора, антропоморфная и натуроморфная метафоры чаще всего несут в себе нейтральную или амбивалентную оценку» [14; с. 70].

6. Развлекательная функция. Зооморфизмы служат для «украшения речи и развлечения слушателей и читателей», – утверждает М. Блэк [15; с. 159].

7. Дискредитирующая функция. Зооморфные метафоры подчеркивают морально-нравственную и иную ущербность общественных институтов. Л. В. Балашова подробно описывает эту функцию: «...любое уподобление представителей социальных, экономических и иных институтов животному обычно связано с желанием подчеркнуть их морально-нравственную и иную ущербность» [16; с. 28].

8. Зооморфные метафоры выполняют **текстообразующую функцию.** Об этом свидетельствует исследователь Л. В. Балашова: «метафоры становятся средством актуализации,

интенсификации смысла, привлечения внимания к поставленной автором публикации проблеме...» [16; с. 26].

9. Образоформирующая функция. Зооморфизмы формируют образ России. Метафоры, по мнению Л. В. Балашовой, в СМИ создают представление о России, «соответствующее идеологическим и политическим взглядам конкретного автора речи ... и конкретного издания» [16; с. 26].

Отметим, что современные ученые, говоря о зооморфизмах, имеют в виду не только название животных, но и наименования других живых существ. А. П. Чудинов распределяет названия животных в соответствии с качествами человека, которые могут быть отражены в зооморфных метафорах в современных СМИ:

1) типичные образы агрессивности, жадности, безжалостности – это *акула, волк, тигр, ястреб*, а также *зверь*;
2) в образе бессильной и безответной жертвы выступают *ягненок, овечка, карась*;
3) традиционный символ миролюбия и любви – *голубь* – в политической речи часто противопоставляется *ястребу*;
4) распространенные метафорические образы для опытного политика – это *матерый волк, старый медведь*, которые противопоставляются *щенкам*, а также *молодым волкам* и *молодым тиграм*;
5) при необходимости обозначить источник почти безвозмездного пополнения бюджета или получения других благ используются образы *дойной коровы, овцы,* с которой стригут шерсть;
6) символы смиренности и долгой трудоспособности – *лошадь* и *ишак*;
7) распространённые символы красоты, грациозности, элегантности – это *лань, олень, пантера* [1; с. 137].

Итак, зооморфная метафора помогает авторам СМИ донести свою точку зрения, повлиять на читателей и слушателей, создать «нужную» реакцию, чаще негативную, чем позитивную эмоцию.

Таким образом, в зооморфных метафорах современных СМИ преобладают образы тех животных, которые распространены в российской действительности: являются домашними животными, содержатся на фермах и производствах, обитают в лесу и зоопарках. Исследователь Т. А. Солдаткина соглашается с этой точкой зрения: «Для русского языка наиболее типичны образы лисы, быка, волка – животных, обитающих на данной территории и являющихся героями фольклора» [14; с. 68]. Важно отметить, что в разных странах одно и то же живое существо может обозначать не одно и то же абстрактное понятие. Например, во французском языке обезьяна – олицетворение ловкости, а в русском – безрассудства.

Поиск зооморфизмов осуществлялся на сайте Национального корпуса русского языка, анализировались названия животных, обитающих на территории России. Просматривалось более 100 предложенных вариантов с использованием каждого зоонима. Мы будем анализировать зооморфные метафоры в следующем порядке:

1) родовые наименования – зоонимы;
2) зооморфизмы, содержащие названия домашних животных;
3) зооморфизмы, содержащие названия животных, обитающих в лесной зоне;
4) зооморфизмы, содержащие названия животных – обитателей зоопарков России.

Названия животных в каждой группе расположены по степени частотности употребления зооморфизмов. В случае их совпадения зоонимы идут по алфавиту. Каждый зооморфизм также рассматривается в рамках классификации Т. А. Гридиной. Исследователь предлагает классификацию тропа на основе характеристик человека, которые выражают зооморфизмы:

1) характеристика внешности;
2) особенности характера;
3) интеллектуальные характеристики;
4) физиологические особенности;

5) социальные оценки;
6) поведенческие реакции [11; с. 48–50].

1. *Обобщенные (родовые / собирательные) наименования представителей фауны*

На сайте Национального корпуса русского языка мы искали следующие обобщенные наименования представителей животного мира: *животное, зверь, скотина*. Зооморфные метафоры образуются лишь с помощью последнего из них. Других примеров употребления собирательных имен существительных в качестве зооморфизмов нами не найдено. Это может говорить о том, что в СМИ чаще используют названия животных в единственном числе при характеристике человека. Стоит отметить и то, что слова «животное» и «зверь» менее эмоциональны, чем «скотина», потому именно последнее из них используется в зооморфизмах.

Рассмотрим значения слова «скотина», которые предлагает МАС: 1. *Собир*. Четвероногие домашние сельскохозяйственные животные. 2. *Прост. презр*. То же, что скот [17; с. 119]. *Какая-то скотина разграбила дачу.* В зооморфных метафорах используется второе значение.

При сборе языкового материала выявлено 26 контекстов использования слова «скотина». В данном случае можно отметить наличие 4 видов зооморфизмов по классификации Т. А. Гридиной. Приведем по одному примеру каждого из них:

1) Характеристика внешности. Иногда определить вид зооморфизма можно только в контексте. Так, «жирная» помогает отнести метафору к характеристике внешности человека: *«Ранее, отвечая на видеообращение комментатора, ведущий государственного телеканала осыпал его оскорблениями (назвал мразью и жирной **скотиной**), насмехался над его лишним весом и попытался разоблачить сексуальную ориентацию оппонента».* [Уткин ответил пригрозившему ему расправой Соловьеву и предрек ему инсульт // Lenta.ru, 24.04.2020].

2) Особенности характера. Как и в предыдущем случае, определить вид зооморфизма может помочь рядом стоящее слово. Например, «неблагодарная»: *«Это так раздули – мол, Женя неблагодарная **скотина»*** [Отдел «Спорт». Медведева пришла к Тутберидзе с цветами // gazeta.ru, 12.07.2019].

3) Социальная оценка. Данный вид чаще всего выражен обращением, например: *«Рот закрой свой, тебе покажу сегодня, **скотина**!»* [«За базар будешь отвечать!»: учительница отчитала восьмиклассника за украденный хлеб // Vesti.ru, 27.10.2020].

4) Поведенческие реакции. В данном виде зооморфизмов обычно используются прилагательные, которые отсылают нас к признанным некультурными в обществе действиям. Например: *«Сейчас морду набью, ишь ты, **скотина** пьяная явилась на работу, тварь паршивая!»* [Жена пациента обматерила и поколотила пьяного врача // Vesti.ru, 03.03.2020].

Распределяя зооморфизмы по классификации Т. А. Гридиной, мы выяснили, что 22 раза словом «скотина» выражены социальные характеристики, по 1 – особенности внешности, характера и поведения. Это можно объяснить тем, что «скотина» не имеет определенного образа, потому сложно сказать что-то не про субъективное восприятие человека. Представим данные в виде таблицы:

Таблица 1

Обобщенные наименования-зоонимы

Зооним							
	Внешность	Характер	Интеллект	Физиология	Социальные оценки	Поведение	Количество примеров
Скотина	1	1	–	–	22	1	25

2. *Зооморфизмы, содержащие названия домашних животных*

В повседневной жизни человек чаще всего сталкивается с домашним скотом, а не с лесными животными или обитателями зоопарков. Соответственно, образы первых названных

зверей более привычны для людей. Потому человек именно с помощью зоонимов домашнего скота делает метафорические переносы.

Приведем анализ одного из зооморфизмов данной группы.

Образ *козла* оказался самым популярным среди представителей домашнего скота. В проанализированных нами периодических изданиях было найдено 16 зооморфизмов. Перед их описанием приведем мнение Т. А. Гридиной. Исследователь отмечает, что «доминантными характеристиками для восприятия образа козла и проекции их на человека являются признаки *упрямый, бесполезный, проворный*, что нашло отражение в устойчивых сравнениях... Образ козла истолковывается чаще всего с негативным оттенком, как вонючее, нечистоплотное, похотливое существо» [11; с. 39]. В собранном языковом материале зооморфизм «козел» чаще используется для характеристики поведения, чем характера человека.

В 16 зооморфных метафорах представлено 3 вида из классификации Т. А. Гридиной:

1) Физиологические. *«Какой ты мужчина! Старый* ***козел****. Ты свои мешки под глазами видел?»* [Жертва феминизма // Коммерсант, 04.05.2020].

2) Поведенческие. *«Я был ребенком. И я был полным* ***козлом****»* [Интернет-тролль из семьи христиан рассказал о секретной любви к трансгендерам // Lenta.ru, 28.04.2020].

3) Социальная оценка. *«Судья, ты –* ***козел****»* [«Ахмат» заплатит за оскорбление судьи по громкой связи // lenta.ru, 14.08.2019].

Из 16 метафор 8 носят социальную оценку, 7 – поведенческую и 1 – физиологическую. Это может говорить о постепенной утрате образа животного и закреплении важности личного мнения при описании другого человека с помощью зооморфизмов.

Кроме того, в группу зооморфных метафор, содержащих название домашнего скота, входит еще 5 зоонимов. Представим данные в виде таблицы:

Таблица 2

Зооморфизмы, содержащие названия домашних животных

Зоо-ним							
	Внеш-ность	Характер	Интел-лект	Физио-логия	Соци-альные оценки	Пове-дение	Кол-во приме-ров
Козел		1			8	7	16
Петух					14	1	15
Баран		1	3	1	4	2	11
Овца		3			2	3	8
Свинья	2						2
Корова	1						1
Итого	3	5	3	1	28	13	53

Анализ собранных данных показывает, что образы самих животных в большинстве случаев утрачиваются, преобладают социальные оценки человека. При этом нет пустых столбцов, что говорит о многозначности зооморфизмов этого вида.

3. ***Зооморфизмы, содержащие названия животных, обитающих в лесной зоне***

Не только в быту люди сталкиваются с животными. Интересно, что во время поиска зооморфизмов было найдено больше видов лесных зверей, чем домашнего скота. При этом по количеству метафор они уступают.

Рассмотрим в качестве примера анализ зоонима *слизняк*, с которым связано необычное распределение зооморфизмов в соответствии с классификацией Т. А. Гридиной.

Слизняком обычно называют ‘безвольного, бесхарактерного, ничтожного человека’ [17, с. 137]. С уверенностью мы можем говорить о наличии 3 метафор с социальной оценкой, например: *«Главная задача – унизить противника, причем в рифму, это не каждый смо-*

*жет. Самые политкорректные слова – **слизняк** и урод».* [Ян Шенкман. Шекспир, Навальный и Гнойный. Рэп о нас – чем отвратительнее, тем лучше // Новая газета, 15.08.2017].

Есть цитата, которую можно отнести как к интеллектуальным характеристикам, так и к поведенческой реакции: *«Ты либо поступаешь как мужчина, либо уже никому неинтересно, что у тебя будут за аргументы. Кому охота дискутировать со **слизняком**»* [Антон Котенев. Апология спорта. Выступление в поддержку чемпионата мира по футболу // Новая газета, 27.05.2018]. В данном случае на действия человека указывает слово «поступаешь», а на сферу знаний то, что оппонент не будет слушать доводы самого «слизняка».

С этим животным связан еще один интересный случай. В одном из примеров встречается несколько зооморфизмов: *«Я не была **слизняком**, я была **гусеницей** в коконе, из которого вынырнула прекрасная **бабочка**».* [Женщины массово воспользовались вазелином ради красоты и запустили тренд // Lenta.ru, 27.11.2020]. Слизняк здесь, скорее, указывает на свободу человека, что не является типичной ассоциацией с этим животным. Гусеница в коконе – это что-то замкнутое, ограниченное в движениях, готовое выйти в мир. Бабочка традиционно ассоциируется с прекрасным. Так, женщина, произносящая эту фразу, описывает с помощью зооморфизмов ее внешнее перевоплощение, изменение образа жизни.

Представим данные примеров зооморфных метафор этой группы в виде таблицы:

Таблица 3

Зооморфизмы, содержащие названия животных – обитателей лесной зоны

Зооним							
	Внешность	Характер	Интеллект	Физиология	Социальные оценки	Поведение	Кол-во примеров
Заяц						8	8
Утка						8	8
Жаба	2		2		2		6
Слизняк			0,5		4,5		5
Дятел			3		1		4
Крыса					3	1	4
Гадюка		1				1	2
Крот						2	2
Осел		1			1		2
Волк						1	1
Змея					1		1
Итого	2	2	5,5		12,5	21	43

Интересно, что в группе лесных животных преобладают зооморфизмы, характеризующие поведение человека. При этом полностью отсутствуют зооморфизмы, выражающие его физиологические особенности.

4. *Зооморфизмы, содержащие название животных – обитателей зоопарков*

Перейдем к последней группе зооморфизмов. В качестве примера рассмотрим зооморфные метафоры, связанные с образом *индюка*.

Определим, какие значения зоонима зафиксированы в Большом толковом словаре русского языка: ‘Самец индейки’. *И. распустил хвост. Надулся как и. кто-л.* (о том, кто имеет напыщенный и глупый вид) [18].

В найденных примерах зооморфизм несет в себе социальную оценку (3 примера) и поведенческую реакцию (2 примера):

1) **Социальная оценка.** *«Но тогда уж пусть лозунги будут незаконными для симметрии, это ж все-таки протокол, а не детский рассказ типа "я себя хорошо вел, а он* ***индюком*** *обзывается"* [Максим Ковальский. Без страсти и упрека // Коммерсант, 04.06.2012].

2) **Поведенческая реакция.** *«Врач, сохраняющий достоинство, – это просто* ***индюк*** *надутый, а не врач никакой»* [Валерий Панюшкин: Хорошее дело // Ведомости, 2013.04.05].

Представим данные о зооморфизмах, содержащих название животных – обитателей зоопарков – в виде таблицы:

Таблица 4

Зооморфизмы, содержащие название животных – обитателей зоопарков

Зооним							
	Внешность	Характер	Интеллект	Физиология	Социальные оценки	Поведение	Кол-во примеров
Индюк					3	2	5
Горилла	3						3
Обезьяна	1		1			2	4
Акула					1	1	2
Бегемот	1				1		2
Макака			1		1		2
Слониха	2						2
Скунс						1	1
Итого	7		2		6	6	21

Эта группа зооморфизмов оказалась самой немногочисленной по количеству примеров. Важно отметить, что здесь преобладает характеристика внешности при полном отсутствии данных о внутреннем мире человека и его физиологии.

Таким образом, зооморфные метафоры, дающие социальную оценку, создаются преимущественно с помощью родового зоонима «скотина» и представителей домашнего скота. Внимание поведенческой реакции уделяется в основном в группе животных леса, а внешнему виду – зверей зоопарка. Это говорит о том, что журналисты могут осознанно подходить к выбору вида животных для придания определенной характеристики человеку при использовании зооморфной метафоры.

Итак, чаще всего в анализируемых печатных СМИ встречаются образы *скотины* вообще (25 метафор), *козла* (16), *петуха* (15) и *барана* (11). В основном они дают социальную характеристику личности человека.

Отметим, что выделенные нами группы животных могут использоваться в разных ситуациях. ***Социальная оценка*** преимущественно выражается с помощью образов скотины и представителей домашнего скота, ***поведение*** – лесных животных, а ***внешность*** – зверей зоопарка.

Важно отметить, что многие анализируемые нами в Национальном корпусе русского языка животные не попали в список зооморфных метафор. Изначально было набрано 55 видов животных. Задействовано в зооморфизмах всего 26. Не использованы в метафорах, например, следующие представители скота: *коза, лошадь, конь, бык* и другие. Кроме того, крайне непопулярной оказалась группа домашних животных. Согласно нашим наблюдениям, с помощью образов *кошки, кота, собаки, пса* не создаются зооморфные метафоры в анализируемых изданиях. Возможно, это объясняется их меньшей экспрессивностью по сравнению, например, с *козлом*.

Интересным является и то, что встречается всего одна пара животных (*овца – баран*), с помощью образов которых создаются зооморфизмы. Возможно, это объясняется неприятием

обществом оскорблений в адрес женщин. Это можно подтвердить и тем, что количество зооморфных метафор в мужском роде больше, чем в женском (71 и 49 соответственно). При подсчете не учитывалось собирательное существительное, поскольку его применяют и в адрес мужчин, и в адрес женщин. Кроме того, есть случаи использования зооморфизмов в женском роде в адрес противоположного пола: «*Ну расстегните мне наручники, я что* ***овца*** *какой-то?!»* [Ногой в «лобовое»: в Уфе пьяный водитель устроил погром в машине ДПС // Vesti.ru, 19.08.2020].

Важно отметить, что зооморфные метафоры чаще всего появляются в прямой речи. Вероятно, в ряде случаев это сознательный выбор журналистов. Так автор статьи завуалированно может выразить свое мнение о происходящем. Кроме того, одной из функций СМИ является развлечение читателей. Экспрессия выражений с помощью зооморфизмов в этом помогает.

Нами не выявлено ни одного случая, когда бы зооморфная метафора служила для положительной характеристики человека. Таким образом, зооморфные метафоры нужны представителям СМИ для создания негативной оценки, формирования определенного общественного мнения.

Библиографический список

1. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2001. 238 с.

2. Алеевская А. О. Язык СМИ как индикатор социальных перемен // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2015. № 3 (17) [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-smi-kak-indikator-sotsialnyh-peremen (дата обращения: 05.03.2024).

3. Волобуев К. В. Политический дискурс: его стратегия, тактика и функции // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6–1 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-diskurs-ego-strategiya-taktika-i-funktsii (дата обращения: 06.03.2024).

4. Сергеева О. В. Лингвоэкологические проблемы современного образовательного медиадискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 9 (479). С. 70–82 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=54799448 (дата обращения: 02.03.2024).

5. Национальный корпус русского языка : [сайт]. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения 06.05.2024).

6. Белявцева И. В. Зооморфные наименования единиц подвижного состава в железнодорожном жаргоне немецкого языка // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2023. № 4 (51). С. 61–66.

7. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2003. 248 с.

8. Чень Шулин. Зооморфизмы в идиостиле председателя Си Цзиньпина // Политическая лингвистика. 2023. № 6. С. 207–212.

9. Солнцева Н. В. Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этносемантическом аспекте : автореф. … дис. канд. филол. наук. М., 2004. 23 с.

10. Гаврилюк М. А. Зооморфная метафора как фрагмент китайской и русской языковых картин мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 10 (721). С. 109–119 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zoomorfnaya-metafora-kak-fragment-kitayskoy-i-russkoy-yazykovyh-kartin-mira (дата обращения: 20.03.2024).

11. Гридина Т. А. Метафора в свете национальной ментальности. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2020. 226 с.

12. Гудков Д. Б. Люди и звери. Русские прецедентные имена и зоонимы в национальном мифе: лингвокультурологический словарь. М. : ЛЕНАНД, 2020. 200 с.

13. Потапчук Е. Ю. Метафоры современной российской политики // Система ценностей современного общества. 2009. № 9. С. 92–96 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21117386 (дата обращения: 07.03.2024).

14. Солдаткина Т. А. Метафорические модели фразеологизмов с оценочным компонентом в марийском и французском языках // Финно-угорский мир. 2017. № 1(30). С. 64–72.

15. Блэк М. Метафора / [перевод с английского под общей редакцией Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской] [Электронный ресурс] // Теория метафоры. М. : Прогресс, 1990. С. 153–172. URL: https://imwerden.de/pdf/teoriya_metafory_1990__ocr.pdf (дата обращения: 29.02.2024).

16. Балашова Л. В. Речевая метафора как способ репрезентации образа России в современных оппозиционных массмедиа. – DOI: 10.26170/pl20-03-02 // Политическая лингвистика. 2020. № 3 (81). С. 23–38 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rechevaya-metafora-kak-sposob-reprezentatsii-obraza-rossii-v-sovremennyh-oppozitsionnyh-massmedia (дата обращения: 01.03.2024).

17. МАС – Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1981–1984. Т. 4. С–Я. 1984. 794 с.

18. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПБ.: Норинт, 2000. 1536 с.

References

1. Chudinov A. P. Russia in a metaphorical mirror: Cognitive research of political metaphor (1991-2000) : monograph. Yekaterinburg : Ural State Pedagogical University, 2001. 238 p.

2. Aleevskaya A. O. The language of the media as an indicator of social change // Topical issues of modern philology and journalism. 2015. № 3 (17). Pp. 122-128 [Electronic resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-smi-kak-indikator-sotsialnyh-peremen (date of application: 03/05/2024).

3. Volobuev K. V. Political discourse: its strategy, tactics and functions // Humanities, socio-economic and social sciences. 2015. № 6 (1). Pp. 127-129 [Electronic resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-diskurs-ego-strategiya-taktika-i-funktsii (date of application: 06.03.2024).

4. Sergeeva O. V. Linguoecological problems of modern educational media discourse // Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2023. № 9 (479). Pp. 70–82 [Electronic resource]. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=54799448 (date of application: 03/02/2024).

5. The National corpus of the Russian language : [website]. URL: https://ruscorpora.ru / (accessed 05/06/2024).

6. Belyavtseva I. V. Zoomorphic names of rolling stock units in the railway jargon of the German language // Topical issues of modern philology and journalism. 2023. № 4 (51). Pp. 61-66.

7. Chudinov A. P. Metaphorical mosaic in modern political communication. Yekaterinburg : Ural State Pedagogical University, 2003. 248 p.

8. Chen Shulin. Zoomorphisms in the idiosyncrasy of President Xi Jinping // Political linguistics. 2023. № 6. Pp. 207–212.

9. Solntseva N. V. Comparative analysis of zoonyms of the Russian, French and German languages in the ethnosemantic aspect. M., 2004. 23 p.

10. Gavrilyuk M. A. Zoomorphic metaphor as a fragment of Chinese and Russian language pictures of the world // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. 2015. Issue 10 (721).

Pp. 109-119 [Electronic resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zoomorfnaya-metafora-kak-fragment-kitayskoy-i-russkoy-yazykovyh-kartin-mira (date of reference: 03/20/2024).

11. Gridina T. A. Metaphor in the light of national mentality. Yekaterinburg : Ural State Pedagogical University, 2020. 226 p.

12. Gudkov D. B. People and animals. Russian precedent names and zoonyms in the national myth: a linguistic and cultural dictionary. M. : LENAND, 2020. 200 p.

13. Potapchuk E. Y. Metaphors of modern Russian politics // The value system of modern society. 2009. № 9. Pp. 92-96 [Electronic resource]. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21117386 (date of application: 03/7/2024).

14. Soldatkina T. A. Metaphorical models of phraseological units with an evaluative component in the Mari and French languages // Finno-Ugric world. 2017. № 1(30). Pp. 64–72.

15. Black M. Metaphor / M. Black [translated from English under the general editorship of N. D. Arutyunova and M. A. Zhurinskaya] [Electronic resource] // The theory of metaphor. M. : Progress, 1990. Pp. 153-172. URL: https://imwerden.de/pdf/teoriya_metafory_1990__ocr.pdf (date of reference: 02/29/2024).

16. Balashova L. V. Speech metaphor as a way of representing the image of Russia in modern oppositional mass media. – DOI: 10.26170/pl20-03-02 // Political Linguistics. 2020. № 3 (81). Pp. 23-38 [Electronic resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rechevaya-metafora-kak-sposob-reprezentatsii-obraza-rossii-v-sovremennyh-oppozitsionnyh-massmedia (date of application: 03/01/2024).

17. Dictionary of the Russian language: in 4 volumes / USSR Academy of Sciences, Institute of the Russian Language; edited by A. P. Evgenieva. 2nd ed., ispr. and add. Moscow: Russian language, 1981-1984. Vol. 4. C–Ya. 1984. 794 p.

18. The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language / comp. and chief editor S. A. Kuznetsov. St. Petersburg : Norint, 2000. 1536 p. (in Russian).

СОБЫТИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ
EVENTS AND REVIEWS

УДК 811.161.1
DOI 10.36622/2587-9510.2025.57.2.026

Тольяттинский государственный университет,
кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русского языка, литературы и лингвокриминалистики
Паршина О.Д.
Россия, г. Тольятти,
тел. +79178231927
e-mail: parshinaod@mail.ru

Togliatti State University
Candidate of Philology, Associate professor, Head of the Department of Russian language, literature and languacriminalistics
Parshina O.D.
Russia, Togliatti,
tel. +79178231927
e-mail: parshinaod@mail.ru

Самарский государственный социально-педагогический университет,
аспирант 2 года обучения кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания
Баранов А.Н.
Россия, г. Тамбов
тел. +79806760501
e-mail: obu4enie2020@mail.ru

Samara State Socio-Pedagogical University,
2-year postgraduate student of the Department of Russian Language, Speech Culture and Teaching Methods
Baranov A.N.
Russia, Tambov,
tel. +79806760501
e-mail: obu4enie2020@mail.ru

О. Д. Паршина, А. Н. Баранов

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ЯЗЫКЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМИНАР НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ПРОФЕССОРА Е.П. ИВАНЯН

O. D. Parshina, A. N. Baranov

REFLECTION OF SOCIAL AND CULTURAL VALUES IN LANGUAGE: REGIONAL METHODOLOGICAL SEMINAR OF THE SCIENTIFIC SCHOOL OF PROFESSOR E.P. IVANYAN

Региональный методологический семинар научной школы лингвистической русистики «Динамические процессы в лексике и грамматике» под руководством доктора филологических наук, профессора Елены Павловны Иванян, который состоялся 6 марта 2025 года, был посвящен рассмотрению особенностей репрезентации социальных и культурных ценностей в языке. Также были представлены доклады, затрагивающие вопросы ономастики, семантики языковых единиц, динамических процессов в словообразовании и методики преподавания русского языка.

Работа семинара проходила на филологическом факультете Самарского государственного социально-педагогического университета (СГСПУ). Выступили с докладами и участво-

© Паршина О.Д., Баранов А.Н., 2025

вали в обсуждении представленных результатов научных изысканий преподаватели и аспиранты СГСПУ, Тольяттинского государственного университета (ТГУ), Самарского филиала Московского городского педагогического университета (СФ МГПУ), филиала ФГКВОУ ВО «Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» Минобороны России в г. Сызрани (ВУНЦ ВВС «ВВА»), Вольский военный орденов Кутузова и Красной Звезды институт материального обеспечения (филиал) Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва Министерства обороны Российской Федерации, а также Самарского медико-технического лицея г. Самары (МАОУ СМТЛ г.о. Самара).

Докладом «Аксиология в современном русском кинологическом дискурсе» доктора филологических наук, профессор Е.П. Иванян открыла семинар, затронув вопросы эмоционально-экспрессивных номинаций в современном русском кинологическом жаргоне. В докладе освещались номинации связанные с разными сферами бытования домашних питомцев, особенностями потребления еды, ср. [1], номинациями туалетной тематики, подробнее см. [2]. Особое внимание уделялось современным тенденциям в именовании собак, явлениям мелиоративных обозначений и применении коннотативных онимов, ср. [3].

Особенности использования прецедентного имени «Урюпинск» для категоризации пространственных отношений и выражения аксиологии территории государства были рассмотрены в докладе кандидата филологических наук, доцента, заведующего кафедрой русского языка, литературы и лингвокриминалистики ТГУ О.Д. Паршиной «Прецедентное имя Урюпинск: к вопросу о статусе и семантических трансформациях». Было отмечено, что пространственная картина мира, репрезентированная прецедентными феноменами с семантикой русской провинции, представлена пейоративными и мелиоративными единицами [4], [5], [6], [7]. В рамках антропоцентрического подхода номинацию «Урюпинск» следует отнести к прецедентным на основании текстовой основы ее возникновения (восходит к советскому анекдоту) и использования в определенных социокультурных условиях. Функционирование прецедентного имени Урюпинск сопровождается рядом семантических изменений, среди которых можно выделить стереотипизацию, символизацию и семантический синкретизм.

Гендерный подход к анализу лексики современного русского языка был представлен в докладе кандидата филологических наук, доцента, заведующего кафедрой дошкольного образования СГСПУ И.В. Гуровой и кандидата филологических наук, доцента кафедры дошкольного образования СГСПУ Н.В. Гонновой «Изучение номинаций конь и лошадь: гендерный аспект». Были изложены результаты социолингвистического эксперимента, посвященного выявлению лингвистических особенностей речевого поведения респондентов с учётом гендерного фактора. Определены различия в выборе языковых средств (фразеологизмов, паремий, метафор) представителями мужского и женского пола при употреблении номинаций *конь* и *лошадь* в соответствии с прагматической направленностью высказывания [8], [9].

Вопросы отражения ценностей во фразеологии были освещены кандидатом филологических наук, доцентом, заведующим кафедрой филологии и массовых коммуникаций СФ МГПУ О. Ю. Лысовой в докладе «Отражение в образах русских фразеологизмов культурных стереотипных представлений об отношении к труду и отдыху». На фразеологическом материале были рассмотрены стереотипные представления русского человека о трудовой деятельности. В частности, проанализированы идиомы, в которых иронически представлено активное безделье. Было показано, что стереотип – это относительно устойчивый, обобщающий образ или ряд характеристик, которые известны представителям культурного и языкового пространства. Стереотип во фразеологии как часть языковой картины мира отражает наши знания о самих себе, о других и их общественных ролях. Образная составляющая и оценочно-эмотивная характеристика фразеологизмов, выражающих отношение к труду, наглядно демонстрируют детерминированность языковых стереотипов ценностно-культурными установками русского социума, его обиходно-эмпирическим опытом, историей, традициями, представлениями о мире, ср.: [10], [11], [12].

Аспирант и ассистент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ М.С. Агафонцев выступил с докладом «Языковые особенности выражения семантики нанесения вреда в произведениях Н. Г. Помяловского». Была дана характеристика языковых единиц (ЯЕ) с семантикой нанесения вреда индивидууму в художественных произведениях русского писателя-прозаика Н. Г. Помяловского. Отмечено бытование в текстах произведений не только ФЕ, но и глагольных описательно-именных оборотов указанной семантики, речевых штампов, лексем. Установлено, что бытование ЯЕ с семантикой нанесения вреда индивидууму в произведениях писателя зависит от поднимаемых в них тем, связанных с изображением жизненного уклада семинаристов или провинциальных людей, разночинцев, для которых характерно использование названных выше языковых феноменов.

Рассмотрение особенностей семантики и прагматики онимов было представлено в докладах аспирантов ТГУ. Аспирант и ассистент кафедры русского языка, литературы и лингвокриминалистики ТГУ Р.С. Давыдова в докладе «Словообразовательные особенности прагматонимов-фиктонимов пищевой промышленности» рассмотрела окказиональные способы словообразования прагматонимов-фиктонимов пищевой промышленности на материале наименований продуктов питания разных групп. Особое внимание было уделено наиболее частотному способу – образованию номинации по конкретному образцу. В докладе аспиранта и преподавателя кафедры русского языка, литературы и лингвокриминалистики ТГУ Д.Р. Резникова «Семантика прецедентного имени «Пушкин» и его смысловое варьирование в поэтическом тексте Т.Ю. Кибирова» были представлены различные аспекты функционирования прецедентного имени «Пушкин», выявлены его денотативные и коннотативные характеристики, а также определены основные типы смыслового варьирования имени, включая метонимический, метафорический и ассоциативный переносы [13], [14].

Ряд докладов был посвящен исследованию семантики языковых единиц. Так, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации СГСПУ А.М. Клюшина в докладе «Проявление крайности в системе градуальности: к постановке проблемы» отметила, что исследование языковых единиц в теории градуальности представлено в работах С. М. Колесниковой, С. А. Тихомирова, Л. В. Калининой. Исследование языковых единиц в теории градуальности представлено в монографии С. М. Колесниковой [15]. С. А. Тихомиров проводит разностороннее изучение гиперболы как средства выражения категории градуальности [16]. Л. В. Калинина изучает крайние зоны неуловимого на шкале когнитивной категоризации [17]. Семантика крайности подробно исследована в работах докладчика, например, см.: [18], [19], [20], [21], [22]. В докладе А.М. Клюшина подчеркнула, что семантика крайности является отражением взаимосвязи со смежными лингвистическими категориями, обозначающими определённую меру проявления признака (норму, предел, чрезмерность, интенсивность, экспрессивность и др.) и входящими в модель градуальности: семантика крайности – это частное проявление категории градуальности, представляющей собой один из универсальных способов отражения знаний о мере, степени, интенсивности и оценке, выступающей средством категоризации и концептуализации действительности.

Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и лингвокриминалистики ТГУ М.Г. Соколова представила исследование «Семантика и структура образов сравнения компаративных тропов с дендронимом ракита в русской лирике XIX–XXI веков» с позиций их систематизации на основе семантической общности и воспроизводимости, их эволюции в рамках корпуса русских текстов разных эпох [23]. Были выявлены ключевые инвариантные модели формирования анализируемых тропов в виде 11 парадигм образов сравнения, характеризующих дендроним «ракита» в качестве предмета сравнения, а также охарактеризованы устойчивые семантические группы образов сравнения анализируемых компаративных тропов и установлена их денотативная обусловленность. М.Г. Соколова обозначила перцептивные семантические признаки дендронима «ракита» и состав индивидуально-авторских образов сравнения компаративных тропов с дендронимом «ракита», передаю-

щих субъективные перцептивные признаки денотата, определяемые индивидуальным поэтическим мировидением автора, ср.: [24], [25].

Вопросы, связанные с анализом семантических и прагматических особенностей дендронимов, также были освещены в докладах аспирантов кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ Г.Н. Агровой и А.Н. Баранова. Так, Г.Н. Агрова в докладе «Лингвопоэтический анализ бытования дендронима «ель» в творчестве Ю. Мориц» представила краткий обзор функционирования лексемы «ёлка» в творчестве поэтессы в лексико-семантическом аспекте. С опорой на примеры представлено образное наполнение многозначного слова «ёлка», выявлены наиболее частотные ассоциации с ним. В докладе «Вопросы изучения дендронима «липа» в современных гуманитарных науках» аспиранта А.Н. Баранова были освещены актуальные проблемы исследования дендронима «липа» в русской филологии, охарактеризованы семантические признаки дендронимов, в том числе – липы. Также установлено, что липа в произведениях А. В. Ширяевца получает семантический признак ‘жаркая’; изучается процесс номинации древесных растений семасиологическим методом и посредством ономасиологического анализа.

Доклад старшего преподавателя кафедры русского языка, литературы и лингвокриминалистики ТГУ В.С. Бычковой «Прагмема «провинциал» как оценочная номинация лица» был посвящён анализу лексемы «провинциал» как оценочной номинации лица в современном русском языке. Были предложены критерии, позволяющие отнести исследуемую лексему к прагмемам. Лексикографическое портретирование слова, анализ текстов печатных СМИ позволил выявить соответствующие признаки, согласно которым по крайней мере одно из значений номинации лица характеризуется прагматической оценочностью, ср.: [26], [27], [28].

Полевый подход в своих изысканиях предложили кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ Е.Ю. Долгова, а также старший преподаватель кафедры теории и практики перевода ТГУ Е.В. Косс, соискатель СГСПУ Е.Н. Полякова. В докладе Е.Ю. Долговой «Бинарные и градуальные семантические оппозиции ахроматических колоративов в русском языке конца XX – начала XIX века» были рассмотрены названные оппозиции ахромативов *белый, серый, черный* в составе атрибутивно-субстантивных комплексов (АСК). Образование у колоративов новых парадигматических и синтагматических связей происходит традиционно на базе вторичных номинаций, появление которых обусловлено ассоциативным характером человеческого мышления, и может иметь как языковую, так и речевую репрезентацию. Результаты исследования показали, что в семантических бинарных и градуальных оппозициях активно участвуют переносные значения ахроматив: ‘законный, легальный, официальный’ – ‘незаконный, нелегальный, неофициальный’; ‘занимающийся законной деятельностью’ – ‘занимающийся незаконной деятельностью’; ‘использующий достоверную информацию’, ‘формирующий положительное общественное мнение о ком-, чем-л.’ – ‘использующий недостоверную информацию’, ‘формирующий негативное общественное мнение о ком-, чем-л.’.

Проблему проявления оппозиции «свой – чужой» рассмотрела исследователь Е.В. Косс в докладе «Лингвистические средства выражения категорий «свой» vs «чужой» в выражениях с термином родства *дядя*». Актуальность исследований особенностей бытования номинаций-терминов родства обусловлена высокой востребованностью в различных научных сферах антропоцентрического подхода, а также значительной частотностью употребления термина родства *дядя*. Рассмотрены проблемы освещения терминов родства в различных лингвокультурах, ср.: [29], показаны семантико-прагматические особенности вокатива *дядя* при обращении к неродственнику мужского пола, подробнее см. об этом: [30], а также языковые средства репрезентации внешности мужчины номинацией дядя в современном русском языке, ср.: [31].

Соискатель СГСПУ Е.Н. Полякова представила доклад «Ядро семантического поля «нетрадиционные половые отношения» в периодике 1920-х гг.: специфика функционирова-

ния». Исследование было сосредоточено на характеристике структурных элементов указанного поля: ядре, ближней и дальней периферии. Работа характеризуется обширным языковым материалом, обращением к дореволюционным лексикографическим источникам, ср.: [32].

Вопросы репрезентации в языке различных модусов перцепции были освещены в выступлениях кандидата филологических наук, доцента ВУНЦ ВВС «ВВА» Н.Н. Немич и кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ С.И. Симоновой. Так, Н.Н. Немич в докладе «Сочетаемость перцептивных лексических единиц с конституентами семантики невыразимого в современных СМИ» рассмотрела особенности сочетаемости названных единиц (визуальных, аудиальных, тактильных и др.) с конституентами семантики невыразимого в текстах современных газет. Было выявлено, что в текстах современных газетных изданий представлены примеры, включающие сочетания однословных конституентов семантики невыразимого с лексемами визуального, аудиального, ольфакторного, вкусового модусов перцепции. Наиболее частотным модусом перцепции (по сравнению с другими модусами перцепции), номинации которого сочетаются с однословными конституентами семантики невыразимого, является визуальный (6,6 % от общего количества проанализированных примеров, содержащих однословные конституенты семантики невыразимого). Исследование позволило выявить специфические комбинации лексических единиц, которые наиболее эффективно передают элементы невыразимого через различные модусы восприятия, ср.: [33], [34], [35].

В докладе С.И. Симоновой «Ольфакторная рецепция в творчестве Н.В. Гоголя» рассмотрены особенности художественного мира Н.В. Гоголя, позволяющие выявить такой сегмент ольфакторной рецепции, который обусловлен спецификой приема эвфемизации мастера слова. Показано, что на вербализацию того или иного запаха в художественном пространстве произведений Н.В. Гоголя накладывается запрет.

Актуальные вопросы современной методики преподавания были освещены в выступлениях кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ Н.Д. Осиповой и кандидата филологических наук, учителя русского языка и литературы МАОУ СМТЛ г.о. Самара А.Н. Моргуновой. Так, Н.Д. Осипова в докладе «Инфографика «вручную»: работа с ментальными картами на занятиях по дисциплине «Теория языка» обосновала важность использования инфографики в рамках практических занятий при изучении дисциплины «Теория языка» в вузе. Такие занятия предполагают формат работы в автономных группах с последующей презентацией результатов в аудитории. Задания по подготовке ментальных карт, буклетов и плакатов могут быть предложены обучающимся в процессе знакомства с генеалогической классификацией и функциональной типологией языков. Работа способствует развитию творческих навыков студентов, формированию коммуникативной компетенции при взаимодействии в команде, а также помогает оптимизировать процесс контроля знаний по теме занятия, ср.: [36].

Исследователь А. Н. Моргунова в докладе «Методический аспект изучения агнонимов в старших классах» рассмотрела вопрос изучения агнонимов в современной лингвистике, назвала актуальные аспекты их изучения, представила краткий анализ научной литературы по изучению агнонимов, особенно в контексте школьного образования, показав, что изучение агнонимов помогает старшеклассникам осознать, как язык отражает социальные и культурные ценности.

Таким образом, региональный методологический семинар раскрыл актуальные проблемы лингвистической русистики, вопросы семантических и грамматических процессов, происходящих в русском языке на современном этапе.

Библиографический список

1. Иванян Е. П. Семантика еды в лингвистических изысканиях: результаты и перспективы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17, № 1-4. С. 795-797.

2. Иванян Е. П., Кудлинская-Стемпень Х., Никитина И. Н. Многоязычный словарь эвфемизмов туалетной темы. Москва : Флинта, 2013.

3. Иванян Е. П., Айтасова С. И. Семантика и функции коннотативных онимов в русском дискурсе // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы : Материалы шестой международной научно-практической конференции, Самара, 21-22 сентября 2011 года. Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет, 2011. С. 131-137.

4. Паршина О. Д. Прецедентный феномен в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов как лингвокультурно значимое обозначение провинции // Русская речь. 2024. № 3. С. 7-19. DOI 10.31857/S0131611724030011.

5. Паршина О. Д. Прецедентный феномен «За МКАДом жизни нет» как пейоративное обозначение провинции // Русский язык и ценностные ориентиры современного мира : сборник материалов международной научно-практической конференции, Пермь, 02-03 февраля 2024 года. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2024. С. 197-207.

6. Паршина О. Д., Бычкова В. С. Прецедентный феномен «Москвы уголок» как мелиоративное обозначение провинции // Семантика. Функционирование. Текст. К 75-летию со дня рождения С. В. Черновой : межвузовский сборник научных трудов. Киров : ООО "Издательство "Радуга-ПРЕСС", 2023. С. 134-140.

7. Паршина О. Д. Прецедентный феномен "прирастать провинцией": к постановке вопроса // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 3(38). С. 87-96.

8. Гоннова Н. В., Гурова И. В., Соколова М. Г. Лаборатория лингвистических смыслов (по итогам цикла научных мероприятий) // Русистика без границ. 2019. №3. С. 103-108.

9. Венгранович М. А., Гурова И. В. Символы и образы античности и христианства в культуре российского общества (по итогам межвузовской научно-практической конференции) // Научный диалог. 2017. №7. С. 225-228.

10. Лысова О. Ю. Внутренняя форма слова в отечественном языкознании XX-XXI веков: обзор становления и употребления термина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Том 15. Выпуск 9. С. 2870-2876.

11. Лысова О. Ю. Совершенствование страноведческой компетенции студентов-филологов при работе со словарями XXI века // Большая конференция МГПУ: сборник тезисов: в 3 т. Том 1. Цифровая дидактика. М.: Парадигма, 2023. 458 с. С. 442-445.

12. Лысова О. Ю. Внутренняя форма фразеологизмов русского языка: семантический аспект. Монография / Под общей редакцией Е.П. Иванян. Самара: издательство «Инсомапресс», 2023. 192 с.

13. Резников Д. Р. Функционирование пушкинских прецедентных феноменов в поэтических текстах Т. Ю. Кибирова // Пушкинские чтения - 2024. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст : Материалы XXIX Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 06-07 июня 2024 года. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2024. С. 72-77.

14. Резников Д. Р. Исследование прецедентных онимов в поэтическом тексте во втором десятилетии XXI века // Лекантовские чтения - 2024 : Материалы Международной научной конференции, Москва, 18 ноября 2024 года. Москва: Государственный университет просвещения, 2024. С. 384-390.

15. Колесникова С. М. Градуальность в системе русского языка : монография. М. : Флинта, 2018. 232 с.

16. Тихомиров С. А. Гипербола в градуальном аспекте : автореф. дисс. … канд. филол. н. М., 2006. 21 с.

17. Калинина Л. В. Семантика неуловимого в прозаических миниатюрах Юрия Коваля // Русский язык в школе. 2017. № 1. С. 44-48.

18. Клюшина А. М. Категория крайности в лингвистической русистике: аналитический обзор // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2022. Т. 26, № 2. С. 70-80.

19. Клюшина А. М. Проявление крайности в русской лингвокультуре: аналитический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 6. С. 1849-1855.

20. Клюшина А. М. Стилистические средства выражения семантики крайности в русском языке: теоретический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 10. С. 3187-3193.

21. Клюшина А. М. Проявление крайности в образах персонажей романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. Т. 13, № 2.

22. Клюшина А. М. Способность русских частиц передавать семантику крайности: аналитический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 7. С. 2174-2182.

23. Соколова М. Г. Типы семантических преобразований дендронимов в поэтических текстах А. В. Ширяевца // Филология и человек. 2020. № 2. С. 19-28.

24. Соколова М. Г. Полевая структура образной парадигмы "тополь - предмет" в русской поэзии XVIII-XX веков // Рациональное и эмоциональное в русском языке - 2018 : Сборник трудов Международной научной конференции, Москва, 23–24 ноября 2018 года / отв. ред.: Н. Б. Самсонов. М. : Московский государственный областной университет, 2018. С. 240-244.

25. Соколова М. Г. Сопоставительная характеристика образных полей "тополь - человек" и "клен - человек" в русской поэзии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 7. С. 45-53.

26. Бычкова В. С. Лексические средства вербализации оценки провинциалки как источник аксиологических характеристик представителя региона // Столица и провинции: взаимоотношение центра и регионов в истории России : Материалы XV Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 15 марта 2024 года. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2024. С. 23-27.

27. Бычкова В. С. Средства интенсификации пейоративной оценки номинации «провинциальчик» // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2024. № 4(55). С. 753-762. DOI 10.34680/2411-7951.2024.4(55).

28. Бычкова В. С. Фразеологическая единица «комплекс провинциала» в сетевых текстах: семантические особенности и эмоциональная окраска // Лекантовские чтения - 2024 : Материалы Международной научной конференции, Москва, 18 ноября 2024 года. Москва: Государственный университет просвещения, 2024. С. 151-157.

29. Косс Е. В. Терминосистема родства: проблемы дефиниции и номенклатуры в разных лингвокультурах // Студент и наука (гуманитарный цикл) - 2022 : материалы международной студенческой научно-практической конференции, Магнитогорск, 22-25 марта 2022 года. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2022. С. 248-252.

30. Косс Е. В. Семантико-прагматические особенности вокатива Дядя при обращении к неродственнику мужского пола // Семантика. Функционирование. Текст. К 75-летию со дня рождения С. В. Черновой : межвузовский сборник научных трудов. Киров : ООО "Издательство "Радуга-ПРЕСС", 2023. С. 129-134.

31. Косс Е. В., Паршина О. Д. Репрезентация внешности мужчины номинацией "дядя" в современном русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 10. С. 3422-3428. DOI 10.30853/phil20230527.

32. Полякова Е.Н. Характеристика структуры микрополя «нетрадиционные половые отношения» в советской публицистике 1920-х гг. // Мир науки. Социология, филология, культурология. М.: Мир науки, 2022. Т.3.№2. 34 с.

33. Немич Н. Н. Конституенты семантики невыразимого как маркеры модусов перцепции // Современные тенденции языкового образования: опыт, проблемы, перспективы : Сборник статей участников IV Международной научно-практической конференции, Арзамас, 28 марта 2022 года / Науч. редактор Л.Н. Набилкина, отв. редактор Д.Л. Морозов. – Арзамас: Арзамасский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", 2022. С. 247-251.

34. Немич Н. Н. Экспрессивность и оценочность газетного дискурса: понятийный аспект // Семантика. Функционирование. Текст : Межвузовский сборник научных трудов. – Киров : Общество с ограниченной ответственностью "Радуга-ПРЕСС", 2020. С. 132-137.

35. Немич Н. Н. Репрезентация ольфакторного и вкусового модусов перцепции посредством участия конституентов семантики невыразимого // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2022. № 4(27). С. 95-99.

36. Осипова Н. Д. Лингвистический кружок «Язык и мир» как форма работы в рамках дисциплины «Педагогическая риторика» в вузе // Русистика без границ. 2024. Т. 8, № 1. С. 96-102.

References

1. Ivanyan E. P. Semantics of food in linguistic research: results and prospects // Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2015. Vol. 17, No. 1-4. pp. 795-797.

2. Ivanyan E. P., Kudlinskaya-Stempen H., Nikitina I. N. Multilingual dictionary of euphemisms of the toilet theme. Moscow : Flinta, 2013.

3. Ivanyan E. P., Aytasova S. I. Semantics and functions of connotative onyms in Russian discourse // Higher humanitarian education of the XXI century: problems and prospects : Proceedings of the sixth international scientific and practical conference, Samara, September 21-22, 2011. Samara: Samara State Socio-Pedagogical University, 2011. pp. 131-137.

4. Parshina O. D. A precedent phenomenon in the countryside, to an aunt, in the wilderness, in Saratov as a linguoculturally significant designation of the province // Russian speech. 2024. No. 3. pp. 7-19. DOI 10.31857/S0131611724030011.

5. Parshina O. D. The precedent phenomenon "There is no life beyond the MKAD" as a pejorative designation of a province // Russian language and value orientations of the modern world : proceedings of the international scientific and practical conference, Perm, February 02-03, 2024. Perm: Perm State National Research University, 2024. pp. 197-207.

6. Parshina O. D., Bychkova V. S. The precedent phenomenon of "Moscow corner" as a land reclamation designation of a province // Semantics. Functioning. Text. On the 75th anniversary of S. V. Chernova's birth : interuniversity collection of scientific papers. Kirov : Raduga-PRESS Publishing House, LLC, 2023. pp. 134-140.

7. Parshina O. D. The precedent phenomenon of "growing into a province": towards raising a question // Actual issues of modern philology and journalism. 2020. No. 3(38). pp. 87-96.

8. Gonnova N.V., Gurova I.V., Sokolova M.G. Laboratory of linguistic meanings (based on the results of a series of scientific events) // Russian Studies without borders. 2019. No. 3. pp. 103-108.

9. Vengranovich M.A., Gurova I.V. Symbols and images of antiquity and Christianity in the culture of Russian society (based on according to the results of the interuniversity scientific and practical conference) // Scientific dialogue. 2017. №7. pp. 225-228.

10. Lysova O.Y. The internal form of the word in Russian linguistics of the XX-XXI centuries: a review of the formation and use of the term // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2022. Volume 15. Issue 9. pp. 2870-2876.

11. Lysova O.Y. Improving the regional competence of students of philology when working with dictionaries of the XXI century // The Great Conference of the Moscow State Pedagogical University: collection of abstracts: in 3 volumes. Volume 1. Digital didactics. Moscow: Paradigma, 2023. 458 p. 442-445.

12. Lysova O.Y. The internal form of phraseological units of the Russian language: a semantic aspect. The monograph / Under the general editorship of E.P. Ivanyan. Samara: publishing house "Insoma-press", 2023. 192 p.

13. Reznikov D. R. The functioning of Pushkin's precedent phenomena in the poetic texts of T. Y. Kibirov // Pushkin Readings - 2024. Artistic strategies of classical and modern literature: genre, author, text : Proceedings of the XXIX International Scientific Conference, St. Petersburg, June 06-07, 2024. Saint Petersburg: A. S. Pushkin Leningrad State University, 2024. pp. 72-77.

14. Reznikov D. R. A study of precedent onyms in a poetic text in the second decade of the 21st century // Lekant Readings - 2024 : Proceedings of the International Scientific Conference, Moscow, November 18, 2024. Moscow: State University of Enlightenment, 2024. pp. 384-390.

15. Kolesnikova S. M. Graduality in the Russian language system: monograph. M.: Flinta, 2018. 232 p.

16. Tikhomirov S. A. Hyperbola in a gradual aspect: abstract of thesis. diss. ...cand. Philol. n. M., 2006. 21 p.

17. Kalinina L. V. Semantics of the elusive in the prose miniatures of Yuri Koval // Russian language at school. 2017. No. 1. pp. 44-48.

18. Klyushina A.M. The category of extremes in linguistic Russian studies: an analytical review // Proceedings of the Southern Federal University. Philological sciences. 2022. Vol. 26, No. 2. pp. 70-80.

19. Klyushina A.M. The manifestation of extremes in Russian linguoculture: an analytical review // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2022. Vol. 15, No. 6. pp. 1849-1855.

20. Klyushina A.M. Stylistic means of expressing the semantics of extremes in the Russian language: a theoretical review // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2022. Vol. 15, No. 10. pp. 3187-3193.

21. Klyushina A.M. The manifestation of extremes in the characters of F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov" // The World of Science. Sociology, philology, cultural studies. 2022. Vol. 13, No. 2.

22. Klyushina A.M. The ability of Russian particles to convey the semantics of extremes: an analytical review // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2022. Vol. 15, No. 7. pp. 2174-2182.

23. Sokolova M. G. Types of semantic transformations of dendronyms in poetic texts by A.V. Shiryaevts // Philology and man. 2020. No. 2. pp. 19-28.

24. Sokolova M. G. The field structure of the figurative paradigm "poplar - object" in Russian poetry of the XVIII-XX centuries // Rational and emotional in the Russian language - 2018 : Proceedings of the International Scientific Conference, Moscow, November 23-24, 2018 / ed. by N.B. Samsonov. Moscow : Moscow State Regional University University, 2018. pp. 240-244.

25. Sokolova M. G. Comparative characteristics of the figurative fields "poplar - man" and "maple - man" in Russian poetry // Scientific Notes of Petrozavodsk State University. 2020. Vol. 42, No. 7. pp. 45-53.

26. Bychkova V. S. Lexical means of verbalization of provincial assessment as a source of axiological characteristics of a representative of the region // Capital and provinces: the relationship between the center and the regions in the history of Russia : Proceedings of the XV All-Russian Scientific Conference, St. Petersburg, March 15, 2024. Saint Petersburg: A. S. Pushkin Leningrad State University, 2024. pp. 23-27.

27. Bychkova V. S. Means of intensifying the pejorative assessment of the nomination "provincial" // Scientific notes of the Novgorod State University. – 2024. No. 4(55). pp. 753-762. DOI 10.34680/2411-7951.2024.4(55).

28. Bychkova V. S. The phraseological unit "provincial complex" in online texts: semantic features and emotional coloring // Lekant Readings - 2024 : Proceedings of the International Scientific Conference, Moscow, November 18 In 2024. Moscow: State University of Enlightenment, 2024. pp. 151-157.

29. Koss E. V. The terminological system of kinship: problems of definition and nomenclature in different linguistic cultures // Student and Science (humanities cycle) - 2022 : proceedings of the international student scientific and practical conference, Magnitogorsk, March 22-25, 2022. Magnitogorsk: Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov, 2022. pp. 248-252.

30. KossE, V. Semantic and pragmatic features of the vocative Uncle when referring to a male unrelated person. // Semantics. Functioning. Text. On the 75th anniversary of S. V. Chernova's birth : interuniversity collection of scientific papers. Kirov : Raduga-PRESS Publishing House, LLC, 2023. pp. 129-134.

31. Koss E. V., Parshina O. D. Representation of a man's appearance with the "uncle" nomination in modern Russian // Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2023. Vol. 16, No. 10. pp. 3422-3428. DOI 10.30853/phil20230527.

32. Polyakova E.N. Characteristics of the micropole structure of "non-traditional sexual relations" in Soviet journalism of the 1920s // Mir Nauki. Sociology, philology, cultural studies. Moscow: Mir Nauki, 2022. Vol. 3.No. 2. 34 p.

33. Nemich N. N. Constituents of the semantics of the ineffable as markers of modes of perception // Modern trends in language education: experience, problems, prospects : Collection of articles by participants of the IV International Scientific and Practical Conference, Arzamas, March 28, 2022 / Scientific editor L.N. Nabilkina, editor-in-chief D.L. Morozov. Arzamas: Arzamas branch of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", 2022. pp. 247-251.

34. Nemich N. N. Expressivity and evaluativeness of newspaper discourse: a conceptual aspect / N. N. Nemich // Semantics. Functioning. Text : Interuniversity collection of scientific papers. Kirov : Raduga–PRESS Limited Liability Company, 2020. pp. 132-137.

35. Nemich N. N. Representation of olfactory and gustatory modes of perception through the participation of constituents of the semantics of the inexpressible // Bulletin of Vologda State University. Series: Historical and Philological sciences. 2022. No. 4(27). pp. 95-99.

36. Osipova N. D. Linguistic circle "Language and the world" as a form of work within the discipline "Pedagogical rhetoric" in higher education // Russian studies without borders. 2024. Vol. 8, No. 1. pp. 96-102.

УДК 811.161.1 (470.324)
DOI 10.36622/2587-9510.2025.57.2.027

Воронежский государственный технический университет
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Бугакова Н.Б.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru

доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой русского языка
и межкультурной коммуникации
Скуридина С.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(920)404-04-48;
e-mail: saskuridina@ya.ru

Voronezh State Technical University
Doctor of Philology,
Professor of the chair of Russian language and cross-cultural communication
Bugakova N.B.
Russia, Voronezh, tel.+7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru

Doctor of Philology, Professor, department chairman,
the chair of Russian language and cross-cultural communication,
Skuridina S.A.
Russia, Voronezh, +7(920)404-04-48
e-mail: saskuridina@ya.ru

Н.Б. Бугакова, С.А. Скуридина

«ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ УНИВЕРСАЛИИ В МИРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ»: АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ВОРОНЕЖСКИХ УЧЕНЫХ

N.B. Bugakova, S.A. Skuridina

«LINGUISTIC AND CULTURAL UNIVERSALS IN THE GLOBAL SPACE»: ASPECTS OF RESEARCH BY VORONEZH SCIENTISTS

16–18 апреля 2025 года в Воронежском государственном техническом университете состоялась VI Международная научная конференция «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве», организованная кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации и собравшая российских и зарубежных ученых и специалистов, представляющих различные научные школы и направления мысли.

Цель конференции – углубленное изучение общих закономерностей развития языков и мировых культурных традиций, выявление специфики литературного процесса разных периодов, обсуждение вопросов глобализации и межкультурного взаимодействия. Программа конференции включала широкий спектр направлений исследования: участники заседаний обсудили проблемы, касающиеся общей структуры языка, механизмов формирования речи и коммуникации, обсуждались аспекты культурного наследия, сохранения этнических особенностей и национальных ценностей в условиях глобальной интеграции, адаптации культурной среды к современным реалиям жизни общества.

Примечательно, что, организованная филологами, конференция носит междисциплинарный характер, затрагивая вопросы искусства, литературы, музыки, кинематографа и других видов творчества и способствуя сохранению и развитию российской и мировой культуры, трансляции

© Бугакова Н.Б., Скуридина С.А., 2025

традиционных ценностей новым поколениям.

Благодаря использованию современных информационных технологий, конференция «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» прошла в смешанном формате, что позволило расширить «географию» участников.

В работе конференции приняли участие следующие секции: «Актуальные проблемы современной лингвистики», «Слово в пространстве текста», «Медиареальность: метаморфозы, интерпретации, перспективы», «Мир глазами молодых», а также секция в честь писателей-юбиляров, включившая доклады к 165-летию со дня рождения А.П. Чехов и к 85-летию со дня рождения И. Бродского [1].

Открыл пленарное заседание доклад профессора Г.Ф. Ковалева, посвященный специфике исследований представителей Воронежской ономастической школы, основными направлениями деятельности которой является региональная ономастика и функционирование имени собственного в художественном тексте. Данные аспекты были подробно освещены в докладах Л.Н. Верховых [2], С.А. Скуридиной [3] и Н.Б. Бугаковой [4], докторские диссертации которых выполнены в традициях Воронежской ономастический школы [5], [6], [7]. Изучение литературной ономастики представлено и в работе липецкого ученого Е.А. Поповой, обратившейся к творчеству А.П. Платонова и описавшей ономастическое пространство Провинциального (Липецкого) сверхтекста в наследии писателя [8]. В докладе И.А. Меркуловой дана характеристика адъективных лексем как объекта сопоставительных исследований.

Выступления лингвистической секции представлены докладами воронежских исследователей, в которых поднимаются разные языковедческие проблемы, включая особенности преподавания языков в учебных заведениях всех уровней образования. М.А. Денисовой и А. Абдыевым рассматривается языковая специфика рекламной номинации в русском и туркменском языках [9], Е.О. Кузьминых, Е.Д. Старцевой изучаются прецедентные имена в эргономии спортивных заведений г. Воронежа [10], Т.А. Вороновой – перевод обращения как отражение духа эпохи [11], а также история застройки Воронежа, отразившаяся в городской топонимике [12]. Г.В. Романова подробно описывает вариант построения поэтапного освоения русской лексики студентами-иностранцами при обучении РКИ [13], Л.В. Недоступова сообщает об особенностях говора жителей села с «главной дубравой России» [14], А.А. Толкачева, А.В. Вохминцева рассматривают эргонимы как способ продвижения учреждений дополнительного образования детей [15], Л.В. Сычёва предлагает систему упражнений по формированию устной и письменной речи учащихся в таджикском учебнике русского языка [16], А.В. Вохминцева выявляет семантический потенциал лексемы «брат» в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» [17].

Большое количество докладов преподавателей кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского государственного технического университета и ее выпускников прозвучало во время работы секции «Медиареальность: метаморфозы, интерпретации, перспективы», что обусловлено тесным взаимодействием с молодыми учеными – студентами бакалавриата и магистратуры направления «Журналистика», активно реагирующими на изменения, происходящие в современном медиапространстве, о чем свидетельствует разнообразие затрагиваемых проблем: специфика публикаций о театре в условиях развития медийных коммуникаций [18], стрит-фотография как инструмент документирования и визуализации современного общества [19], трансформация роли журналиста в современном мире [20], метаморфозы суггестивного компонента в женских журналах: на материале жанра обложка [21], черно-белое фото в современном медиапространстве [22], специфика жанра тру-крайм в зарубежной медиасистеме [23], фотография как средство сохранения памяти в современном культурном процессе [24], этническое развитие и разнообразие в СМИ [25], информационно-развлекательный формат в подкастах [26], Product Placement в кинематографе [27], специфика влияния стриминговых платформ на продвижение музыкальных исполнителей [28], [29], психологический портрет жертвы мошенников (на материале публикаций в СМИ) [30], экранизации «в зеркале» любительской кинокритики (с использованием материалов анкетирования) [31], специфика использования прецедентных антропонимов

персонажей романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в социальной сети «ВКонтакте» [32].

На заседании секции «Слово в пространстве текста» прозвучали как литературоведческие, так и лингвистические доклады. В.В. Вязовская обратилась к орнитоморфизму антропонимов в рассказе Н.С. Лескова «Белый орел (фантастический рассказ)» [33], М.В. Саратова, Н.А. Федюнина, В.А. Павличенко – к образам Хозяина и Зверушки как отражение (со)зависимых отношений в повести Максима Смирнова «Так говорила Зверушка» [34].

Участниками секции «Мир глазами молодых» стали школьники и иностранные обучающиеся, которые в своих выступлениях обратились к лингвокультуре родных стран, рассказав об их традициях и обычаях, а также о достопримечательностях.

В работе круглого стола, состоявшегося в последний день конференции, приняли участие студенты направления «Журналистика» Воронежского государственного технического университета. Их вниманию было представлено сообщение доктора филологических наук, профессора кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета А.Б. Бушева о визуализации как современном тренде.

Как видим, конференция «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» вносит вклад в развитие науки о языке и культуры, объединяя учёных и экспертов из разных стран и континентов, в результате чего происходит ежегодный обмен мнениями о состоянии и перспективах развития не только современного филологического знания, но и других областей науки, что отражается в многообразии тем представленных докладов.

Итоги конференции освещаются в сборнике научных работ ее участников. VII международная научная конференция «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» состоится в апреле 2026 года.

Библиографический список

1. Бугакова Н.Б., Черных Д.А. Освещение фигуры И. Бродского в СМИ // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 16-18 апреля). Воронеж, 2025. С. 278-281.

2. Верховых Л.Н. Особенности исследования воронежского ономастикона начала XIX века Е.А. Болховитиновым // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 16-18 апреля). Воронеж, 2025. С. 7-11.

3. Скуридина С.А. Исследование ономастикона Л.Н. Толстого в трудах М.С. Альтмана // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 16-18 апреля). Воронеж, 2025. С. 225-228.

4. Бугакова Н.Б. Реальные топонимы в романе А. Платонова «Счастливая Москва» // // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 16-18 апреля). Воронеж, 2025. С. 233-236.

5. Скуридина С.А. Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского. Дисс… доктора филол. наук / Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина. Елец, 2020. 392 с.

6. Бугакова Н.Б. Модель ономастического творчества в индивидуально-авторской картине мира А. Платонова. Дисс… доктора филол. наук / Воронежский государственный технический университет. Воронеж, 2024. 420 с.

7. Верховых Л.Н. Лингвокраеведческая субпарадигма как интегративная модель исследования системы русского языка (на материале воронежского ономастикона). Дисс… доктора филол. наук / Воронежский государственный университет. Воронеж, 2022. 428 с.

8. Попова Е.А. Ономастическое пространство провинциального (липецкого) текста в произведениях А.П. Платонова // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 16-18 апреля). Воронеж, 2025. С. 229-232.

9. Денисова М.А., Абдыев А. Языковая специфика рекламной номинации в русском и туркменском языках // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 16-18 апреля). Воронеж, 2025. С. 82-85.

10. Старцева Е.Д., Кузьминых Е.О. Прецедентные имена в эргономии спортивных заведений г. Воронежа // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 16-18 апреля). Воронеж, 2025. С. 156-160.

11. Воронова Т.А. Перевод обращения как отражение духа эпохи // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 16-18 апреля). Воронеж, 2025. С. 86-88.

12. Котова А.Д., Воронова Т.А. История застройки Воронежа и городская топонимика // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 16-18 апреля). Воронеж, 2025. С. 89-93.

13. Романова Г.В. Построение поэтапного освоения русской лексики студентами-иностранцами при обучении РКИ // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 16-18 апреля). Воронеж, 2025. С. 98-100.

14. Недоступова Л.В. Особенности говора жителей села с «главной дубравой России» // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 16-18 апреля). Воронеж, 2025. С. 101-105.

15. Толкачева А.А., Вохминцева А.В. Эргонимы как способ продвижения учреждений дополнительного образования детей // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 16-18 апреля). Воронеж, 2025. С. 106-111.

16. Сычёва Л.В. Система упражнений по формированию устной и письменной речи учащихся в таджикском учебнике русского языка // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 16-18 апреля). Воронеж, 2025. С. 62-64.

17. Вохминцева А.В. Семантический потенциал лексемы «брат» в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 16-18 апреля). Воронеж, 2025. С. 115-118.

18. Козлова А.А., Попова Ю.С. Специфика публикаций о театре в условиях развития медийных коммуникаций // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 16-18 апреля). Воронеж, 2025. С. 139-142.

19. Кудаева Т.А., Новикова М.В. Стрит-фотография как инструмент документирования и визуализации современного общества // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 16-18 апреля). Воронеж, 2025. С. 143-150.

20. Бугакова Н.Б., Погодина Н.Б. Трансформация роли журналиста в современном обществе // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной на-

учной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 16-18 апреля). Воронеж, 2025. С. 151-155.

21. Титова А.Д., Попова Ю.С. Трансформация суггестивного компонента в женских журналах: на материале жанра обложка // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 16-18 апреля). Воронеж, 2025. С. 161-175.

22. Дедова Е.А., Новикова М.В. Черно-белое фото в современном медиапространстве // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 16-18 апреля). Воронеж, 2025. С. 176-181.

23. Саратова М.В., Деревцова И.А. Специфика жанра тру-крайм в зарубежной медиасистеме // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 16-18 апреля). Воронеж, 2025. С. 182-185.

24. Саратова М.В., Казанцева А.Д. Фотография как средство сохранения памяти в современном культурном процессе // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 16-18 апреля). Воронеж, 2025. С.186-188.

25. Бугакова Н.Б., Карманов Е.М. Этническое развитие и разнообразие в СМИ // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 16-18 апреля). Воронеж, 2025. С. 189-192.

26. Бугакова Н.Б., Клепов М.Д. Информационно-развлекательный формат в подкастах // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 16-18 апреля). Воронеж, 2025. С. 193-197.

27. Саратова М.В., Овсепян Г.А., Рыцарев М.Д. Product Placement в кинематографе // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 16-18 апреля). Воронеж, 2025. С. 198-201.

28. Русявый И.А., Скуридина С.А. Специфика влияния стриминговых платформ на продвижение музыкальных испольнителей // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 16-18 апреля). Воронеж, 2025. С. 202-206.

29. Саратова М.В., Сабинина Д.А. Социальные медиаплатформы как инструмент продвижения музыкального творчества // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 16-18 апреля). Воронеж, 2025. С. 207-211.

30. Гладышева Е.А., Воронова Т.А. Психологический портрет жертвы мошенников (на материале публикаций в СМИ) // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 16-18 апреля). Воронеж, 2025. С. 212-215.

31. Андреева А.А., Кузьминых Е.О. Экранизации «в зеркале» любительской кинокритики (с использованием материалов анкетирования) // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 16-18 апреля). Воронеж, 2025. С. 216-221.

32. Меренкова О.В. Раскольников и другие: специфика использования антропонимов персонажей романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в социальной сети «ВКонтакте» // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 16-18 апреля). Воронеж, 2025. С. 222-224.

33. Вязовская В.В. Орнитоморфизм антропонимов в рассказе Н.С. Лескова «Белый орел (фантастический рассказ)» // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 16-18 апреля). Воронеж, 2025. С. 237-240.

34. Саратова М.В., Федюнина Н.А., Павличенко В.А. Образы Хозяина и Зверушки как отражение (со)зависимых отношений в повести Максима Смирнова «Так говорила Зверушка» // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве» (Воронеж, 16-18 апреля). Воронеж, 2025. С. 265-267.

References

1. Bugakova N.B., Chernykh D.A. Media coverage of I. Brodsky's figure // Linguistic and cultural universals in the global space. Proceedings of the VI International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the Global space" (Voronezh, April 16-18). Voronezh, 2025. Pp. 278-281.

2. Verkhovykh L.N. Features of the Voronezh onomasticon research at the beginning of the 19th century by E.A. Bolkhovitinov // Linguistic and cultural universals in the world space. Proceedings of the VI International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the Global space" (Voronezh, April 16-18). Voronezh, 2025. Pp. 7-11.

3. Skuridina S.A. The study of L.N. Tolstoy's onomasticon in the works of M.S. Altman // Linguocultural universals in the world space. Proceedings of the VI International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the Global space" (Voronezh, April 16-18). Voronezh, 2025. Pp. 225-228.

4. Bugakova N.B. Real toponyms in A. Platonov's novel "Happy Moscow" // // Linguistic and cultural universals in the world space. Proceedings of the VI International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the Global space" (Voronezh, April 16-18). Voronezh, 2025. Pp. 233-236.

5. Skuridina S.A. The Onomastic code of F.M. Dostoevsky's literary texts. Dissertation of the Doctor of Philology / I.A. Bunin Yelets State University. Yelets, 2020. 392 p.

6. Bugakova N.B. The model of onomastic creativity in A. Platonov's individual author's worldview. Dissertation of the Doctor of Philology / Voronezh State Technical University. Voronezh, 2024. 420 p.

7. Verkhovykh L.N. Linguistic sub-paradigm as an integrative model of the Russian language system research (based on the Voronezh Onomasticon). Dissertation of the Doctor of Philology / Voronezh State University. Voronezh, 2022. 428 p.

8. Popova E.A. Onomastic space of the provincial (Lipetsk) text in the works of A.P. Platonov // Linguistic and cultural universals in the world space. Proceedings of the VI International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the Global space" (Voronezh, April 16-18). Voronezh, 2025. Pp. 229-232.

9. Denisova M.A., Abdyev A. Linguistic specifics of the advertising nomination in Russian and Turkmen languages // Linguistic and cultural universals in the global space. Proceedings of the VI International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the Global space" (Voronezh, April 16-18). Voronezh, 2025. Pp. 82-85.

10. Startseva E.D., Kuzminykh E.O. Precedent names in the ergonomics of Voronezh sports institutions // Linguistic and cultural universals in the global space. Proceedings of the VI International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the Global space" (Voronezh, April 16-18). Voronezh, 2025. Pp. 156-160.

11. Voronova T.A. Translation of the address as a reflection of the spirit of the epoch // Linguistic and cultural universals in the world space. Proceedings of the VI International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the Global space" (Voronezh, April 16-18). Voronezh, 2025. Pp. 86-88.

12. Kotova A.D., Voronova T.A. The history of Voronezh development and urban toponymy // Linguistic and cultural universals in the global space. Proceedings of the VI International Scientific Con-

ference "Linguistic and Cultural Universals in the Global space" (Voronezh, April 16-18). Voronezh, 2025. Pp. 89-93.

13. Romanova G.V. The construction of a phased development of Russian vocabulary by foreign students in teaching Russian language and culture // Linguistic and cultural universals in the global space. Proceedings of the VI International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the Global space" (Voronezh, April 16-18). Voronezh, 2025. Pp. 98-100.

14. Nedostupova L.V. Features of the dialect of villagers with the "main oak grove of Russia" // Linguistic and cultural universals in the global space. Proceedings of the VI International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the Global space" (Voronezh, April 16-18). Voronezh, 2025. Pp. 101-105.

15. Tolkacheva A.A., Vokhmintseva A.V. Ergonyms as a way to promote institutions of additional education for children // Linguistic and cultural universals in the global space. Proceedings of the VI International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the Global space" (Voronezh, April 16-18). Voronezh, 2025. Pp. 106-111.

16. Sycheva L.V. A system of exercises for the formation of oral and written speech of students in the Tajik textbook of the Russian language // Linguistic and cultural universals in the global space. Proceedings of the VI International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the Global space" (Voronezh, April 16-18). Voronezh, 2025. Pp. 62-64.

17. Vokhmintseva A.V. The semantic potential of the lexeme "brother" in F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov" // Linguistic and cultural universals in the world space. Proceedings of the VI International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the Global space" (Voronezh, April 16-18). Voronezh, 2025. Pp. 115-118.

18. Kozlova A.A., Popova Yu.S. The specifics of publications about theater in the context of the development of media communications // Linguistic and cultural universals in the global space. Proceedings of the VI International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the Global space" (Voronezh, April 16-18). Voronezh, 2025. Pp. 139-142.

19. Kudaeva T.A., Novikova M.V. Street photography as a tool for documenting and visualizing modern society // Linguistic and cultural universals in the global space. Proceedings of the VI International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the Global space" (Voronezh, April 16-18). Voronezh, 2025. Pp. 143-150.

20. Bugakova N.B., Pogodina N.B. Transformation of the role of a journalist in modern society // Linguistic and cultural universals in the global space. Proceedings of the VI International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the Global space" (Voronezh, April 16-18). Voronezh, 2025. Pp. 151-155.

21. Titova A.D., Popova Yu.S. Transformation of the suggestive component in women's magazines: based on the cover genre // Linguistic and cultural universals in the global space. Proceedings of the VI International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the Global space" (Voronezh, April 16-18). Voronezh, 2025. Pp. 161-175.

22. Dedova E.A., Novikova M.V. Black and white photography in the modern media space // Linguistic and cultural universals in the global space. Proceedings of the VI International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the Global space" (Voronezh, April 16-18). Voronezh, 2025. Pp. 176-181.

23. Saratova M.V., Derevtsova I.A. The specificity of the genre of writing in the foreign media system // Linguistic and cultural universals in the global space. Proceedings of the VI International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the Global space" (Voronezh, April 16-18). Voronezh, 2025. Pp. 182-185.

24. Saratova M.V., Kazantseva A.D. Photography as a means of preserving memory in the modern cultural process // Linguistic and cultural universals in the global space. Proceedings of the VI International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the Global space" (Voronezh, April 16-18). Voronezh, 2025. Pp. 186-188.

25. Bugakova N.B., Karmanov E.M. Ethnic development and diversity in the media // Linguistic and cultural universals in the global space. Proceedings of the VI International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the Global space" (Voronezh, April 16-18). Voronezh, 2025. Pp. 189-192.

26. Bugakova N.B., Klepov M.D. Information and entertainment format in podcasts // Linguistic and cultural universals in the global space. Proceedings of the VI International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the Global space" (Voronezh, April 16-18). Voronezh, 2025. Pp. 193-197.

27. Saratova M.V., Ovsepyan G.A., Knyazarev M.D. Product Placement in cinematography // Linguistic and cultural universals in the global space. Proceedings of the VI International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the Global space" (Voronezh, April 16-18). Voronezh, 2025. Pp. 198-201.

28. Rusyavy I.A., Skuridina S.A. The specifics of the influence of streaming platforms on the promotion of musical artists // Linguistic and cultural universals in the global space. Proceedings of the VI International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the Global space" (Voronezh, April 16-18). Voronezh, 2025. Pp. 202-206.

29. Saratova M.V., Sabinina D.A. Social media platforms as a tool for promoting musical creativity // Linguistic and cultural universals in the global space. Proceedings of the VI International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the Global space" (Voronezh, April 16-18). Voronezh, 2025. Pp. 207-211.

30. Gladysheva E.A., Voronova T.A. Psychological portrait of a victim of fraud (based on publications in the media) // Linguistic and cultural universals in the global space. Proceedings of the VI International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the Global space" (Voronezh, April 16-18). Voronezh, 2025. Pp. 212-215.

31. Andreeva A.A., Kuzminykh E.O. Film adaptations of "in the mirror" of amateur film criticism (using survey materials) // Linguistic and cultural universals in the global space. Proceedings of the VI International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the Global space" (Voronezh, April 16-18). Voronezh, 2025. Pp. 216-221.

32. Merenkova O.V. Raskolnikov and others: the specifics of using anthroponyms of characters in F.M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" in the social network VKontakte // Linguistic and cultural universals in the global space. Proceedings of the VI International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the Global space" (Voronezh, April 16-18). Voronezh, 2025. Pp. 222-224.

33. Vyazovskaya V.V. Ornithomorphism of anthroponyms in N.S. Leskov's short story "The White Eagle (a fantastic story)" // Linguistic and cultural universals in the world space. Proceedings of the VI International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the Global space" (Voronezh, April 16-18). Voronezh, 2025. Pp. 237-240.

34. Saratova M.V., Fedyunina N.A., Pavlichenko V.A. Images of the Owner and the Little Animal as a reflection of (co)dependent relationships in Maxim Smirnov's novel "That's how the Little Animal Spoke" // Linguistic and cultural universals in the world space. Proceedings of the VI International Scientific Conference "Linguistic and Cultural Universals in the Global space" (Voronezh, April 16-18). Voronezh, 2025. Pp. 265-267.

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Статья должна включать:

1) УДК;

2) сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт TimesNewRoman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;

3) инициалы и фамилии авторов (шрифт TimesNewRoman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);

4) название статьи на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);

5) аннотацию (200–250 слов) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);

6) ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);

7) основной текст (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);

8) библиографический список на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе CorelDraw либо в любом из графических приложений MSOffice. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются **в квадратные скобки [1; с. 54–67], [2; т. 3, с. 4–6]** с указанием страниц**.**

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять библиографический список необходимо в порядке упоминания работ в тексте статьи по ГОСТ Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это краткое содержание статьи. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

Пример оформления статьи

УДК 811.161.1

Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова
кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск,
тел.+7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Institute of Humanities of Northern (Arctic) FederalUniversity named after M.V. Lomonosov
The department of linguistics
PhD, senior lecturer
Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk,
tel.+7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег… (200-250 слов).

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, признаки образа, … .

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow.

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, … .

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небесполуночной страны* [1]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания его современники и исследователи творчества, в т. ч. Л.Я. Гинзбург [2].

Текст, текст, текст…….

Библиографический список

1. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/ (дата обращения – 15.05.2019).
2. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.

References

1. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin’s works. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/ (accessed – 15.05.2019).
2. Ginzburg L.Y. About lyrics.M., 1997. 415 p.

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

№ 2 (57) 2025

Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год

Дата выхода в свет: 30.06.2025. Формат 60х84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 27,6. Усл. печ. л. 28,1. Тираж 28 экз. Заказ № 185
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84